

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Томский государственный педагогический университет

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
Институт развития образовательных систем

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт философии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ МЕДИЦИНСКИХ НАУК
Томский научный центр РАМН

**Сборник трудов
Всероссийской научной конференции
с международным участием**

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Серия: Системы и модели: границы интерпретаций

12–15 июня 2008 г.

Том 1

Часть 1

Томск 2008

ББК 18
К 65

К 65   **Конструирование человека:** Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Томск, 12–15 июня 2008 г.): В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. 312 с. (Серия: Системы и модели: границы интерпретаций.)

ISBN 978-5-89428-270-1

Сборник включает статьи участников конференции, целью которой было обсуждение междисциплинарных проблем воздействия на человека новых технологий информационного общества. Это научное мероприятие организовано вслед за конференциями «Антропологические основания биоэтики» (Томск, октябрь 2006 г.), «Конструирование человека» (Томск, июнь 2007 г.) и продолжает обсуждение различных аспектов этических ограничений модификаций человека. На представляемой конференции была акцентирована проблема, возникающая при подмене свободно избираемых устремлений личности искусственными форматами целей. Эти форматы в настоящее время активно тиражируются в коммуникационном пространстве. В рамках конференции обсуждались конкретные исследования в области биоэтики, информационных технологий, культурологии, педагогики, психологии и философской антропологии, касающиеся обозначения пределов конструирования человека.

Тексты докладов публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия: Р.Г. Апресян, В.А. Дмитриенко, Г.И.Зверева, В.Г. Кузнецов, В.А. Лекторский, В.М. Розин, Б.Г. Юдин

**Главный редактор
и автор проекта:**
**«Системы и модели:
границы интерпретаций»**   И.В. Мелик-Гайказян

Публикуется при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 08-06-06040-г)

ISBN 978-5-89428-270-1

© Издательство ТГПУ, 2008
© Коллектив авторов, 2008
© И.В. Мелик-Гайказян,
составитель серии, 2008

КРУГ ПРОБЛЕМ

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА: ВОЗМОЖНОСТИ БЛАГОТВОРНОЙ ЭКСПАНСИИ

Р.Г. Апресян, Москва, Россия

Этико-прикладной дискурс все более расширяется. Уже и у нас, как и во многих других странах, слово «этика» все чаще ассоциируется у образованного человека с какой-нибудь прикладной проблематикой (как правило, биоэтической), чем именно с философской этикой. Появляющиеся учебники по разным прикладным этикам, несомненно, будут только усиливать эту тенденцию. И в высшем образовании сокращающиеся в количестве и в объеме курсы этики принимают более приближенный к прикладной проблематике вид. Тем не менее, научный, теоретический, методологический статус прикладной этики остается непроясненным. Для преодоления этой ситуации необходимы междисциплинарные¹ этико-прикладные обобщения, к которым, как мне кажется, мы не вполне готовы. Не готовы этики-философы, редко имеющие собственный опыт продвинутых этико-прикладных разработок, тем более одновременно в разных областях; не готовы и этики-прикладники, не всегда достаточно хорошо знакомые с традициями классической этики и чувствующие ее дух.

Однако хотя опыт как самих исследований в этой области, так и их метатеоретической рефлексии и ограничен, он достаточен, чтобы высказать некоторые соображения относительно прикладной этики в целом.

Как я уже писал, под прикладной этикой я понимаю область исследований², причем именно исследовательскую область, теорию (в широком смысле этого слова как систематизированное знание, вскрывающее природу феномена, являющегося его предметом), научную дисциплину. Соответственно, я не разделяю мнения, что прикладная этика – это *еще* и сфера моральной практики.

Прикладная этика – это область знания, предметом которой является императивно-ценностное содержание конкретных (профессионально и предметно определенных) видов деятельности, точнее, тех отношений, в которые вступают люди, осуществляя различные конкретные виды деятельности, ее этос, ее этический режим (когда он есть), а также те социокультурные условия, в которых эта деятельность осуществляется, и те социальные устройства и механизмы, посредством

---

¹ Под междисциплинарностью здесь имеются в виду связи между различными этико-прикладными дисциплинами.

² Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику // Ведомости НИИПЭ. Вып. 25: Профессиональная этика / Под ред. В.И. Бакштановского и Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИПЭ, 2004. С. 160–181.

которых обеспечивается действенность этического режима. Я согласен с В.И.Бакштановским и Ю.В.Согомоновым в той части, когда они под прикладной этикой имеют в виду знание, получаемое и развиваемое на основе «прикладных исследований и разработок» и «не выводимое непосредственно из морально-философского теоретизирования»; и я не согласен с тем, что прикладная этика – это еще и «нормативно-ценностную подсистема... – продукт конкретизации морали»¹. Прикладная этика – это один из разделов, условно говоря, этического знания вообще, наряду с философской и нормативной этикой. Не уверен, что этика, в самом деле, так композиционно устроена. Но, принимая во внимание сложившееся понимание структуры этики и имеющее не более чем дидактический смысл, я пытаюсь показать возможное место прикладной этики. Точнее было бы говорить о разных аспектах этических исследований. Конечно, встречаются работы «чисто» этико-прикладные, а гораздо чаще «чисто» философские. В идеале же никакое серьезное этико-прикладное исследование немислимо без философской базы, т.е. без определенного, внятного, обоснованного представления о морали, к тому же в ее проекциях к человеку, обществу, культуре, принятию решений, а также с пониманием тех способов и форм, посредством которых она реализуется. С другой стороны, и этико-философское понятие морали должно верифицироваться в контексте тех или иных коммуникативных и социальных практик. А без этого они немногого стоят.

Правда, работы, в которых дело именно так и обстоит, пока встречаются нечасто. Объясняется тем, что этико-прикладные исследования развиваются бурно, и в основном не «традиционными» теоретиками морали. Когда же этико-прикладные вопросы затрагиваются специалистами в области традиционной этики, мы, скорее, имеем иллюстрации общих положений или приложение общих положений к пониманию особенных практик, или выстраивание «теорий среднего уровня». А когда речь идет о нравственно-критическом осмыслении этих практик, анализе их нормативно-ценностных предпосылок и этической рационализации, редко общие положения оказываются задействованными по существу. Думаю, это временное положение, и с развитием этико-прикладных исследований будет происходить подстройка философской этики к ним, их большее и большее слияние.

В этом смысле, мнение, высказывавшееся А.А. Гусейновым, а также другими, относительно того, что прикладная этика является современной

---

¹ Апресян Р.Г. Указ. соч. С. 120.

формой развития этики, следует признать справедливым. Это так относительно к тому, что он связывает прикладную этику с особыми родами проблемами, которые он называет «открытыми проблемами»; ведь и прежде мораль, моральная практика не были однозначными, моральное мышление – одномерным, а все этические проблемы – «закрытыми». Появление прикладной этики в ее нынешней форме знаменует современный этап развития этики в особенном смысле. Дело обстоит таким образом, что прикладная этика приходит на смену некоему, распространенному ранее типу этики, как в истории этики, если воспользоваться типологической периодизацией А.А. Гусейнова, на смену этике добродетели (доминировавшей в античности) приходит этика закона (доминировавшая в Средневековье), которая в свою очередь уступает место этике личности (Нового времени). Все разновидности классической этики были этиками идеала, этиками философски «чистого» представления о морали, этиками, обращенными к совершенству личности, этиками Пути и т.д. Исключение составляли лишь те теории – не этики, а философские теории морали, – которые изначально развивались как критика морали. Современная теория морали развивается уже как прикладная этика, в форме прикладных этик, через прикладные этики. Современная этика меняет свое отношение к моральной практике, проявляя заинтересованное внимание к «действующей морали», к реальной моральной практике, к моральным дилеммам и контroversиям во всей их неоднозначности.

Все еще наблюдающаяся среди традиционных теоретиков морали растерянность от появления прикладной этики обусловлена крепостью сохраняющихся в традиционной моральной философии позиций *этического абсолютизма* – с его приверженностью утвержденной однозначности, безусловности и всеобщности моральных принципов, непререкаемости их вменения, недопустимости индивидуальной свободы в способе, характере и форме их исполнения и т.д., и, как следствие, с его нечувствительностью к моральной реальности, к моральному опыту конкретного человека. Предположение о некоей специфичности прикладной этики как таковой, в отличие от философской этики, отражает явную или неявную установку на сбережение абсолютизма в этике. У абсолютизма есть свои несомненные заслуги перед этикой. Именно на основе традиций абсолютизма оказалось возможным выявить феномен морали в его чистоте, сформулировать специальное понятие морали и вычленив логику морального мышления, отделив его от прагматизма и пруденциализма (во всех его разновидностях).

Допускаю, что каждый студент в моральной философии должен пройти выучку в абсолютизме, как каждый начинающий художник в своем обучении проходит через студию рисунка. Однако следующим шагом в этической подготовке должен стать *практикум*. В противном случае выпускники кафедр этики остаются историками этики, оформителями понятий морали, блюстителями методологий, но не становятся исследователями морали. Я не случайно касаюсь по ходу дела образовательно-философского аспекта проблемы. Для философских работников, получивших традиционное образование, вхождение в этико-прикладную проблематику требует преодоления философско-дисциплинарного «шовинизма», или предвзятости, инерции факультетски-ограниченного восприятия частных и конкретных исследований как «позитивистских», не имеющих значимого теоретического философского смысла.

Не только и не столько представители традиционной философской этики консервируют разрыв между философской этикой и прикладными этиками. Вызывает серьезное опасение и та общая тенденция, что разные направления прикладной этики, развиваемые, главным образом, специалистами в соответствующих конкретных дисциплинах и видах деятельности, оказываются оторванными от философско-этических и нормативно-этических традиций и в этом смысле часто безосновными. В первую очередь это проявляется на уровне преподавателей, популяризаторов и «полевых работников» прикладной этики.

Толчком к обновлению модальности этического мышления стали перемены в порядке самой общественной жизни и моральной практике, в характере расклада групповых интересов, в способах и характере их реализации. Появление прикладной этики, точнее трансформация этики в форму прикладной этики стали ответом на общественную озабоченность по поводу тревожных и опасных тенденций в тех или иных сферах общественной жизни, их возможных негативных эффектов и как понимание того, что эти тенденции невозможно преодолеть без осознания людьми, действующими в этих сферах, своей моральной ответственности за складывающееся положение дел. В более широком плане прикладные этики формировались в результате интеллектуального и кросс-дисциплинарного освоения глубоких изменений в социально-нравственном опыте, нравственной практике и нравственных требованиях современного, точнее, пост-модерного («постсовременного») общества – демократического общества, общества с многообразием моделей социального поведения, поликультурного общества. В недемократическом (традиционном, деспотическом или авторитарном)

обществе прикладные этики могут развиваться вследствие международной миграции идей, безмерно усилившейся с развитием информационных технологий, однако по большому счету, в той мере, в какой в недемократическом обществе и моральная практика носит традиционный характер (т.е. опирается на семью, религиозные и какие-либо иные общины, другие контролируемые властью малые сообщества), прикладным этикам в них нет особенного места.

Понятно, что общественная озабоченность по поводу каких-то проблем, связанных с определенными видами деятельности, оказывается причиной для специальной этической – философской и нормативной – рефлексии относительно этих проблем, перерастающей затем в теоретические обобщения. Не исключено, что эта рефлексия (не говорю о теоретических обобщениях) лучше дается тем, чья компетентность в соответствующих практических областях выше. Распространенное мнение относительно того, что общие этические положения прикладываются к частным проблемам, не случайно: проблемы, которые связаны с трудностями и рисками, порождаемыми предметно определенными, т.е. частными общественными практиками, становятся объектом фокусировки общих, т.е. сформулированных абстрактно и, безусловно, этических принципов. Однако не исключено, что это всего лишь видимость, и «общая» этика не прилагается к частным проблемам, а продолжается и развивается в осмыслении их. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов прямо указывают на необходимость понимания происходящих перемен как «(до)развития морали»¹. И они вводят эту гипотезу в соответствующем контексте, предполагая, что мораль развивается в преобразованиях, имеющих место в возникающих нормативно-ценностных подсистемах, в формировании «особого типа, сферы, состояния морали»². Проверка гипотез такого рода возможна в анализе конкретного метатеоретического опыта этико-прикладных исследований, и в общих теоретических рассуждениях на эту тему опыт такого рода должен быть отчетливо отражен. На уровне же общих, не верифицированных на основе анализа такого опыта предположений можно – всерьез принимая во внимание, что этика как таковая развивается стезей прикладной этики – допустить и другое, а именно то, что в ходе осмысления частных социальных практик обогащается и изменяется понятие морали, как в функциональных, так и содержательных определенностях последней. На примере экологической этики

¹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИПЭ ТюмГНГУ, 2006. С. 131.

² Там же.

хорошо видно, как может развиваться прикладная этика. Экологическая этика, конечно, развивается на древе экологии. Но экология в этом случае как бы прививается от древа этики (философской и нормативной). Без такого «скрещивания» экологическая этика просто невозможна, а все более и более продвигается она на самостоятельной дисциплинарной почве, и чем дальше, тем больше требует специального осмысления как от этиков, так и от экологов. Формирование экологической этики тем сложнее, чем ветвистее предстает сама экология во всем своем дисциплинарном разнообразии, от, скажем, глобальной или функциональной экологии до экологической токсикологии или реставрационной экологии, представители которых чаще всего нередко осведомлены в проблематике и методологии не «своих» экологических дисциплин лишь на общем уровне. Этическое рассуждение может локализовываться специфическим образом по отношению к предмету каждой из экологических дисциплин. При этом в той мере, в какой этико-экологическое рассуждение не предопределено целиком экологической предметностью, эти локализации оказываются, в результате, менее специальными, чем сами частные экологические дисциплины, тем более, что конституирование предмета этико-экологического рассуждения и исследования в значительной степени опосредовано опытом анализа этических проблем и решения социально-нравственных задач. Как со стороны философов, так и со стороны экологов необходимо преодоление дисциплинарного «шовинизма» – во избежание предвзятости, упрощений, явной и неявной морализации.

Свое понимание трансформации морали в эпоху, затребовавшей прикладные этики, и этики, обогащающейся прикладной этикой, предложили В.И.Бакштановский и Ю.В.Согомонов, раскрыв его на материале различных прикладных этик. Прикладная этика, считают они, знаменует и представляет собой «конкретизацию морали», феномен которой лежит в основе формирования «нормативно-ценностных подсистем общественной морали». Это с одной стороны. С другой стороны, прикладная этика представляет собой *теорию* конкретизации морали¹. Не разделяя, как было выше сказано, точки зрения на прикладную этику как нормативно-ценностную подсистему, я готов солидаризироваться с пониманием прикладной этики, согласно которому, ее предметом является мораль в *каких-то* особенных своих проявлениях. Другой

---

¹ Понятно, что в естественном языке слова «мораль» и «этика» нередко выступают синонимами; и в специальной литературе словом «этика» обозначаются рационализированные, кодифицированные, выделенные «мировоззренческие» сегменты морали. В строгом теоретическом рассуждении об этике и морали такого «живого» терминологического смешения следует избегать.

вопрос, в каких. Опасность ухода этики от морали, действительно, существует. Однако этика должна отказаться от своих традиционных приверженностей, от изоляционизма, она должна повернуться лицом к практике.

Существенным показателем прикладного характера знания, и это полностью и с определенными спецификациями касается прикладной этики, является использование методологии *ситуационного анализа*. Соответственно показателем действительной вовлеченности исследователя в конкретную область прикладной этики является собственный опыт ситуационного анализа. Он может быть предметно различным. Это может быть анализ: а) конкретной ситуации как случая, б) положения дел в некоей профессиональной области или области предметно-определенной деятельности, в) наличных (или планирующихся) политических стратегий, г) существующего частно-профессионального или предметно-определенного *этоса*, д) практикуемой в некоей профессиональной области или области предметно-определенной деятельности нормативности (как совокупность принципов и правил) и способов обеспечения ее действенности. Не уверен, что ситуационный анализ является исключительным признаком прикладной этики. Например, известные кантовские примеры на сюжеты лжи представляют собой самые настоящие «кейсы», правда, рассматриваемые как казусы. Прикладная этика направляется на анализ (исследовательский или учебный) реальных ситуаций, а также на экспертный анализ ситуаций. Предметом ситуационного анализа в прикладной этике становятся частные и специальные социальные практики, в особенности связанные с профессиями и предметно-определенными видами деятельности.

При этом надо иметь в виду, что не всякая философская этика подлежит преобразованию и адаптации в прикладную этику. Можно сказать, метафизические концепции изначально не подлежат приложения. Так же и строго функционалистские концепции не переложимы на язык практических задач. Наиболее характерна в этом плане философия морали Канта, которая, с одной стороны, позволяла ему легко рекомендовать смертную казнь, совершаемую даже по формальным, ритуально-правовым мотивам, а с другой – допускать предательство друга, которому грозит бесчинное убийство, если ценой его спасения должно стать введение его преследователей в заблуждение путем сообщения им ложной информации. Пример моральной философии Канта показывает, что проблема связана не с этикой вообще, а с особыми

версиями философской этики, получившими доминирующее развитие в Новое время. Абсолютистские, формалистские, ригористически-императивистские теории разрабатывались в озабоченности не столько проблемами общественной жизни, межлических отношений и поведением человека в конкретных ситуациях морального выбора, сколько проблемами чистоты мысли о морали, безукоризненности философских аргументов и выводов. Последнее исключительно важно для этики. Но, тем не менее, недостаточно для понимания морали в определенности ее практических воплощений.

Для адекватного понимания прикладной этики нам надо поменять свой взгляд на философскую этику. Ее образцом для нас по-прежнему выступает моральная философия Канта, а шире, та моральная философия, которая сформировалась в Новое время. При этом Шопенгауэр как критик этики Канта или Милль как оппонент Канта нам плохо известны и мало понятны. Даже Ницше, уже, кажется, хорошо известный, не далеко не всегда воспринимается нами в своей разрушительной по отношению к Канту и новоевропейской моральной философии силе. В XX веке происходят существенные изменения в самой философской этике – в противовес метаэтике как этике лингвистического анализа, которая в западном философском мышлении воспринимается как позднейшая версия кантианства. Постутилитаристская этика Дж.Ролза, этика заботы, этика добродетели, феминистская этика бросают абсолютистским этикам вызов не меньший, чем прикладная этика, но для большинства отечественных философских этиков все они гораздо менее актуальны, чем Кант.

Концепция, предложенная В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым, согласно которой предметом прикладной этики является конкретизация морали, происходящая в нормативно-ценностных подсистемах, представляет теоретический интерес и заслуживает внимания. Говоря о конкретизации морали как предмете прикладной этики, они выступают против упрощенного понимания прикладной этики как процесса (и результата) приложения общих этических положений и моральных представлений к частным проблемам. В процессе конкретизации, считают они, происходит развитие содержания и формы морали, причем по разным направлениям. Конкретизация морали протекает естественным образом, в ответ на естественно возникающие общественные потребности. Вместе с тем, она не может не оказываться предметом внимания социальных институтов, исследователей и проектантов, которые каким-то образом включаются в процесс

конкретизации морали и тем самым делают этот процесс зависимым от своего интереса. При этом эти авторы специально делают несколько важных пояснений. Так, конкретизация морали осуществляется не в порядке дополнения морали и санкционирования исключений из общих правил. Она опосредована «переводом *идеально-должного* (вниманием к нему обычно довольствуется формальный анализ) в *реально-должное*, которое оперирует не абстрактными... представлениями о долге и ответственности, а такими представлениями, которые сформированы с требованиями локального, релятивного времени и пространства и поэтому отчасти утрачивающими свой изначальный универсализм»¹. В нормативно-ценностных подсистемах возникают «синтезы двоякого рода»: институциональных и безинституциональных регулятивов, моральных (по своему происхождению) и неморальных. В профессиональных этиках поведение регулируется не только нормой, но и призванием профессионала.

Например, каким образом конкретизируются самые общие и фундаментальные из содержательно определенных моральных принципов – «Не убий» или «Не лги»? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны отдавать себе отчет, что понимаем эти принципы в их «общем» значении. Ведь, скажем, «Не убий» мы воспринимаем, с одной стороны и, как правило, через призму абсолютистских кодексов и теорий, при том, что, с другой – на протяжении всей истории человечества существовали государственные и общественные институты самообороны (не говоря об армии, органах правопорядка, спецслужбах, системах наказаний), функционирование которых – успешное и благотворное для обществ и их членов – было немислимо без обоснованно признаваемого права убивать. Накапливаемый социальный и нравственный опыт деятельности таких институтов и его этической рефлексии выражался в установлении правил, т.е. ограничений на применение этого права *легитимного прекращения жизни* в отношении тех, кто рассматривался в качестве угрозы для (со)общества. Характерный пример такой рефлексии дает трактат Г.Гроция «О праве войны и мира», в котором право войны, т.е. насилия, оправдывалось лишь правом на мир. Следует ли вводимые ограничения на применение силы рассматривать как проявление конкретизации общих правил? Или на эту нормативную работу можно посмотреть и по-другому: анализ конкретных общественных практик ведет к переосмыслению самих общих принципов, формулируемых сначала абстрактно, отвлеченно, в абсолютистской

¹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИПЭ ТюмГНГУ, 2006. С. 132–133.

модальности и вследствие этого имеющих не адаптивную к практике форму. Прикладная этика или философская этика говорит политику, солдату, полицейскому, судье и т.д.: у вас, конечно, есть исключительное право лишать преступников и врагов общества жизни, но это право воплощено в правилах, за рамки которых выходить нельзя; нельзя превращать оборону отечества, защиту правопорядка и охрану государства в повод для хомицида?

Прикладная этика развивается не столько в ответ на потребности профессий и корпорации (корпорации и профессии всегда сами легко справлялись со своими внутренними проблемами), сколько в ответ на общественную озабоченность по поводу социально-нравственных проблем, возникающих в связи с партикулярным развитием профессий, корпораций, организаций, частных видов социальной активности, таких трансформаций в них, которые могут представлять угрозу *общему благу*. Конечно, и внутри профессий, корпораций, организаций могут возникать внутренние нормативные проблемы, обусловленные возможным недобросовестным исполнением профессиональных и служебных обязанностей, порочащих достоинство профессии, корпорации или организации. И эти проблемы для общества тоже очень важны. Но общество – в лице разных своих агентов – гораздо более обостренно воспринимает проблемы иного рода, связанные, с одной стороны, с соблюдением прав человека в профессии, корпорации, организации и, с другой стороны, с обеспечением *общего блага*: функционирование профессии, корпорации или организации должны содействовать общему благу (понимание общего блага – предмет и продукт публичного дискурса); причем это относится как непосредственным, так и к косвенным эффектам деятельности профессии, корпорации или организации.

Со специализацией и партикуляризацией разных сфер социальной деятельности происходит не столько *конкретизация морали*, сколько «*моральная генерализация*» обособленных видов деятельности. Общество заинтересовано в моральном контроле над специализированными обособленными видами деятельности. Этот контроль осуществляется как извне – с помощью средств массовой информации, общественных организаций, так и изнутри – посредством вменения моральной ответственности индивидуальным участникам этой деятельности и посредством вменения кодексов профессиональной, корпоративной, организационной этики коллективным субъектам.

В процессе этического осмысления специальных видов деятельности, действительно, формулируются новые принципы. Теоретический

и нормативный опыт осмысления таких принципов – взять, к примеру, принципы информированного согласия или принцип предосторожности – позволяет обоснованно допустить, что они являются значимыми и уместными не только для той специальной области активности, в ходе этической рефлексии которой они были сформулированы, и являются не только потенциально распространяемыми на другие области практики, но и ассимилируются общими представлениями о морали, соответственно, разумеется, меняя их.

Возможность последнего предъявляет особые требования не столько даже к прикладной этике, сколько к традиционной, все еще неоправданно именуемой «философской» или «теоретической», и которую точнее следовало бы называть «общей этикой». Это требования метатеоретического характера, направленные на верификацию с общеэтических позиций тех изменений в понимании морали, которые провоцируются и стимулируются передовыми этико-прикладными разработками.

ТЕХНОБИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Д.Х. Булатов, Калининград, Россия

1. История искусства XX века являет нам целый ряд примеров художественных направлений, возникших в условиях так называемых «пределов сложности». Под «пределом сложности» я понимаю такое состояние технической и социо-культурной среды человека, которое характеризуется отсутствием или недостаточной развитостью в ней гуманитарных технологий. В этом случае культура не успевает адаптировать к человеку возникающие технические новшества, и техническая периферия начинает развиваться хаотическим образом. Для устранения подобного рассогласования человека и техносферы требуется усиление гуманитарных технологий и возвращение принципа их соответствия технологиям физическим.

2. В такие моменты «пределов сложности», пытаюсь «согласовать» между собой уровни развития гуманитарных и физических технологий, художники каждый раз были вынуждены уделять особое внимание материальной основе своих художественных произведений. Их интерес привлекали не только и не столько конструкция и композиция (т.е. формальная сторона) предметно-изобразительного знака, сколько собственно технический механизм функционирования изображения (его физическая технология). Именно изменение механизма

изображения всегда делало возможным появление новой физики изображения и в результате – появление новых моделей, порождающих новые смыслы и толкования структурной переизбыточности системы. И модернистское искусство, явившееся реакцией на машинную промышленную революцию, и искусство второй модернизации (постмодерн), порожденное постиндустриальной компьютерно-информационной революцией, в равной степени напрямую зависели от технических изменений в работе механизма изображения.

3. В целом необходимо отметить: главным признаком, свидетельствующим о завершении определенного исторического периода, является возникновение мощных тенденций перехода системы на более сложный уровень, тенденций, в принципе несовместимых с основными структурами этого периода. Встраивание этих трендов в реальность неизменно вызывает системную катастрофу с последующим переходом всей среды к новой фазе развития. Как говорил Джон фон Нейман, «всякое развитие системы происходит в той ситуации, когда она оказывается на грани катастрофы».

4. Эта характеристика применима к нынешнему состоянию технической и социо-культурной сферы человека. Введем определение: под Третьей модернизацией нами понимается очередной этап в становлении социально-экономического и культурного проекта модерна, который формируется в условиях *радикализации* и *избыточности* технологического и научного прогресса. В настоящее время процесс Третьей модернизации обеспечивается сразу двумя долгосрочными тенденциями, в равной мере являющимися собой структурную революцию как в социально-экономической области, так и в области психофизической организации человека.

5. Во-первых, это продолжающаяся революция в информатике, позволяющая уже сейчас оперировать громадными массивами данных и выдвинувшая на первое место интеллектуальное производство, что приводит к чрезвычайно быстрому и постоянному обновлению техносферы, а также «мгновенной», с точки зрения обыденного сознания, смене социальных и экономических конфигураций. Радикализация, характеризующая этот процесс, хорошо иллюстрируются не только приложениями закона Мура об экспоненциальном росте вычислительных мощностей, но и сменой технологических парадигм, обеспечивающих его. Перечень таких парадигм на примере пяти поколений счетных устройств приводит Рэй Курцвайль: электромеханика, релейная техника, электронные лампы, транзисторы, интегральные схемы и т.д. Каждый

раз, когда очередная парадигма вырабатывает свой потенциал, ей на смену приходит другая, начиная с того места, где «выдыхается» ее предшественница. Так, если в начале XX века человечество удваивало вычислительные мощности каждые три года, то в начале XXI века оно удваивает их ежегодно. Уровнем избыточности в этой области (а также в целом ряде других областей) можно назвать переход к нанотехнологиям, оперирующим принципиально новыми свойствами структур, которые находятся на грани слияния между наименьшими из сделанных человеком устройств и наибольшими молекулами живых организмов.

6. Во-вторых, это революция в биологии, порождающая методами биомедицинских технологий (генная инженерия, имплантология, инженерия стволовых клеток, клонирование и т.д.) пластичность самого вида «человека разумного». Эволюционный потенциал, заложенный в этом тренде, обеспечивает не только отрыв современного человека от некоторых присущих ему изначально биологических свойств, но и приобретение им качеств «нечеловеческого» характера и, как следствие, – изменение самого антропоморфного облика цивилизации. Эта тенденция радикализуется за счет практического освоения человеком перехода от про-креативной позиции в порождении себе подобных (и других живых существ), в которой еще сохранялась зона игры стихийных сил природы, к рационально контролируемому технобиологическому производству. Что касается избыточности этого тренда, то ее можно охарактеризовать не только через возрастание скорости эволюции технобиологических особей, минующих естественный отбор в экосистеме, но и через «качественное» изменение самого понятия эволюции. «Новая» биология будет вынуждена оценивать развитие новых сущностей по их экономическому, а не эволюционному успеху.

7. Несмотря на неизбежный в эволюционном плане и «позитивный» в плане историческом характер начинающегося ароморфоза (т.е. перехода системы на более сложный уровень), оба этих долгосрочных тренда, и информационный и биологический, в равной степени являются катастрофическими. Хотя бы потому, что с позиции того же «обыденного» сознания несут практическую системную новизну, несовместимую с реалиями вчерашнего дня. Для устранения подобного дисбаланса система нуждается в усилении гуманитарных технологий, которое сопровождается активным моделированием теряющих системные свойства технологий физических.

8. Именно в качестве таких моделей в области современного искусства и появляются художественные произведения, полученные при помощи биомедицинских и информационных технологий. Для того чтобы охарактеризовать их, воспользуемся следующим «стилевым» определением. *Под Третьим Модерном мы понимаем совокупное название художественных тенденций, в которых провозглашаются новые конструктивные подходы, уплотняющие качественные и количественные характеристики артефактов посредством организации, моделирования или учета влияния метаболических процессов.* В биологии под метаболизмом, как известно, подразумевается обмен веществом, энергией и информацией. Когда мы отмечаем, что главным системным требованием Третьего модерна является метаболизм художественных произведений, мы тем самым говорим о *необходимости обеспечения овеществленных артефактов свойствами роста, изменчивости, автосохранения и репродуктивности.* Все эти качества метабол помогают перейти от наблюдения дискретных объектов в дискретном пространстве к описанию материализованных динамических систем в пространстве отношений.

9. Обратим внимание на фундаментальное отличие технобиологических произведений от биологических организмов. Основным критерием, по которому мы выделяем биологический организм, является наличие у него информации о самовоспроизводстве, существующей в генотипе неотделимо от особи. Как известно, это позволяет биологическим организмам эволюционировать с низкой скоростью, которая задается «слепым» характером межвидового информационного (естественного) отбора. Характер отбора в данном случае определяется отсутствием разумного агента, а его скорость задается физической неотделимостью генотипа (информацией о виде) от особи.

10. Технобиологическое произведение сочетает в себе признаки, как живого организма, так и технического изделия. Это означает, что с одной стороны произведение обладает информацией о самовоспроизводстве, заложенной в его генотипе, а с другой – имеет «генетическую» информацию, которая физически от него отделена и существует в виде документа. Совокупность этих свойств подразумевает собой многомерность и междисциплинарность художественных подходов, которые ранее, в контексте предыдущих этапов истории искусства, были попросту невозможны:

- взаимодействие с *живым как техническим* (вариативность) позволяет осуществлять элементарный акт отбора технобиологического

произведения на уровне документации (на информационном уровне без физического воплощения).

- работа с *техническим как с живым* (ответственность) формирует определенное морально-этическое отношение к технологической особи, приспособлявая человека к ней, как к живой сущности.
- наконец, *интерпретационная работа* (причастность) заключается во встраивании этой сущности в определенную социальную конструкцию посредством рассказа о происхождении сотворенной автором «жизни».

11. Касаясь последнего технобиологического проекта «Extra Ear» австралийского художника Стеларка, заключающегося во вживлении третьего уха, выращенного из стволовых клеток художника, в свое тело, я хотел бы отметить следующее. Сегодня одной из возможных стратегий художников является изыскание не того, что искусство *тоже* может (в смысле hi-tech), но того, что *может только оно*. Это выражается в перенесении акцента своей деятельности с производства художественного продукта на исследование *условий порождения* произведений искусства. В результате такого подхода художественное произведение должно сначала потерпеть неудачу, чтобы затем быть эстетизированным, должно утратить технологическую ценность, чтобы в дальнейшем получить ценность художественную. Сознательная незавершенность проекта Стеларка на уровне идеи с научной точки зрения (ухо не слышит) говорит нам о том, что именно запрограммированная нефункциональность третьего уха, только по форме являющегося таковым, а по сути и внутренней конструкции не предназначенного для улавливания звука, и есть то, что делает его фактом искусства. Таким образом, проект «Extra Ear» Стеларка отсылает нас к длинному перечню исторически зафиксированных художественных «неудач», среди которых занимают свое место летательная машина Леонардо, конструкции Татлина, Тингели и т.д. Описанный вид художественной инженерии носит ярко выраженный *предупредительный* характер, ибо, фиксируя ситуацию поражения современной науки и техники, он тем самым приобретает гуманистическое измерение, способствуя вызреванию в нас представлений о том, что мир когда-то был иным и в принципе мог бы стать совершенно другим.

12. Парадоксальное сочетание технобиологическим произведением свойств живого организма и технического объекта заставляет нас сделать, по меньшей мере, следующие выводы:

- более не имеет смысла противопоставлять понятия «искусственной» и «естественной» жизни, равно как и добиваться дальнейшего

совмещения жизни и искусства. С появлением целого ряда технобиологических произведений этим разговорам дан обратный отсчет. Как высказался Дэвид Кремерс, «от манипуляции более или менее неодушевленными предметами, мы перешли к порождению более или менее живых организмов».

- поскольку технология, вживленная в органику по принципу симбиоза, рождает новый вид эволюционного синтеза, технобиологические креатуры больше не обязаны ни «отражать» ни «репрезентировать» жизнь. Единственное, что им остается, это участвовать наравне с нами в ее стремительном круговороте.
- нам предстоит научиться воспринимать технобиологические произведения «текуче». Это значит, что различия между подлинностью и поддельностью, реальностью и виртуальностью теперь будут носить импульсный характер и зависеть только от нас. Таким образом, мы оказываемся в ситуации сложной и непрекращающейся игры, где локализуются новые соотношения мобильности в присвоении и изъятии дара подлинности, а стало быть, и дара существования.

13. В качестве заключения я хотел бы отметить следующую вещь. Основной закон технологии, неоднократно озвученный философией и социологией XX века, гласит, что каждый новый шаг прогресса, рассматриваемый отдельно, кажется нам желательным, в то время, как технологический процесс в целом – непрерывно сужает общую сферу свободы. Нельзя сказать, что представители технократических областей деятельности незнакомы с этим положением. Однако свойственный этим специалистам позитивизм позволяет им надеяться на благоприятный исход дела. Что, собственно, и отличает ученых от, скажем, художников, работающих в области современных технологий. Ибо последние очень четко (и зрелищно) представляют последствия непрерывного созидания позитивного: если негативное порождает кризис и критику, то позитивное, возвеличенное до уровня гиперболы, порождает катастрофу.

* * *

Автор выражает благодарность Факультету искусства и технологий Университета Огайо (Колумбус) и лично проф. Кену Ринальдо и проф. Эмми Янгс, а также Калининградскому филиалу ГЦСИ за информационную и творческую поддержку.

ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ

И.В. Мелик-Гайказян, Томск, Россия

Не смейтесь надо мной деленьем шкал
Естествоиспытателя приборы!
Я, как ключи к замку, вас подбирал,
Но у природы крепкие затворы.
То, что она желает скрыть в тени
Таинственного своего покрова,
Не выманить винтами шестерни,
Ни силами орудья никакого

Гете, «Фауст»

Воздействие высоких технологий на человека многопланово, следовательно, исследование этих воздействий становится принципиально междисциплинарным. В свою очередь, при проведении междисциплинарных исследований возникает проблема определения границ применимости каждого метода или экстраполяции каждого результата, принадлежащих конкретной дисциплине. Эта проблема дополняется требованием некоторой точности в прогнозируемых последствиях для человека от внедрения новых технологий. Это требование выдвигает методология проведения гуманитарной экспертизы технологических инноваций¹. Но любая экспертиза предполагает точность, а точность достигается при проведении измерений. Однако процедуры измерений в гуманитарных исследованиях не разработаны.

Распутывать означенный проблемный узел я предлагаю с фиксации сути воздействий меняющегося мира. Исходная гипотеза состоит в том, что механизмами нелинейной динамики социокультурных систем являются информационные процессы. В рассуждениях об изменениях в системной организации мира человека все чаще можно встретить словосочетание «информационные процессы». Феномен процесса принципиально отличен и от функций состояния, и от вещества, так что можно полностью согласиться с Н.Винером, обозначившим особую природу информации. Вместе с тем, словосочетание «информационные процессы» употребляется и поныне не в качестве утверждения процессуальной сути информации, а как фигура речи.

На философском уровне феномен процесса был понят А.Н. Уайтхедом. Мои исследования информационных процессов позволили мне дать лаконичную интерпретацию понимания А.Н. Уайтхедом специфики процессов: процесс есть чередование стадий, на которых

---

¹ Исследования ведутся при поддержке гранта РФФИ № 08-06-00109

«сращение» многих факторов подводит к формированию некоторого результата, и оформление достигнутого результата как условия «перехода» к следующей стадии. Следовательно, каждая последующая стадия «стартует» в зависимости от результата предыдущей стадии. Сегодня мы уже имеем основания для того, чтобы сказать, что разворачивание процесса вариативно, нелинейно и необратимо во времени, но для исследования феноменов, обладающих такими качествами, у науки до второй половины XX века не было инструментов.

Доказать или опровергнуть процессуальную природу можно на основе измерений, процедура которых в гуманитарных исследованиях не разработана. Да и постановка вопросов: «Что измерять?», «Каким образом измерять?», «С какой целью измерять?» – в гуманитарном знании не проводилась. Итак, очерчен круг проблемной ситуации, прояснение которой и вариант ее решения, призвана дать эта статья.

Итак, основаниями для рассуждения являются следующие положения: во-первых, измерение можно понимать как сравнение с эталоном, как процедуру выражения характеристик объекта в исчисляемой величине, а это ставит задачу поиска единиц измерения. Во-вторых, измерения обнаруживают «связующую нить явлений», открывающих возможности проведения междисциплинарных исследований, и *раскрывают процессуальную природу того, что скрывалось за представлениями о гипотетическом веществе*. Выявление природы «связующей нити явлений» в сложном мире человека и способно дать решение проблемы измерений в гуманитарных исследованиях. Это основное положение данной работы.

Уже произошел отказ от представлений о флогистоне и теплороде. Вместе с тем, остается широко распространенным еще одно «вещественное» представление о процессуальном по своей природе явлении, об *информации*. Существование именно «вещественного» представления об информации подтверждается часто встречаемыми употреблениями слов: обмен информацией, накопление информации, сумма информации etc. При этом на самом деле, употребляя эти слова, говорят о процессе передачи информации, процессе хранения информации, процессе отбора алгоритмов совершения целенаправленных действий. Можно считать излишним буквоедством замены интуитивно ясных слов «обмен информацией» на скучные слова «процесс передачи информации». Однако если не осознавать семантическую разницу этих обозначений, то следующим шагом становятся указание на тождественность понятий «информация», «знание», «сведения», «сообщение», что приводит к утверждению существования информации как невесомой и всепроникающей субстанции,

или информации как идеальном сообщении, что, по моему убеждению, сравнимо по своей абсурдности с представлениями о флогистоне и теплороде. Здесь я считаю важным подчеркнуть три принципиальных момента.

Во-первых, для того, чтобы оставаться на временем выверенных материалистических или идеалистических позициях незачем прибегать к употреблению научного термина «информация». Сплетение сети из смешения научной терминологии и философских категорий без добавления суровой нитки методологии не создает средства выловить из сложной социокультурной реальности чего-нибудь действительно нового: ни новых механизмов образования этой сложности, ни новых смыслов. Процессуальные представления позволяют решать задачи без обращения к оппозиции материального и идеального. Вообще, за два с половиной тысячелетия философия извлекла уже все из противопоставления этих философских позиций.

Во-вторых, в сложившихся направлениях теории информации очень по-разному понимается сама информация. Мне легко понять затруднения тех, кто пытается найти *одно* определение феномена информации, поскольку этот поиск сводится ими к выбору из множества дефиниций. Почти двадцать лет назад я проходила этот путь и столкнулась с парадоксальной ситуацией. Казалось бы при изучении какого-либо предмета знакомство с каждой новой книгой, посвященной интересующей теме, должно вести ко все более ясному его пониманию. Однако каждая прочитанная мной книга или статья, посвященная теории информации, увеличивала неясность понимания того, чем является феномен информации. В наиболее представительном направлении теории информации – математической теории связи – между понятиями «количество информации» и «информация» не усматривалось принципиальной разницы. Формула Клода Шеннона, позволяет определять количество информации, передаваемой по каналам связи, но никак не смысл сообщения. Но сама возможность *измерить*, с помощью этой формулы, количество информации увлекла многих. Правда, за скобками оставлялась суть того, что измерялось. Это обстоятельство заставило Клода Шеннона своих «последователей» характеризовать как «бандвагон». Параллельно с этим информация понималась в духе М. Эйгена как план, алгоритм [1] и Э. Янча, трактующего информацию, как инструкцию к самоорганизации биологических структур [2]. Это дало основание В.И. Корогодину ввести понятие «оператор», фиксируя ключевое свойство информации – действенность. Это свойство

позволяет совершать определенные целенаправленные действия, то есть делает информацию активной [3]. Для этого информация воплощается в алгоритмы, программы, инструкции, то есть, по Корогодину, в операторы – технологии достижения цели. Примерами операторов могут быть в генетической информации – соматические элементы, для поведенческой информации – условные и безусловные рефлексы, для логической – общественные институты¹. Предлагалась и оригинальная трактовка информации Г. Кастлером: информация есть случайный запоминаемый выбор варианта из многих возможных и равноправных [4]. Продуктивность данного направления подтверждается тем, что на основе его абсолютизации Д.С. Чернавским выстроена динамическая теория информации. Итак, информация предстает как выбор, отбор алгоритмов для достижения цели, инструкция к самоорганизации биологических структур и статистическая характеристика. Если добавить к этой множественности трактовок, присутствующих в естественных и технических науках, еще и хлопоты с сопоставлением количества информации и изменениями энтропии, и дискуссии о существовании информации в неживой природе, то можно себе представить сложность понимания сути феномена информации. На пути обретения ясности в вопросе о сути информации, возникали препятствия, связанные и с множественностью подходов, существующих в гуманитарных науках, к пониманию знаковых систем. Семиотика же актуализируется теорией информации в связи с образованием и выбором кода. Мне удалось упорядочить все направления, благодаря двум обстоятельствам. Одно из них связано с ярким обаянием и убедительностью работ Шеннона, Эйгена, Янча, Корогодина, Кастлера, благодаря чему я приняла все их трактовки информации в качестве равно обоснованных и достоверных, но справедливых в определенных границах, что потребовало нахождения границ их применимости. Другое обстоятельство связано с тем, что мне элементарно повезло: я стала исследовать феномен информации в тот период, когда фундаментальные результаты нелинейной динамики, полученные В.И. Арнольдом, Ю.Л. Климонтовичем, С.П. Курдюмовым, И.Р. Пригожиным, Г. Хакенем, были уже подвергнуты философской рефлексии, результатом чего стало конституирование В.С. Степиным постнеклассической научной картины мира. Именно принципы постнеклассической методологии позволили понять, что информация существует тогда, когда

---

¹ Термин В.И. Корогодина (от гр. *logos* – слово), фиксирующий вид информации, связанный с возникновением вербальных и визуальных языков. Логическая информация обеспечивает преемственность и развитие культур.

она генерируется, рецептируется, кодируется, передается, используется и хранится, то есть она существует в элементарных актах, стадиях процесса. Итак, информация – сложный процесс, состоящий из элементарных актов. Элементарность эта относительна, ибо механизмы соответствующих процессов, достаточно сложны. При переходе от одной стадии процесса к другой информация всякий раз предстает в «новом обличье». Результат, получаемый при завершении одной стадии, делает возможным начало следующего этапа. Выделение стадий и стало основанием для определения границ применимости тех трактовок информации, которые были выявлены в сложившихся направлениях теории информации. Итогом стала концептуальная модель, раскрывающая информационный процесс целиком. Увидеть это, тем более идентифицировать отдельные стадии с теми или иными дефинициями информации, не входя в область представлений постнеклассической науки невозможно, ибо классической и неклассической науке чуждо описание создания нового, ранее не существовавшего, чуждо процессуальное описание становления.

В-третьих, понимание информации не достигается вне представлений о сложных открытых системах. В самом начале статьи, упоминалось о том, что создание философии процесса принадлежит А.Н. Уайтхеду, опередившей научную переориентацию мысли на системный подход к пониманию процесса. Он выделял два вида процессов: «сращение» и «переход». Сращение – это телеологический процесс конституирования новой реальности, переход – это восхождение от достигнутого (в результате сращения) к новой действительности, подготавливающий основания для следующего сращения. Представление о странных аттракторах, о структурах-аттракторах дает право употреблять понятие «телеология», не прибегая к гипотезе о «надприродных силах», и, в свою очередь, являются аргументом для обоснования действия информационных процессов в системах неживой природы. Следует напомнить, что именно философия А.Н. Уайтхеда была выделена И.Р. Пригожиным в качестве одного из мировоззренческих оснований его исследовательской программы постижения сложного. В нашем мире самыми сложными системами являются социокультурные системы. А в социокультурных системах разворачивание информационного процесса, согласующегося и с процессуальными представлениями А.Н. Уайтхеда, и с этапами нелинейной динамики сложных открытых систем, и со всеми трактовками информации, принятыми в различных направлениях теории информации, выглядит следующим

образом. Преодолевая хаотическое состояние, система выбирает один из многих возможных путей дальнейшего развития, то есть генерирует информацию. Подчеркну свое утверждение о том, что информация генерируется как выход из хаоса. Именно эта стадия представляла собой загадку в «досинергетический» период теории информации. Генерируемая информация фиксируется, объективируется системой, облачается в, понимаемые если не большинством, то очень многими, коды, знаки (как вербальные, так и невербальные). Выбор сделан. Ценность его будет определена вероятностью приближения к целям системы, к структурам-аттракторам реальным для этого пространства режимов. Итак, в результате «сращения» многих факторов влияющих на совершаемый выбор, система избирает сценарий поведения. Происходит событие, завершающее телеологический этап. Дальнейший ход процесса будет детерминирован первоначальным зафиксированным выбором системы. Выбрать цель и определить ее (зафиксировать) ещё не значит достигнуть желаемого. Важно выработать способ действий, «встроить» программу достижения цели, определенной семантикой первоначального выбора, то есть создать оператор, который будет отбирать из всех возможных эффективные алгоритмы для целенаправленных действий. Для этого сгенерированному выбору потребуются иные воплощения. Формами этих воплощений, или результатами процессов хранения информации, ее передачи, рецепции и процесса работы оператора, станут, соответственно, память культуры, структура коммуникативного пространства культуры и иерархия социальных ролей, культурные стили и социальные технологии, модели и программы поведения человека, выработанные самобытной культурой. Эти утверждения обретают наглядность в соответствующих концептуальных моделях информационных процессов [5, 6, 7].

Итак, есть три принципиальных момента, которые следует принять во внимание, чтобы расстаться (вслед за отказом от представлений о флогистоне и теплороде) с иллюзией о существовании невесомой, всепроникающей субстанции, которой еще мыслят информацию. Подведем промежуточный итог изложенных рассуждений. С позиций системного подхода открытость систем есть их открытость к потокам вещества, энергии и информации [8]. Каждый из этих потоков представляет собой принципиально различные сущности: вид материи, функцию состояния и процесс. В истории науки выяснение сущности требовало измерений. Если потоки вещества и энергии имеют большее значение для динамики природных компонент сложных систем,

то в культурном мире человека именно информационный поток играет ведущую роль. Но если информация это процесс (а я в этом имела основания убедиться), а механизмы процессов можно обнаружить при нахождении способа измерений, то для раскрытия механизмов социокультурной динамики необходимо найти способ осуществления измерений. Нахождения этого способа представляет проблему, проблему которую в данной статье впервые предпринимается попытка поставить. Легко могу допустить, что утверждаемые мной информационные процессы как механизмы динамики социокультурных систем, будут восприняты как грубая попытка «расколдовывания» бытия человека в мире культуры. Ведь настолько чудесней и возвышенней было представление об огненной субстанции, о флогистоне, чем описания какого-то процесса горения как обыденного соединения вещества с кислородом. Однако понятые механизмы «колдовства» всегда представляют собой большее чудо, чем фантазии на их тему. Допускаю и претензии, в том духе, что подход предлагаемым мной есть натурфилософия, а натурфилософский подход недопустим к интерпретации мира культуры. В общем, «алгеброй» «гармонию» не «проверить». Я внимательно отношусь ко всем возражениям, поскольку они действительный стимул к рефлексии, и безмерно благодарна Сергею Павловичу Курдюмову, научившему меня проявлять особую бережность к самым суровым оппонентам. Поэтому проверим допустимость поиска информационных механизмов на примере исследований культуры тех ученых, чья «гуманитарная чистота» не вызывает сомнений. В ряде работ Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского выделены составляющие семиотического механизма культуры, хотя сам механизм в качестве «связующей нити» этих отдельных феноменов культуры указан не был. В этих исследованиях культура получает следующие определения: «культура есть «устройство», вырабатывающее информацию»; «культура как кодирование информации с помощью языка и знаковых систем»; «культура – ненаследственная память о социальном явлении»; «культура как генератор структурности, делающей возможной социальную жизнь»; «культура как программа поведения, вырабатываемая на основе опыта человечества». Даже не принимая во внимание прямое использование понятия «информация» в приведенных определениях, можно отметить корреспонденцию отдельных сущностей культуры с этапами информационного процесса: *генерацией информации* при выходе из состояния сильной неустойчивости, а идеи, определяющие начало каждой самобытной эпохи культуры, именно так и рождались; *кодирование*

информации как фиксации варианта выхода из хаоса; процесс *хранения информации*; процессы *передачи информации* различными способами, что определенным образом структурирует каналы связи или коммуникационное пространство; процесс отбора алгоритмов и программ целенаправленных действий (или *процесс построения оператора*), то есть достижения цели, определенной сгенерированной информацией.

Оправданность проведенной корреспонденции находит подтверждение и в выводе, сделанном В.С. Степиным о том, что существует «социокод, посредством которого фиксируются программы социального поведения, общения и деятельности. Эти программы существуют в виде знаний, навыков, правил, ценностей, мировоззренческих установок. Условием хранения и трансляции этого опыта является его фиксация в особой знаковой форме» [9]. Наверное, можно ограничить приведение примеров, подтверждающих то обстоятельство, что ключевые компоненты мира людей, могут быть поняты как результаты определенных стадий информационного процесса, что, кстати сказать, уже становилось предметом подробного обсуждения в нашей монографии [5]. Но само утверждение, что особенностью социальной действительности есть существование знаковых форм, говорит о значимости *процессов кодирования* всех фрагментов реальности, то есть процессов, которые составляют определенную стадию информационного процесса. При этом важно понимание, что сами знаковые формы охватывают широкий спектр кодов – от знаков-индексов до символов культуры. Выявление места этапа кодирования в структуре стадий информационного процесса позволило актуализировать теорию семиозиса Ч.С. Пирса и установить роль каналов трансляции в динамике культуры – прагматического, синтаксического и семантического [5, с. 215–223]. Установление механизмов работы этих каналов открывает возможности привлечения методов символической логики для измерений семиотической динамики социокультурных систем, что, по моему убеждению, есть потенциал качественных измерений.

На качественном уровне проблема измерения в гуманитарных исследованиях раскрывается в рамках информационно-синергетического подхода. Этот подход разработан мной и сводится к двум положениям. *Во-первых*, информация есть необратимый процесс, состоящий из определенной последовательности стадий, представляющих собой элементарные процессы: генерации информации, ее кодирования, делающего возможным процессы хранения и передачи информации,

рецепции информации, отбора алгоритмов или способов совершения целенаправленных действий (создание оператора) и редупликации информации. Сама структура информационных процессов изоморфна в системах любой природы. *Во-вторых*, информационные процессы есть механизмы самоорганизации сложных открытых систем различной природы, в том числе, социокультурных. А для понимания динамики социокультурных систем, представляющих собой «среду обитания» человека, необходимы междисциплинарные исследования. Полагаю, что междисциплинарный характер исследований не нуждается в каком-либо обосновании. Ясно и то, что при проведении междисциплинарных исследований необходимо находить способы выяснения границ применимости очень разных концепций, теорий и учений. Установление границ требует известной точности, а обоснованием точности могут стать измерения.

Разработка методологии процедур количественных измерений наталкивается на необходимость решения ряда задач. *Первая* задача связана с выбором количественной меры компонент динамики систем, степенью своей сложности принципиально превосходящих системы, являющиеся предметом фундаментальных наук. В XX веке естествознание выработало способы строгого описания многовариантности сценариев поведения сложных систем, необратимости времени, роли хаоса и стабильных состояний, то есть того, что констатировалось в гуманитарных науках. Строгое описание предполагает выявление критерия, в соответствии с которым оценивается конкретное явление, то есть предполагает измерение. Следовательно, для восприятия гуманитарным знанием точных методов фундаментальных наук необходимо, в первую очередь, установление управляющих параметров социокультурных систем, то есть «точек роста», даже малые изменения которых вызывают самоорганизацию всей системы. Именно в этом ключе я ставлю проблему осуществления измерений в рамках гуманитарных исследований. В ряде наук о человеке и обществе, например, в социологии, педагогике, психологии, применяются методы многомерной статистики. Это, тем не менее, не снимает проблему проведения измерений. Поскольку проблема прогноза поведения «человекообразных систем» не решается статистически. Более того, применение в данных случаях методов многомерной статистики означает сознательный отказ исследователя от понимания *механизмов* процессов, протекающих в системах [10]. А эти *механизмы* и есть «*связующая нить явлений*», которая обнаруживается при измерениях.

Сложные открытые системы имеют много степеней свободы, то есть описываются изменениями множества параметров, состоящих друг с другом в непростых зависимостях. Вместе с тем, у этого множества параметров есть свои «дирижеры», называемые параметрами порядка. Это обуславливает иное понимание измерения, отличное от сравнения с эталоном. *Под измерением уже понимается любое однозначное преобразование измеряемой величины в некоторый регистрируемый параметр, в то время как измеряемая величина является внутренним параметром порядка исследуемой системы.*

Второй задачей является такое установление процедуры измерения, которое бы не приводило к деформации исследуемого объекта. Для гуманитарных исследований это является необходимым условием и представляет значительную трудность. Обойти данное препятствие возможно, если измерениям подвергать не собственно элементарные процессы, а их результаты, что при качественном понимании механизмов элементарных процессов позволит реконструировать конкретный вариант его осуществления. В принципе это известная процедура. Однако новые результаты в гуманитарных исследованиях есть возможность получить при определенном порядке осуществления этих процедур. Порядок обусловлен структурой элементарных процессов в качестве стадий информационного процесса. В различных отраслях естественных и технических наук были выработаны способы измерения информации, соответствующие определенным стадиям информационных процессов, которые попадали в предметную область исследований. Самым известным примером является измерение *количества информации*, предложенное Клодом Шенноном в рамках математической теории связи, соответствующее такой стадии информационного процесса, как *передача информации*. У информации есть и другие характеристики – *новизна* и *ценность*, которые могут быть отнесены к этапам генерации и рецессии информации; *эффективность*, которая способна быть критерием стадии создания информационного оператора. Итак, стратегия осуществления количественных измерений в гуманитарных исследованиях получает ясные очертания на основе привлечения опыта измерения различных характеристик информации, каждая из которых является управляющим параметром определенных стадий социокультурной динамики.

В качестве примера осуществления такой стратегии измерений приведем результаты наших исследований динамики образовательных систем¹ [11]. Если принять, что образовательные системы есть по сути

---

¹ Здесь приводятся результаты выполнения гранта РФФИ № 04-06-80192

своей системы информационные, то роль оператора будут выполнять педагогические технологии. В настоящее время в образовательной практике педагогические технологии используются в произвольных сочетаниях, что приводит к нежелательным результатам, и актуализирует проблему нахождения способов проверки «на совместимость» этих технологий. Как уже было сказано, оператор имеет своим критерием эффективность информации. В аналитическом виде эффективность информации есть производная ценности информации от количества информации: $\varepsilon = dV / dI$, где V это ценность информации (в соответствии с формулой Бонгарта-Харкевича определяется через вероятность достижения цели), а I – количество информации [12, с. 18-25; 22]¹. Иными словами, эффективность определяется выбором цели и отбором средств адекватных для ее достижения, следовательно, эффективность образования определяется тем насколько, полученные учащимся знания, позволят ему достичь жизненных целей. Проще говоря, эффективность образовательной системы определяется не тем, сколько и с какой интенсивностью в ней сообщают сведений (I), а насколько это обучение и воспитание способствует достижению определенных личностью целей². Определение пределов эффективности позволило обнаружить конфигурацию аксиологических границ современных образовательных систем, поскольку формализация декларируемых целей образовательных теорий и, устанавливаемых в соответствии с этими целями, ценностей образования, дало возможность точно выявить критерии всех компонент образования. Проведение исследований нелинейной динамики образовательных систем, столь кратко здесь изложенных, как раз и дало импульс для постановки проблемы измерений в гуманитарных науках.

Итак, измерения есть вид строгого научного доказательства, который в гуманитарных исследованиях еще предстоит освоить. В гуманитарных науках традиционно приняты иные способы аргументации и обоснований. Целью этого сообщения – привлечь внимание к данной проблеме, методологическое решение которой позволит ввести испытанные средства релевантные постижению нелинейной динамики в исследования социокультурных систем. Я надеюсь, что попытка из-

---

¹ Я очень благодарна Юлию Анатольевичу Шрейдеру за признание им в 1995 году предложенного мной аналитического выражения эффективности информации в качестве методологического открытия.

² Обратим внимание, что в аналитическом выражении эффективности присутствуют характеристики ценности и количества информации. Принимая во внимание, что они являются характеристиками таких этапов информационного процесса, как генерация и передача информации, можно еще раз убедиться в определенной последовательности стадий информационного процесса.

мерения воздействий компонент этих систем на человека послужит основой для сомнений в самоочевидности формирования социальных реальностей, и «выманит» из «таинственного покрывала» действительные механизмы социокультурной динамики.

Литература

1. Эйген М., Винклер Р. Игра жизни: Пер. с нем. М.: Наука, 1979. С.12.
2. Iantsch E. The self-organizing Universe: Scientific and human implications of emerging paradigm of evolution. Oxford ets.: Pergamon press, 1980. P. 99–102.
3. Корогодин В.И. Информация и феномен жизни. Пущино: АН СССР, 1991. 200 с.
4. Кастлер Г. Возникновение биологической организации: Пер. с англ. / Под ред. Л.А.Блюменфельда. М.: Мир, 1967. 90 с.
5. Мелик-Гайказян И.В. и др. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры М.: Научный мир, 2005.
6. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М.: Наука. Физматлит, 1998. С. 53.
7. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М.: Физматлит, 2001. С. 105–123, 135–171.
8. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
9. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. С. 20.
10. Налимов В.В. Теория эксперимента. М.: Наука, 1971. С. 7.
11. Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. 2006. № 11; Материалы круглого стола «Элитное образование: проблемы организации» // Высшее образование в России. 2007. № 3; Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Роготнева Е.Н. Информационные условия достижения мечты // Высшее образование в России. 2006. № 5;
12. Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация. (Методологический анализ) Томск: Изд-во ТПУ, 1995.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ И ЭЗОТЕРИКЕ

(на материале Платоновского «Пира»,
«Исповеди» Августина, концепции Сведенборга)

В.М. Розин, Москва, Россия

1. Мир как «продукт» деятельности человека и актуальная реальность. «Пир» Платона.

В языке, пишет Леонид Ионин, происходит «определение ситуации»; смысл этого важного представления раскрывается теоремой Томаса: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям»... Лукман в написанной им совместно с П. Бергером книге «Социальная конструкция реальности» показывает, что мир, в котором живут и трудятся социальные индивиды и который они воспринимают как изначально и объективно данное, активно конструируется самими людьми в ходе их социальной деятельности, хотя это происходит неосознаваемо для них самих. Это диалектическая концепция: познавая мир, люди создают его и, создавая, познают»¹.

Сходно выглядит решение этой проблемы и в моих исследованиях. С одной стороны, в ответ на вызовы времени (ситуации разрыва, витальные катастрофы) человек создает семиотические схемы и социальные практики, с другой – на их основе формируется представление о реальности и мире, с третьей стороны, распространение этих схем, практик и реальности на новые ситуации предполагает познание как необходимое условие этой экспансии; в четвертых, включение человека в новую реальность предполагает очередной этап его конституирования. В плане осознания новой реальности центральное звено – «семиотические схемы», позволяющие по-новому действовать и осмысливать (видеть) существующий мир. Рассмотрим один модельный пример – реконструкцию платоновского «Пира».

В «Пире» Платона мы находим несколько схем. Во-первых, это *схема двух Афродит*. Один из участников диалога Павсий, а диалог, как мы помним, формально посвящен прославлению бога любви, говорит, что нужно различать двух разных Эротов, богов любви, соответствующих двум Афродитам – Афродите простонародной (пошлой) и Афродите возвышенной (небесной), и что только последняя полна всяческих достоинств².

Во-вторых, *схема андрогина*. Другой участник диалога Аристофан рассказывает историю, в соответствии с которой каждый мужчина и женщина ищут свою половину, поскольку они произошли от единого андрогинного существа, рассеянного Зевсом в доисторические времена на две половины. «Итак, – говорит Аристофан, – каждый из нас – это половинка человека, рассеянного на две камболоподобные части и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого

---

¹ Ионин Л. Социология культуры. М., 1996. С. 66, 69

² Платон. Пир. Соч. в 4 т. Т.2. М., 1993. С. 90, 94

прежде существа, которое называлось андрогином, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины (андрогины женского пола. – В.Р.), к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому»¹.

В-третьих, *схема, описывающая путь людей*, которые, как выражается Диотима, разрешаются в любви духовным бременем. «Те у кого разрешиться от бремени стремится тело, обращаются больше к женщинам и служат Эроту именно так, надеясь деторождением приобрести бессмертие и оставить о себе память на вечные времена. Беременные же духовно – ведь есть и такие, беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разум и прочие добродетели... каждый, пожалуй, предпочтет иметь таких детей, чем обычных»². Наконец, в-четвертых, в «Пире» можно найти *схему, в которой любви приписываются такие качества как гармония, рассудительность, мудрость, даже стремление к бессмертию*³.

Почему перечисленные здесь нарративные образования я называю схемами? Потому, что они в тексте Платона ни откуда не выводятся, а напротив, сами являются источниками рассуждений о любви и получения о ней знаний. Действительно, рассказывая историю об андрогины, Аристофан получает знание о том, *возлюбленным присуще стремление к целостности и поиск своей половины*. Деление Афродит на вульгарную и возвышенную позволяет *приписать любви мужчины к прекрасному юноше различные достоинства*, а мужчине к женщине – только низменную страсть. Соответственно той же цели, приписывания любви необычных (если сравнивать с распространенным, народным пониманием любви) качеств – *совершенствования личности, работы над собой, стремления к бессмертию*, служат рассуждения по поводу людей, разрешающихся в любви духовным бременем. Таким образом, с помощью схем герои диалога (а фактически сам Платон) получают различные знания о любви.

Теперь второй момент, с помощью этих нарративов (схем) выражаются (задаются) состояния и характеристики влюбленных (половинки андрогинов обозначают двух любящих), задается новое видение

¹ Платон. Пир. Соч. в 4 т. Т.2. М., 1993. С. 100.

² Там же. С. 119–120

³ Там же. С. 105, 114, 115

любви, новое любовное поведение (любовь – это стремление к целостности и поиск своей половинки). Другими словами, схему можно охарактеризовать так – *это двухслойное семиотическое образования (где один слой обозначает другой), она задает новое видение действительности и по-новому организует деятельность и поведение*¹. Почему Платона не устраивало обычное понимание любви, столь красочно описанное в античной мифологии? Прежде всего, потому, что такая любовь понималась как состояние, вызываемое богами любви и поэтому независимое от воли и желаний человека. Платон, однако, считал, что одно из главных достоинств философа (как и вообще человека) – как раз сознательное участие в собственной судьбе (мироощущение, сформулированное Платоном в концепции «epimelia» – буквально, «заботы о себе»). Кроме того, обычно любовь понималась как страсть, охватывающая человека в тот момент, когда боги любви входили в него; как сильный аффект, полностью исключая разумное поведение. Платон, напротив, призывал человека следовать не страстям, а действовать разумно. Разумное построение жизни по Платону – это работа над собой, направляющая человека в совершенный мир идей, где душа пребывала до рождения человека.

На первый взгляд, кажется, что отдельные представления о любви, вложенные Платоном в уста персонажей «Пира», совершенно не связаны между собой. Так, например, Федр утверждает, что Эрот – это бог, а Диотима это отрицает, говоря, что Эрот – гений и философ (кстати, это еще одна схема). Эриксимах помещает Эрота в природу, а Диотима показывает, что Эрот – это скорее особый философский образ жизни, что и выражает само слово «философия» (любовь к мудрости). Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что все эти отдельные представления о любви не противоречат друг другу и даже как-то связаны. Ведь философ как раз и стремится обладать красотой (гармонией) и выявлять их в своей жизни и деятельности, а также достигнуть бессмертия (то есть стать богом). Если следовать не формально-логическим критериям, а читать диалог содержательно, никаких противоречий в нем нет. Более того, каждая речь вносит в понимание любви свой смысл и окраску, образуя в целом единую платоническую концепцию любви.

Поясняя в следующем за «Пиром» диалоге («Федр») примененный им метод познания любви, Платон пишет: «Первый – это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду

---

¹ Розин В.М. Семиотические исследования. М., 2001. С. 123–131.

разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения. Так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что он такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе... Второй вид – это, наоборот, способность разделять все на виды, на естественные составные части»¹.

В противоположность софистам Платон утверждает, что идеи не могут меняться и образуют, как бы мы сегодня сказали, своеобразную систему. Ее Платон называет «единое». Условием истинного познания мира («размышления») является работа, направленная на уяснение единого. По Платону размышление позволяет душе припомнить мир идей, в котором она пребывала до рождения. Другой результат познания и работы человека над собой, конечно, в том случае, если они последовательно идут до конца, то есть до полного воспоминания мира идей – возможность человеку «блаженно закончить свои дни». Под этим Платон понимает не только преодоления страха перед смертью, но приоткрывающуюся при этом возможность буквального бессмертия. Наконец, уяснение мира идей является условием и познания обычных вещей – «многого».

В этом смысле понятно, как действовал автор «Пира». Он мыслит любовь как идею – единое, а различные представления о любви, высказываемые участниками диалога – это многое. Задавая любовь как «единство многого», Платон, как бы мы сказали сегодня, строит теоретический предмет (науку о любви). В нем различные характеристики любви непротиворечиво объединяются в рамках единой идеи платонической любви. При этом анализ «Пира» показывает, что указанные отдельные характеристики любви выявляются и объединяются в рамках единой идеи в ходе рассуждений о любви, но их роль минимальна; главным же образом синтез знаний о любви осуществляется Платоном на основе схем.

Зная взгляды и активность Платона, можно предположить, что когда он утвердился в новом понимании любви (любовь – это не страсть, а разумное чувство, оно предполагает совершенствование человека и ведет его к бессмертию), то стал излагать свое новое видение окружающим его слушателям. Но они ведь еще не пришли к новому видению любви и поэтому не понимали Платона. Более того, слушатели возражали Платону, ловя его на противоречиях и указывая различные затруднения (проблемы), возникающие, если принять

---

¹ Платон Федр. Т. 2. С. 176.

новое понимание. Так они могли показать Платону, что он рассуждает противоречиво: любовь это страсть, а Платон приписывает любви разум, следовательно, любовь – это не страсть. Кроме того, могли возразить слушатели, цель любви – телесное наслаждение и деторождение, почему же Платон ничего об этом не говорит. И уж совсем непонятно, зачем пристегивать любовь к таким серьезным делам как работа над собой или «стремление блаженно закончить свои дни» (то есть достигнуть бессмертия). Наконец, разве любовь дело рук человека, а не богов?

В ответ на все эти, вообще-то справедливые возражения Платон начинает сложную работу (кстати, вместе со своими оппонентами). С одной стороны, он выстраивает «логическую аргументацию», с другой – чтобы облегчить понимание (точнее, сделать его впервые возможным), изобретает схемы, *вводящие слушателей в новую для них реальность*. Так, Платон, чтобы избежать противоречия в рассуждении, вспоминает о существовании в народной мифологии разных богинь любви и настаивает на принципиальном делении Эроса на два разных типа. В этом случае, рассуждая о любви, нельзя качества одной Афродиты (Эроса) переносить на другую (вспомним правило Аристотеля, запрещающее перенос знаний из одного рода в другой). Весьма тонко Платон выводит любовь из под действия богов. Сочиняя историю про андрогинов, он с одной стороны, санкционирует новое понимание любви актом самого Зевса, с другой, задает естественный процесс (стремление рассеченных половинок к соединению), относимый только к компетенции человека. Поистине гениальной находкой Платона является аналогия плода, вынашиваемого женщиной, с духовным плодом, то есть работой человека над собой в направлении разумной жизни, совершенствования, стремления блаженно закончить свои дни.

Но, могли продолжать возражения слушатели Платона, разве женщина, не покидающая женской половины и способная только на страсть, в состоянии так любить? Не смешно ли, право, требовать от нее подобного поведения! И они были правы, имея в виду греческую женщину того времени. Надо отдать должное Платону, он был последователен: согласившись с данным возражением, Платон меняет объект новой любви. – Да, – сказал он, – но Вы не учли, что высшей формой любви является не любовь мужчины к женщине, а любовь мужчины к прекрасному юноше, кстати, юноша и более восприимчив к духовной работе, а также к дружбе и совершенствованию.

Но ведь однополая любовь осуждается в народе, продолжали настаивать некоторые спорщики. – Народ заблуждается, – парировал Платон, – именно однополая любовь освещается Афродитой небесной. И так далее и тому подобное. Вновь и вновь слушатели возражали Платону, с каждым шагом его схемы становились все понятнее, а аргументация убедительней, пока все собрание не согласилось, что да, правильное понимание любви именно такое. Но заметим, если сравнить это понимание с исходным, оно стало другим, *обросло схемами и логической аргументацией*. Иначе говоря, новые знания в буквальном смысле вырастают из исходных идей, укрепляются и конкретизируются в лоне коммуникации (непонимания, споров, поисков аргументов и схем, делающих понятными утверждения мыслящего).

Материал этой реконструкции показывает, что новое понимание любви («платоническое») возникает, естественно, не само собой, а в результате деятельности Платона. Можно сказать, что последний конституирует это понимание. Но в своей деятельности великий греческий философ был обусловлен разными обстоятельствами: коммуникацией со слушателями, собственными представлениями и концепциями, культурными проблемами (споры с софистами и попытки построить нормы рассуждений, становление античной личности, предполагающее создание новых личностно ориентированных социальных практик).

Что позволяет Платону превращать все эти обусловленности в новое видение действительности? Его творчество, познание, схемы. Отчасти Платон осознает некоторые из этих моментов, например, роль схем. Признавая в «Тимее», что схемы, на которых вводится новое понимание космоса, напоминают мифы, он, тем не менее, утверждает, что с их помощью можно получать вполне правдоподобные знания. «Но о том, что лишь воспроизводит первообраз и является лишь подобием настоящего образа, и говорить можно не более как правдоподобно... мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое... нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего» [17, с.433].

2. Конституирование средневековой личности в трудах Августина.

В «Исповеди» Августин провозглашает установку на познание Бога: «... надо ли сначала познать Тебя или воззвать к Тебе. Но кто воззовет к Тебе, не зная Тебя?» Однако, как можно познать Бога, который по словам самого Августина, есть Тайна и Непостижим? И о каком познании говорит Августин? «Когда я воззову к Нему, – говорит Августин

в «Исповеди», – я призову Его в самого себя... Господи, Боже мой, уже ли есть во мне нечто, что может вместить Тебя... Меня не было бы, Боже мой, вообще меня не было бы, если бы Ты не был во мне. Нет, вернее, меня не было бы, не будь я в Тебе»¹⁸.

Не странно ли звучат эти речи: Бог во мне, я в Боге. Разве Бог и человек не разделены пропастью: Бог там – на небе, а человек здесь – на земле и встретиться они могут только на страшном суде. Тем не менее, Августин говорит то, что говорит. Чтобы понять его странные размышления, остановимся сначала на времени, в котором Августин творил. После 312 года, когда был издан эдикт о веротерпимости, и Никейского собора в 325 г. христианство становится ведущим культурным фактором. Параллельно происходит отделение образованного клира от непосвященного мира и возникает «необходимость в догматическом оформлении церкви, которая столкнулась с трудностями, связанными с разным толкованием Троицы»².

Другим важным фактором того времени являлось все более осознаваемое ощущение неподготовленности среднего человека к пониманию и усвоению христианского учения, в основных чертах уже выстроенного. Дело в том, что в христианство широким потоком стали вливаться язычники и античные люди. Новообращенный «ветхий» человек (неважно, кем он был – древним германцем или римлянином) традиционно считал, что его душа подобна стихии совершает кругооборот жизни и смерти, что в мире, который мыслится неизменным, правят множество богов, что судьба человека от него самого не зависит. Напротив, в христианском учении утверждалось, что душа человека находится в напряженных нравственных отношениях с Творцом и от того, чью сторону человек примет, полностью зависит его судьба. «Новый» человек рассматривал мир, как созданный Богом и «преходящий». Сам Бог понимался не только как закон и бытие (Отец и Святой дух), но и как нравственная личность (Христос). Мог ли ветхий человек, только что принявший христианство, при всем своем желании понять новое учение, если он видел все иначе? Очевидно, нет. Чтобы стать настоящим христианином, он должен был измениться, причем кардинально. Именно эту задачу решают идеологи и подвижники христианства и стараются помочь решить ее другим, обычным людям. «В середине 90-х гг. IV в. Паулин Ноланский обратился к другу Августина Алипию с просьбой написать о своем личном религиозном опыте,

¹ Августин А. Исповедь. М., 1992. С. 8–9.

² Неретина С.С. Верующий разум. К истории средневековой философии. Архангельск. 1995. С. 114

то есть о своем житии, тот переадресовал его к Августину, выполнившему и перевыполнившему просьбу, рассказав и об Алипии и о себе: «Исповедь» написана в 397–401 гг. Таким образом, сложился канон письма, отвечающий не только личным интеллектуально-душевному потребностям, но и запросам со стороны, не только выражающий устремленность к Богу, но и устремленность к человеку, которого избрал Бог для сообщаемости. Эта двусмысленность выражена и в исповедельном акте как таковом, согласно которому исповедь – это громкий рассказ о грехах, которому предшествует обращенность внутрь сознания, или, как говорил Августин, к внутреннему человеку, молча думающему»¹.

Заметим, что Августин перевыполнил задание не только по объему, он помимо изложения своего религиозного опыта и пути был вынужден набросать описание нового человека, обсудить его сущность и отличие от человека ветхого. При этом опираться Августин мог только на самого себя, поскольку именно в себе он имел опыт преображения ветхого человека и рождения человека нового – христианина. Как писал еще Татиан: «Я не стараюсь, как обыкновенно делают многие, подтверждать свои мысли чужими мнениями, но излагаю то, что сам увидел и узнал. Потому-то я распростился и с римским высокомерием и с холодным афинским красноречием, с различными учениями и принял нашу варварскую философию»²¹¹. Однако, каким образом, опираясь на себя, можно было создать, как бы мы сегодня сказали, новый антропологический образ человека, без которого были невозможны ни становление средневековой культуры, ни формирование средневекового мышления? Думаю, на основе эзотерического мироощущения.

В исторические периоды, подобные рассматриваемой, новый образ человека может быть создан только за счет усилий отдельных личностей, забегающих вперед во времени. Но эти личности должны на что-то опираться в своем движении вперед. Исследования последних десятилетий показывают, что, как правило, они воодушевлены эзотерическими идеями. Например, Платон, как известно, вслед за Пифагором считал, что, цель человеческой жизни – обретение бессмертия (как он говорил, мудрый стремится «блаженно закончить свои дни»), которое возможно, поскольку душа человека, божественная по своей природе, может при определенных условиях (забота о себе, занятие философией и математикой) припомнить совершенный мир идей, где как раз место блаженной жизни. Эзотерик не только верит в подлинную

¹ Неретина С.С. Верующий разум. К истории средневековой философии. Архангельск. 1995. С. 126

² Там же. С. 73.

реальность (например, мир идей или вечную жизнь в лоне Бога), но и активно познает ее, не столько ждет, когда он попадет в подлинную реальность, сколько всю свою жизнь направляет на обретение этой реальности. Один из важнейших эзотерических принципов – кардинальное изменение себя, без которого, как считают эзотерики, невозможно обретение подлинной реальности.

«Исповедь» Августина по многим параметрам может считаться не только философско-религиозным, но и эзотерическим текстом. Как правило, эзотерические учения начинаются с критики существующих форм жизни и культуры, как неподлинных и иллюзорных. И в «Исповеди» немало место посвящено прямой или косвенной критике языческих форм жизни и философствования. Впрочем, здесь Августин всего лишь идет по стопам других христианских мыслителей, которые, начиная со второго века, критикуют многобожие, образ жизни граждан Империи, античные представления о душе человека и сущности мира и т. д.

Другой важный сюжет эзотерических учений – описание духовного переворота, происходящего с человеком, который, с одной стороны, осознает невозможность привычного существования в обычном мире, с другой – выходит на идею спасения, содержащую веру в существование подлинной реальности и жизни. Для Августина подлинная реальность – это христианский Бог, находящийся в напряженных нравственных отношениях с отдельным человеком. Обнаружению этой реальности предшествует тяжелая душевная борьба Августина с самим собой. «О, как желал и я достигнуть этого счастья, только не по сторонним побуждениям, а по собственной воле. А воля моя, к несчастью, была в то время не столько во власти моей, сколько во власти врага моего... Между тем во мне родилась новая воля – служить Тебе бескорыстно и наслаждаться Тобою, Боже мой, как единственным источником истинных наслаждений. Но эта воля была еще так слаба, что не могла победить той воли, которая уже господствовала во мне... Таким образом, две воли боролись во мне, ветхая и новая, плотская и духовная, и в этой борьбе раздиралась душа моя... Между тем я, служивший поприщем борьбы, был один и тот же... По своей же воле дошел я до того, что делал то, чего не хотелось делать... У меня не было никаких извинений. Я не мог сказать, что потому именно доселе не отрешился от мира и последовал Тебе, что не знаю истины; нет, истину я познал, но, привязанный к земле, отказывался воинствовать для Тебя... Я одобрял одно, а следовал другому»¹.

---

¹ Августин. Исповедь. Стр. 103-108; Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980. С. 418

Чтобы идти по эзотерическому пути, человек должен нащупать твердое основание жизни и мышления, независимое от принятых в культуре, общераспространенных устоев. В эзотеризме таким основанием обычно выступает личное бытие эзотерика, однако понятое уже в модусе подлинного существования. Для Августина – это «внутренний человек», непосредственно общающийся с Богом. Но как убедиться, что внутренний человек не является обманом чувств или воображения Августина, ведь другие мыслители отрицают подлинную реальность эзотерика, напротив, они утверждают, что существует нечто другое? Ответ эзотерика таков: критерий достоверности и истинности в моем существовании, в очевидности той подлинной реальности, которую я обретаю. Августин говорит: как я могу сомневаться в существовании Бога, если все мое существование подтверждает это, если я с Богом оказываюсь прямо в раю (то есть в подлинной реальности).

«И сами мы, – пишет Августин, – в себе узнаем образ Бога, то есть сей высочайшей Троицы... Ибо и мы существуем, и знаем, что существуем, и любим это наше бытие и знание. Относительно этих трех вещей мы не опасаемся обмануться какою-нибудь ложью, имеющей вид правдоподобия... Без всяких фантазий и без всякой игры призраков для меня в высшей степени достоверно, что я существую, что я это знаю, что я люблю. Я не боюсь никаких возражений относительно этих истин со стороны академиков, которые могли бы сказать: А что если ты обманываешься?» Если я обманываюсь, то поэтому уже существую. ибо кто не существует, тот не может. конечно, и обманываться»¹.

«Внутренний человек, – замечает Неретина, – начинается с любви к Богу, эта любовь порождается «неким светом и неким голосом, неким ароматом и некой пищей, и некими объятиями»². «Этот свет, голос, аромат, пища, объятия внутреннего моего человека, – читаем мы в «Исповеди», – там, где душе моей сияет свет, который не ограничен пространством, где звучит голос, который время не заставит умолкнуть, где разлит аромат, который не развеет ветром, где пища не теряет вкуса при сытости, где объятия не размыкаются от пресыщения. Вот что люблю я, любя Бога моего»³.

Но может быть, все это метафоры и изящная словесность? Ни в коем случае. Эзотерик, достигший наконец подлинной реальности,

¹ ¹³ Августин. О граде божием. Киев, 1905. С. 216–217. В философии Нового времени сходные аргументы воспроизводит Декарт, формулируя знаменитое «*cogito ergo sum*».

² ¹⁴ Неретина. Цит. соч. С. 133.

³ ¹⁵ Августин. Исповедь. С. 132.

не только ощущает ее вполне естественно, но и переживает самые интимные свои желания, оказывается захвачен событиями, о которых он мечтал много лет. Эзотерический характер переживаний Августина подтверждает еще одно наблюдение. Многие эзотерики подчеркивают мысль о том, что войти в подлинную реальность можно лишь при условии, если удастся полностью свернуть обычные чувства и мысли, если сознание человека будет активно, но молчать. Когда это произойдет, подлинная реальность придет сама и человек переживет настоящее счастье, поскольку прикоснется к спасению. Если, пишет Августин, в человеке умолкнет волнение плоти, исчезнут представления о земле, воде и воздухе, умолкнет и сама душа, выйдя из себя, о себе не думая, если наступит полное молчание, то заговорит сам Бог, и услышим Слово Его не из плотских уст, не в загадках и подобиях, как сейчас, когда мы вышли из себя и быстрой мыслью прикоснулись к Вечной Мудрости, над всем пребывающей. Если такое состояние могло бы продолжиться, если вечная жизнь такова, какой была эта минута постижения, то разве это не то, о чем сказано: «Войди в радость господина Твоего»?

Обретя в своей личности и подлинной реальности твердое основание, эзотерик начинает сложную двойную работу: с одной стороны, он познает приоткрывшуюся ему подлинную реальность, с другой – меняет, переделывает себя в направлении, позволяющем ему в конце концов попасть в эту реальность.

Мои исследования эзотерических учений показывают, что устройство подлинной реальности эзотерика отвечает его идеалам и личности, другими словами, мы можем сказать, что, попадая в подлинную реальность, эзотерик «летит в самого себя» или, если осмыслить это процесс рационально, что в форме эзотерических переживаний и познания он рефлексивует свою личность. Но одновременно, в форме рефлексии своей личности, эзотерик познает и окружающий его мир.

Все эти моменты можно проследить и в творчестве Августина. Действительно, он познает не только Бога, но и посредством Бога свою душу; познавая себя, Августин одновременно узнает, как устроен Бог и его творения. Мы начинаем понимать, почему вообще Августин считает возможным изучение Творца, а также почему изучение реальности в трудах Августина все время перетекает в изучение себя (души) и наоборот. Например, обсуждая, как Бог из ничего создал мир, Августин уподобляет акт божественного творения акту собственной мысли, в результате ему удается понять, как Творец мог реализовать свой замысел (ведь в ходе мышления в нашем сознании рождаются целые

миры). Обсуждая природу времени, Августин приходит к мысли, что время есть ни что иное, как «растяжение самой души».

«Логика Августина, – пишет Неретина, – парадоксальна. Она остается такой же и при попытках анализа «ничто». Для Августина очевидно, что не было ничего, из чего Бог мог создать мир... Бог есть Мысль, Мысль же, как мы видели, всегда связана с направлением внимания на нечто и в соответствии с настоящим... «Ничто» – это не Бог, и не сотворенное «почти ничто», то есть небо и земля, а невидимо лежащее между ними; прыжок мысли, мгновенно претворяющейся в дело, что и есть собственно Начало, которое Августин отождествляет с мудростью»¹. А вот фрагмент размышлений Августина о времени.

«Я понимаю хорошо, что все тела движутся во времени; но чтобы движение самих тел составляло самое время, этого ни я не понимаю, ни Ты мне не внушаешь... В тебе, душа моя, я измеряю времена... Постоянное напряжение души нашей переводит свое будущее в свое прошедшее, доколе не истощится совершенно и не обратится всецело в прошедшее... мне и кажется, что время есть ни что иное, как растяжение, но чего? не знаю; может быть, самой души»²¹⁷.

При изучении души эзотерическая трактовка личности приводит Августина к выдвиганию на первый план памяти-ума и воли. В памяти, говорит Августин, «встречаюсь я сам с собой», там же ум «принимает» все сложное (то есть то, что удалось запомнить) для последующей «переработки и обдумывания»³. Ум, пишет Неретина, тождественный душе, оказывается, по Августину, местом, где происходит процесс собирания, то есть сведения вместе, а это и называется в собственном смысле «обдумыванием». Но если вспомнить, что мысль обладает способностью творения, то получается, вполне в соответствии с эзотерической логикой, что память и ум – это деятельностное условие подлинного существования, бытия. Размышляя и запоминая, эзотерик открывает подлинную реальность и входит в нее. Параллельно эзотерик должен изменять себя, и поэтому измениться. Необходимое условие этого – воля человека. Но опять, же человеческая воля осмысливается через волю Творца. Воля бога («Да будет воля Твоя») замечает П. Гайденок, – одна из центральных интуиций христианской религии, самое адекватное выражение христианского благочестия; определять Бога в понятиях воли, хотения – специфическая особенность христианской теологии.

¹ Неретина. С. 145–146.

² Августин. Исповедь. С. 173–174; Гайденок П. Цит. соч. С. 413.

³ Августин. Исповедь. С. 136

И еще одно наблюдение подтверждает эзотерический характер усилий Августина. Эзотерик постоянно вынужден констатировать противоречия между своими идеальными устремлениями и реальными желаниями и привычками (по идее он всегда должен решительно становиться на сторону первых, однако не всегда это получается). Так Августин, рассказывая о том, как он пришел к вере, вспоминает, что его душа отказывалась подчиняться самой себе, но это, по мнению Августина, не означает, что в человеке есть две разных души – добрая и злая. «Я одобрял одно, – сетует Августин, – а следовал другому... Тело охотнее подчинялось душе, нежели душа сама себе в исполнении высшей воли своей, в одной и той же субстанции моей, тогда как, казалось, достаточно было бы одного хотения для того, чтобы воля привела его в действие... Но да исчезнут от лица Твоего, Боже... те, которые, видя две воли в борьбе духа нашего, утверждают, что в нем существуют два духовных начала противоположного естества, одно доброе, а другое злое. Питая такие нечестивые мысли, они сами признают себя злыми; между тем могли бы быть добрыми, если бы отказались от этих мыслей»¹.

Еще раз обратим внимание: вполне в духе эзотеризма рефлексии души и своего религиозного опыта Августин оборачивает в сакральное и наоборот. Например, окончательный выбор в пользу Бога Августин объясняет тем, что Бог его «выкупил»: «Я решил пред очами Твоими не порывать резко со своей службой, а тихонько отойти от этой работы языком на торгу болтовней... уйти, как обычно, в отпуск, но не быть больше продажным рабом: я был Тобой выкуплен»². В этом же ключе можно понять и замечание Неретиной. «Повторим, – пишет она, – через исследование внутренних интеллектуальных суждений, представлений, через анализ того, что есть органы чувств, память, образы, через проблематизацию времени, слова Августин показывает бытие Бога»³.

Но эзотеризм был формой, сущность же творчества Августина в нашей интерпретации сводится к построению схем и образов средневековой личности, ориентированной на Священное писание и работу по перестройке ветхого человека. Особенностью средневековой личности является конкретная диалектика свободы и необходимости, суть которой состояла в признании в рамках корпоративных отношений и веры в Бога личной свободы человека.

«Даже самые высокие права, – пишет Х. Ортега-и-Гассет, – оказывались тем самым прямым следствием личной власти. Таким образом,

¹ Августин. Исповедь. С. 108–109.

² Там же. С. 113

³ Неретина. С. 141

древнеримское и нынешнее представление, что человек от роду наделен всеми правами, – полная противоположность германскому духу. Последний неизбежно нес на себе отпечаток выдающейся личности. Личности, а не какого-то «индивида». Сначала права требовалось завоевать, потом – отстоять»¹. «Противник идеи личности в Средневековье, – комментирует это высказывание Неретина, – может воскликнуть: вот-де, по Ортеге получается, что личность зависит исключительно от себя, а как же Бог, в Котором человек всецело заключен? Но не стоит упрощать ни Ортегу, ни Августина. Человек осознает, что он всецело в руке Божией, если сам, сам исключительно сам, направит свою волю, душу, интеллект на самопознание, в результате которого он обнаруживает себя лицом к лицу с Богом и лишь в конце концов постигает, что он – в руке Божьей. Без этого самоначинания ни о каком истинном христианстве речи нет и не может быть, как не может быть средневекового человека без свободы воли, о чем уверенно пишет Августин»².

Несколько иначе, чем Августин проблему свободы и необходимости решает Северин Боэций. В последнем своем произведении «Утешение философией», написанном перед смертью в тюрьме, он задается вопросом, почему Бог допускает несправедливость. Ставится этот вопрос, имеющий непосредственное отношение к судьбе Боэция, при обсуждении проблемы природы «случая», которому при наличии Божественного провидения вроде бы не остается места. «Ярче и определеннее, – пишет Боэций, – очерчивается долг мудрости, когда блаженство правителя каким-то образом распространяется и на подвластные народы. Так бывает, когда тюрьма, смерть и другие наказания, налагаемые законом, обращаются против наиболее преступных граждан, ведь они для этого и созданы. Если же происходит обратное, и добрые люди получают наказания за чужие злодеяния, а награды, причитающиеся добродетели, отнимают дурные, – это вызывает большое удивление, и я желаю знать от тебя, что является причиной такой несправедливости и беззакония. Я бы меньше поражался этому, если бы полагал, что в мире правит слепая случайность. Но мое изумление не имеет границ, ибо Бог, управляющий всем, вместо того чтобы дать добрым сладкое, а злым – горькое, напротив, добрых наделяет суровой участью, а злых – такой, какую они желают. Если это не порождается определенными причинами, то, следовательно, вызывается случайностью»³.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., 1977. С. 161.

² Неретина. С. 163

³ Там же. С. 171

Разрешение этой коллизии Боэций видит в особой трактовке случая не как реальности, а как «знака провидения», значение которого скрыто от человека. Тем не менее, осуществляя разумный, нравственный поступок, характеризующийся направленностью к Благу (Богу), человек перестает быть рабом случая. «Смысл провидения состоит, по Боэцию, не в том, чтобы сообщать вещам необходимость, при которой исключается сама возможность случая и все возвращается к идее судьбы, а в том, чтобы быть знаком необходимости их осуществления в грядущем... Сущность знака – обозначать скрытое, но не творить сущности означаемого. «Следовательно, то, что произойдет в будущем, не является необходимым до того момента, когда происходит, а не обретя существования, не содержит необходимости появления в грядущем»... Идея поступка как спасения души становится для (Боэция) не-го одной из важнейших. Поступок опять же есть поступь свободной воли наделенного разумом существа. Случай же зависит от того, какой силой разума наделено это существо, поскольку оно «обладает свободой желать или не желать, однако не в равной степени»¹. Но вернемся к Августину.

Наметив схемы и образы средневековой личности, Августин, с одной стороны, создал условия для конституирования и формирования этой личности, с другой – принципиальную возможность ее мыслить. Действительно, становление личности предполагает формирование самостоятельного, личностного поведения человека (как я подчеркнул, в специфически средневековом смысле). В свою очередь, самостоятельное поведение невозможно без особой семиотики и представлений, задающих «образ себя». Схемы и образы средневековой личности, намеченные Августином, как раз и выполняют эту функцию, то есть задавали «образ себя», с помощью которого средневековый человек начинает строить самостоятельное поведение и устанавливать отношения с другими людьми и властью. На основе этих схем и образов средневековый человек также осознает себя и рассуждает по поводу себя, получая новые знания.

3. Конституирование духовного мира и человека в творчестве Сведенборга.

Два слова о научной и духовной карьере Эмануэля Сведенборга, известного шведского ученого и инженера начала 18 века. Окончив Упсальский университет, Сведенборг, с одной стороны, занимается

---

¹ Неретина. С. 176–177.

математикой, естественными науками и философией, достигая на этом поприще значительных успехов, с другой – поступает на службу к шведскому государству как инженер и, выражаясь современным языком, как экономический советник. При осаде Фридрихсгаля Сведенборг имел случай оказать Карлу XII особенную услугу изобретением механического снаряда, посредством которого перекатил через горы и долины, отделяющие Швецию от Норвегии, на расстоянии двух с половиной миль две галеры, пять больших лошадей и одну шлюпку, употребленные Карлом для перевозки осадной артиллерии под самые стены Фридрихсгаля.

Эта заслуга и новые труды ученой деятельности («он издал тогда: Предложение о установлении цены монет и введении мер в Швеции, с простейшими подразделениями. Рассуждения о высоте приливов, о великом приливе и отливе океана в давнюю эпоху с изложением доказательств, какие представляет этому почва в Швеции. Трактат о положении земли и планет, и проч.») были оценены шведским правительством, и признательная королева Ульрика Элеонора возвела его в 1719 г. в дворянское достоинство». Позднее (в 1846 г.) ряд журналов Англии, Франции и Америки сравнивали изданные Сведенборгом труды с «Математическими началами натуральной философии» И. Ньютона и обращали внимание на то, что «он первый ввел в свое отечество познание дифференциального исчисления»¹.

Начиная с 1709 года, когда была защищена его академическая диссертация, вплоть до 1745 года Сведенборг трудится, не покладая рук, беря одну научную высоту за другой. В пятьдесят пять лет Сведенборг уже опубликовал примерно двадцать пять томов исследований по минералогии, анатомии и геометрии. И вдруг, он слагает себя обязанности государственной службы. На самом деле не вдруг, а в связи с одним событием.

«Этим событием, – пишет Хорхе Луис Борхес, – было откровение... В Лондоне какой-то незнакомец шел за ним по улице и, войдя в его дом, назвал себя Иисусом Христом. Он сказал, что Церковь приходит в упадок, подобно еврейской церкви перед приходом Христа, и что Сведенборг должен обновить ее, создав третью церковь, церковь Иерусалима. Сведенборгу будет позволено посетить мир иной, мир духов с бесчисленным количеством небес и адов»².

Сведенборг решил целиком посвятить себя духовной миссии – рассказать всем в предчувствии конца света о том, как правильно

---

¹ Эмануэль Сведенборг. О небесах, о мире духов и об аде. Киев 1993. С. 4-7

² Там же.

понимать Священное писание, каким образом устроены небеса и ад, и каков путь человека после смерти. Сведенборг уверен, что он призван Богом, помочь верующим спастись в эти последние времена.

«Тайны, открываемые на следующих страницах, – пишет Сведенборг, – относятся к небесам и аду и к жизни человека после его смерти. Ныне человек церкви едва ли что знает о небесах и об аде и о жизни своей после смерти, хотя обо всем этом писано в Слове. Даже многие принадлежащие к церкви все это отрицают, говоря себе: кто оттоль приходил и рассказывал?»¹.

«Мы, – рассказывает Борхес, – всегда довольно туманно представляем себе мир иной, но Сведенборг говорит нам, что на самом деле все наоборот; ощущения там становятся более яркими. Например, там больше красок. Сведенборг пишет, что ни ангелы, ни демоны не были созданы Богом такими, какие они есть. Ангелы – это люди, возвысившиеся настолько, что стали ангелами, демоны – люди, павшие столь низко, что стали демонами. Таким образом, и рай и ад населены людьми, ставшими теперь ангелами и демонами. Бог никого не приговаривает к аду. Бог хочет, чтобы спаслись все люди»².

Особо стоит отметить такой факт: мир небес, духов и ад подчиняется у Сведенборга закономерностям, напоминающим природные; только в данном случае – это не первая природа, а духовная. Так любящие просветлены (излучают свет), ненавидящие людей и Бога, напротив, темны; угодные Господу проживают во внутренних небесах, а более отдаленные от него – на внешних; ангелы близкие по духу «как бы сами собой влекутся к подобным себе», пребывающие во зле и эгоизме не могут преодолеть сопротивления и попасть на небеса; «лицо каждого делается образом или выражением его внутренних чувств», так что нет разлада между реальными чувствами и мыслями и их публичным выражением во вне; «зло, постоянно дышащее из ада» достигает мира духов и даже небес, но «Господь постоянно охраняет небеса, отвращая их жителей от зла от соби, и содержа их во благе, исходящем от него самого».

Сходство загробного сведенборгианского мира с особой природой усиливается при анализе того, что можно назвать дискурсом его мышления. С одной стороны, этот дискурс напоминает естественно-научное построение: он содержит своеобразную математику, которая конкретизируется при соотнесении с эмпирическим материалом, в результате

---

¹ ²⁸ Сведенборг. О небесах... С. 14

² ²⁹ Хорхе Луис Борхес. Эмануэль Сведенборг. С. 522–529.

появляются (строятся) «духовные квазифизические понятия» (по форме напоминающие физические). С другой стороны, дискурс Сведенборга похож на социальные теоретические построения, здесь используются «духовные квазисоциальные понятия». С третьей стороны, эзотерический дискурс Сведенборга включает в себя понятия, заимствованные из психологии, но переосмысленные, то есть «духовные квазипсихологические понятия».

«Эзотерическая математика» Сведенборга включает в себя следующие понятия и объекты: представление о «соответствии» и «подобии», «части и целом», «единице», «симметрии», «внешнем и внутреннем», «совершенстве» («как сочетания различных, стройно составленных и согласованных частей, расположенных в совокупном (совместном) или последовательном порядке», «сферах»). Духовные квазифизические понятия такие: «свет», «тепло», «сила», «движение», «сопротивление», «равновесие», «время», «пространство», «притяжение», «отталкивание», «подъем», «падение», «присоединение», «слияние». Вот один пример – использование понятия «равновесие».

«Таково равновесие между небесами и адом; однако ж это не такое равновесие, как бы между двумя состязующимися особами, коих силы равны между собой, но это равновесие духовное, то есть лжи и истины, зла и добра: ад постоянно дышит ложью, происходящей от зла; небеса же постоянно дышат истиной, происходящей от блага. Вследствие этого духовного равновесия человек находится в свободе мысли и воли, ибо все, что человек мыслит и волит, относится или ко злу и затем ко лжи, или к добру и затем к истине»¹.

Среди квазисоциальных понятий наиболее распространенные у Сведенборга два: «управление» («Господь управляет небесами и адом») и «служение» («Любить Господа и ближнего – значит вообще отправлять службу»), а среди квазипсихологических – понятия «любви» и «состояния».

Пользуясь этими понятиями, Сведенборг строит свои рассуждения и доказательства, направленные, с одной стороны, на описание интересующих его фактов и предметной области, с другой – на разрешения духовных проблем (объяснение зла, непонятных утверждений Священного писания, бессмертия души и любви другие). Вот, например, как он объясняет супружескую любовь на небесах.

«Брак на небесах есть духовное соединение двух личностей в одну... вот почему двое супругов на небесах не называются двумя ангелами,

---

¹ Сведенборг. О небесах... С. 296

а одним...одна сторона хочет, чтобы все, ей принадлежащее, принадлежало и другой, и обратно...супружеская любовь есть сама основа Божественного наития...Небесные супружества отличаются от земных тем, что целью последних есть, между прочим, рождение детей; на небесах же этого нет, а вместо рождения детей есть порождение истины и блага»¹.

Представим теперь, что кто-то из нас встретился с ангелами и затем публично рассказывает об этом. Чем это может закончиться, особенно, если мы настаиваем, что это не сон, не галлюцинация, не ваша фантазия, что мы долго общались с ангелами как с обычными людьми? И уж совсем плохо, если мы настойчиво советуем окружающим, верить ангелам и тому, что они говорят. Тогда, точно, нам не миновать психиатрической больницы. Налицо все симптомы: видения, голоса, вера в несуществующую реальность. Ведь, на самом деле, скажет врач, нет никаких там ангелов, а если и есть, то их невозможно увидеть. Сто раз прав был Эммануил Кант, когда именно по поводу учения Сведенборга писал:

«Поэтому я нисколько не осужу читателя, если он, вместо того, чтобы считать духовидцев наполовину принадлежащими иному миру, тотчас же запишет их в кандидаты на лечение в больнице и таким образом избавит себя от всякого дальнейшего исследования... в творчестве Сведенборга я нахожу ту самую причудливую игру воображения, какую многие другие любители находили в игре природы, когда в очертаниях пятнистого мрамора им рисовалась святая семья или в сталактитовых образованиях – монахи, купели и церковные органы... Я устал приводить дикие бредни самого дурного из всех фантастов или продолжать их вплоть до описания им состояния после смерти... было бы напрасно пытаться скрыть бесплодность всего этого труда – она бросается в глаза каждому»².

Однако ведь верующие постоянно говорят об ангелах. И Кант, как известно, был верующим! Конечно, для современного рационально научно мыслящего человека ангелы, духи, небеса и ад, описанные Сведенборгом – чистая фантазия, утверждать, что все это существует на самом деле – значит поступать против истины. А ведь Сведенборг в своих духовных писаниях все время твердит: то, что я рассказываю – истина, многое мне сообщили ангелы, а им нельзя не верить, многое я видел собственными глазами. Да, кстати, то, что мы видим собственными

¹ Сведенборг. О небесах... С. 100, 184

² Кант. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Кант. Сочинения в 6 т. Т. 2. М., 1964. С. 327, 340, 347

очами, мы в это, действительно, верим; например, сейчас читатель ты веришь, что не спишь, читаешь мою статью, и вообще в добром здравии по части психики.

Впрочем, подобные же сомнения по поводу существования могут возникнуть относительно реальности любого эзотерического и религиозного учения. Может показаться странным, но подобный вопрос сегодня можно задать и относительно реалий первой природы. Существует ли Вселенная, черные дыры или кварки?

«Идея кварков, – пишет Е. Мамчур, – оказалась очень эвристичной и полезной. На ее основе удалось не только систематизировать сильно действующие частицы, но и предсказать существование новых. Оставался, однако, один неудобный момент: кварки оказались принципиально «не наблюдаемы». Что сделали физики? Они не стали на этом основании отказываться от идеи кварка, а продолжали работать с нею... Была создана специальная теория «конфайнмента» (заточения), объясняющая невозможность наблюдать кварки в свободном состоянии»¹.

Иначе говоря, возможно *не так уж важно видимы ангелы или нет, есть они или нет, главное, чтобы с ними можно было работать*. Но тогда, естественно, нужно понять, как можно работать с ангелами, зачем они нужны, и каким образом люди приходят к утверждению их существования. Например, какую роль ангелы играют в системе Сведенборга, каким образом он их стал видеть, что означает его общение с ангелами?

В учение Сведенборга Господь, ангелы и духи явно понимаются двояко: с одной стороны, – антропоморфно, это субъекты и живые существа, обладающие сознанием, разумом, телом и другими атрибутами, характерными для человека (недаром утверждается, что человек создан по образу и подобию Бога), с другой стороны, они понимаются безлично, как своеобразные природные феномены – силы, взаимодействия, поля. Действительно, когда Сведенборг пишет, что Господь и ангелы «служат», «управляют», «поддерживают порядок», «любят», что каждый человек – дух, а праведные люди – ангелы, он мыслит антропоморфно. Когда же Сведенборг говорит, что ангелы и духи сами влекутся друг к другу или отталкиваются, сами поднимаются на небеса или опускаются в ад, их лики автоматические просветляются или затемняются, что небеса и ад находятся в равновесии, в этом случае он мыслит не антропоморфно, а физикалистски.

---

¹ Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М., 2004. С. 217.

Признавая двойную трактовку построений Сведенборга, приходится обсуждать статус его учения, чтобы отнести последнее или к религии или к эзотерике. Борхес больше говорит о церкви и религии, а Соловьев об эзотеризме. Сведенборг, пишет Соловьев, ученый натуралист, впоследствии духовидец и самый замечательный (после Якоба Беме) теософ новых времен, основатель доныне существующей в разных странах секты сведенборгиан.

Эзотерическая культура отличается от религиозной. Религиозное спасение предполагает соборное усилие, обращение к Богу (как бы он ни понимался), признание невозможности кардинального изменения своей души (творит и изменяет душу только Бог). Если в религиозной традиции человек спасается не один, а вместе с верующим народом (соборно) и существует общий путь, на котором помогает церковь, верующие, священные книги, то в эзотерической культуре спасение – дело самого подвизающегося на пути, никто ему не может помочь, он бросается в воду и или переплывет море или утонет. Наконец, в рамках религии человек приходит к Богу, сохраняя свою личность, а в эзотеризме, напротив, он превращается в другое существо.

Если применить указанные различия религии и эзотеризма к учению Сведенборга, то налицо затруднение: с точки зрения самого Сведенборга в его работах речь, конечно, идет о религии (христианстве), а с точки зрения объективного анализа – об эзотерическом учении. Во-первых, обратим внимание, что учение Сведенборга во многих важных для христианства пунктах расходится с канонической трактовкой (подобно тому, например, как расходится с каноническим церковным пониманием учение Даниила Андреева или каббала с Торой). Так Сведенборг подобно каббалистам не признает троичности существования Бога, зато приписывает ему человеческую телесность, отрицает наличие Сатаны, не признает второе пришествие Христа и Страшный суд, отрицает воскрешение из мертвых, считая, что человек изначально дух и после смерти или идет на небеса (если жил праведно), или в ад (если грешил), утверждает возможность спасения язычников, существование на небесах любви и брака, иначе, чем церковь объясняет явление Христа.

Во-вторых, в учении Сведенборга отражаются идеальные устремления личности его автора, что по моим исследованиям тоже является признаком эзотерического мироощущения. Как показано в ряде моих работ, эзотерик выстраивает мир, понимаемый им как подлинная реальность, который отвечает его идеалам, наитию, высшим устремлениям.

Действительно, будучи рационалистом и ученым с физикалистской ориентацией, Сведенборг рационально осмысливает христианское учение; отсюда, например, отрицание троицы как логического противоречия или трактовка отношений между небом и адом как взаимодействия, напоминающего физическое. Считая, что главное в жизни не слова, а богоугодные дела, Сведенборг приписывает ангелам жизнь в трудах и служении Господу и людям. Поскольку ценности любви и брака для Сведенборга были очень значимыми, на небесах ангелы любят и вступают в браки. Вообще, не будет преувеличением утверждать, что мир небес у Сведенборга устроен так, как Сведенборг понимает, что такое рай. А рай у верующего – это место, где реализуются его мечты и высшие устремления.

В-третьих, целый ряд переживаний и состояний Сведенборга, когда он нащупывал идеи, положенные в основании своего учения, соответствуют аналогичным переживаниям и состояниям «гениев эзотеризма», то есть тех, кто сумел достигнуть чаемой ими цели эзотерического спасения.

Что же тогда получается? Психологически Сведенборг строит новую религию, а реально – эзотерическое учение. Но и учение Будды первоначально представляло собой эзотерическое учение, а затем на его основе возникла мировая религия – буддизм. И проповеди Христа первоначально – это всего лишь эзотерическая доктрина.

Судя по всему, все зависит от того, как учение понимается (концептуализируется) и как затем практикуется. Большая часть поклонников Сведенборга, следуя его книгам, концептуализировали сведенборгианское учение как новую религию и хотели построить новую церковь («Новый Иерусалим»). Но были и другие последователи Сведенборга, которые поняли его идеи, например, как теософские, то есть эзотерические. Это означало, что не хотят строить сведенборгианскую церковь, а самостоятельно обрести мир, о котором Сведенборг рассказал.

В своих книгах Сведенборг изображает дело так, что он был призван к своей новой миссии совершенно неожиданно для себя, и дальше все, что он писал, были не его собственные субъективные размышления, а знания и наития самого Господа. И даже Вл. Соловьев, похоже, поверил ему. Он пишет, что в свой религиозный период Сведенборг воздерживался от самостоятельного мышления, записывая лишь явления своего духовидения и те мысли, которые он считал прямо внушенными или надиктованными ему свыше.

Но вряд ли это так, сомнительно, что участие Сведенборга состояло в простой записи услышанного свыше, хотя психологически он так думал. Напротив, я уверен, что книги Сведенборга – продукт его творчества и жизненного пути, а высшие силы здесь сыграли куда меньшую роль, если, вообще, участвовали в этой работе. Однако ведь сам Сведенборг не раскрывает своей творческой лаборатории; может быть, он и ничего не знает о ней. Как же быть? Путь один – реконструировать эту лабораторию. Что, например, собой представляет такой источник знаний Сведенборга, как его встречи и беседы с ангелами?

В своих работах по психологии и эзотерических учениях я анализирую особую группу психических феноменов, которые представляют собой «сноподобные состояния», начиная от прямого пробоя сновидений в период бодрствования (галлюцинации), кончая разными случаями совмещения сновидений и бодрствования¹. К последним можно отнести и так называемый «сон наяву» и эзотерические «сны». Во сне наяву наши сновидения, которые мы не успели реализовать в периоде сна, подстраиваются под образы и тематизмы бодрствующего сознания. Действительно, как часто, не выспавшись, мы никак не можем сосредоточиться на событиях текущей жизнедеятельности; наши мысли уплывают куда-то в сторону, перебиваются какими-то воспоминаниями, фантазиями, образами. На самом деле эти неконтролируемые и приходящие как бы со стороны сюжеты – наши сновидения, контрабандным путем реализующиеся под видом бодрственных тем, переплетающиеся с бодрственными восприятиями.

Эзотерические «сны» складываются не сами собой и не сразу. Им предшествуют несколько процессов: формирование эзотерической личности, подавление реальностей, не отвечающих эзотерическому мироощущению, отработка механизмов сноподобных состояний. Когда эти предпосылки удастся сформировать, складываются условия для эзотерических «снов»: по сути, это *реализация в периоде бодрствования сновидений, обеспечивающих реализацию событий, относящихся к подлинной реальности*. В этом отношении то, что эзотерик здесь видит и переживает, создано работой его психики, предварительно сформированной эзотерической жизнью и личностью.

Нельзя ли предположить, что и духовный мир Сведенборга представляет собой эзотерические сны на темы Священного писания? Чтобы понять, как они сложились и их место в учении Сведенборга, стоит обратить внимание на то, что, начиная с юности, на многих

¹ Розин В.М. Психология: наука и практика. М., 2005; Визуальная культура и восприятие. М., 2004; Эзотерический мир. М., 2002

его вполне светских научных, инженерных и философских рукописях внизу многих страниц идет следующее наставление себе:

- «1. Часто читать Слово Божье и размышлять о нем.
2. Покорять себя во всем воле Божьего промысла.
3. Соблюдать во всех поступках истинное приличие и хранить всегда безукоризненную совесть.
4. Исполнять честно и правдиво обязанности своего звания и долг службы, и стараться сделать себя во всех отношениях полезным членом общества»¹.

То есть Сведенборг подобно Павлу Флоренскому был, так сказать, слуга двух господ. Он не мог отказаться ни от научного мировоззрения, ни от религиозного; оба мироощущения в одинаковой мере определяли его жизнь и поступки. Да и как могло быть иначе: основное занятие Сведенборга в течение почти полувека – наука, основной образ жизни и воззрение – христианство.

Здесь, однако, читатель может возразить, сказав: «Ну, и что с того, мало ли ученых верят в Бога и ходят в церковь. Их вера и научное мировоззрения могут быть никак не связаны; один из таких ученых выразился так: «моя вера и наука находятся в разных комнатах». Действительно, есть люди, и таких, вероятно, большинство, которые живут в «двух комнатах». Находясь в одной комнате, они забывают о другой, и наоборот.

Судя по всему, Сведенборг не был такой личностью, ведь не трудно предположить, что понимание мира и способ жизни зависит от характера личности. Для него мир науки и Господь были не две разные комнаты, а одна, единый мир и жизнь. Философ и психолог сказали бы, что его сознание было целостным. Таким же было сознание и у св. Августина, Декарта, Канта, Р. Штейнера, П. Флоренского. Я не случайно в этом списке упомянул Рене Декарта. Он не только во многом определил отношение новоевропейского ученого к Творцу всего, но и задал ряд особенностей научного новоевропейского мировоззрения. Похоже, что и Сведенборг не избежал влияние Картезия. Подобно Декарту Сведенборг не только считал, что человек по своему совершенству приближается к Господу, поэтому-то ангелы – это совершенные люди, но что можно познать и природу, и Господа, и небеса. При этом, познавая, мыслитель воспроизводит Господа и как бы творит мир, опираясь только на себя.

Именно как картезианец и ученый Сведенборг не мог не признать наличие в Священном писании множества противоречий. Как Господь

---

¹ Сведенборг. О небесах... С. 4.

может существовать в трех лицах, это явное противоречие; почему Он допустил зло и Люцифера, если Господь есть любовь и благо; что значит воскресение человека и смерть, если исчезновение в ничто, то вряд ли Господь после смерти каждый раз заново творит каждого человека; как понять, что «человек создан по образу и подобию Бога»; что собой представляют рай и ад, ангелы и демоны; почему язычники не спасутся, когда многие из них живут праведнее христиан и вообще ничего не знают о Господе и т. д. и т. п. Простой верующий такими вопросами не задается, но ведь Сведенборг был не только христианином, но и ученым, а также картезианцем.

В результате принципиальных сомнений и размышлений, но не отказа от веры Сведенборг начинает переосмысление религиозной реальности. Уверен, уже в первый период своей научной жизни. Другое дело, что он мог до поры до времени закрывать глаза на собственную работу мышления; не то, чтобы не замечать ее, такое трудно не увидеть, а как бы отодвигая ее на задний план, чем мы на самом деле часто занимаемся. В каком же направлении шло это переосмысление? Мы хорошо знаем это по его второму духовному периоду.

Сведенборг начал пересматривать противоречивые и не связанные между собой религиозные сюжеты, заменяя их собственными конструкциями в духе рационального картезианского мышления; при этом он создает квазинаучные понятия и выходит на представление о действительности, напоминающее не только сакральный мир, но и духовную природу. Сведенборг был уверен, что всего лишь уясняет истинное положение дел, ведет своеобразное познание духовной действительности, понимаемой пока еще как каноническая. Понятно, что эта работа была достаточно длительной и непростой, растянувшейся на много лет, предполагавшей «челночное движение», то есть возвращение и пересмотр исходных основоположений и конструкций. Но нужно учесть (это я, в частности, по себе знаю), что у человека, живущего мышлением, работа мысли совершается постоянно и частично автоматически, иногда, даже параллельно с другими занятиями.

Как следствие наряду с двумя основными реальностями – научным и религиозным миром, в сознание Сведенборга постепенно входит третья реальность. Это реальность, которую он сам создает в результате переосмысления второго мира, с одной стороны, похожая на этот мир, с другой – кардинально от него отличная.

Сведенборг, конечно, не мог не заметить, что новая реальность во многих пунктах противоречит каноническому христианскому

учению. Но существовала еще одна серьезная проблема. Сведенборг понимал свою работу как познание духовной действительности в духе новейшего для его времени естествознания. А оно требовало фактов и эксперимента. Последних, однако, не было. Ситуация для Сведенборга была достаточно драматичной. Новая духовная реальность практически уже встала на место канонической, она воспринималась как истинное положение дел, но входила в противоречие как с религиозными догматами церкви, так и собственными научными методологическими установками самого Сведенборга, по которым эта реальность нуждалась в подтверждении опытом.

Именно в этой ситуации на помощь приходит психика, начавшая продуцировать спонтанные сноподобные сюжеты, с одной стороны, восполняющие недостающие элементы научного мышления и действительности, с другой – «рисующие» такую картину, в которой Сведенборг получал санкцию свыше на новый способ познания и мышления. Ну, конечно, речь идет о встрече Сведенборга с посланником Господа и дальнейших духовных путешествиях и общениях с ангелами.

Как я показываю в своих исследованиях, выход в сознание сноподобных реалий предполагает осмысление и работу мышления, создание интерпретаций, формулирование новых подходов, и даже переосмысление своего положения в мире (см. авторские исследования творчества К.Юнга, П.Флоренского и др.¹). Все это мы и находим в жизни Сведенборга. Во-первых, он намечает новые принципы научного познания: трактует природу как подчиненную духовному миру, формулирует отношение соответствия и связанную с ним процедуру выявления соответствий, рассматривает высказывания ангелов и собственный духовный опыт в качестве фактов и научного опыта. Во-вторых, утверждает, что церковь неадекватно излагает Священное писание, а ему Сведенборгу Господь открыл тайны и подлинный смысл Слова. В-третьих, как мы помним, Сведенборг объявляет себя посланником Господа, мессией, призванным раскрыть христианам истинный смысл Слова и знание действительности, поскольку наступают последние времена. «Такое непосредственное откровение совершается ныне потому, что оно то самое, которое разумеется под пришествием Господа». Эти три новации можно считать сведенборгианским поворотом, открывшим дорогу многим идущим позднее от науки или философии эзотерикам.

Анализ учения Сведенборга, изложенного в книге «О небесах, о мире духов и об аде» показывает, что она уже сознательно выстроена

---

¹ ³⁶ Розин В.М. Мышление и творчество. М., 2006

как духовная наука: все построения согласованы между собой, даются ссылки на уже развитые в предыдущих главах положения, приводятся обоснования центральных основоположений, доказательства положений выполнены в языке рассмотренных выше квазинаучных понятий. Другими словами, Сведенборг понимает свою работу не просто как откровение, данное ему свыше, но и как научное познание духовного мира.

Кант, как мы помним, утверждает, что Сведенборг болен психически и даже опасен для общества. Я бы ему возразил, приведя великому немецкому философу такие соображения. Сведенборг столь же болен, сколько всякий человек, посвятивший себя творчеству и мышлению (тогда и Кант не менее болен, чем Сведенборг, и мой учитель Г.П. Щедровицкий, и я). Сведенборг, как показала история, не только не был опасен для общества, но, напротив, до конца своих дней никому не принес вреда, а после его смерти сложились сведенборгианские общества. Пусть не так уж много людей пошло за Сведенборгом, но в культуре количество не имеет большого значения.

В этическом же отношении учение Сведенборга вполне положительное. Недаром Вл. Соловьев писал, что «нравственное учение Сведенборга (по отзыву, между прочим, московского митрополита Филарета) было теологически безупречно»¹. Что же касается существования реальности, в которую каждый из нас верит, то этот вопрос сложный и решается сегодня не так, как еще несколько десятков лет назад. Главное не само содержание мира, о котором некто говорит или пишет, а то, как мы понимаем эти построения, как их используем, как реально живем. Можно хорошо жить и делать добрые дела, веря в ангелов и духовный мир, и жить ужасно, исповедуя самую правильную и современную картину мира.

Иногда говорят, что Сведенборг, представив ангелов и Господа в виде обычных людей, приземлил небеса, лишил их тайны. Отчасти это верно. Стоит, однако, обратить внимание, что в духовных поисках всегда были две разные тенденции. Одни трактовали Творца и духовный мир, как тайну и трансцендентальное, увеличивая дистанцию, разделяющую горний и дольний мир, подчеркивая их несоизмеримость. Другие, наоборот, сближали эти миры. В книге Сведенборга описанию ада отведено совсем мало места, зато небесам – все остальное. Сведенборг хочет нам сказать, что жить надо высшим, духовным. Но, утверждая, что ангелы – это совершенные люди, он говорит, что духовность надо видеть не в отлете от земных дел и в какой-то там

---

¹ В.Соловьев. Сведенборг // Христианство. Энциклопедический словарь. Т.2. М., 1995. С. 518.

непостижимой тайне, а в культивировании всех положительных человеческих устремлений, направленных на служение, любовь, поддержание жизни.

В учении Сведенборга можно увидеть чистый натурализм: оказывается там, на небесах ходят такие же люди; тогда, да, обвинения в снижении духовности справедливы. Но можно и лучше видеть другое – призыв к человеку стать человеком, не внешним, а внутренним, занятым не исключительно собой, а поддержкой другого, посвящающего свою жизнь не тщеславию, славе и удовольствиям, а служению, культивирующего в себе любовь к ближнему и Господу, как высшие ценности. Причем, заметьте, не только к ближнему, но Господу – началу всего и духовности. В связи с этим по отношению к Сведенборгу вряд ли справедливы обвинения в натурализме и снижении духовности. В ту эпоху было необходимо осмыслить христианское учение в духе научности. И Сведенборг выполняет это задание времени, переосмыслив христианство по-новому и лично. Думаю, никак иначе, чем, пропустив христианство через свою личность, это было сделать невозможно. А где личное видение действительности, там и одна из предпосылок эзотеризма. Личность Сведенборга принадлежала столько же христианству, сколько и науке. Поэтому рационализм и эзотеризм его учения вполне объяснимы.

МЕРА АТТРИБУТИВНОЙ ГАРМОНИИ В СЕМАНТИКЕ ИДЕАЛЬНОГО, «КВАДРАТНОГО» ЧЕЛОВЕКА АРИСТОТЕЛЯ

Э.М. Сороко, Минск, Беларусь

В живой природе законы генетики и генетический код имеют самодовлеющее значение. Они ответственны за самовоспроизводство биологических организмов и обладают высокой степенью устойчивости. Благодаря этому отдельные виды (например, скорпион, акула) существуют сотни миллионов лет практически не изменяясь. Человек в качестве биологического вида *Homo Sapiens* эволюционно также сложился достаточно давно. Однако как существо социальное, в отличие от биоорганизмов, он **производит**, создавая вокруг себя «вторую природу» – общество. Будучи общественным существом, способным ставить цели и решать задачи по их достижению субъектом деятельности, он творит себя сам. Это значит, что и состояния человека, как члена общества, со временем претерпевают трансформации – параллельно преобразованию структуры и предметной специфики труда, смене его

превращенных форм, изменению основных элементов характера и содержания производственных отношений. Но и потребности человека со временем также обновляются, обогащаются, прирастают новыми составляющими. Соответственно, расширяется и арсенал орудий труда как средств удовлетворения этих новых потребностей, возрастает техническая и технологическая оснащенность деятельности, совершенствуются ее проективная и конструктивная направленность, возникают новые институты, обеспечивающие ее устойчивость и надежность, развитие и системное качество. Тем самым расширяются горизонты социального бытия человека – по мере того, как он создает культуру, которая, говоря словами П.А. Флоренского, есть работа по организации пространства. Пространства не только внешнего, непосредственно окружающего его мира, но и собственного, внутреннего пространства его как субъекта практики и носителя интеллекта.

Далеко зашедшее «субъектное творчество» по преобразованию окружающего человека мира есть, надо сказать, палка о двух концах. Оно может оборачиваться и своей негативной стороной, если, будучи ослепленным своими успехами на данном пути, человек начнет упиваться своим могуществом, заняв позицию всезнайки, которому подвластно и позволительно всё. Традиционные знания, которые получены в университетах, многие столетия, еще со времен Сократа и Аристотеля основанные на «времениподобной», логической парадигме именно к такому финалу и могут привести. Гипертрофированная рационалистическая составляющая, в них заключенная, отнюдь не гарантирует полноты знания о мире. Напротив, эти знания ориентированы на решение вполне конкретных исторически обусловленных задач обеспечения прогресса, то есть функционально ограничены во времени. Они – производное от нужд создания необходимых технологий, востребованных «эрой механистических представлений» о мире, в котором демиург предстает в качестве «часовщика». Стержень этих знаний – логика, как последовательность необходимостей, и детерминизм, который Нобелевский лауреат И.Пригожин уподобил «карикатуре на науку». Поэтому они отнюдь не исчерпывающи, а значит и не гарантируют всей полноты представлений об устройстве мира природы, которую преобразует человек.

Господство *логики как последовательности необходимостей* утвердило в людях, преуспевающих в учении, самонадеянность всезнаек, нетерпимость к какой бы то ни было иной системе образования, привнесло в их сознание иллюзию истинного («научного») понимания

сущности мира. Но в мире помимо необходимостей есть еще нечто, более важное, совершающее ферментативное действие и не позволяющее человека превращать в машину, делающее из него человека. «Сведи к необходимым всю жизнь и человек сроднится с животным», – сказал еще В. Шекспир в «Короле Лире».

Отсюда понятно, что так называемая «логически выверенная» и «научно оснащенная» деятельность человека на Земле чревата исподволь наступающим, но длительно действующим глобальным кризисом. Накапливаясь в виде загрязнения человеком Ойкумены и надвигаясь малыми шагами за многие тысячи лет, его преобразующая природу практика способна изменить интенсивность и состояние общественной жизни, привести к асфиксии и отравлению всего живого на планете. По оценкам биологов, уже сегодня ежедневно и навсегда исчезает с лика Земли около 100 биологических видов. Их численность, по существующим оценкам, достигает 4,5 миллионов, из которых выявлено и описано не более половины. Экологический кризис, напоминает бульдога, который неуклонно приближается к дыхательной, жизнеобеспечивающей системе всех биологических существ, включая человека. Год от года ускоряя ход своего наступления, он уже готов, в соответствии с законами диалектики, обрести новое качество. Это качество чревата высоким деструктивным потенциалом и исполнено разрушительной силы, на борьбу с которой и на преодоление экологического последствия которой общество вынуждено будет сориентировать всю свою оставшуюся жизнь. А для бурного, взрывообразного наступления этого кризиса на планете нужно совсем немного – снижение кислорода в земной атмосфере всего лишь с 21% до 19%, что неизбежно произойдет вследствие сжигания всего извлеченного из недр углеводородного топлива. Не согласуя свою деятельность с великими законами природы, человек оставляет за собой пустыню. Данную мысль высказывали и Ф.Энгельс, и древнегреческие философы: «противное природе уничтожается скорее всего» (Аристотель. О небе, 269 b3).

Люди, являясь частью природы и взаимодействуя с ней, не могут не участвовать в ее процессах. Однако, уповая на собственный разум и создавая для себя новый, искусственный, химизованный и технизованный, мир, они почти не пользуются понятиями самоорганизации и саморазвития, столь характерными для природы живой, органической, и природы неорганической, косной. Опьяненные собственным величием, мы, как «великолепные антропосы», грубо и бездумно, самонадеянно и никому неподконтрольно вмешиваемся в тонкие саморегуля-

тивные процессы окружающей нас среды. И в отместку природа наказывает людей. Яркий пример того – гибель Аральского моря, приведшая к трагедии в жизнедеятельности человека. Реки, впадающие в это море, были разделены на тысячи ручейков-арыков и направлены на выращивание технических культур – на хлопковые поля. Нарушился естественный водный баланс целого региона. Большие массивы дотоле бушующих жизнью ареалов превратились в солончаки. Море высохло, почва на полях утратила плодородие и появилось безжизненного пространства горздо больше, чем имелось его прежде. Более того, на гигантских просторах этого региона, вплоть до самого Памира, куда ветры уносят иссохшее дно этого некогда полноводного морского бассейна, накачанного вреднейшей химической эмиссией, каждый человек приобрел целые «букеты» различных заболеваний, так называемых нозологических форм (в среднем – 20), а женщины утратили способность к зачатию и к деторождению. Природа своевременно выставила барьер против производства дегенератов. Таковы последствия длившегося десятилетиями непродуманного, авантюрного вмешательства большевиков в природу, которая сегодня бьет бумерангом по потомкам, с лихвой возвращая все некогда содеянное с нею.

Уже более двух тысячелетий современная цивилизация многие свои проблемы, причем не только в познании и политике, решает с помощью ключа «Разделяй и властвуй!». Его обобщение предложил Декарт в виде метода познания сложного посредством разложения его на части – простые составляющие. Но сегодня время разбрасывать камни уже, можно сказать, стало достоянием истории. Наступило новое время – собирать камни. Это понимал уже Гегель, в оценке картезианского подхода обронив, что части лишь у трупа. Живой организм, биологический или социальный (например, экономику), невозможно постичь методом логического аналитизма в его существенных свойствах и особенностях. Как функционирующее тело, неравновесная проточная система, в которой совершаются обменные процессы, организм обладает иерархическим и вместе с тем модульным строением. И это раздвоенное единство, или бинарная оппозиция, подчиняется законам меры и гармонии. Нужны методы синтеза и соответствующие им критерии, чтобы адекватно отслеживать его состояния как органичной сложноструктурированной целостности, устанавливая степени последней, определяющие его системное качество. В свое время на это обратил внимание еще В. Ленин [1, с. 122–123].

Альтернатива логико-аналитическим процессуальным методам науки – системный подход, в котором созданы критерии синтеза.

В основных своих позициях он был разработан во второй половине прошлого века и ныне существует в нескольких версиях. Системный подход в составе общей теории систем, диатропики как науки о разнообразии, синергетики, гармонистики и некоторых других ветвей обобщенного, универсального знания, адекватен новому укладу общества – «информационной эре». Именно в ней, в последней, интеллектуальная доминанта в продуктах труда стала не подспудно и латентно, как прежде, а непосредственно и явно определять весь ход и ускорение прогресса, содержание социальной политики, потеснив на второй план материальные приоритеты. Сформировавшиеся в рамках системного подхода трансдисциплинарные науки, – синергетика, гармонистика и другие – способны одним методом решать различные задачи из специализированных профильных наук, тогда как эти последние одну задачу могут решать разными методами. Здесь заключено одно из существенных различий между теми и другими, в силу их взаимной дополнительности превращающее науку в двумерную. Наука в целом в итоге напоминает ткань: узкую специализацию, профилированное знание дают традиционные дисциплины – классические, предметные области знаний. Они – аналог продольных нитей, называемых *основой*. Трансдисциплинарные же науки, дающие обобщенное знание, есть аналог поперечных нитей под названием *уток*.

Своевременность и актуальность этой новой, системной парадигмы, как адекватного новому времени свода принципов, идей и методов познания и практического действия, отметил Элвин Тоффлер, автор концепции Третьей волны. Согласно Э.Тоффлеру, культура человечества прошла две волны – с аграрным и соответственно индустриальным укладами. Вторую волну создавали «мыслители-картезианцы», Третью – информационное общество – «мыслители-системщики». Третья волна культуры стала развивать пространственноподобное измерение и наиболее соответствующий ему эпистемологически системный подход, предмет, ориентир и форму выражения которого составляет архетип целостности. «Демократы и республиканцы, тори и лейбористы, христианские демократы и голлисты, либералы и социалисты, коммунисты и консерваторы... – партии Второй волны. Все они, обманывая ради власти... участвуют в сохранении умирающего индустриального порядка... Самый важный момент политического развития нашего времени – это возникновение среди нас двух основных лагерей, один из которых предан цивилизации Второй волны, а другой – Третьей» [2, с. 687].

Проблема, таким образом, упирается в согласование двух ныне сосуществующих образовательных парадигм, что в свою очередь должно привести к изменению характера и содержания преобразующей деятельности человека на планете. Иными словами, требуется кардинальная перестройка всей образовательной стратегии общества с тем, чтобы она могла обеспечивать полноту и целостность представлений человека об окружающем его мире. И, разумеется, – гарантировать ему получение новых, знаний об универсуме. Это должны быть обобщенные знания о законах гармонии, процессах и формах ее установления и нарушения, о структурной гармонизации и гармоничном функционировании систем. Такие знания нужны для оснащения практики во всех сферах деятельности, для гармонизации проектирования и конструирования, производства, организации и эксплуатации всех создаваемых человеком систем. Словом, системный анализ во всех отношениях должен быть дополнен системным синтезом, прежде всего на институциональном уровне. И в результате, посредством включения в процесс формирования внутреннего мира человека трансдисциплинарного, общенаучного знания, семантики многомерного языка символов и интегративных способов измерения бытия, позволяющих во всех случаях осваивать архетип целостности, учить видеть не только деревья, но и лес, образовательная система станет адекватной потребностям времени.

Вся развивавшаяся тысячелетиями нынешняя наука представляет собой логикоподобное знание, превращенные формы которого – времениподобность, иерархизованность, последовательность необходимостей. И даже К.Маркс находился в ее плену, утверждая, что время есть пространство развития человека. Разумеется, это можно понимать и как своего рода афоризм, лаконичный ключ к более глубокому положению, но, тем не менее, сам концентрат этой мысли в сущности своей детерминистичен, носит характерную картезианскую окраску. Новая, трансдисциплинарная наука имеет модульный характер и представляет собою пространственноподобное измерение реальности. Если использовать военный лексикон, то структурно сложившаяся здесь, в области производства нового знания, ситуация неким образом напоминает, с одной стороны, сосредоточенный огонь по целям, а с другой – настилающий огонь по площадям. Пространственноподобность методов системного подхода, обусловлена тем, что «пространство есть множество параллельных рядов событий» [3, с. 136]. Изучение собственного времени и собственного пространства объектов как рядов

событий действительности в рамках локальных универсумов – это путь к новому, системному знанию, конструктивный и проективный потенциал которого весьма высок. А потому это знание должно быть организовано (а не спорадично) введено в программные документы университетов, стать достоянием философского осмысления, поскольку философ, как справедливо заметил Х.Ортега-и-Гассет, «есть специалист по универсумам» [4, с. 103].

Особо значимы в общей теории систем и, в частности, в *синергетике как науке о самоорганизации и формировании новых качеств*, концепции *собственного пространства и собственного времени* реальных объектов как самоорганизующихся систем. Вдумчивые исследователи отмечают, что многие стоящие сегодня перед человечеством проблемы порождены «господством материализма и потребительского отношения к Природе; отсутствием экспериментально подтвержденных научных знаний о пространстве как явлении и факте, о пространственной организации Биосферы и сущности эпохи разума; ...незнанием и неисполнением закона зависимости состояния части от положения в системе... **ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ ВЫХОДА ИЗ ПЛАНЕТАРНОГО КРИЗИСА И СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА – СМЕНА МИРОВОЗЗРЕНИЯ, СМЕНА НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ НА ОСНОВЕ НОВЫХ ЗНАНИЙ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА, ШИРОКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБНОВЛЕННЫХ ЗНАНИЙ...** Переосмысление научных знаний и гармонизация всех сфер существования и развития на Земле могут быть плодотворными только с учетом ведущей роли пространства и при активной перестройке земного бытия в соответствии с законом Гармонии, в чем и состоит смысл существования человека на Земле» [5, с. 96–97].

И если проектирование, конструирование, производство и организация различного рода систем, установление новых отношений человека с природой на основе законов и принципов гармонии становятся первейшей необходимостью, то тем более такая стратегия уместна и в отношении преобразования – конструирования и воспитания – человека, способного активно проводить в жизнь такую линию.

Идеалом человека у Аристотеля был “человек истинно добродетельный и «безупречно квадратный»” (Никомахова этика 1100 b22). Этот, на первый взгляд странный термин, позаимствованный у поэта Симонида, по более глубоком знакомстве с эволюцией антропологического субстрата отнюдь не кажется таковым. И лишь сегодня, на рубеже тысячелетий, после веков господства европейского рациона-

лизма, этот идеал человека, пересекаясь с понятиями «симфонического субъекта» (Н.О. Лосский) и гармонично развитой личности, обретает новый смысл и особую значимость, что находит опору в естественных процессах структурогенеза, которыми исполнено бытие.

Удивителен прежде всего сам факт частой и универсальной встречаемости четырехмерности в косной и живой природе. Четырехмерность есть аттрактор на размерностной шкале, к которому в своем становлении тяготеет буквально всё материальное и духовное, чего бы ни коснуться. Разум, чувства, вера, воля, – это фундаментальные атрибуты интеллекта человека. В полномерном человеке они образуют гармоничное единство. Для выражения их существуют четыре языка, элементами которых служат соответственно понятия (логика, наука, философия), образы (искусство), символы (религия, сфера «инферно»), ауторефлексивные акты (самосознание). (К. Маркс, кстати говоря, в своих ранних работах определил социализм как «самосознание человека».) «Рацио», «эмоцио», «интуицио», «медитацио» – их стихии. Первые три из них имеют в обществе свои институты для развития и совершенствования (университеты и академии; театры и стадионы; храмы), последняя же лишена таковых. Если первые три языка крепят связь людей, обеспечивают передачу информации между обществом и государством (отношения «Я – Он», «Я – Они» и т.п.), то последний, язык молчания, несет функцию общения человека с самим собой. Это внутренняя речь, язык молчания, ауторефлексии (отношения «Я – Я», «Я – Оно»). Налицо схема: 1 + 3. Лишь первая из стихий времениподобна в своем измерении (логика как последовательность необходимостей, иерархии, история, тексты, причинно-следственные связи, цепи событий), другие же пространственноподобны. В первом случае Мир изучается как линейно данный Текст, в остальных – как пространственная Волна со всеми ее аспектами: размахом вариации, когерентностью, амплитудой, фазами, резонансами, интерференцией, синхронией и пр.

Конструирование и формирование человека есть процесс адресный, заключающийся в том, чтобы четыре вышеназванных внутренних атрибута его как личности, были в нем гармонично согласованы. Соответственно тому, какой атрибута в нем преобладает – разум («рацио-начало»), чувства («эмоцио»), вера («интуицио») или воля («медитацио», суровый самотренаж) – можно констатировать существование четырех типов интеллекта. Гармония в нем устанавливается, когда один из данных атрибутов фигурирует в качестве доминанты, а остальные

выступают ее дополнителями, выполняя в той или иной мере ферментативное действие в интеллекте как целостном формировании. В любом случае разнообразие компонентов данного четырехмерного локального атрибутивного универсума поддерживается на фиксированном уровне благодаря привязке интегрального показателя, относительной информационной энтропии как меры состояния целого, к ее узловому значению – золотому сечению 0,618 [6]. Тем самым удовлетворяется «закон сохранения уровня разнообразия» [7, с. 46, 51], регулирующий установление гармонии атрибутивной информации, связанной в структуре системы как локального универсума. Немаловажно отметить, что и дефицит разнообразия, и избыток его ведут в социуме к росту суицидов.

Восприятие мира через понятие, образ, интуитивное прозрение (инсайт) хорошо известно и достаточно полно изучено. Восприятие мира через символы по-прежнему, как и много сотен лет назад – *tabula rasa*. Здесь довлеет себе иррациональность, связанная с постижением подкорковых областей сознания, «коды» которого уходят за пределы логического аналитизма, в глубины подсознания, где, как показал академик Н.А. Бернштейн [8], лежат не контролируемые сознанием шесть уровней координации движений, поступков человека.

Вывод, к которому пришел великий психофизиолог нашего времени Карл Густав Юнг, для приверженцев несокрушимой мощи логики малопривлекателен: «Когда разум пытается объять некий символ, то неизбежно приходится идти к идеям, лежащим за пределами логики... Символ всегда заключает в себе больше, чем его очевидное и сразу приходящее на ум значение» [9, с. 15, 49]. Это означает, что понятийно невыразимая суть символа, находясь в сфере коллективного бессознательного, *в принципе не контролируема логикой и не подвластна рассудку*. Будучи «знаком судьбы», символ может кодировать, программировать, трансформировать образ жизни, само будущее человека или страны.

Таким образом, четверица – материя, сознание (идея), информация как ограниченное разнообразие и мера (гармония) – есть тот фундамент, на котором только и возможно формирование адекватного понимания мира и человека.

В заключение отметим ряд смыслов, или аспектов, гармонизации, которая в объекте регулируется интегративными средствами, придавая ему определенную степень самосогласованности, целостности и системное качество. Это:

- оптимизация коэволюции природы и общества;

- экономия ресурса (времени, сырья, энергии, денег) в производстве качественных вещей (улучшение управления экспериментом);
- предотвращение коллапса и обеспечение устойчивого развития сложных социальных систем: общество, цивилизация, человечество;
- новые, более эффективные принципы биоиндикация экологических сред;
- новые методы отбора лучших растений и животных в сортоиспытаниях;
- выявление наилучшей организации (взаимодействия) N субъектов, связанных единой целью;
- постижение природы локального универсума;
- выявление наилучших терапевтических схем лечения путем компаративного анализа их множества;
- тонкая диагностика нормы-патологии систем, включая организмы животных и человека;
- проектирование с помощью орграфов моделей организации системы для оптимизации ее функционирования;
- прогнозирование развития (судьбы) системы, числа и характера недостающих в ней (либо избыточных) элементов ("меронов");
- создание базиса для универсальной науки о смесях – миксеологии;
- разработка критерия оптимального разнообразия системы как важнейшего показателя обеспечения успешного ее функционирования, надежности жизнедеятельности, целевой организации;
- классификация иерархий по признаку энергетической проводимости субстрата (на основе инвариантов – обобщенных золотых сечений);
- отыскание и размещение кульминационных точек (смысловых центров) в художественных произведениях и типология культур по принципу их экспансивности;
- принцип оптимизации функций организационного и композиционного дизайна в производстве информационной продукции (газеты, журналы и пр.);
- оценка степени энергичности и состоятельности (адекватности) ценозов (эко-, био-, техно-, лингво- и др.);
- принцип квотирования и распределения между производственными субъектами государственной собственности при ее «разгосударствлении»;

- выявление природы неэффективности больших систем и экспертная оценка их возможного коллапса путем параметризации их масштабового резонанса;
- определение пропорций участия разнотипных социальных, экономических субъектов деятельности, центрированной на единой цели. Это, прежде всего, соотношение частной и государственной собственности в экономике. В соответствии с законами строения бинарной оппозиции, его оптимальное значение (%) 38:62 – при социалистической ориентации вектора общественного развития и 62:38 – при капиталистической его ориентации.

Литература

1. Ленин В.И. Письмо П.И.Попову и поручение секретарю // Полн. собр. соч. Т. 53. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004.
2. Александров А.Д. О философском содержании теории относительности // Эйнштейн и философские проблемы физики XX века. М., 1979.
3. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.
4. Путинцев А.И. Организованное пространство и гармоничное развитие // Московский Синергетический Форум. Январская (1996) встреча «Устойчивое развитие в изменяющемся мире». 27–31 янв. 1996, Москва. Тезисы / Ин-т филос. РАН и др. М., 1996.
5. Сороко Э.М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую теорию гармонии систем. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2006.
6. Оноприенко Ю.И. Закон сохранения информации в биологии. Владивосток, 1985. Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947.
7. Юнг К. Человек и его символы. М., 1997.

МЕДИЦИНА, ПЕДАГОГИКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА¹

Б.Г. Юдин, Москва, Россия

В прошлые годы мне пришлось дважды – один раз в Москве², а другой – в Томске³ проводить круглые столы журнала «Человек», посвященные в общем-то одной и той же теме: модификации человека. Совершенно естественно в обоих случаях разговор довольно быстро выходил на более радикальную тему – не просто модификацию,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 06-06-00170.

² Круглый стол «Модификация человека». // Человек. 2006. № 5, 6.

³ Круглый стол «Модификация человека. Научные, технические и моральные границы.» // Человек. 2008. № 1,2.

но конструирование человека. Когда эти дискуссии только еще задумывались, имелось в виду использование для целей модификации либо конструирования, прежде всего, биомедицинских технологий. Однако в качестве альтернативы все время приходилось держать в уме и использование с этими целями технологий образовательных, педагогических, вообще – психологических, социально-психологических, социальных и т.п.

При этом, однако, довольно скоро выяснялось, что сама проблема в значительной мере тривиализируется, поскольку подобные применения социальных и психологических технологий – дело вполне обычное. И вот теперь, как мне кажется, я нащупал возможность разграничить конструирование человека с точки зрения медицины, с одной стороны, и педагогики – с другой. Именно этот вопрос и будет рассматриваться в данной статье.

*

Все мы привыкли к тому, что медицина занимается восстановлением и поддержанием здоровья человека. Иными словами, в общем и целом усилия служителей медицины направлены на то, чтобы вернуть человека в некоторое *естественное*, т.е. в нарушенное тем или иным недугом *состояние* нормы¹. С этой целью медики разрабатывают и применяют определенные средства и методы – то, что можно назвать медицинскими технологиями. Применение этих технологий является всеобщей деятельностью – всеобщей в том смысле, что каждый человек в течение своей жизни, так или иначе, оказывается в роли их пользователя.

Примерно та же степень всеобщности характерна и для средств и методов, т.е. технологий, используемых в практиках образования и воспитания. Отличает же эти практики от практик медицины то, что они изначально ориентированы на изменение – формирование, развитие и т.п. индивида.

Разумеется, и в этих сферах деятельности существуют определенные нормы, в частности, нормы, которым должен соответствовать образованный, воспитанный человек. Но в отличие от тех норм, по которым мы оцениваем здоровье индивида, для достижения этих норм мы должны не восстанавливать нечто уже бывшее, а так или иначе трансформировать, изменять, переделывать того, кого мы воспитываем и образовываем. Говоря более резко, в первом случае речь идет о *воссоздании*, здесь же – о *создании заново*.

---

¹ См. Юдин Б.Г. Здоровье: факт, норма, ценность. // Мир психологии. 2000. № 1 (21).

Стало быть, по отношению к индивиду медицинские практики есть практики прежде всего реконструктивные (в широком смысле слова – терапевтические), тогда как образовательно-воспитательные – это практики конструирования. Вместе с тем, если подходить с точки зрения социума, то и те, и другие практики выступают как практики *воспроизводства* того, что сегодня принято называть человеческим капиталом или человеческим потенциалом.¹ Действительно, с этой точки зрения вся образовательно-воспитательная деятельность, вся работа социализации значима не в том смысле, что в каждом конкретном случае конструируется уникальный человеческий индивид, а лишь постольку, поскольку она обеспечивает упорядоченную смену поколений таких индивидов, которые – безотносительно к их уникальности – призваны выполнять те или иные социально значимые функции.

Но, далее, резкость нашего противопоставления этих двух видов практик может быть смягчена и в другом ракурсе. Дело в том, что в современном обществе круг применения медицинских технологий быстро расширяется. И эта тенденция проявляется двояко.

Во-первых, сегодня очень много говорят о феномене медиализации. Суть его – в том, что те или иные характеристики, состояния, свойства человеческого организма и (или) поведения, которые прежде никак не связывались с оценкой здоровья человека и не предполагали медицинского вмешательства, начинают восприниматься и описываться в медицинских терминах.

Вот характерный пример. В последние десятилетия объектом пристального внимания медиков стал синдром, получивший название «дефицит внимания – гиперактивность». Его признаки обнаруживаются чрезвычайно часто у мальчиков школьного возраста, которым бывает трудно тихо сидеть на занятиях в классе, которые часто отвлекаются и отвлекают окружающих, не могут сосредоточиться и т.п. С 1980 г. этот синдром фигурирует в официальном перечне психических расстройств, составляемом Американской психиатрической ассоциацией. Между тем, несмотря на многолетние исследования, причины его не установлены, и диагностируется он только по весьма субъективно определяемым симптомам, таким, как затрудненная концентрация и гиперактивность моторных функций. По некоторым

---

¹ См в этой связи, напр., Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек. 1996. № 4; Основы изучения человеческого развития / Под ред. Н.Б. Баркалова и С.Ф. Иванова. М., 1998; Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1999; Человеческий потенциал как критический ресурс России / Под ред. Б. Г. Юдина. М., 2007.

оценкам, ту или иную форму этого расстройства можно обнаружить у 15 млн. жителей США – а это значит, что страна переживает эпидемию ошеломляющих размеров¹.

Таким образом, те особенности характера и поведения, которые прежде было принято корректировать педагогическими средствами, теперь попадают в область медицинских вмешательств. В результате случается так, что и сами страдающие этим расстройством, и их близкие впадают в отчаяние, полагая, что неспособность концентрироваться обусловлена не всего лишь слабостью характера или отсутствием воли, а более глубокими, органическими причинами. Вместе с тем сама квалификация таких поведенческих особенностей как медицинского диагноза дает им основания снимать с себя ответственность за собственные действия.

Другим примером медиализации может служить все более широкое использование методов пренатальной (предродовой) диагностики, которая нередко применяется для выявления и селективного аборта будущих детей, те или иные свойства которых (сегодня это чаще всего пол) не удовлетворяют родителей.

Во-вторых, сферой если не практических действий, то по крайней мере весьма острых дискуссий становится разработка и применение медицинских технологий не в традиционных – реконструктивных целях, а для реализации замыслов, направленных на *конструирование* человека. Иными словами, в этом случае имеется в виду не воссоздание (*существующей*) нарушенной *нормы*, а осуществление *новаторского проекта*. Когда мы ориентируемся на норму, мы стремимся воспроизвести нечто уже существующее или бывшее; выстраивая проект и действуя в соответствии с ним, мы стремимся привнести в мир что-то принципиально новое.

В данной статье мы будем обсуждать возможность представить медицину в нетрадиционном качестве – в качестве сферы деятельности, руководствующейся не столько нормой, сколько проектом. Особо отметим, что понятия и нормы, и проекта в этом случае относятся к человеческому индивиду, что задает специфический ценностный контекст обсуждения интересующей нас проблемы.

*

Вообще говоря, до недавнего времени идеи конструирования человека обсуждались главным образом создателями разного рода утопических замыслов. Поэтому и мы попробуем теперь обратимся к миру

---

¹ См. Об этом, напр., F. Fukuyama. "Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution" Farrar, Straus and Giroux, N.Y., 2002, p. 43-56.

утопии. В нем, как и везде, сегодня происходят кардинальные перемены. Время социальных утопий, видимо, уходит в прошлое. Одной из главных причин этого, на наш взгляд, является то, что утратил актуальность сам *замысел* построения *идеального социального порядка*. Он представляется ныне не только недостижимым, но и, что более важно, не особенно привлекательным. Ключевую роль в его развенчании сыграли антиутопии XX века – как художественные вымыслы (или прозрения) Евг. Замятина, А. Платонова, Дж. Оруэлла, О. Хаксли и других авторов, так и те, не менее жуткие, которыми обернулась практическая реализация некоторых утопических проектов. Поэтому наши искушенные современники бывают не очень-то склонны уповать на социальный порядок – к нему, как правило, предъявляются минимальные требования: только бы не мешал жить.

Сам же импульс, питающий утопическое мышление, отнюдь не иссяк. Теперь оно прорастает на иной почве – *место социальных утопий занимают утопии индивидуальные*. Разумеется, мы здесь имеем в виду не проекты создания идеального человека – таковые всегда были главной составной частью социальных утопий. Объектом же индивидуальных утопий является будущее не общества, а самого «утопающего», его детей, вообще близких, вплоть даже до генетических копий, получать которые можно будет путем клонирования. В пространственном отношении такая утопия ограничивается непосредственным окружением, оказывается локальной. Вожделения же направляются на такие объекты, как крепкое здоровье, способность добиваться высших достижений в тех или иных областях деятельности, комфортная, счастливая, активная, долгая (в пределе, и сегодня уже отнюдь не только абстрактно мыслимом – бесконечная) жизнь. Такого рода проекты, ориентирующиеся на достижения (чаще чаемые, чем реальные) генетики, именуют «приватной», «семейной», «домашней» евгеникой.

Ориентиром и мерой прогресса при этом выступает непрестанное, в идеале даже безграничное, расширение индивидуальных возможностей человека. Что касается средств, которые предполагается использовать для реализации этих упований, то основные надежды теперь возлагаются отнюдь не на социальные преобразования, а на достижения науки и технологии. Действительно, неисчерпаемым источником, питающим утопическое мышление наших дней, являются биологические и медицинские науки, прежде всего – генетика. Они выступают в этой роли вовсе не впервые, но в контексте совре-

менных утопических умонастроений их роль оказывается весьма своеобразной.

*

Нетрудно заметить, что современного человека все больше тяготит зависимость от неподконтрольных ему факторов – окружающей среды, времени, собственных психофизических данных. Болезни, старческая немощь, недостаточная физическая и психическая выносливость, ограниченный объем памяти, ограниченность наших интеллектуальных и физических способностей – все это начинает осознаваться в качестве *проблем*, которые допускают и даже требуют технологических решений.

Природа человека, таким образом, оказывается полигоном для самых разнообразных манипуляций и модификаций. Технологии таких вмешательств в природу человека разрабатываются в широком спектре научных дисциплин: генетике человека, когнитивных науках, нейрофизиологии и нейрофармакологии, психологии и других науках о поведении. Чаще всего импульс для разработки этих технологий модификации исходит из медицины, занятой поиском новых путей излечения болезней и восстановления здоровья. Однако нередко на этих путях задачи *исцеления* человека трансформируются в задачу *улучшения*.

Выстраивается такого рода последовательность. Сначала в биомедицинских науках ищутся и разрабатываются методы лечения тех или заболеваний. Затем ставятся более широкие задачи – скажем, генетические тесты позволяют выявлять многие дефекты не тогда, когда они проявляются воочию, а на более ранних стадиях, когда они существуют еще, так сказать, в потенции, на уровне наследственной предрасположенности. Речь при этом идет уже не столько о терапии, сколько о профилактике. А потом оказывается, что эти методы могут быть применены и для того, что по-английски называется *enhancement*, а если перевести на русский язык – для улучшения человека. При этом имеется в виду не устранение у него каких-либо дефектов, не их профилактика, а то, чтобы сделать его в каких-то параметрах лучше. Это может быть, скажем, более высокий рост, или более высокий коэффициент интеллекта, или развитые музыкальные способности и т.п. Таким образом, наряду с терапией и профилактикой начинают задумываться о возможностях улучшения.

Следующий шаг в этом направлении ведет нас к тому, что можно называть радикальной модификацией человека. Такая модификация –

это уже не просто «улучшение» человека, а создание человека с заранее заданными свойствами. При этом один человек становится не только в биологическом, но и в некотором всеобъемлющем смысле слова творцом другого человека. Сначала человек А составляет для себя план творения, согласно которому будущий человек Б должен обладать таким-то и такими-то свойствами. Одно из расхожих выражений, используемых в этой связи в английском – *designer baby*, то, что можно перевести на русский как «дитя проекта». Т.е. прежде всего разрабатываются как бы чертежи, или даже «техническое задание»: будущие творцы-родители обсуждают со специалистами-генетиками то, какими чертами и свойствами должен обладать будущий ребенок. И уже после того, как техзадание согласовано, специалисты-генетики составляют планы, чертежи, в соответствии с которыми будет проектироваться ребенок.

Предполагается, таким образом, что генетики сначала определяют «гены, ответственные за» такие свойства, как интеллект, рост, цвет волос, агрессивность или самооценка, а затем на основании этих знаний создадут «наилучшую» версию ребенка. При этом не обязательно даже, чтобы тот или иной потребный ген был человеческим.

Конечно, такой путь чреват многими опасностями, часть из которых сегодня обсуждается в дискуссиях по поводу клонирования человека. Действительно, модификация существующих или введение новых генов может привести ко множеству самых разнообразных и неожиданных последствий. Важно поэтому, чтобы практическое применение любой формы генетической инженерии, которая может привести к значительным эффектам на индивидуальном и популяционном уровнях, предварялось убедительной демонстрацией ее желательности, безопасности и относительной дешевизны. Однако такой рациональный ход событий вовсе не является предзаданным.

Уже есть прецеденты того, что новые медицинские технологии порождают популяционно значимые эффекты в результате миллионов решений, которые люди принимают на индивидуальном уровне. «Достаточно, – пишет Фукуяма, – всего лишь взглянуть на современную Азию, где сочетание дешевых радиogramм и легкодоступного аборта привело к резкому изменению в соотношении полов. В Корее, например, в начале 90-х гг. рождалось 122 мальчика на 100 девочек при нормальном соотношении 105 к 100. Соотношение в КНР лишь немногим меньше, 117 мальчиков на каждые 100 девочек, а в северной Индии

существуют места, где это соотношение еще более смещено.¹ Это привело к дефициту девочек в Азии, который экономист Амартья Сен оценил в 100 млн. Во всех этих обществах аборт в целях выбора пола незаконен; но, несмотря на давление правительств, желание отдельных родителей иметь наследником мальчика порождает сильно деформированное соотношение полов» (р. 80-81).

По словам Г. Стока, «В большинстве стран мира закон запрещает использовать тесты на определение пола ребенка для целей выбора пола, но такая практика является общепринятой. Исследование, проведенное в Бомбее дало удивительный результат: из 8 000 абортированных зародышей 7 997 были женского пола. А в Южной Корее подобные аборт получили такое распространение, что около 65% детей, рождающихся третьими в семье, – мальчики, видимо, из-за того, что супруги не хотят появления еще одной девочки.»²

Этот перекокс в соотношении полов может привести к серьезным социальным последствиям. Так, уже во втором десятилетии нашего века Китай столкнется с ситуацией, когда пятая часть мужского населения, находящегося в брачном возрасте, не сможет найти невест. Ясно, что такой переизбыток неприкаемых молодых людей породит немало проблем.

Неизвестно, станет ли когда-либо генетическая инженерия столь же дешевой и доступной, как радиогаммы и аборты. Но если, к примеру, ее методы позволят производить детей с более высоким уровнем интеллекта, то это, скорее всего, породит новую евгеническую волну. Речь пойдет не о том, чтобы предотвратить появление детей у людей с низким коэффициентом интеллекта (задача негативной евгеники), а о том, чтобы помочь таким людям повысить этот коэффициент (задача позитивной евгеники) как у себя, так и у своих детей. И именно государству придется обеспечивать доступность этой технологии, что и приведет к значимым последствиям на популяционном уровне. Пока что такого рода сюжеты относятся к области фантастики, тем не менее, сегодня они уже широко обсуждаются не только в научно-

---

¹ В рабочем докладе «Этические аспекты выбора пола», подготовленном аппаратом Совета по биоэтике при Президенте США (январь 2003 г.), приводятся несколько другие данные: Венесуэла – 107,5; Югославия – 108,6; Египет – 108, 7; Гонконг – 109,7; Южная Корея – 110; Пакистан – 110,9; Дели, Индия – 117; Китай – 117; Куба – 118; в Азербайджане, Армении и Грузии эта величина достигает 120. Авторы доклада считают, что если соотношение количества мальчиков и девочек при рождении превышает 106 к 100, это свидетельствует о реальном применении практики выбора пола. См. Staff Working Paper. Ethical Aspects of Sex Control (<http://www.bioethics.gov/>)

² Gregory Stock. Redesigning Humans. Choosing our Genes, Changing our Future. Mariner Books. Boston, New York, 2003, p. 14.

фантастической литературе, но и в серьезных философских, да и не только философских, исследованиях.

Следующий вопрос – это вопрос о том, какие именно технологии могут быть применены для улучшения и для модификации человека. Разумеется, прежде всего, это те технологии, которые разрабатываются в генетике, на уровне манипуляций с отдельными генами или с геномом в целом. Второй тип технологий базируется на достижениях и перспективах того, что сегодня получило название *neuroscience* – нейронаука, нейрофизиология, манипуляции, осуществляемые на уровне нейронов. Эта область привлекает все более пристальное внимание; объектом острых дискуссий становятся и возникающие здесь этические проблемы – некоторые авторы выделяют их в отдельную сферу, получившую название нейроэтики.

В последнее время в качестве весьма перспективного направления модификации человека начинают рассматриваться нанотехнологии¹. Здесь речь идет о манипуляциях, осуществляемых в масштабах нанометров, т.е. отдельных молекул. Представляется, что можно говорить и еще об одной сфере, где разрабатываются такие технологии – это сфера психологических, психотерапевтических, психиатрических и т.п. воздействий на человека.

*

Конечно, человек начал воздействовать на самого себя отнюдь не сегодня. Сколько он существует на Земле, столько он воздействует и на окружающий мир, и на самого себя. В общем и целом, воздействуя на окружающий мир, он тем самым воздействует, хотя и опосредованно, и на самого себя, модифицирует не только окружающую, но и свою собственную природу. Но в нашем случае речь идет не о воздействии на окружающую природу, а о непосредственном воздействии на человека.

Хотелось бы обратить внимание на такое обстоятельство. Когда человек изменяет окружающую природу, то изменение его собственной природы выступает как нечто вторичное, и, вообще говоря, непреднамеренное. А те воздействия, которые интересуют нас здесь, – это воздействия преднамеренные. Так вот, есть одна весьма существенная разница между тем, как мы воздействуем на окружающую природу и как воздействуем на свою собственную природу.

В первом случае, при наших воздействиях на окружающую природу, у нас есть нечто вроде масштаба, точки отсчета, если угодно.

---

¹ См., напр., *Nanotechnology: Risk, Ethics and Law* // Ed. by Geoffrey Hunt and Michael D. Mehta. Earthscan, L., 2006; Беялетдинов Р.Р. Нанотехнологии – много шума из ничего? // *Человек*. 2007. № 5.

Потому что мы изменяем ее, исходя из своих желаний, нужд, потребностей и интересов. Конечно, у разных людей эти желания, нужды, потребности, интересы могут быть совершенно разными, но, тем не менее, есть какие-то общие рамки, позволяющие их так или иначе соотносить, соизмерять.

Во втором же случае, когда мы воздействуем на человека, т.е. на самих себя, мы лишены такой мерки. В самом деле, сначала мы хотим как-то изменить существующее состояние, поскольку обнаруживаем какие-то отклонения от нормы, которые хотели бы ликвидировать или, по крайней мере, минимизировать, т.е. имеем в виду терапию. Далее возникает вопрос об улучшении каких-то существующих свойств. Но затем, когда речь заходит о радикальной модификации человека, то оказывается, что здесь никакого общепринятого масштаба нет, что каждый сам по себе задает для себя этот масштаб, а потому единственным, что может определять эти планы и проекты, является, наверное, человеческая фантазия.

В ситуации такой неопределенности особую значимость приобретает вопрос о ценностных, моральных аспектах того выбора, перед которым сегодня оказываются люди. Не случайно вокруг проблем модификации человека разгораются острые идейные споры. По-видимому, на сегодня преобладающей является позиция осторожного отношения к различным технологиям модификации человека. Тем не менее, все большую силу набирает довольно-таки радикальное международное и междисциплинарное движение, которое называет себя трансгуманизмом. Приведем несколько выдержек из его декларации:

- В будущем технологии радикально изменят человечество. Мы предвидим возможность переконструирования человеческого существа, включая такие параметры, как неизбежность старения, ограниченность человеческого и искусственного интеллекта, невозможность выбора собственной психологии, страдание и нашу ограниченность планетой Земля.
- Для понимания этих грядущих перемен и их долгосрочных последствий необходимы систематические исследования.
- Трансгуманисты считают, что, будучи широко открытыми по отношению к новым технологиям и приемля их, мы имеем больше шансов обратить их себе на пользу, чем если мы будем пытаться запрещать их или им препятствовать.
- Трансгуманисты отстаивают право тех, кто того желает, использовать технологии для расширения своих умственных и физических

(включая репродуктивные) способностей и усиления контроля над собственной жизнью. Мы стремимся к личностному росту за гранью наших нынешних биологических пределов.

- При планировании будущего необходимо учитывать перспективы поразительного прогресса технологических возможностей. Будет трагедией, если технофобия и излишние запреты не позволят обрести потенциальных благ. Вместе с тем трагедией окажется и уничтожение разумной жизни вследствие катастрофы или войны, вызванной применением передовых технологий.
- Трансгуманизм защищает благополучие всего того, что наделено способностью чувствовать (включая искусственные интеллекты, людей, постлюдей или животных) и включает в себя многие из принципов современного гуманизма.¹

Пока еще трудно судить, является ли трансгуманизм развитием, современной фазой гуманизма либо же с позиций трансгуманизма гуманизм должен быть вообще отброшен как нечто архаичное. Во всяком случае, мы можем констатировать, что замыслы, направленные на конструирование человека, в чем-то существенном оказываются трудно отличимыми от замыслов полного разрыва с природой человека и выхода в мир совершенно неведомых нам существ. Так может быть, занимаясь сегодня науками о человеке, мы изучаем уходящую натуру? Хотелось бы надеяться, что это не так.

---

¹ См. <http://transhumanism.org/index.php/WTA/declaration>

**БИОЭТИКА
И БИОМЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНВАЛИДА

И.И. Бухонин, Т.В. Мещерякова, Томск, Россия

Идентичность инвалида формируется двумя путями: под воздействием общества – его ценностей, социальной политики государства в отношении людей с недостатками – а также путем его собственного самоопределения.

Ценностное отношение к инвалидам в нашем обществе выражается чаще всего негативно. «Уже обычное слово, которое не задумываясь произносится каждым из нас и приписывается конкретным людям – инвалид, – по смыслу означает лишенный ценности. И лишены эти люди ценности потому, что их существование не соответствует некоторой само собой очевидной идее человека, которая хотя и может показаться «абстракцией», но в каждодневности нашего общественного бытия более реальна, чем бытие каждого конкретного индивида» [1]. Отношение к инвалиду соответствующее, на первом плане стоит его ущербность, перспектива стать инвалидом воспринимается в общественном сознании как трагедия. А данное отношение накладывает очень сильный отпечаток и на самосознание инвалида. Человек чаще всего при таком восприятии ощущает себя как балласт общества.

Современные концепции инвалидности можно разделить на две группы: первая делает акцент на объективном статусе инвалида в обществе; вторая ставит во главу угла субъективный статус. В первой делается акцент «на присутствии органической патологии или дисфункции и приписывает инвалидам статус девиантов» [2] и необходимо их исправление или изоляция. В первом случае позицию инвалида в обществе определяют другие «здоровые», во втором – инвалид контролирует свой статус самостоятельно.

В рамках первой концепции можно выделить: а) медицинский аспект, когда во главу угла ставятся аспекты лечения и инвалиды рассматриваются как больные с недостатками, вследствие чего инвалид нуждается в поддержке извне – в помощи профессиональной медицины; б) административный аспект, когда модель инвалидности ориентирована на развитие специализированных учреждений и структур для лиц с ограниченными возможностями. Инвалид выступает в роли объекта патронажа и социальной защиты и ему также отводится пассивная роль. Человек лишается «права самостоятельного выбора, принятия решения и управления жизненными ситуациями» [2].

В Великобритании на страницах Журнала медицинской этики (Journal of Medical Ethics) в 2001 г. прошел симпозиум по проблеме неспособности (инвалидности), на котором развернулась дискуссия защитников двух моделей неспособности: медицинской и социальной. Медицинская модель акцентирует внимание на физическом состоянии человека, не учитывая его социальную природу, а социальная игнорирует физическое ухудшение в состоянии здоровья человека.

Ухудшение (impairment), неспособность (disability), препятствие (handicap) – эти слова в разговорном английском языке не сильно различаются, обычно используются как синонимы. Джонс [3] пытается показать на основе различия этих терминов невозможность предпочтения какой-то одной из моделей. Он подчеркивает тесную взаимосвязь и медицинского и социального аспекта в инвалидности. С одной стороны, существует влияние социальных факторов («эффект социального давления») на состояние больного человека. С другой стороны, медицинские показатели здоровья человека определяют возможности адаптации инвалида к изменившимся условиям своей жизни.

Ухудшение – любая потеря или отклонение от нормы психологической, физиологической, или анатомической структуры или функции. Неспособность (инвалидность) – любое ограничение или недостаток (следующий из ухудшения) способности действовать в пределах диапазона, который считают нормальным для человека. Препятствие – неудобство для данного индивидуума, следующее из ухудшения или неспособности, которое ограничивает или предотвращает выполнение роли, считающейся нормальной (в зависимости от возраста, пола, социальных и культурных факторов) для этого индивидуума.

Джонс обращает внимание на культурную определенность в той или иной степени всех терминов [3]. Есть, например, южноамериканское племя, в котором распространена инфекция (dyschromic spirochaetosis), вызывающая повреждения цвета кожи, это ухудшение расценивается настолько желательным, что те немногие члены племени, которые не имеют данного заболевания, оказываются неспособными получить партнеров для вступления в брак.

Лицевое проявление синдрома Дауна у ребенка расценивается как первичное ухудшение. С точки зрения медицинской модели пластическая операция в таком случае не обоснована, она никоим образом не будет «вылечивать» синдром Дауна. Но в социальном плане пластическая операция снижает или устраняет неблагоприятный социальный отклик на такого ребенка. Анкетный опрос, проведенный среди

родителей детей с синдромом Дауна, которым провели пластическую операцию, показал, что 83 % из них чувствовали, что их дети были хорошо приняты обществом [3].

Неспособность еще более ценностно нагруженный термин. Определение неспособности в некоторых типах общества также будет зависеть от культурного контекста. Например, ухудшение, которое предотвращает ходьбу, очевидно, приводит к неспособности в любом обществе, но ухудшение, которое кончается дислексией, причинит неспособность только в грамотном обществе, но даже и в нем при отсутствии необходимости использовать врожденный навык чтения, данный недостаток окажется замаскированным.

Препятствие – это индивидуальное свойство, и главное, что его определяет – это ответ общества (нормой для которого считается человек в целом здоровый) на те ухудшения и неспособности, которые являются главным источником препятствия. В некоторых странах до сих пор есть законы, ограничивающие инвалидов. Например, в Германии предписано инвалидам не покидать свои дома, квартиры в течение определенного времени, потому что их поведение могло бы оскорбить соседей, а также на курортах во время отпусков им запрещено появляться, потому что иначе может произойти сезонное снижение цен. В России и без принятия таких законов инвалидов в колясках практически не встретить в общественных местах, т.к. у них зачастую нет средств и возможностей покидать свои квартиры.

Сегодня большинство исследователей придерживаются единства социального и биологического (медицинского) в инвалидности. Это единство одновременно предполагает и наличие определенного противоречия. К примеру, не каждое тяжелое заболевание у одних лиц ведет к инвалидности, в то время как у другого даже «легкая» болезнь приводит к инвалидности за счет социальных факторов: профессии, условий труда и т.д.

Развитие личности после определения инвалидности, ее самоидентификация во многом зависит от ее установок. В большинстве случаев инвалидность связана с отрицательными проявлениями. Но если изначально доминируют рентные установки, то и инвалидность может быть рассмотрена как «благо» (т.к. статус инвалида предусматривает льготную пенсию и т.д.). Это в свою очередь зависит еще и от уровня социально-экономического развития общества (чем он ниже, тем больше процент иждивенчества).

Социальное конструирование личности под влиянием внешних факторов, за счет развития равных возможностей организма лежит в основе современной концепции инвалидности. Согласно М. Веберу действие человека обретает характер социального действия, когда в нем присутствуют два момента: субъективная мотивация индивида, который вкладывает в свой акт определенный смысл и ориентация на поведение других людей [4].

С учетом второй концепции инвалидности, в основе которой лежит субъективный статус инвалида, важна и работа самой личности и «работа» общества, в котором живет инвалид. «Субъективная социальная самоидентификация играет значительную роль при формировании жизненных стратегий инвалидов. С помощью этой концепции люди с ограниченными возможностями способны через переопределение и позиционирование себя в ситуации инвалидности повлиять на осмысление феномена инвалидности в обществе» [2].

Человек с инвалидностью не столько является инвалидом, как сколько он сам себя им ощущает. «Люди имеют ценность только потому, что они люди, а не на основании их физических способностей и степени независимости от окружающих» [5] – эти слова Кэйт Дисфелд стали лейтмотивом симпозиума в Великобритании.

Инвалидность не является непреодолимой преградой для конституирования личности. Человек с ограниченной степенью свободы за счет физических недостатков и нарушений функций (биологической составляющей), с одной стороны может являться инвалидом (в медицинском смысле), а в плане духовного – нет, т.к. будет развиваться его сознание, совершенствоваться личностные качества (воля, ответственность, знания и т.д.), и он является социально востребованным.

С одной стороны, инвалиды, вследствие своих ограничений, неспособности, вынуждены общаться с подобными себе, так как в этом общении рождается опыт по преодолению неспособности, борьбы за выживание, преодоления болезни, травмы (общества инвалидов по слуху, зрению, клубы больных диабетом, церебральным параличом, спинальными травмами и т.д.). Переход человека в категорию инвалида – это всегда кризис личности, т.к. изменяется вся привычная до этого жизнь. И психологическая поддержка тех, кто находится в подобной ситуации, важна. История знает немало примеров, когда в этой ситуации у человека «открывается второе дыхание», активизируются глубинные возможности – развивается литературное творчество, художественное и т.д., проявляются глубинные способности и инвалиды

справляются с недугом, помогают другим. «Преодолей себя сам – помоги другим».

С другой стороны, инвалиды общаются и с окружающим миром, где большинство людей без «отграничений». И тут важна помощь этого общества им: это и социальные службы, реабилитационная индустрия, все, что способствует уменьшению ограничения участия индивида в общественной жизни. И эти мероприятия направлены не только на замещение «дефекта», но в большей степени на активизацию скрытых возможностей и использования и развития сохраненных функций. Но изменяться, строить новую жизнь – это право инвалида, которое закреплено во многих законодательных актах. Интеграция, использование жизненного опыта человека с инвалидностью, создание условий для независимой жизни – основные моменты реабилитации. Независимость определяется как право выбора и принятия самостоятельного решения, возможность реально распоряжаться своей жизнью.

Происходит конструирование социального опыта, происходит наполнение жизни новым содержанием. Активное конструирование человеком своего мира, своего «я» в новой сложившейся ситуации является важнейшим моментом в формировании идентичности инвалида.

Общество, где большинство людей не имеет ограничений из-за возможностей здоровья, влияет на субъективное восприятие инвалидности, человеком с ограничениями жизнедеятельности. И от того, насколько адекватно общество воспринимает инвалидов как своих равноправных членов, зависит насколько тяжелее или легче будет инвалиду ощущать себя «нормальным», как все в обществе. И здесь инвалид имеет возможность выбора: либо конструировать свое поведение, только ожидая помощи со стороны, либо активизировать собственные усилия. При втором варианте быстрее произойдет снятие «ярлыка» инвалида в его собственном сознании и будут происходить изменения в системе отношения общества к людям с ограниченными возможностями здоровья.

Литература

1. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С. 44.
2. Егорова С.В. Социальное конструирование в структуре современных представлений об инвалидности. Режим доступа: <http://www.ssu.samara.ru/~vestnik/gum/2002web3/soci/200230702.html>
3. Jones R.B. Impairment, disability and handicap – old fashioned concepts? // Journal of Medical Ethics. 2001. № 27. P. 377-379. Режим доступа: <http://jme.bmj.com/cgi/content/full/27/6/377>

4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 31.
5. Diesfeld Kate. Disability matters in medical law // Journal of Medical Ethics. 2001. № 27. P. 388-392. Режим доступа: <http://jme.bmj.com/cgi/content/full/27/6/388>

ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: СПЕЦИФИКА И СУЩНОСТЬ

А.Н. Быстрова, Новосибирск, Россия

С.В. Кучерявенко, Юрга, Россия

Проблема диагностирования как методологии познания сложных систем начинает занимать в последнее время всё большее место в процессе построения картины мира. Дело в том, что диагностирование уже по определению представляет собой такой анализ, в процессе которого выявляются основные параметры и элементы системы (собственно анализ), исследуется соотношение нормы и патологии во взаимодействии между ними и определяется стратегия дальнейшей деятельности в системе (с системой).

Диагностирование, таким образом, выступает как сложный процесс, включающий в себя различные формы и способы познания, а также технологии деятельности. Одним из таких способов познания (проявляющим себя одновременно и как процесс познания, и как искомая технология деятельности) выступает диагностическое моделирование, имманентные свойства и смыслы которого соотносятся с процессами прогнозирования и проектирования различных сложных систем. «Моделирование означает материальное или мысленное имитирование реально существующей (натуральной) системы путем специального конструирования аналогов (моделей), в которых воспроизводятся принципы организации и функционирования этой системы» [1, с. 13]. Продолжая эту мысль, можно отметить, что своеобразным вариантом модели является некий проект (конструкт). Одной из функций моделирования является то, что оно одновременно выступает и как один из основных методов прогнозирования, поскольку существуют «...три класса методов прогнозирования: экстраполяция, **моделирование**, опрос экспертов» [2, с. 1254]. Принято считать, что моделирование – наиболее сложный способ прогнозирования, несущий в себе конструирование структурной, физической или математической модели, адекватно отображающей наиболее существенные закономерности поведения объекта прогнозирования и их взаимосвязи с внешними

факторами. Эти методы могут пересекаться и с экстраполяционными, и с экспертными, которые, как отмечает Э. Янч, «...лежат в основе построения так называемой антиципации – логически сконструированной модели возможного будущего с пока определенным уровнем достоверности» [3, с. 19]. К ним относятся, прежде всего, модели социокультурных объектов. Н.С. Розов выделяет три основные ситуации использования моделей: «...исследование, конструирование и преобразование как целенаправленное изменение объекта, имеющего собственную историю и тенденцию развития...Использование моделей социокультурных объектов относится преимущественно к последней, наиболее сложной ситуации» [4, с. 15].

Сложность таких моделей заключается именно в их стохастичности. Они, в отличие от детерминированных моделей, (где все факторы, оказывающие влияние на развитие ситуации, однозначно определены и их значения известны на любой момент), предполагают наличие элемента неопределенности, учитывают возможное вероятностное распределение значений факторов и параметров, определяющих развитие ситуации. Следует отметить, что детерминированные модели, с одной стороны, являются более простыми, поскольку не позволяют с необходимой полнотой учитывать элемент неопределенности. С другой стороны, они позволяют отметить многие дополнительные факторы, часто недоступные стохастическим моделям. Однако профессионально разработанная модель должна периодически проверяться на достоверность, точность и полноту. Причем точность модели характеризует степень совпадения ее параметров со значениями этих параметров у оригинала. Полнота, в свою очередь, определяется количеством формализованных параметров оригинала. Хотя, как отмечает Э.А. Смирнов, «...формализация это всегда упрощение, которое вносит ошибку в конечный результат» [5, с. 147].

Моделирование тесно связано с экспериментом. Изучение какого-либо явления на его модели при предметном, предметно-математическом моделировании, а также при компьютерном моделировании представляют собой особый вид эксперимента – так называемый модельный эксперимент. Его специфика по сравнению с обычным экспериментом состоит в том, что в процессе познания включается промежуточное звено – модель, выступающая, с одной стороны, как средство, а с другой стороны – как предмет экспериментального исследования, заменяющая подлинный объект изучения. Благодаря этому, как отмечает В.В. Налимов, «...возможности экспериментального исследования

значительно расширяются, так как на моделях можно воспроизводить и изучать многие объекты, прямой эксперимент над которыми затруднен, экономически невыгоден или вообще невозможен из-за большой сложности, значительных или исключительно малых размеров, чрезвычайно большой длительности или чрезвычайно коротковременности их существованию» [6, с. 138]. В свою очередь **модельный эксперимент** может быть положен в основу исследований при **диагностике** сложных объектов, а, следовательно, и для **прогнозирования** альтернативных вариантов их функционирования и развития. Большое значение приобретает модельный эксперимент также и в случае, когда объектом изучения являются те стороны явления, физически не отделяемые от него самого, как, например, социально-экономические или политические процессы.

Моделирование предполагает использование процедур абстрагирования и идеализации; и эта черта моделирования также особенно существенна в том случае, когда предметом моделирования являются сложные объекты, поведение которых зависит от большого числа взаимосвязанных факторов различной природы. Как отмечает И.Б. Новик, «...в ходе познания такие системы отображаются в разных моделях, дополняющих друг друга» [7, с. 35]. Моделирование – не только одно из средств отображения явлений и процессов реальности, но и критерий проверки научных знаний. «Применяемое в органическом единстве с другими методами научного познания, моделирование служит его углублению, движению от относительно бедных информацией моделей к моделям, полнее раскрывающим сущность исследуемого объекта» [8, с. 234].

Исследуя взаимосвязь понятий «модель» и «диагноз», мы приходим к их синтетическому обобщению, а именно, к понятию «*диагностическая модель*». Для выявления её сущности необходимо ввести промежуточные понятия: «информационная модель» и «прогнозная модель». В.М. Глушков считает, что «**информационная модель**» для фиксации «...того или иного уровня познания исследуемого объекта, позволяющая описывать не только его строение, но и *предсказывать* (с той или иной степенью приближения) его поведение» [9, с. 45]. В свою очередь, «**прогнозная модель**» определяется как «...модель объекта, построенная на базе его ретроспективного исследования и анализа и предназначенная для постановки эксперимента с целью получения информации о будущем» [1, с. 13]. Под ретроспективным исследованием во многих случаях может подразумеваться процедура

диагноза. Например, О.А. Богатыревой для «разрешения одного из парадоксов описания поведения саморазвивающейся целостности» построена модель функционирования саморазвивающейся социодемографической системы и разработан метод *экспресс-диагностики* состояния данной модели с целью прогноза ее развития [10, с. 33].

Учитывая взаимопереходный характер в связке понятий «диагноз-прогноз-модель», полагаем, что их взаимосвязь можно выразить через понятие «диагностическая модель» как одну из разновидностей информационных моделей, в данном случае, объекта диагноза. Новые теоретические и методологические подходы к разработке и применению психодиагностических методик в учебной деятельности изложены в коллективной монографии, изданной под редакцией В.Д. Шадрикова [5]. Авторы основывали свои исследования на следующих методологических положениях:

1) системном подходе к диагностике способностей и личностных качеств как свойств функциональных психологических систем, обеспечивающих продуктивность познавательной и профессиональной деятельности и имеющих индивидуальную меру выраженности;

2) принципе научно-методической задачи, согласно которому процедура диагностики является этапом решения *конкретной* педагогической задачи и должна обладать практической эффективностью;

3) ситуационно-личностном подходе к диагностике, когда в качестве диагностической процедуры выступает не тест, а целостная диагностическая ситуация, в которой взаимодействуют учащийся и педагог [11, с.8]

На базе этих положений были сформулированы следующие принципы психологической диагностики интегральных познавательных способностей:

- *принцип деятельностно-опосредованной диагностики*, согласно которому диагностическая процедура должна предусматривать, прежде всего, *моделирование* некоторой деятельности, в состав которой входил бы и изучаемый процесс;
- *принцип функционального обеспечения диагностируемой способности*, предусматривающий обязательное воспроизведение в моделируемой диагностической деятельности требуемой функции в максимально выраженной форме;
- *принцип политестовой диагностики*, так как интегральные процессы имеют комплексный, синтетический характер;

- *принцип системно-ориентированной диагностики*, предполагающий, что любая из интегральных способностей синтезируется на базе не суммативного объединения входящих в него процессов, а на основе их системного синтеза;
- *принцип множественности уровней диагностики*, утверждающий, что каждая из интегральных способностей может развертываться в качественно различной форме, на различных уровнях организации: и как процесс, и как действие, и как система действий, и – в предельно выраженном виде – как относительно самостоятельная деятельность [11, с. 14–15].

Таким образом, диагностирование тесно связано с процедурами прогнозирования, моделирования и проектирования. Причем диагноз выступает как исходное основание для последующего прогнозирования и проектирования сложных систем: диагностическая информация является необходимой предпосылкой обоснованного определения спектра траекторий развития объекта (прогнозирование), разработки проектов его реформирования, управления, оптимизации, построения его модельных образов, которые могут выступать в качестве своеобразных *«диагностических моделей»*.

Литература

1. Прогностика. Основные термины и понятия. М., 1970.
2. Российский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая Российская энциклопедия. 2001. Кн. 2.
3. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. М.: Прогресс, 1970.
4. Розов Н.С. Методологический анализ моделирования социокультурных объектов: Автореферат диссертации. Томск, 1989.
5. Смирнов Э.А. Управленческие решения. М.: ИНФРА-М, 2001.
6. Налимов В.В. Теория эксперимента. М.: Наука, 1971.
7. Новик И.Б. О моделировании сложных систем. М.: Мысль, 1965.
8. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА-М., 1997.
9. Глушков В.М. Гносеологическая природа информационного моделирования // Вопросы философии, 1963. № 10.
10. Богатырева О.А. Философско-методологические проблемы моделирования поведения социодемографических систем как целостных объектов: Автореферат диссертации. Новосибирск, 1999.
11. Диагностика способностей и личностных черт учащихся в учебной деятельности / Под ред. В.Д. Шадрикова. Саратов: Изд-во Саратовского госуниверситета, 1989.

ОБРАЗ ТЕЛА В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ

М.В. Вознесенская, Томск, Россия

В последние годы значительно возрос интерес к проблеме телесности. Важность исследования этой проблемы очевидна, поскольку человек сталкивается с постоянно проявляющей себя реальностью своего тела. Актуальность изучения телесности усиливается с ростом числа психосоматических заболеваний и неврозов. Болезнь нельзя локализовать только в теле или только в психике и нельзя лечить вне социального контекста.

Однако, декларируя психосоматическое единство человека, психология долгое время занималась преимущественно явлениями сознания или высшей психической деятельности, а телесность оставалась для нее чуждым, натурально организованным и природно готовым к жизни качеством [2]. Вместе с тем, проблема телесности заявила о себе еще в то время, когда Вильгельм Райх провозгласил идею единства тела и духа, включил тело в сферу интересов психотерапии и создал концепцию личностно-мышечного панциря. В механизмах психологической защиты, описанных Фрейдом, так же имеют свое выражение и определенные мышечные напряжения, «зажимы», формируя «мышечный панцирь», который сдерживает движение энергии, препятствует свободному выражению эмоций.

Можно сказать, что тело является нашим самым главным коммуникативным инструментом. Мы создаем и поддерживаем взаимосвязь с другими на телесном уровне. Кроме того, тело одновременно является иместилищем «я» и объектом, с которым «я» имеет взаимоотношение. Понятие телесности не вполне идентично телу, оно «шире» и «больше» тела и телесно-метафорически выражает психологические проблемы человека.

Телесность содержит в себе выраженную символическую составляющую, которую можно рассматривать в культурном контексте. Так в рамках культурно-исторической теории Л.С. Выготского предметом психологии телесности являются закономерности развития телесности на разных этапах онтогенеза, структура и психологические закономерности ее функционирования в качестве человеческого т.е. культурно-детерминированного феномена в норме и патологии, условия и факторы, влияющие на формирование телесности.

Одним из составляющих понятия телесности является образ тела – представление человека о собственном теле как о своеобразном психо-

логическом пространстве, оценочное представление о себе, которое определяет активность человека. Большую роль в формировании образа тела играет семья ребенка, мать.

«Образ тела определяется исследователями как системообразующий структурный элемент образа Я. Его осознанное формирование начинается на 2-м году жизни. Ребенок узнает названия и функции своих частей тела, испытывает их в действии, знакомится с ощущениями от них и учится соотносить ощущения с определенными частями тела. Таким образом, он формирует целостное эмоционально насыщенное представление о своем теле, о своей телесной тождественности самому себе. Недостаточность или подавление этих процессов затрудняет формирование личностной идентичности» [1]. Формирование образа тела несводимо к приобретению общих знаний о строении тела. В динамике жизненного пути образ тела предстает как высоко значимое динамичное личностное образование, с которым тесно связаны потенции как внутренних конфликтов, так и личностного роста.

В большинстве исследований образ тела рассматривается в качестве одного из важнейших компонентов самосознания. Однако, с развитием телесности происходит и ее «окультуривание»: «Культурность» функции предполагает возможность овладения ею и включения ее в контур произвольной регуляции в соответствии с определенными правилами, не совпадающими с требованиями природы. Формируются навыки, стереотипы поведения, связанные с человеческой средой, осуществляющей свои коммуникативные запреты. С самого раннего детства ребенка приучают к «правильному» осуществлению целого ряда функций, связанных с питанием, отправлениями, овладением инструментами. Мать, добиваясь от ребенка контроля над функциями его организма путем соблюдения режима питания, награды и наказания, приписывания ответственности и вины, по сути дела, создает совокупность «сопротивлений», порождающих конфигурацию «культурного тела», особый контур Я, не совпадающий с границами Я, очерченными природными преградами. Культурная функция не только не равна натуральной, на почве которой она формируется, но способна в значительной степени ее видоизменить» [2].

В ходе работы с больными, страдающими гипертонией нами были сделаны наблюдения, касающиеся особенностей формирования и функционирования образа тела и выдвинуты рабочие гипотезы, требующие дальнейшей разработки и основывающиеся на предшествующих убеждениях о взаимосвязи тела и психики. Наша позиция такова,

что коммуникативные запреты выражаются через стереотипы поведения и находят свое отражение в телесных ощущениях, что ведет к определенному формированию образа тела, дает оценочное представление о себе и определяет, в конечном итоге активность человека. Сформированные в родительской семье коммуникативные запреты, влияющие на формирование стереотипов поведения сводились к трем основным правилам, которых придерживаются пациенты во взрослой жизни:

- 1) Запрет на слезы. В этот запрет включалось убеждение, что слезы – это демонстрация слабости. Эта установка касалась не только мужчин, но и женщин.
- 2) Запрет на проявление агрессии. При этом у мужчин выплеск агрессии происходит как правило, в семье, тогда как женщины не позволяли себе проявление агрессии и в домашней обстановке.
- 3) Запрет на «лень». Опрошенные нами пациенты выделяли одной из главных черт семейного взаимодействия приучение к труду, как позитивный момент родительского воспитания, однако, часто в беседе появлялись жалобы на то, что родители «заставляли» детей много работать по дому. С другой стороны – родители сами много работали, уделяя мало времени и внимания детям.

Выработанные коммуникативные запреты сформировали ряд долженствований которые включали в себя такие качества как трудолюбие, ответственность, сдержанность, вежливость, исполнительность, аккуратность. А ряд сформированных в детстве запретов закрепились в виде следующих телесных ощущений, на которые указывали сами пациенты. В процессе консультирования отмечалось:

- 1) напряжение в плечевом поясе, чувство тяжести в шейном отделе, усиливающееся в момент эмоционально напряженных воспоминаний.
- 2) фиксированная поза в течение долгого времени, скованность движений.
- 3) попытки сдерживать, подавить слезы.
- 4) потирание, сдавливание, пощипывание рук.

Таким образом, в процессе консультирования были сделаны следующие наблюдения:

- у больных, страдающих гипертонией, размыта граница осознания усталости, что ведет к физическим перегрузкам, постоянному мышечному напряжению.

- невыраженное чувство агрессии проявляются в скованности телесных движений, часто незавершенных, остановленных либо подавленных.
- у больных плохо развито чувство окружающего их тело пространства. Эта тенденция демонстрируется предпочтением движений в узких пределах; широкие, размашистые телодвижения для них не характерны. Другими словами, нам представляется, что у больных отсутствует осознанное чувство того, что они обладают «личным пространством», которое они достойны иметь.
- описанные феномены сочетаются с трудностью в описании телесных ощущений.

Работа психолога в этом случае включает в себя возвращение переживаний пациента. Нами предлагалось прочувствовать движения, и описать возникающие при этом ощущения, что позволяло восстановить доступ к настоящему переживанию. В процессе этой работы возникло осознание движений, что вело к осознанию и выражению гнева, агрессии и т.п., того чувства, которое ранее было подавлено.

Литература

1. Психология развития. Словарь. М.: ПЕР СЭ, 2006. 176 с.
2. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.

БИОЭТИКА ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Е.В. Гуткевич, Томск, Россия

Генетика человека – это наука о законах наследственности и изменчивости, которые определяют развитие организма. Познание генетических закономерностей обеспечивает возможности мощного воздействия на природу человека, который рано или поздно сможет определять свою «биологическую судьбу» [1]. Необходимость осмысления этических аспектов использования новых технологий возникала всегда. Отличие современного периода состоит в том, что скорость реализации научных разработок резко повысилась. Наступившая в XXI веке эра новых знаний в области генетики человека, завершение проекта «Геном человека» и широко освещаемые достижения молекулярной генетики выдвигают новые важные этические проблемы и задачи. Этика генетики отличается тем, что не только сам индивид, но и его прямые потомки в нескольких поколениях могут оказаться

объектами воздействия измененной генетической информации, ведь генетика имеет дело не только с человеком, но и его семьей [2].

В современных условиях в биоэтике генетических технологий возникают новые вопросы: 1) внедрение принципиально новых технологий – искусственное оплодотворение, суррогатное материнство, пренатальная диагностика, скрининг, генетическое тестирование донора, геномная дактилоскопия, пресимптоматическая, преклиническая диагностика здоровых лиц, «транскрипционное профилирование», генотерапия; 2) медико-генетическая помощь и генетические технологии все больше коммерциализируются, разрабатываются и внедряются в практику «генетические паспорта»; 3) появились новые формы взаимоотношений врача и пациента, формируются и действуют общества пациентов и их родителей (родственников); 4) потребовалась этическое и правовое регулирование научных исследований, их направлений и итогов, поскольку они затрагивают интересы общества [2, 3, 4]. Приоритеты в этическом решении применимости генетических технологий идут по убывающей: индивид с правами личности, правами человека, потом его семья и кровные родственники, а затем – общество. Большинство этических вопросов современной генетики человека можно решить в рамках 4 принципов глобальной биоэтики (автономия личности, справедливость, не навреди, и делай благо) и 3 правил (правдивость, конфиденциальность, информированное согласие).

Практическим применением генетических технологий на практике является медико-генетическая помощь. Еще в конце 20-х годов XX века С.Н. Давиденков впервые в мире организовал медико-генетическую консультацию при Институте нервно-психической профилактики, четко сформулировал задачи и методы: «Медико-генетические консультации могут быть определены как создание эффективной системы профилактики наследственной патологии в семьях через оценку повторного риска возникновения заболевания и объяснения смысла этого риска семье. Медико-генетические консультации реализуют профилактический принцип медицины в чистом виде».

Современной основой профилактики являются теоретические разработки в области молекулярной природы наследственных болезней, механизмов и процессов их развития в пре- и постнатальном периодах, закономерностей сохранения и распространения мутаций в семьях и популяциях [2]. После 2000 года генетика человека разделилась на две основные области. «Old genetics» или «классическая генетика» занимается всем, что относится к пренатальной диагностике, выявлению

и лечению тяжелых наследственных заболеваний, моногенной патологии, таких как, муковисцидоз, болезнь Гентингтона и др. «New genetics» или «новая генетика» – генетика взаимодействий, изучает взаимодействия между генами и окружающей средой [5]. Она включает психогенетику, фармакогенетику, нутригенетику, эко- и иммуногенетику. Философия и подходы «новой генетики» отличаются от существующих в классической генетике и не находятся под знаком чистого детерминизма и фатальности. Базовый принцип «новой генетики» состоит в том, что можно и нужно делать ставку на взаимодействие: можно изменять экспрессию генов, воздействуя на свое «окружение». Именно «новая генетика» вносит основной вклад в персонализированную профилактику: правильное лечение, правильный образ жизни и питания, правильный выбор для каждого пациента.

Благодаря исследованиям генома человека, идентификации генов, в том числе и генов, мутации которых приводят к наследственным болезням или предрасполагают к наиболее частым, полигенным (мультифакториальным) заболеваниям, впервые появилась реальная возможность не только проводить точную молекулярную диагностику, но и предвидеть (предсказать) предрасположенность человека к тому или иному заболеванию, проводя раннюю, досимптоматическую диагностику. В настоящее время разработаны панели генетических тестов 25 для многих наиболее частых мультифакториальных болезней [6, 7]. Тестирование аллельных вариантов практически любого гена «предрасположенности» свидетельствует о состоянии многих систем организма и позволяет оценить предрасположенность пациента сразу к нескольким, зачастую патогенетически далеко отстоящим друг от друга заболеваниям.

Стратегия оказания медико-генетической помощи (особенно для менделирующих генетических заболеваний) достаточно хорошо разработана и регламентируется рядом правил, норм и положений, закрепленном как в рекомендательном порядке (свод общепринятых подходов и требований к данному виду помощи, рекомендованных к безусловному исполнению международным научным сообществом), так и законодательно (различные законы, приказы и другие нормативные акты, имеющие свои особенности в каждой конкретной стране). По мере совершенствования общественных отношений во всех развитых странах основы концепции генетического консультирования были подвергнуты серьезному пересмотру. Значительно большее внимание стало уделяться соблюдению интересов отдельной семьи и каждого

ее члена, правам родителей иметь ребенка, праву каждого человека на жизнь [8, 9].

Исследования генетических основ психических расстройств показывают их мультифакториальную природу [10]. Согласно современным представлениям, серотонин, дофамин, норадреналин являются медиаторами систем нейронов, связанных с различными аспектами психической деятельности и психическими расстройствами. Скорее всего, этиология и патогенез этих заболеваний зависят от неблагоприятного сочетания всех трех основных вариантов генов-предрасположенностей, то есть проявления патологических мутаций соответствующих основных, главных генов модифицируются эффектами генов-триггеров, генов системы детоксикации и генов рецепторов. Всякие межклеточные взаимодействия регулируются рецепторным аппаратом клеточных мембран с помощью генов клеточных рецепторов. В настоящее время известны гены 16 типов рецепторов серотонина, 4 – дофамина, рецептора андрогена, опиатного рецептора, никотиновых ацетихолиновых рецепторов. Известны мутации этих генов при шизофренических и аффективных расстройствах. Гены детоксикации кодируют разнообразные ферменты, ответственные за метаболизм, деградацию, обезвреживание и выведение из организма различных ксенобиотиков. Именно их полиморфные варианты определяют индивидуальные особенности реакции организма на различные химические препараты и пищевые продукты. Биотрансформация ксенобиотиков происходит в 3 фазы: активация (гены системы цитохромов), детоксикация (гены семейства трансфераз) и выведение. Так, мутации гена тирозингидроксилазы могут менять обмен норадреналина и меланинов, а триптофангидроксилазы – серотонина с переходом на синтез кинуренина, что приводит к уменьшению синтеза серотонина и проявлению депрессивной симптоматики. Мутантная моноаминоксидаза модифицирует разложение серотонина, а алкогольдегидрогеназа и альдегиддегидрогеназа – алкоголя. Изменения генов катехол-О-метилтрансферазы и эндопептидазы, ограничивающей темп продукции энкефалина, могут быть связаны с проявлением тревожности. Поломки генетических механизмов, приводящие к мультифакториальным заболеваниям, могут быть спровоцированы мутациями в генах-триггерах, играющих ключевую роль в поддержании клеточного гомеостаза. Дефектный ген ангиотензинпревращающего фермента (АСЕ) связан с длительностью шизофренического процесса. Изменения гена нейтрофина и онкогена HRAS-1 могут наблюдаться при аутизме.

При истерических и шизофренических расстройствах с эмоциональным инфантилизмом могут быть изменены гены-регуляторы процессов функционального созревания мозга и развития межполушарной доминантности. При психических расстройствах изменены гены переносчиков серотонина и дофамина.

В последние годы стало возможным использование молекулярно-генетической ДНК-диагностики X-сцепленной умственной отсталости, хореи Гентингтона, болезни Альцгеймера, шизофренических расстройств, биполярного аффективного расстройства, алкогольной и наркотической зависимости. Возможность ДНК-диагностики существенно повышает точность определения генетического риска, позволяя от вероятностных моделей перейти к однозначному (дефинитивному) определению генотипов и ожидаемых фенотипов. Однако результаты генетического анализа психических расстройств не означают, что заболевание обязательно проявится, а указывают лишь на изменение степени риска для носителя выявленных мутаций, при этом наибольшее значение не то, имеется ли специфический ген, но выражен ли этот ген и какие другие факторы окружения могут играть роль. Причем эта информация не всегда может быть однозначно интерпретирована врачом-генетиком в процессе передаче информации пациенту. Врачи, вовлеченные в генетические исследования и консультирование, должны понимать, что получение генетической информации не ограничивается человеком, от которого она получена, и раскрытие сведений может оказать негативное и разрушительное воздействие на семью и принятие данного человека сообществом, к которому он принадлежит. В отличие от рисков, встречающихся при многих биомедицинских техниках, основными рисками применения генетических технологий являются риски не столько физического ущерба, сколько риски социального и психологического ущерба. Особенно это касается медико-генетических проблем психического здоровья [11].

Психиатрия как ни одна другая медицинская дисциплина стоит близко к философии, а этика – это ветвь философии. Этика пронизывает психиатрию насквозь, имея свою специфику, которая определяется следующим: 1) предметом психиатрии; 2) спецификой обследования, диагностикой и лечением психически больных; 3) особенностями отношения психически больных к своему состоянию и лечебному процессу; 4) социальным положением психически больного человека в обществе (в микро- и макросоциальной среде) и тем нравственно-психологическим климатом, который создается вокруг него;

5) отношением населения к психически больному человеку и к психиатрическому диагнозу; 6) спецификой врачебной тайны [1]. В психиатрии также соблюдаются принципы глобальной биоэтики – personal autonomy, justice, non-maleficence and beneficence и правила.

Основные принципы генетических исследований и консультирования в психиатрии изложены в Мадридской декларации Всемирной психиатрической ассоциации (1999). При общении с пациентами и их семьями следует пояснять, что нынешние генетические знания являются неполными и могут быть скорректированы последующими открытиями. Психиатры могут посылать людей в учреждения для генетических исследований, только если эти учреждения имеют качественные и надежные процедуры для проведения исследования и адекватные и легкодоступные средства для генетического консультирования. Генетическое консультирование относительно планирования семьи или прерывания беременности должно проводиться с учетом системы ценностей пациента, необходимо помогать пациентам самостоятельно принимать оптимальные для каждого из них решения, предоставив им достаточную медицинскую и психиатрическую информацию. Важнейшее значение при оказании медико-генетической помощи в психиатрии имеет знание психологических особенностей пациентов и их родственников для решения этических вопросов, защиты интересов пациента и членов его семьи, общества в целом. Разъяснение генетической информации семье может достигать цели, если оно проводится специалистами на основе личностно-ориентированного подхода и включает в себя и генетический профессионализм, и высокие биоэтические, психологические стандарты [2]. Эффективность оказания медико-генетической помощи зависит не столько от уровня развития высоких технологий, сколько от знания психологических мотивов поведения людей и основных факторов, реально влияющих на принятие решений в семье, уровня информированности в вопросах генетики, здоровья и планирования семьи [10].

Так, в семьях больных шизофреническими расстройствами существуют проблемы личностно-характерологического круга, присутствует личностная диссоциативность и дефицитарность (психический диатез), свидетельствующая о наследственной предрасположенности к возникновению психических расстройств. В индивидуально-психологической сфере семейных проблем различия у членов семьи определяются на разных уровнях: мотивационном, когнитивном, аффективном, поведенческом. Нами показано, что мотивации и заинтересованность

при решении медико-генетических вопросов у больных и членов их семей, психически здоровых лиц различались [12]. Когнитивное несоответствие, различие в способах восприятия и переработки информации медико-генетического плана существуют у членов семьи лица, обратившегося за советом врача-генетика. При этом есть определенный уровень ригидности личности.

Психологическое исследование проводили с помощью оригинальной «Анкеты консультирующегося» [12] и тестов-опросников, измеряющих уровень мотивации достижения и уровень мотивации одобрения [13]. Данные по медико-генетической информированности сравнивали в двух выборках пробандов молодого (до 25 лет) и зрелого (от 25 до 45 лет) возраста. При изучении медико-генетической информированности выявили, что образовательный уровень больных был достаточно высоким, вероятно, в связи с этим больные продемонстрировали значительный уровень (93%) идентификации различных психических заболеваний. В семьях больных зрелого возраста факты психических расстройств у родственников скрывали реже, чем в семьях больных молодого возраста. О роли наследственности в возникновении психических заболеваний знала большая часть больных (68,6% молодого и 69,2% зрелого возраста), о медико-генетическом консультировании информирована треть респондентов. На вопрос о планировании дальнейшего рождения детей положительно ответили 62,9% респондентов молодого и 30,8% зрелого возраста. Опасения в отношении здоровья детей в связи с психическими заболеваниями родственников возникали лишь у 10% больных двух выборок. От рождения детей в связи с психическими расстройствами родственников отказывались лишь больные зрелого возраста в 7,7% случаев. В связи с другими причинами 11,5% лиц зрелого возраста ограничивали рождение детей. Практически все респонденты двух выборок приняли бы во внимание медико-генетический совет относительно риска проявления наследственных и психических заболеваний у детей.

В результате исследования по шкале оценки потребности в достижениях у лиц и молодого, и зрелого возраста в 80% случаев отмечен низкий уровень мотивации достижения, в 20% – средний уровень. Причем для больных шизофренией средние значения (меньше, чем в контроле, $P < 0,5$) практически не меняются в зависимости от возраста. Для больных характерна слабая выраженность стремлений к улучшению результатов, достижению своих целей. В затруднительных ситуациях такие люди часто теряются и надеются, что все как-нибудь обойдется.

Из-за неуверенности в своих силах они отказывались от давно задуманного, но для большей части пациентов заниженный уровень требований к жизни все-таки не характерен. Пациенты плохо оценивают взаимоотношения с близкими, считая, что родственники (родители) строго контролируют и не разделяют их планов. В других же людях они предпочитают такие качества, как деятельность, целеустремленность и требовательность. По шкале оценки мотивации одобрения у больных шизофреническими расстройствами молодого возраста низкий (70% случаев) и средний уровень (30% случаев), а баллы равны или больше контрольных ($P < 0,5$). В зрелом возрасте средние значения уровня мотивации одобрения увеличиваются еще больше, появляется группа высокого уровня. Качественными характеристиками мотивации одобрения были определены такие: «Я и мое отношение к другим в позитивной оценке (я – хороший)» и «Элементы негативного отношения к себе и другим». Для больных шизофренией уровень позитивного отношения к себе и другим низкий в молодом возрасте, увеличивается в зрелом, однако уровень негативного отношения к себе и другим постоянен в любом возрасте и намного больше, чем в контрольной группе ($P < 0,5$).

Аффективный компонент определяется в виде так называемой «семейной тревоги», которая проявляется в сомнениях, опасениях, страхах, касающихся здоровья членов семьи, проблем с детьми, супругами; и присутствии «чувства вины», если члены семьи винят себя или больного в возникновении болезни. Особое значение имеет поведенческий уровень семейных проблем, когда выявляются закрепившиеся определенные формы поведения, возникают разные коалиции (в семьях с наследственной отягощенностью шизофреническими расстройствами). Выявленные психологические особенности больных шизофреническими расстройствами следует учитывать при оказании им и их родственникам медико-генетической помощи для повышения степени достижения наиболее целесообразного, необходимого результата для больного и членов его семьи [14].

В ГУ НИИ психического здоровья ТНЦ СО РАМН медико-генетическая помощь оказывается с 1983 года, различные ее виды получили более 3000 семей. В этих семьях были пациенты с различными психическими расстройствами разного возраста (дети, подростки, взрослые, пожилые) и психически здоровые лица. Структура Центра медико-генетической помощи (семейно-генетической превенции) включает несколько рабочих групп: 1) группа диагностики с блоками –

общеклинических генетических исследований (биохимические, цитогенетические и др.); молекулярно-генетических исследований полиморфизмов «генных сетей»; генетико-психологических; нутригенетической диагностики; 2) группа «банки ДНК» – индивидуальные и семейные; 3) группа врачей-специалистов: генетик, психиатр, психолог, психотерапевт, специалист по биоэтике, юрист; 4) группа консультантов: терапевт, невролог, врач функциональной диагностики и др.; 5) группа по фармакогенетике; 6) группа «семейно-генетического регистра» и «генетического паспорта»; 7) группа генетической превенции; 8) группа адаптации и реабилитации в микро- и макросоциуме [15]. Медико-генетическая помощь оказывается в Центре медико-генетической помощи при совместном участии врача-генетика, врача-психиатра, психолога и психотерапевта, специалиста по этике.

Этическое регулирование должно строго и четко устанавливать соответствие между целями и результатами генетических технологий, интересами и правами пациента и членов его семьи, интересами и правами общества в целом. Для решения возникающих проблем требуются совместные усилия медиков – врачей-психиатров, генетиков, психотерапевтов; психологов, юристов, философов, социальных работников и богословов. Особое значение следует придавать повышению информированности всего общества в вопросах генетики психического здоровья, использования новейших генетических технологий. «Как и для чего человечество воспользуется результатами молекулярной генетики поведения человека? В каких странах и как станут применяться достижения геномики личности? Практический ответ на этот вопрос будет получен в ближайшие десятилетия. Ясно одно: время надежд на мудрость Живой Природы, на то, что ее механизмы смогут преодолеть отрицательное воздействие цивилизации на биосферу и на человечество, прошло» [16]. Именно поэтому необходимы усилия каждого из нас.

Литература

1. Медицинская этика и деонтология/Под ред. Г.В. Морозова и Г.И. Царегородцева. Совместное издание СССР–НРБ–ГДР–ЧССР–СРР. М.: Медицина, 1983. 272 с.
2. Бочков Н.П. Клиническая генетика: Учебник. – 3-е изд., испр. и доп. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004. С. 397–447.
3. Геномика – медицине / Под ред. В.И. Иванова и Л.Л. Киселева. М.: Академкнига, 2005. 392 с.
4. Гинтер Е.К. Медицинская генетика: Учебник. М.: Медицина, 2003. С. 410–416.

5. Баранова Е. Код ДНК, или Как продлить молодость. М.: АСТ; СПб.: Астрель. СПб., 2007. 222 с.
6. Иващенко Т.Э., Стрекалов Д.Л., Соловьева Д.В., Асеев М.В., Баранов В.С., Хавинсон В.Х. Тестирование генетической предрасположенности к мультифакториальным заболеваниям и генетический паспорт // Молекулярно-биологические технологии в медицинской практике / Под ред. А.Б. Масленникова. Вып. 5. Новосибирск: Альфа Виста, 2004. С. 8–28.
7. Иллариошкин С.Н., Иванова-Смоленская И.А., Маркова Е.Д. ДНК-диагностика и медико-генетическое консультирование в неврологии. М.: Медицинское информационное агентство, 2002. 591 с.
8. Ижевская В.Л. Этико-правовые аспекты генетического тестирования и скрининга // Молекулярно-биологические технологии в медицинской практике / Под ред. А.Б. Масленникова. Вып. 9. Новосибирск: Альфа Виста, 2006. С. 3–15.
9. Саделов И.О., Иванова Л.Ю., Журавлева И.В., Ижевская В.Л., Гинтер Е.К. Подходы к оценке эффективности медико-генетического консультирования. Результаты пилотного исследования // Генетика человека и патология: Сборник научных трудов. Ред. В.П. Пузырева. Вып. 8. Томск: Изд-во «Печатная мануфактура», 2007. С. 186.
10. Гуткевич Е.В., Семке В.Я. Медико-генетические основы превентивной психиатрии. Томск, 2004. 319 с.
11. Гуткевич Е.В., Стоянова И.Я., Семке А.В. Психологические и психотерапевтические аспекты медико-генетической помощи при психических расстройствах: метод. Рекомендации. Томск, 2003. 14 с.
12. Гуткевич Е.В. Превенция нервно-психических расстройств (клинико-генетические и организационные аспекты): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Томск, 2003. 50 с.
13. Карелин А.А. Психологические тесты в 2-х книгах. М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 1999. Т. 1. 312 с.
14. Медико-генетическая помощь при шизофрении: Методические рекомендации /Е.В. Гуткевич и др. / Под ред. В.Я. Семке, В.Ф. Лебедевой. Томск, 2006. 37 с.
15. Гуткевич Е.В. Генетическая превенция психических расстройств // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2008. № 1. С. 123–127.
16. Вельков В.В. По ту сторону эволюции // Человек. 2004. № 2. С. 23–30.

СЕКСУАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ

Г.Д. Дрёмов, С.В. Толмачёва, А.М. Красов, Томск, Россия

У индивидуума есть фундаментальные права, включая право на сексуальное здоровье и способность иметь и регулировать половую жизнь [ВОЗ, 1994].

Сексуальное здоровье – это отсутствие каких либо болезненных изменений в организме человека, которые могут приводить к снижению

сексуальной функции, это интегральный комплекс взаимодействующих компонентов сексуальности – биологического, социального, психологического, обеспечивающих сексуального поведения, сложную систему сексуальных взаимоотношений, приводящих к оптимальной сексуальной адаптации к противоположному полу, сексуальной гармонии в соответствии с нормами социальной и личной морали [10].

Многофакторное обеспечение и интегративный характер сексуального здоровья определяют основной принцип диагностики его расстройств – системность обследования пациентов [11]. Однако в некоторых сферах здравоохранения всё ещё преобладает упрощенное представление, что в основе расстройств здоровья человека лежат либо органические, либо психические причины. Это ведёт к изоляции врачей различных специальностей, и во многом затрудняет понимание протекания патологических процессов. В то же время современные клиницисты всё в большей мере понимают необходимость интеграции физиологических, психологических и патологических аспектов болезни и здоровья. Этот интегративный подход играет важнейшую роль и в области сексуальных расстройств [13].

Закрытость пациентов, интимность вопроса, неумение или нежелание обсуждать свою личную жизнь, отсутствие адекватного языка для обсуждения имеющихся сексуальных нарушений, высокая невротичность сексологических пациентов, обусловленная особой психологической значимостью сексуальной функции для человека, требуют от клинициста особенно чуткого, этически грамотного и вдумчивого подхода. При этом парный характер сексуальной функции делает необходимым обследование обоих супругов [12]. Поэтому использование системно – структурного анализа сексуального здоровья в условиях психиатрической клиники позволяет наиболее полно и эффективно оказывать квалифицированную медицинскую помощь этой категории пациентов.

Организация помощи сексологическим пациентам имеет свои особенности. Помимо оказания диагностической и лечебной помощи врач-сексолог выступает в роли психолога, психотерапевта и отчасти даже андролога. Поэтому особенно важным является не только наличие соответствующей лечебно-диагностической базы, но и психологические аспекты построения взаимоотношений врача и пациента. Сексологический приём связан с интимной сферой жизни человека, что требует создания специальных, комфортных, частных условий общения с пациентом [6].

Построение межличностных взаимоотношений, формирование адекватных психологических реакций у пациентов и коллег, правильное реагирование самого врача на пациентов, сотрудников и проблемы, возникающие в процессе работы, имеют большое значение для оказания максимально эффективной помощи.

В процессе своей работы врач-сексолог сталкивается с необходимостью выстраивать взаимоотношения с самими пациентами, их родственниками также коллегами – врачами других специальностей. Рассматривая отношения врача-сексолога с его пациентами, следует отметить, что этически правильно построенные взаимоотношения в значительной степени являются залогом успешного лечения, а также снижают уровень фрустрации пациента в случае, если не все проблемы, приведшие человека на приём к сексологу, удаётся решить быстро и эффективно. Сексуальная сфера тесно связана с психоэмоциональным состоянием человека, поэтому любые заболевания, нарушения развития или функционирования половой сферы приводят пациента в эмоционально подавленное, угнетённое состояние. Сексологический пациент может: 1) страдать и ничего не делать, 2) попытаться немедленно решить проблему, 3) обратиться к врачу тогда, когда не решать возникшую проблему становится невозможно.

У всех категорий пациентов присутствует чрезвычайно сильная эмоциональная реакция на проблему и чувство ущербности в связи с их сексуальной дисфункцией. Реакция человека на эти расстройства в корне отличаются от реакции на заболевания других органов и систем именно своими сильными эмоциональными проявлениями. При этом сам пациент не в полной мере осознаёт неадекватность своей реакции на проблему, часто неправильно оценивает свои возможности и возможности врача. Поэтому, начиная работать с сексологическим пациентом, необходимо добиться того, чтобы пациент чётко и объективно представлял себе сложившуюся проблему.

Выделяют следующие паттерны поведения вне интимной близости у пациентов с сексуальными дисфункциями:

1. Избегающе-уклоняющийся;
2. Компенсаторный и манипулятивный (направленный на сохранение прежнего супружеского статуса);
3. Направленный на создание образа мужчины с высокой сексуальной потенцией;
4. Сублимация;
5. Направленный на устранение полового расстройства;

6. Астенический;
7. Депрессивный;
8. Тревожный, с распространением страхов и на ситуации не связанные с интимной близостью;
9. Снижение инициативы в общении с женщинами, ограничения при выборе партнёрши;
10. Трансформация поведения, обусловленная динамическими характерологическими сдвигами;
11. Гипосексуальный;
12. Гиперсексуальный [Кочарян Г.В., 2005].

Поэтому прежде чем начать работу с таким пациентом, необходимо объяснить ему, что у него есть проблема, которую можно и нужно решать. И только в том случае, если пациент сам хочет эту проблему решить, врач готов ему помочь. Врач может только рекомендовать тот или иной способ выхода из сложившейся ситуации. Право окончательного выбора всегда остаётся за самим пациентом. Необходимо тактично объяснить пациенту: 1) врач решает его проблему, и чем полнее данные будут у врача, тем более качественной будет работа; 2) врач-сексолог постоянно сталкивается на приёме с такого рода информацией, поэтому не нужно стесняться или опасаться быть не понятым. Чем честнее, полнее и правдивее будет полученная информация, тем более эффективной будет диагностика и, следовательно, качественнее лечение. Если врач считает невозможным для себя по каким-либо причинам психологического, организационного или экономического характера работать с данным пациентом, он должен сказать, куда этот пациент может обратиться за помощью. Давление на пациента со стороны супруга, партнёра или родственников, с целью заставить его наблюдаться именно у данного специалиста может в дальнейшем привести к развитию негативных последствий. Особенностью сексологического приёма является то, что врач-сексолог работает с интимной информацией, и не имеет права передавать её кому либо без разрешения пациента. При этом, одним из основных источников получения объективной информации о состоянии здоровья пациента становится супруг или партнёр. Необходимо оценивать состояние межличностных отношений в паре, тактично включать в совместную лечебную работу полового партнёра, а при необходимости проводить коррекцию психоэмоционального и психосексуального состояния партнёра. Основная задача врача-сексолога – улучшить качество жизни пациента, в первую очередь в семье. Следовательно, информация, которая может привести

к разрушению взаимоотношений должна, по возможности, трансформироваться, смягчаться или быть недоступной для партнёра. Если же партнёр проявляет негативную, агрессивную или неадекватную реакцию на сексуальные проблемы пациента, и эта реакция не поддаётся коррекции, то скорее всего это повод для разрыва взаимоотношений или манипулятивное поведение.

В связи с этим, основные научно – организационные, деонтологически выверенные подходы в организации сексологической помощи включают в себя:

1. Высокий профессиональный уровень специалистов сексологического приёма.
2. Высокое качество оказываемых услуг.
3. Комфортные условия сексологического приёма.
4. Экстренность оказания сексологической помощи.
5. Уникальность оказываемой услуги.
6. Междисциплинарное взаимодействие специалистов при оказании помощи.
7. Преемственность сексологической помощи.
8. Реабилитационный подход как методологическая основа сексологической помощи который включают в себя:
  - а) Принцип партнёрства, предусматривающий апелляцию к личности пациента,
  - б) Принцип разносторонности усилий и воздействий, направленных не только на больного человека, а и на разные стороны его психосоциального функционирования,
  - в) Принцип единства биологических и психосоциальных воздействий,
  - г) Принцип ступенчатости, переходности различных воздействий и мероприятий.

Выполнение этих принципов в сексологической практике позволяет сформировать адекватные алгоритмы оказания помощи сексологическим пациентам и эффективнее взаимодействовать различным специалистам в этом процессе, при интегрирующей ведущей роли врача-сексолога.

Литература

1. Васильченко Г.С., Сексопатология: Справочник. М.: Медицина, 2005.
2. Возианов А.В., Горпиченко И.И., Сексология и андрология. Киев: Абрис, 1997.
3. Грегуар А., Прайор Д.П., Импотенция: интегративный подход к клинической практике. М.: Медицина, 2000.

4. Дедов И.И., Калиниченко С.Ю. Возрастной андрогенный дефицит у мужчин. М.: Медицина, 2006.
5. Екимов М.В., Диагностические этапы обследования сексологического пациента. СПб.: СПбМАПО, 1998.
6. Елисеев Ю.Ю. Полный справочник сексопатолога. М.: Эксмо, 2006.
7. Имелинский К. Сексология и сексопатология. М.: Медицина, 1986.
8. Кон И.С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 2005.
9. Kolodny, R.C., Masters, W.H, and Johnson, V.E. Textbook of Sexual Medicine. Boston: Little, Brown, 1979.
10. Кришталь В.В., Григорян С.Р., Сексология. Харьков: Академия сексологических исследований, 1999.
11. Куприянова И.Е., Семке В.Я. Качество жизни в психиатрии. Томск, 2004.
12. Либих С.С., Руководство по сексологии. СПб: Питер, 2001.
13. Сагалов А.В., Амбулаторно–поликлиническая андрология. Челябинск: ЧГМА, 2002.
14. Карврсарский Б.Д. Неврозы. М.: Медицина, 1990.
15. Шнабль З., Мужчина и женщина: интимные отношения. Красноярск: КГУ, 1990.

ГЕНДЕР КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

О.А. Жбиковская, Омск, Россия

Конструированию подвергаются различные стороны культурного бытия, даже те, которые представляются биологически детерминированными, лежащими вне культуры факторами. Наиболее ярким примером этого феномена являются культурные стереотипы, связанные с феноменом пола. В своей книге «Второй пол» Симона де Бовуар сформулировала принцип «Женщиной не рождаются женщиной становятся!» Речь шла о социокультурном становлении женщины в женском качестве, происходящем по общим канонам становления человека как культурного индивида. Говоря словами Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, высказывание Симоны де Бовуар определяет тот факт, «что не существует ни женской, ни мужской сущности. Биология не есть судьба ни для мужчины, ни для женщины, нет заданных изначально женского/мужского страдания и женской/мужской депривации (вопреки утверждению З. Фрейда). Все мужское и женское, молодое и старое создано в разных контекстах, имеет разные лица, наполнено различным содержанием опыта и различными смыслами» [1, с. 148]. Иначе говоря, «реальное наполнение «человеческой природы» мужчин и женщин превращается в способность обучаться выдавать и читать чужие описания маскулинности и феминности, приправленную

готовностью твёрдо держаться «расписания» и «правил», причём эта способность напрямую вытекает из самого бытия людьми, а не мужчинами и женщинами» [2, с. 330]. Исследования М. Мид и других антропологов эмпирически установили тот факт, что все маскулинные и феминные свойства человека имеют не биологическую, а социальную природу, что главную роль в социализации играют особенности образа жизни данного общества, его культура и созданные в нём стереотипы маскулинности и феминности.

Центральным пунктом гендерных исследований является мысль, что наличие неизбежного факта биологических различий между полами не определяет социальную и культурную значимость этих различий. Так, согласно утверждению Браун и Джорданова, «то, как культура обращается с половыми различиями, имеет почти неисчерпаемую вариативность... Биология здесь не играет детерминирующей роли. Женщина и мужчина являются продуктами социальных взаимоотношений, когда мы изменяем социальные отношения, мы изменяем и категории «мужчина» и «женщина» [3, с. 590].

Между мужчинами и женщинами существует разделение их социальных ролей, форм деятельности, стандартов поведения и эмоциональных характеристик. Фиксацией культурной размерности этого феномена и является «гендер», «который понимается как организованная модель социальных отношений между женщинами и мужчинами, не только характеризующая их межличностное общение и взаимодействие в семье, но и определяющая их социальные отношения в основных институтах общества (а также определяемая или конструируемая ими)» [4, с. 26].

Таким образом, статус женщины и, на первый взгляд, естественные различия между мужчиной и женщиной не сводятся к биологической детерминации, а являются способом культурной интерпретации биологического, признанным в данном обществе – иначе говоря, культурной нормой.

Этому соответствует определение гендера как «социального пола», фиксирующее тот факт, что совокупность стереотипов поведения, ценностной ориентации придает гендеру роль социокультурного конструкта. По словам Т. Лауретис, гендер – «не простая производная от анатомо – биологического пола, но социальная конструкция, репрезентация или скорее составной эффект дискурсивных институций: не только семьи, системы образования, масс медиа, медицины или права, но также – что менее очевидно – языка, искусства, литературы,

кино и научной теории» [5, с. 34]. О социальности гендера говорит и Е.Р. Ярская – Смирнова: «Гендерные отношения социальны: мужское и женское начало конструируются в связи с культурным и социальным контекстом, становясь порой заложниками социальных идеалов и норм. То, что мы вкладываем в такие понятия «быть женщиной...» или «равенство полов...» включает совокупность образцов поведения, навыков, обычаев, весь тот фон социокультурных практик, ориентирующих нас в обращении с людьми, понятиями и предметами и позволяющих ставить и решать определённые цели. На фоне этих общих для каждой культуры практических навыков развиваются идеологии и ценности профессиональных и иных сообществ.» [6, с. 180]

Получается, что гендер является культурологической характеристикой поведения, которое соответствует полу в данном обществе в данное время. Как справедливо заметила Ш.Берн: «Гендер – это чрезвычайно важная социальная переменная» [7, с. 47]. Отсюда следует, что гендер, являясь социокультурной категорией, не стабилен, и может меняться, как меняются культурные нормы на протяжении всей истории человечества. С другой стороны «совершенно очевидно, что такая переменная, как пол, продолжает задавать определенную направленность всякому существованию, формировать различия в сфере чувств, жизненного пути и чаяний личности» [8, с. 349].

Ощущение человеком принадлежности к определенному гендеру воспитывается всю жизнь, в течение которой он осваивает те поведенческие нормативы, которые будут его характеризовать как женщину или мужчину. Вот что по этому поводу говорит Ирвин Гофман: «Принимая стереотипы феминности, каждая конкретная женщина обнаружит, что для целого пола уже существует протоптанная дорожка, ступив на которую, женщины узнают, почему они должны удерживаться от соперничества с мужчинами в вопросах механики, финансов, политики и т.д. А конкретный мужчина обнаружит, что его личное поражение в борьбе за власть над женщинами в вышеупомянутых областях относиться лишь к нему лично, а не к стратегии, которая-то и даёт ему как бы гарантию на успех в этих сферах» [2, с. 332]. Подобные стереотипы усваиваются и применяются с детства, и соответствующее им принятие или отвержение гендерных ролей происходит в более поздние годы. В каждом обществе существует различные роли мужчины и женщины в соответствии с их полом. «Быть мужчиной» подразумевает играть определенную социальную роль, «быть женщиной» – играть другую. Мы живем в культуре, где мужчины обычно занимаются

одними вещами, а женщины – другими, где гендерные отличия считаются природными; поэтому мы принимаем гендерные нормы и следуем им.

По мнению Ш. Берн: «Объяснение многих гендерных различий следует искать не в гормонах и хромосомах, а в социальных нормах, приписывающих нам различные типы поведения, интересы в соответствии с биологическим полом» [7, с. 31]. Наборы норм, содержащие обобщенную информацию о качествах, свойственных каждому из полов, называются половыми гендерными ролями. Говоря словами Ж. Липовецкого, «гендерные роли есть те задачи и сферы деятельности, которые общество закрепляет за каждым полом. Человеческие сообщества, начиная с самых отдаленных от нас времен, организуются по единому принципу: по принципу общественного разделения ролей, предназначенных для мужчины и для женщины. Если содержание при таком распределении функций меняется от одного общества к другому, то сам принцип деления по половому признаку остается неизменным: положение и занятия одного пола неизменно отличаются от положения и занятий другого» [8, с. 336]. Таким образом, гендерные роли представляют собой набор ожидаемых образцов поведения для мужчин и женщин, и набор правил, определяющих, как должны вести себя люди в данной социальной позиции. На конструирование и развитие гендерных ролей у человека оказывают влияние общество и культура, закрепленные в них представления о содержании и специфике гендерных ролей. А в ходе исторического развития общества содержание гендерных ролей подвергается изменениям. Гендерные роли зависят не только от культуры, но и от исторической эпохи. И.С. Кон отметил, что традиционная система дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов феминности – маскулинности отличалась следующими характерными чертами: женские и мужские виды деятельности и личные качества отличались очень резко и казались полярными; эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись нерушимыми; женские и мужские функции были не просто взаимодополнительными, но и иерархическими, женщине отводилась зависимая, подчиненная роль.

Многообразие гендерных ролей в различных культурах и в разные эпохи подтверждает нашу мысль о том, что гендерные роли формируются культурой. Согласно теории Хофстеде, различия в гендерных ролях зависят от степени гендерной дифференциации в культурах или степени маскулинности или феминности той или иной культуры.

В ряде кросс-культурных исследований установлено также, что фемининные культуры с низкой дистанцией власти (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция, Франция) имеют лично-ориентированные семьи, которые способствуют усвоению равенства в гендерных ролях, в то время как культуры с высокой дистанцией власти и ярко выраженной маскулинностью (Греция, Япония, Мексика) имеют семьи, ориентированные на жесткие гендерные ролевые позиции. Такие семьи способствуют, в конечном итоге, жесткой дифференциации в гендерных ролях. При этом, как считает Г. Хофстед, одна и та же страна может быть «феминной» по одному параметру и «маскулинной» по другому. Для изучения цивилизаций Г. Хофстед вводит еще одну пару категорий: коллективизм – индивидуализм, которые соответственно отождествляются с феминностью или маскулинностью. В своих исследованиях Г. Хофстед касался, в частности, России, которую он считал достаточно «феминной» по типу общества и «брутальной» по особенностям структуры семьи.

Гендерные нормы и гендерные роли находятся в постоянно актуализирующемся взаимодействии. Нормы устанавливают те задачи, которые должны быть выполнены мужчиной или женщиной, а ежедневное наблюдение за выполнением этих задач со стороны мужчины и женщины подтверждают действительное существование этих гендерных норм.

Конструирование и усвоение гендерных норм происходит в рамках социализации индивида и включает в себя усвоение устойчивых представлений о поведении в той или иной ситуации мужчин и женщин, устойчивых образов морального облика мужчин и женщин.

В результате постепенного усвоения гендерных норм человек начинает ориентироваться в сфере отношений между полами, у него формируются устойчивые, эталонные представления не только об образах мужчины и женщины (характерных моральных качествах и т.д.), но и о тех ролях, которые мужчина и женщина должны играть в обществе, или, как утверждает И.Гофман, «поддерживать приемлемый сценарий дисплеев» [2,с.332]. Так на протяжении всей жизни социальная реальность, культурная среда служит материалом для конструирования гендера.

Гендерные нормы, являясь социокультурными, определяются и подчиняются правилам общества.

Из всего сказанного следует, что гендер – это осознанное значение пола, отражающее взгляды общества на поведение, которое ожидают от мужчин или от женщин; является важным фактором, определяющим

наше понимание собственной природы и понимание того, при каких обстоятельствах эта природа должна проявляться.

Таким образом, мы видим, что хотя биологические различия действительно существуют, но не они являются решающими в конструировании мужской и женской природы. Решающим фактором в формировании различий является культура. Мужчины и женщины являются культурными продуктами своих обществ, и это объяснение делает понятной уже упомянутую фразу Симоны де Бовуар «Женщиной не рождаются, ею становятся».

Таким образом, гендер, являясь социокультурным конструктом и механизмом для конструирования личности, с необходимостью отражает дифференциацию культуры, так как не существует естественно вытекающих из биологии неизменных форм.

Литература

1. Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алтейя, 2001.
2. Ирвин Гофман. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков–СПб., 2001.
3. Цит. по Г. Мур. Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков–СПб., 2001.
4. Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. М.: АСАДЕМІА, 2002 .
5. Лауретис Т. де. Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков–СПб., 2001
6. Ярская – Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. РАН. ИНИОН, Саратов: Гос. технич. ун-т. Центр социальной политики и гендерных исследований; М., 2001.
7. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2004.
8. Жиль Липовецкий. Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности / Пер. с фр. СПб.: Алтейя, 2003.

ЧЕЛОВЕК В HI-TECH-ART: ЭСТЕТИКА И БИОЭТИКА¹

Е.А. Жукова, Томск, Россия

Актуальность обращения к проблеме человека сегодня обусловлена нарастанием так называемого антропологического кризиса, пик которого мы сегодня переживаем. Суть этого кризиса в разрушении экзистенциальных оснований современного человека, что проявляется в разрушении целостности его внутреннего мира, базовых ценностей

¹ В докладе обсуждаются результаты исследований, выполненных при поддержке гранта РФФИ № 08-06-00109

и многого другого. Большую роль в нарастании этого кризиса играют высокие технологии (Hi-Tech), которые стали технологической основой жизни современного общества и оказывают огромное влияние на все его сферы, в том числе на культуру и человека. Hi-Tech все больше «приближаются» к самому человеку, непосредственно воздействуя на его биосоциальную сущность и духовные основания, существенно меняя их и делая самого человека объектом своих манипуляций [1, с. 17]. С нашей точки зрения, построению целостного мироощущения человека, поиску его места в постоянно меняющемся мире, познанию самого себя может способствовать в первую очередь современное искусство.

В данной статье под *высокой технологией* мы понимаем условное обозначение наукоемкой, многофункциональной, многоцелевой технологии, имеющей широкую сферу применения, способной вызвать цепную реакцию нововведений и оказывающей весьма значительное и очень быстрое воздействие на социокультурную сферу и человека. К числу таких технологий мы относим в первую очередь информационные технологии, нанотехнологии и биотехнологии, являющиеся базовыми технологиями феномена Hi-Tech. Мы установили, что для высоких технологий *характерно усиление в принципиальной степени темпов и сил воздействия Hi-Tech, что приводит к быстрым и необратимым системным изменениям социокультурной действительности*, то есть другими словами имеется *очень быстрый и очень значительный социокультурный эффект*. Современные высокие технологии очень быстро и весьма значительно изменяют мир, в котором живет сегодня человек, что позволяет говорить о формировании высокотехнологизированной действительности и превращении системы высоких технологий *в самоподдерживающуюся сеть* [2, с. 243–255]. Анализ показал, что принципиальное отличие современных высоких технологий от других технологий основывается на вызываемых ими эффектах самоорганизации социокультурных систем без возможности предсказания результатов этих эффектов в реальном времени. В то же время базовые технологии феномена Hi-Tech (информационные технологии, нанотехнологии, биотехнологии) не просто обладают саморегуляцией, но по большей части включают в себя технологии, различные стадии которых состоят из самоорганизующихся технологий, поэтому и нельзя точно спрогнозировать, что станет их результатом. Наиболее явно это демонстрирует Интернет. Hi-Tech вызвали к жизни высокие социогуманитарные технологии (Hi-Hume),

направленные на манипуляцию индивидуальным и массовым сознанием [3, с. 117–118]. К числу последних мы относим ряд современных маркетинговых и менеджерских технологий, в первую очередь сопровождающих Hi-Tech-производство. Взаимосвязь Hi-Tech и Hi-Hume неочевидна, выявление Hi-Hume стало возможно только благодаря применению разработанного И.В. Мелик-Гайказян [4] информационно-синергетического подхода для изучения динамики взаимодействий высоких технологий, науки и общества [2].

С нашей точки зрения, Hi-Tech и Hi-Hume создают ситуацию «разрыва», когда современные люди вынуждены жить в обществе, в котором одновременно формируются противоречащие друг другу доминирующие модели поведения: человек самоактуализированный и человек *postrow* [3, с. 119]. Как самоактуализированный человек стремится к творческому труду, самосовершенствованию и максимальной реализации своего личностного потенциала даже вопреки культурному и социальному окружению. Как человек *postrow* [5] индивид подчиняется обряду потребления, заключающемуся в постоянной гонке за модными новинками, теряет критичность и индивидуальность, становясь человеком толпы, захваченной культурой мейнстрима. Особенно это затрагивает специалистов в сфере высоких технологий. Специфика их профессиональной деятельности предполагает необходимость творческого подхода к профессии и умение управлять другими людьми. Но жизнь в культуре *ноубрау* делает их самих теми, кем кто-то манипулирует. Они вынуждены постоянно находиться в ситуации *zwischen* («между»). *Homo zwischen* – это человек колеблющийся, сомневающийся, вынужденный жить в атмосфере неопределенности, разрывается между двумя различными системами ценностей.

Ситуация *zwischen* связана и с выявленной нами амбивалентностью высоких технологий [2, с. 306–311]. С одной стороны, они требуют для своего создания новейшего научного междисциплинарного знания, трудного для понимания даже специалистов, с другой – использование продуктов Hi-Tech под силу даже малообразованным, но функционально грамотным людям.

Итак, Hi-Tech и Hi-Hume вторгаются в жизнь каждого человека и непосредственно влияют на культуру в целом. Мощь Hi-Tech и Hi-Hume огромна. При этом в культуре техногенной цивилизации, к числу которой можно отнести все развитые западные общества, сложились определенные идеалы, которые выступают основой формирования системы ценностных ориентаций и норм. Начиная с Нового

времени, складывались и постепенно стали преобладающими идеалы силы, могущества и власти, господства человека над объектами, обстоятельствами, социальной и природной средой. Человек – творец своей судьбы, который считает, что знания, добытые наукой и преобразованные в технологии, позволяют справиться с большинством появляющихся проблем. Высокие технологии, с одной стороны, укрепляют эти идеалы, позволяя управлять микро- и макрообъектами, подкрепляя веру человека в собственное могущество, в способности преобразования не только природы, но и самого себя. А с другой стороны, данные технологии эти же идеалы и разрушают, так как демонстрируют хрупкость и незащищенность человека перед лицом им же порожденной мощи. Вопрос, задаваемый Т.Д. Тищенко: «Люди могут контролировать природу, но кто (если Бог действительно «мертв») может контролировать самих «контролеров»?» [6, с. 61–62] – сегодня имеет совсем не риторический смысл. Мы полагаем, что все технологии, в том числе Hi-Tech и Hi-Hume, «ценностно нейтральны», но у интеллектуальной и творческой элиты, в первую очередь, у представителей современного искусства, есть возможность сделать это ценностно «активным».

Известно, что на протяжении развития техногенного общества зависимость цивилизованного человека от техники и технических средств постоянно возрастала. Уже в индустриальном обществе техника превращается в некое подобие допинга, потребность в котором постоянно увеличивается. Сегодня же человек вынужден существовать в мире, «пронизанном» Hi-Tech и Hi-Hume. Удовлетворение всех человеческих потребностей сегодня опосредовано техникой и современными технологиями, причем даже в такой сфере, как интимная жизнь (например, противозачаточные таблетки и инъекции, созданные на основе современных биотехнологий; эротическая музыка, записанная на высокотехнологичных носителях и звучащая из высокотехнологичных воспроизводящих устройств, и многое другое).

В наших исследованиях, проводимых в рамках постнеклассической методологии, нами раскрыт информационный механизм воздействия Hi-Tech и Hi-Hume на социокультурную действительность и человека [7]. Мы выяснили, что применение информационно-синергетического подхода к изучению динамики социокультурных систем позволяет установить корреляцию между функциями высоких технологий и формами культуры. На детерминистическом этапе информационного процесса функции высоких технологий перестраивают формы культуры: нормативная функция высоких технологий меняет

идеологию, вербальная – знаки и коды, прогностическая – социальные сценарии, критическая и когнитивная – стили в искусстве, дизайне, архитектуре и виды искусства, адаптивная – программы поведения человека, компенсаторная – социальную мифологию [2, с. 333–342]. Под воздействием Hi-Tech меняются не только старые виды искусства, но и возникают новые. *Новые виды искусства на основе высоких технологий* получили название *Hi-Tech-искусство (Hi-Tech-Art)* и представляют собой *результат синтеза искусства, науки и высоких технологий*. Пока еще они не подвергнуты адекватной научной и философской рефлексии.

К Hi-Tech-Art можно отнести: трансгенное искусство, влажные практики биологического искусства, нанографику, вебдизайн, 3D-графику, интерактивные компьютерные инсталляции и др. Некоторые из них уже получили широкое признание, другие еще находятся в стадии своего становления, не выходя за рамки хобби эстетствующих ученых и технических специалистов. Это проявляется и в том, что в процессе своего становления еще находятся и названия новых видов искусства, пока не являясь общепризнанными. Нет и единой точки зрения на то, что представляет собой Hi-Tech-Art [8].

Итак, все изменения, происходящие в социокультурной действительности под воздействием функций Hi-Tech и Hi-Hume отражаются непосредственным образом на человеке как получателе информации. Меняется его система норм и ценностных ориентаций, образы будущего и предпочтения, языки общения, социальные роли, система символов и смыслов, модели поведения; то, что он помнит и ценит, о чем мечтает и чего желает, и как действует. При этом подчеркнем, что сам человек начинает рассматриваться как природнотехническая (например, в генной инженерии) или социотехническая система (в Hi-Hume), а тело и сознание человека как технологические объекты. Отметим, что в современном искусстве человек также часто рассматривается технобиологическое произведение, которое сочетает в себе признаки, как живого организма, так и технического изделия. Например, в проекте «Extra Ear» австралийского художника Стеларка, который вживил себе третье ухо, выращенное из своих стволовых клеток (см. статью Дмитрия Булатова «Третий модерн: обнажая медиа. Технобиологическое произведение искусства» в этом сборнике).

Сегодня благодаря развитию био- и нанотехнологий воплощается в жизнь утопическая идея конструирования человека. Человеческое существо может быть не только сконструировано, но и реконструировано

(подправлено, улучшено) [9, с. 18]. При этом, если раньше телесность человека, программируемая биологией как процесс, описывалась как непрерывная оболочка, то, как указывает К. Митенев, в результате автономизации микроэлементов живого (имеются в виду генные и нейронные парадигмы живого) *телесность* стала пониматься как *некая дискретность* (разъемность органов, замещение генов, гендерный обмен). «Теперь мы знаем, что сердце человека такое же, как у свиньи, и замещается им, что его генные комбинации такие же, как у мыши. И *телесность* стала сама по себе *анимированной* (курсив наш. – Е.Ж.): художник Орлан, Майкл Джексон, трансвестизм. Я думаю, что мы с вами живем в эпоху становления телесного аниматориума» [10]. Именно нанотехнологии могут дать поистине неограниченные возможности для того, чтобы сделать телесность дискретной, так как именно они привнесли в нашу жизнь идею о возможности сборки различных наноструктур из имеющегося материала – атомов и молекул.

Высказываются предположения, что нанотехнологии будут менять человеческое тело так, как потребуются. Например, В.М. Кишинев полагает, что использование нанороботов в медицинских целях, прогнозируемое уже через 10–15 лет, станет началом перехода человека из эволюционно-биологической формы хомо сапиенс в совершенно новое, технологически саморазвивающееся существо – нано сапиенс [11]. Н. Вита-Море (Vita-More) также полагает, что изменения затронут не только отдельные органы, но и все тело в целом. Оно станет менее уязвимым для различных болезней, прекратит стареть, будет легко модернизируемым. Тело человека будущего, которого она предлагает называть Primo Posthuman, будет проектироваться как машина и будет сохранять внешний вид человека только в эстетических целях или в целях познавательной ассоциации [12]. По сути, тело человека превратится в технобиологическое произведение искусства.

Ni-Tech поставили по новому проблему соотношения понятий «человек» и «машина», «человек» и «технология». Раньше между данными понятиями существовала непроходимая грань, которая задавалась в том числе принадлежностью человека к сфере естественного (природного), а машины и технологии – к сфере искусственного (культурного). Но появление био- и нанотехнологий, основанных на информационных технологиях, заставляет переосмыслить отношения между человеком и машиной, что наглядно демонстрирует Ni-Tech-Art. С появлением Ni-Tech начала размываться граница между человеком

и машиной, между телом и технологией. Например, биотехнология, в отличие от других областей биологии и медицины, опирается не на внешние технологии (протезирование, инструментальная диагностика, хирургия), а на идею о том, что *собственные процессы тела могут быть перепрограммированы на достижение нужных результатов* [13, с. 82], в том числе и эстетических. Но меняется и соотношение понятий «человек», «технология», «произведение искусства».

Ni-Tech заставляют поставить вопрос: будет ли измененный с помощью био- и нанотехнологий человек *тем же самым* человеком? И до каких пределов изменений он *вообще останется* человеком? Эти же вопросы проблематизирует Ni-Tech-Art.

Немаловажно и то, что в высокотехнологизированной действительности *утрачивается изначальный статус человека как хозяина положения*. В новых человекомашинных системах человек начинает выступать уже не как тот, кто управляет, а *тот, кем управляют*. Высокие информационные технологии позволяют исключить человека даже и из сферы постановки задач [2]. Человек становится не просто одним из факторов во взаимодействии с машиной (как в индустриальном обществе), но в полном смысле слова *работ машины*. Например, нанороботы, внедренные в организм человека, способны стать не только машинами, служащими для лечения заболеваний или продления жизни. Медицинские устройства со временем могут позволить относительно легко изменять структуру мозга или осуществлять стимуляцию определенных его отделов для получения эффектов, имитирующих любые формы психической активности. Другими словами, через целенаправленное воздействие посредством наноробота на определенные участки коры головного мозга, отвечающие за определенное поведение или эмоции, можно сделать из человека «нанотехнологического наркомана» или принуждать его к определенному поведению. В этом случае нанотехнологии могут быть использованы в Ni-Hume (в частности для ведения информационной разведки). Выпустив однажды джинна и «впустив» его в себя, человек сам может превратиться в ту лампу, в которой и живет джинн, исполняющий прихоти того, кто этой лампой владеет.

Мы уже упоминали об амбивалентности высоких технологий: они требуют для своего создания высококвалифицированных и высококомпетентных специалистов, хотя для массового потребителя Ni-Tech-продукции необходимо только наличие функциональной грамотности [2, с. 307–309]. Разработчики Ni-Tech-а затрачивают много усилий на создание продукции, требующей минимум физических сил

и умственных затрат при ее эксплуатации. Комфортность потребления становится одним из главных критериев отбора новых высоких технологий. В основе высоких технологий лежат современные фундаментальные научные знания, например, из такой научной области, как квантовая механика, которые очень сложно представить понятным и доступным для неспециалиста образом. В результате, *мир современной техники и технологий теряет наглядность и понятность функционирования*. Функционирование Hi-Tech все чаще начинает восприниматься в массовом сознании как *чудо*. Современная техника и технологии ввиду своей сложности становятся *совершенно недоступными* для большинства современных людей. В то же время высокие технологии переворачивают взгляд людей на эстетику. Сегодня все чаще встречаются утверждения вроде: «красивый» равнозначно «высокотехнологичный» [14]. Это во многом обусловлено тем, что при разработке высокотехнологичных продуктов огромное внимание уделяется техническому дизайну и эргономике. Такие свойства товара, как внешний вид изделия, его эргономические качества товара напрямую определяют сегодня его потребительский спрос. Отметим также, что Hi-Tech сами по себе уже не «втискиваются» в рамки классического определения понятия «технология», сложившегося применительно к материальному производству индустриального общества. Они все больше и больше сами *приближаются к искусству*. Сегодня часто бывает трудно отличить научное и техническое исследование от художественного проекта, а высокотехнологичные процессы часто имеют черты уникального. XX в. показал, что и современное искусство также больше не укладывается в рамки своего классического понимания. К сожалению, рамки этого доклада не позволяют рассмотреть данные вопросы более подробно.

Полагаем, что Hi-Tech-искусство может выполнять обучающую функцию, помогая, с одной стороны, преодолеть разрыв «двух культур» (гуманитарной и естественнонаучной), а с другой – делая высокие технологии более понятными, доступными, социально адаптированными (так, генетически модифицированный зеленый флуоресцирующий кролик жил в семье художника Э. Каца, это была одна из задач его проекта «GFP Bunny»).

Сегодня уже не вызывает сомнений, что искусство оказывает огромное влияние на формирование личности человека. Оно создает целостную картину мира в единстве мыслей, ощущений и чувств, в первую очередь в системе эмоциональных образов, а репрезентирует

различные, в том числе и новые, образы человека. Современное искусство, в том числе Hi-Tech-искусство, способствует развитию воображения, что содействует воспитанию человека, обладающего чувством новизны, способного ставить и решать новые проблемы, прогнозировать и угадывать ход событий, а это сегодня особенно актуально. Благодаря искусству, в том числе Hi-Tech-Art, человек познает не только окружающий мир, но и самого себя.

Особенности новых видов искусства на основе высоких технологий в том, что, во-первых, все произведения Hi-Tech-Art требуют междисциплинарного знания не только для своего создания, но часто и для восприятия, что неминуемо ведет к расширению узкоспециализированных рамок; во-вторых, они уже фактом своего создания ставят большое количество моральных проблем, заставляя задуматься над многими этическими аспектами, касающимися не только абстрактных идей, вещей и людей, но и собственной телесности, смысла своей жизни. Проблематизируется проблема своего «Я» и своей индивидуальности. В старых вопросах появляется много новых акцентов, например: допустимы ли опыты художника (генетические эксперименты) над собой в эстетических целях?

Итак, мощь высоких технологий требует адекватного философского и конкретно-научного осмысления как самого феномена Hi-Tech, так и различных последствий (социокультурных, экологических и др.) от внедрения и широкого распространения данных технологий. Сегодня все больше людей становятся неравнодушными к тем последствиям, которые высокие технологии несут им, их детям и внукам, т.е. последующим поколениям. В последние годы все острее встают вопросы, связанные с воздействием на процессы принятия обществом новых технологий, в том числе Hi-Tech и Hi-Nume [15]. Общество пришло к осознанию необходимости наличия деятельности по оценке технологий, которая не ставит своей задачей прямой «запрет» опасных технологий, но должна быть направлена на то, чтобы по возможности постараться заранее предусмотреть возможность негативных эффектов, минимизировать их, либо совсем элиминировать. В 90-е гг. все более широкое внимание начинает привлекать «*принцип предосторожности*» (precautionary principle). В соответствии с этим принципом вопрос о безопасности новой технологии ставится не задним числом, когда ее применение уже привело к негативным эффектам, а еще на этапе ее внедрения [16], и даже раньше. Необходимость контроля дорогостоящих финансовых вложений в сферу Hi-Tech со стороны инвесторов,

а также проникновение в науку, создающую Hi-Tech, морального и экологического контроля со стороны общества, привели к тому, что *экспертиза научного знания стала зависеть от неспециалистов*. Формируемое гражданское общество, демократическое законодательство и развитая доступная сеть средств массовой информации и коммуникации позволяют это осуществлять тем или иным образом. Так, дискуссии о моральной допустимости конкретных исследований и основанных на них технологий выходят за рамки узкоспециализированных научных советов в средства массовой информации и коммуникации, а также в сферу искусства. Примеры тому: многочисленные ток-шоу, радиопередачи или недавно возникшие «биоэтические» театры – профессиональные и любительские театры, сюжеты постановок которых взяты из жизненного мира современной биомедицины [17, с. 68]. Предвосхищающая направленность осмысления морально-этических и правовых аспектов проблемы использования высоких технологий становится нормой [18, с. 53]. Это проявляется и в Hi-Tech-Art. Показательно появление антологии на двух языках (русском и английском) «Biomediale: Современное общество и геномная культура», в которой осмысливаются стратегии и особенности современного искусства, обусловленные развитием биотехнологий, в том числе и биоэтические аспекты [19].

Hi-Tech-Art, вызывая бурю эмоций при своем восприятии, заставляет задуматься над тем, насколько опасными могут быть технологии, выведенные из-под нравственного контроля, т.е. воздействие Hi-Tech-Art, как и любого другого искусства, на личность человека весьма противоречиво. Бесконтрольное развитие технологий, как и применение Hi-Tech в эстетических целях без должных мер предосторожности, становятся особенно опасными в условиях нарастающей коммерциализации науки (в первую очередь, создающей Hi-Tech), которая сопровождается и коммерциализацией культуры.

Тем не менее, с нашей точки зрения, именно благодаря Hi-Tech-Art сегодня появляется возможность не просто продемонстрировать красоту и убожество «технологического человека» (в понимании Г. Маркузе), но дать ему (человеку) возможность по-новому взглянуть на себя, свои возможности и свое место в мироздании, «взрывая» человеческое сознание изнутри, демонстрируя человеку, насколько он силен, могуч и незащищен одновременно.

Литература

1. Юдин Б. Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек. 2005. № 6.
2. Жукова Е.А. Hi-Tech: феномен, функции, формы / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. Томск, 2007. (Серия: Системы и модели: границы интерпретаций).
3. Жукова Е.А. Профессионализм в сфере Hi-Hume // Высшее образование в России. 2007. № 8.
4. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998.
5. Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М., 2005.
6. Тищенко П. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001.
7. Мелик-Гайказян И., Жукова Е. Методологические возможности информационно-синергетического подхода в исследовании воздействий высоких технологий на социокультурные системы // Філософія гуманітарного знання: соціокультурні виміри: Матеріали Міжнародног науковог конференціг, (Чернівці, 26-27 жовтня 2007 р.). Чернівці, 2007.
8. Булатов Д. Категориальный аппарат АК-74 // Художественный журнал. № 55. – <http://xz.gif.ru>
9. Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. 2006. № 5.
10. Митенев К. Анимация и следующая телесность // Клип как ведущий язык массовой коммуникации: возможности и пределы аналитики: Мат-лы теоретического семинара. – <http://anthropology.ru/ru/projects/media/seminars/20020522/animation.html>
11. Кишинец В.М. Нано Сапиенс (Сокращенный электронный вариант книги «Nano Sapiens или Молчание небес»). – http://zhurnal.lib.ru/k/kishinec_w_m/nanosapiens.shtml
12. Vita-More N. The New [human] Genre Primo [first] Posthuman. <http://www.natasha.cc/paper.htm>
13. Такер Ю. Комната ожидания Дарвина // Biomediale: Современное общество и геномная культура. Калининград, 2004.
14. Грани эстетики в гранях фасада. – <http://www.alga-profil.ru/pagsect-28.html>
15. Жукова Е.А. Человек в плену Hi-Hume // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Серия: Философия.
16. Юдин Б. Этическое измерение современной науки // Отечественные записки. 2002. № 7(8). – <http://www.strana-oz.ru/css/oz.css>
17. Тищенко П. Геномика: новый тип науки в новой культурной ситуации // Biomediale: Современное общество и геномная культура. Калининград, 2004.
18. Иойрыш А. Правовые аспекты генной инженерии // Biomediale: Современное общество и геномная культура. Калининград, 2004.
19. Biomediale: Современное общество и геномная культура / Сост. и общ. ред. Д. Булатова. Калининград, 2004.

НЕВРОТИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА – КЛИНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И ЦВЕТОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

И.С. Карауш, Томск, Россия

На современном этапе проблема пограничных состояний, и, в частности невротических расстройств рассматривается с помощью многостороннего междисциплинарного подхода [1, 2]. Клинические проявления дезадаптации находят отражение в континууме «здоровье-болезнь» через систему донозологических состояний – психоадаптационный (ПАС) и психодезадаптационный (ПДАС) синдромы [3, 4], т. е. структурировании клинических и биологических динамических характеристик и могут способствовать формированию невротических расстройств.

Концепция многоуровневого дистресса [5] подразумевает наличие трёх уровней – организменного, психологического и социального – отрицательных воздействий на организм, при которых происходит возврат на более низкую ступень филогенеза. Психологический уровень характеризуется наличием архаического мышления [6, 7], преобладанием менее зрелых психологических защит [8], появлением симптомов психической, соматической, нейровегетативной тревоги [9]; социальный уровень определяется снижением уровня качества жизни [1, 2].

Целью проводимого исследования было изучение всех уровней воздействия стрессовых факторов с помощью современной технологии компьютерного моделирования на основании изучения восприятия и воспроизведения цвета [10, 11]. Результаты компьютерной диагностики соотносились с данными клинико-динамического исследования, традиционными психологическими шкалами (опросник копинг-поведения (E. Heim, L. Murphy и R. Lazarus), опросник «Индекс жизненного стиля» (Plutchik R., Kellerman H., Conte H.), исследованием уровня качества жизни и тревоги по шкале тревоги Гамильтона. Объектом исследования явились 120 пациентов Межведомственного центра психического здоровья ГУ НИИ ПЗ ТНЦ СО РАМН с донозологическими (преневротическими – психоадаптационными и психодезадаптационными состояниями) – 50 человек и начальными формами невротических расстройств – 70 человек.

Методологически система исследует индивидуальный цветовой набор каждого человека – цветоощущение, что достигается путем анализа процесса восстановления пациентом цветowych картин природы,

теряющих цветовую гамму и сравнения с эталоном. В современном представлении цвет – это свойство электромагнитных излучений вызывать адекватную реакцию на объективную реальность.

Психологический уровень представляет прежде всего изучение большого спектра положительных и отрицательных эмоций, среди которых – «незнание», «печаль» (депрессивные тенденции), «неумеренность» (аддиктивная составляющая), «вожделение» (снятие контроля над желанием удовлетворения потребностей и получением желаемого), «несправедливость», «алчность», «лживость», «зависть», «хитрость», «гнев», «опрометчивость», «коварство». Среди позитивных – «радость» (отражает положительное отношение человека к себе и окружающему), «воздержание» (ограничитель эмоционального реагирования, способность к эффективному подавлению неприемлемых импульсов), «терпение» (способность оказывать противодействие неблагоприятным факторам, сохранять самообладание в ожидании результата проявлять упорство и настойчивость (волевые качества)), «праведность» (справедливость), «общность» (социальное взаимодействие и целостность личности), «истина» (адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно), «благость» (доброта, умиротворение), «творческое начало» (создание новых по замыслу ценностей), «труд» (целесообразная деятельность, усилие, направленное к достижению результата), «изобретательность» (способность создавать новое, творчески мысля). Дефиниции в данной методологии зачастую носят собирательный характер, включая в себе смысловую нагрузку нескольких традиционных шкал. Так, например, понятие «незнание» включает в своё определение компоненты «отрицания» и «вытеснения» как психологических защит, «игнорирования» как неадаптивной когнитивной стратегии поведения, страха по шкале тревоги Гамильтона и некоторые другие; «воздержание» соотносится с такими стратегиями поведения как «сохранение самообладания» и негативной эмоциональной – «подавление эмоций». Соотношение эмоциональных характеристик индивидуально, отражает актуальное состояние и глубинные конфликты. Даже «в норме» предполагается наличие всех перечисленных компонентов в спектре эмоций, несмотря на кажущуюся «отрицательность» некоторых позиций. Важно гармоничное их сочетание между собой.

При исследовании пациентов с ранними формами невротических расстройств обращает на себя внимание высокий уровень напряжения таких показателей как «незнание», «несправедливость», «печаль»,

«гнев», «воздержание», «терпение», «истина», «труд». При сравнении полярных позиций – психоадаптационные состояния и невротические расстройства – достоверные ($p < 0,05$ при $t = 2,01 - 2,32$) отличия наблюдались по таким категориям, как «печаль», «несправедливость», «гнев», «воздержание», «изобретательность». В случае анализа отличий нарушений адаптации в целом от невротических расстройств достоверные ($p < 0,05$ при $t = 2,03 - 2,53$) отличия зафиксированы по позициям «неумеренность», «вожделение», «несправедливость», «воздержание», «изобретательность».

Социальный уровень действия стрессовых факторов подразумевает анализ алгоритма действия (деятельности) пациента – индивидуальной стратегии пути от цели до результата. «Если иметь в виду главное, то психоневроз – это болезнь души, не нашедшей для себя смысла», отмечал К.Г.Юнг. Алгоритм определяется многими составляющимися, среди которых – психологические особенности, состояние системы адаптации, индивидуальной реактивности, соматического здоровья и адекватного или неадекватного к нему отношения. Результат формируют все звенья цепи – замысел (цель), желание, воля, вера, знание, выполнение замысла, определение порядка действия, способность действовать по определенному порядку, память, опыт, самоконтроль. В алгоритме идеального человека гармонично сочетаются в равновеликом соотношении все составляющие системы психической адаптации, в реальности мы наблюдаем персональную картину с акцентами на сильные и проблемные (даже выпадающие) места алгоритма деятельности. Одной из причин появления и стабилизации интрапсихического конфликта – нереализованность, ощущение собственной ненужности, не востребованности, являющееся базисом для тревоги, невротизации, аффективных расстройств. В исследуемой выборке при имеющемся количестве пациентов достоверных отличий в показателях результативности не отмечается, однако намечается достаточно показательная тенденция – при нарастании невротической симптоматики и формировании заболевания снижается уровень результата (в условных единицах – баллах диагностической системы при ПАС – показатель результата 0,76, при ПДАС – 0,69, при неврозах – 0,63).

При осознании пациентом «слабых мест» в алгоритме собственной деятельности необходимо ориентировать его на смену доминирующего образа мыслей с проблемно-ориентированного на целевой. Проблемно-ориентированное мышление – это поиск ударов судьбы и реакция на них, стабилизация интрапсихического конфликта. Целевое

мышление настроено преимущественно на активное формирование настоящего и будущего, творческий процесс моделирования и построения реальности. Это один из аспектов реабилитационных психотерапевтических программ (рациональная психотерапия).

Внедрение альтернативных и дополнительных методов диагностики и коррекции, обладающих компьютерной обработкой данных, индивидуализирующих лечебно-реабилитационные мероприятия, позволяет выявлять и корригировать нарушения в системе психической адаптации и ранние формы невротических расстройств.

Литература

1. Куприянова И.Е., Семке В.Я. Качество жизни и психическое здоровье. Томск, 2004. 121 с.
2. Куприянова И.Е., Семке В.Я. Качество жизни и превентивная психиатрия. Томск, 2007. 186 с.
3. Савиных А.Б. Структура, динамика и профилактика состояний психической адаптации: Автореф. дис. ... канд. м.н. Томск, 1989. 23 с.
4. Саванин Д.В. Психическая адаптация и дезадаптация в клинике пограничных нервно-психических расстройств у работников химической промышленности Автореф. дис. ... к.м.н.– Томск, 1992. – 22 с.
5. Семке В.Я. Терапия невротических и психосоматических расстройств // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2002, № 2. С. 7–11.
6. Стоянова И.Я. Новые психодиагностические технологии в работе спациентами, имеющими нарушения непсихотического регистра. // Современные технологии психиатрического и наркологического сервиса. Томск. 2006, С. 167–168.
7. Ошаев С.А., Стоянова И.Я. Сравнительный анализ механизмов совладания и архаических форм психологической защиты у больных с невротическими нарушениями // Сибирский психологический журнал. Томск, 1999. Вып. 10. С. 77–80.
8. Ошаев С.А. Особенности психологических защит у больных с ПТСР // Актуальные вопросы психиатрии и наркологии / Под ред. акад. РАМН, проф. В.Я. Семке. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. Вып. 11. С. 74–76.
9. Бехер О.А., Куприянова И.Е. Терапия тревоги Атараксом. // Клинико-биологические проблемы охраны психического здоровья материнства и детства: материалы региональной научно-практической конференции. Томск, 2007. С. 86-87.
10. Граков И.Г. «Медицинская компьютерная информационно-консультативная система «Странник» (МИКС «Странник») [Текст] / И.Г.Граков, А.Ю.Гущин, В.М.Тимошин // «Современные информационные технологии» Сб. научных трудов. Вып. 2. М., 2000.
11. Граков И.Г. Система диагностики и лечения заболеваний человека «Странник», виртуальный сканер на службе здоровья [Текст] / И.Г. Граков, В.В. Довгелевич, И.Ю. Довгелевич // Сб. докладов первого международного конгресса «Новые медицинские технологии». СПб., 2001. С. 173–177.

ПРЕВЕНТИВНАЯ ПСИХИАТРИЯ: КЛИНИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

И.Е. Курьянова, Томск, Россия

Развитие современного общества неизбежно сталкивается с проблемой всестороннего гармоничного психического, духовно-нравственного здоровья населения, качества его жизни. Естественно, что психическое здоровье индивида и общественных групп всегда было одним из важнейших факторов, определяющих статус цивилизации, благополучия общества. Здоровье является комплексной составляющей качественного существования, становления и развития, гармоничное равновесие физиологических, психических и социальных аспектов как личности, так и всего общества.

Физический уровень здоровья – способность противостоять условиям внешней чаще всего неблагоприятной среды. Специфические климатогеографические, экологические факторы массивным прессингом влияют на уровень здоровья населения, напряжению в иммунной, эндокринной, нейромедиаторных системах, формированию новых донологических расстройств: психоадаптационного и психодезадаптационного синдрома, широкому распространению соматических расстройств с коморбидными утяжеляющими изменениями психической сферы.

Психологический уровень здоровья – это своеобразие индивидуального склада, структуры личности, способность человека оптимально адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, стремление постоянно повышать уровень коммуникативной компетентности, вырабатывать чувство принадлежности ко всему человечеству. Мобилизация психологических факторов устойчивости обеспечивает усиление личностных ресурсов индивида.

Социальный уровень здоровья – это возможность реализации интеллектуального, образовательного потенциала, формирование культурного и исторического пространства, способность человека к созидательной активности, творчеству. Возрастающий динамизм и нестабильность, постоянная социальная напряженность, формирование новых псевдоценностей деньги, престиж, богатство, власть деструктивно воздействуют на здоровье, препятствуют адекватному развитию личности и социума.

Динамические показатели качества жизни – одна из оценочных категорий современных психотехнологий, позволяющих эффективно преодолевать патологические способы реагирования, оказать пациен-

ту помощь в решении многообразных проблем психического здоровья и внутриличностного душевного дискомфорта, упрочить служебной карьеры, позитивно изменить внутрисемейные, бытовые и производственные отношения.

В рамках постулируемой нами превентивной психиатрии уровень качества жизни занимает важную позицию, т.к. снижение этого показателя, или его составляющих позволяет на ранних этапах выявить процессы психической дезадаптации и применить разноуровневые программы психогигиенического, психологического, психокоррекционного, психотерапевтического сервиса.

Интегративная оценка качества жизни является важным дополнением при диагностике и коррекции личностных девиаций в структуре изучения клинической персонологии, гуманистической дисциплины в спектре современных естественных наук, определяющих становление личности в рамках определенной культуры, религии, мифологии, традиций, обычаев.

Одной из важнейших позиций качества жизни является внедрение новых форм психологического, психотерапевтического и психиатрического сервиса, нацеленных на укрепление здоровья населения региона. Здоровье как ключевое понятие предусматривает возможности личности к самосохранению саморазвитию и гармонизации, поддержанию и укреплению содержательной жизни во всех ее проявлениях, возрастанию качества жизни. С течением времени все более значимыми становятся слова великого Леонардо да Винчи: «Надо помнить, что такое жизнь, что такое здоровье, и их равновесие, согласие стихий его поддерживает а их раздор разрушает и губит».

ПУБЕРТАТНЫЙ КРИЗ: ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В.А. Потапова, Москва, Россия

Подростковый возраст – это возраст, для которого характерно стремление разбить запреты, бороться с ними и, в конце концов, найти свое собственное решение. В борьбе между принципом удовольствия и принципом реальности не должен победить ни тот, ни другой, должна быть золотая середина. Подростку, который открывает свою сексуальность, важно дать возможность сублимироваться, мы должны быть запрещающими родителями: оговаривать правила, договариваться во сколько придут домой, как сообщат в случае своей задержки. Тогда

подросток увидит, что его мама и папа не все запрещают, что его интимная сфера была принята его родителями, он должен налаживать контакт с родителями, нести ответственность сам за себя теперь, что с ним ничего не случится, что я в нормальном месте. Вы видите, что это процесс, процесс установления отношений, где родитель сопровождает ребенка, как бы говорит ему, что он где-то рядом и ребенок всегда может прийти поговорить, обратиться и поэтому подросток убегает из дома и снова возвращается. И здесь важно, что родитель не умирает, когда ребенок отсутствует. Это очень важная идея для разделения. Ребенок может думать: «Если я буду свободен, буду сексуален, то я заберу сексуальность у родителя и тогда я убиваю моих родителей». Это вопросы жизни и смерти, которые решаются в подростковом возрасте. Базовые моменты – отреагирование и противоположное этому уход в себя, в фантазии, с одной стороны желание вступить в контакт, с другой стороны трудности коммуникации. Возраст конфликта. Терапевтические аспекты направлены на конфронтацию и на возможность найти путь для установления связи между действием и словом, отреагировать – это значит не думать, не понимать, действовать. Соответственно социопатии – типичная патология этого возрастного периода.

Для подросткового возраста характерна манифестация очень специфичной патологии, которую сложно поместить в конкретную структуру: психоза, невроза или пограничных состояний. Прежде всего, эти патологии связаны с непереносимостью депрессии, с невозможностью проделать работу горя по разделению с первичным объектом, из-за того, что этот объект не интроецирован, не помещен в психическую структуру. Мы разделяем два момента: интроекция – это когда что-то помещено в психику, становится психическим; и инкорпорация – «кор» это тело – помещение в тело, а не в психику. И подростки, которым свойственна инкорпорация, функционируют на уровне тела, то есть образы, репрезентации у них телесные, это репрезентации вещей, а не слов, не символов. И тогда такие подростки вопросы решают на уровне телесном. Например, анорексия – страдающий подросток пытается проглотить объект и избавиться от него. Здесь нет интроекции (помещение объекта в психическое пространство, уже как репрезентации) объекта, а есть инкорпорация (помещение объекта как бы внутрь тела) и прорабатывание навязчивое процессов разделения и невозможности разделить. И в нарушениях пищевого поведения делается попытка решить эту проблему – физически, телесно изба-

виться от преследующего изнутри первичного объекта. Отреагирование в действии – нет возможности ментализировать, сублимировать, опереться на внутренние объекты, которые должны быть в психике, а не в теле, нет возможности опереться на фантазийный аппарат, представить внутри какую-то картину. Если нет перечисленных возможностей, то есть только одна – проделать все в действии. Делая это, подростки борются со своим страхом присутствия другого, борются с третьим, с миром реальности.

Мы в нашей работе пытаемся связать действие словом, то есть устанавливаем связь между действием и тем, что оно означает. Таким образом, отреагирование в моторной сфере дает псевдоощущения, которые позволяют временно заменить объектные инвестиции.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ДИСКУРСЕ ПСИХИАТРИИ, ПСИХОТЕРАПИИ И ПСИХОЛОГИИ

О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев, Барнаул, Россия

Человек «истирается»... как следы смывает прибрежная волна... (М. Фуко) [1].

Постулируемая смерть автора означает и смерть адресата: «Адресаты мертвы, назначение – смерть» (Ж. Деррида) [2, с.256]. Эпоха after-постмодернизма, самодеконструируемая и деконструирующая дискурсивные схемы культурной реальности (в том числе психотерапевтической), стоит на позиции ризоматического устройства властной, контролирующей инстанции в обществе.

Смерть автора и адресатов означает смерть субъектности (как смерть возможности персонального начала в порождении идеи, мысли в культуре). Субъект истирается, являясь диффузной частью дискурсивной схемы, представляя ее целостность, являясь результатом ее властного статуса. Также истирается и адресат (читатель, реципиент), так как он не может быть субъектом, воспринимающим информацию, он лишь часть дискурса, изнутри которого происходит ее интерпретация.

Произнося термин «личность» мы не в состоянии дать сколь-нибудь удовлетворяющее ученого определение, поскольку это самореферрующий знак, понятие абстрактное. Психологическая терминология конструирует новый образ человека, отличный от «нозологического театра» (М. Фуко) психиатрии [3]. На смену внешнего контроля приходит контроль внутренний, более утонченный.

От осмысления девиации как привлекательного и одновременно пугающего феномена – к поиску повседневных отклонений обыденной жизни. Таков девиз дискурса психологии, психокоррекции. Человек непрерывно сравнивает себя с безумцем, пугаясь малейших черт сходства, он сам является частью власти господствующего знания, он сам (не являясь ни автором, ни читателем в широком смысле) сверяет себя со столь неопределенным и неопределимым состоянием «нормальности». Он спешит «привести себя в порядок – норму» (order – порядок, disorder – расстройство как беспорядок), руководствуясь критериями быстро меняющихся ликов антиномии «норма – патология».

Логоцентрическая установка противопоставления – бинарная оппозиция. Любая живая реальность воспринимается как система различий (оппозиций, противопоставлений), отсылок к чему-то иному, а, значит, является текстовой по своей структуре. Онтологического статуса, референта понятий нет и не может быть, референтом здесь служит лишь антимир конструкта (его оппозиция).

М. Фуко отмечает в «Истории безумия», демонстрируя историческую смысловую цепь событий: «...Пограничное положение безумца; он пребывает на той линии горизонта, которая очерчивает круг интересов средневекового человека, и это его положение и символично, и ... реально, ибо ему дарована привилегия быть запертым у ворот города: исключенный из городской жизни он превращается в заключенного, а поскольку у него нет и не может быть иной тюрьмы, кроме порога в буквальном смысле слова, то и держат его строго на *линии границы*. Для внешнего мира – он внутри, для внутреннего – вовне. Такое в высшей степени символическое положение он занимает и поныне – если, конечно, иметь в виду, что прежняя вполне зримая крепость порядка превратилась сегодня в цитадель нашего сознания» [4, с. 125].

Понятие «**дискурс**» мыслится как текст, погруженный в жизнь. Дискурсивная практика – практическая деятельность людей под влиянием определенного текста (единства лингвистических и паралингвистических маркеров явлений). Дискурсы нормального и патологического оказываются сильно зависимы от социо-культурных трансформаций. В одних обществах есть определенная «психическая патология», в других – нет. То, что «нормально» – в одну эпоху, «ненормально» – в другую. Дискурс – это и есть сама жизнь, это правила, по которым течет жизнь.

В историко-культурном контексте мы замечаем: имя человека религиозного сменяется именем медицинским. Одновременно с этим переосмыслением причинности и появлением феномена (неразумия) безумия, определяющим ракурс конструирования и восприятия человека с его проявлениями, происходит перетасовка приоритетов властных институтов, отвечающих за контроль в обществе.

Так, вместо человека с грехами, падшего обывателя, искупающего свои земные страсти в непрерывном покаянии... мы наблюдаем рождение человека, имеющего индикаторы органической патологии. На смену интерпретационной модели одержимости приходит модель медицинская, пройдя путь через моральное, светское, этическое оценивание. Фокус смещается с человека, испытывающего на себе гневный взгляд церковного служителя, на человека, погрязшего в неразумии, а впоследствии – безумца, и в дальнейшем – психически больного (имеющего психическое расстройство), который уже находится под опекой медицины.

Новому человеку наносятся увечья физические, которые уже не «изгнать» прежде действенными методами «святой инквизиции», здесь понадобится арсенал медицинской атрибутики, так гармонично оформляющей единство медицинского дискурса.

Врач в белом халате противостоит священнику в рясе, теперь он – главная фигура, являющаяся экспертом в области «странного», «отклоняющегося», «ненормального». Теперь он говорит о причине и методе «исправления», он выносит вердикт, заново переписывая жизнь в дискурсе «патологического». Прихожанин становится пациентом. Грешник и одержимый – безумцем. Наряду с церковью, в помещениях для ранее изгнанных из общества прокаженных, оформляется, расцветает, рождается пространство клиники – родителя будущей психиатрической больницы. Это пространство расположено за городом, ближе к природе и в то же время в изоляционном контексте. Подвижность властных дискурсов (столь разных в своей языковой игре) приводит к смене ролей.

Образ человека флуктуирует в пространстве культурной истины, в пространстве легитимного доминирующего дискурса, – но всегда в рамках культуры, в рамках господствующего лингвистического пространства. М. Фуко пишет: «Запечатленные священной болезнью... Изгнание для него – особая форма причастия. ...Исчезнет лепра, фигура прокаженного изгладится... однако все эти структуры останутся неизменными... Роль, когда-то принадлежавшую прокаженному, возьмут на себя бедняки, бродяги, уголовные преступники и «повредившиеся

в уме»; мы увидим, какого рода спасения ждут от своего исключения и они сами, и те, кто их исключает. Все формы этого исключения сохраняются, хоть и наполняются, в рамках совершенно другой культуры, совсем новым смыслом – и прежде всего та высшая форма строгой изоляции человека, когда он исключается из социума, но духовно реинтегрируется в него [4, с. 28].

Теория М. Фуко «власти – знания» подтверждает мысль о том, что господствующий дискурс власти задает познавательную эпистему и наоборот, – это процесс взаимного влияния. Автор отмечает любопытный факт: «В 17 в. венерические болезни до некоторой степени отрываются от своего медицинского контекста и, наряду с безумием, интегрируются в нравственное пространство исключения из сообщества – и происходит это под воздействием сложившегося в эту эпоху мира изоляции» [4, с. 29].

Дискурс психиатрии предполагает увязывание симптомов в болезнь, психиатр сплетает систему причин и следствий, подтверждая свою гипотезу. Он настраивается на поиск симптома и находит его, являясь представителем данного дискурса. В психотерапии психоаналитик будет обнаруживать нарушения в сексуальной сфере, в гуманистической психологии – нарушения в области смыслов, а когнитивный психолог сразу обнаружит иррациональные мысли. Каждый человек может обнаружить у себя любые переживания, переконструировать (переопределить) себя в любой из имеющихся систем психотерапевтических координат. Любое переживание может быть проинтерпретировано в рамках любой психотерапевтической модели, стать объективированным и означенным той или иной объяснительной схемой.

На острове Гваделупа вообще отсутствует понятие «депрессия», жители не осмыслиют свое настроение с помощью этого конструкта.

В 1992 г. МКБ 10 принята во всем мире, в России – с 2002 года. Болезнь трансформировалась в расстройство. Однако и самому понятию «болезнь» чуть больше, чем 200 лет. Социолог Парсонс (1967 г.) ввел понятия «роль больного» и «роль здорового». Роль – явление социальное, результат – система экспектаций от человека, предъявляемые к нему требования.

М. Фуко на основании анализа исторического материала удается показать, что для людей 17–18 вв. не существовало эквивалента современному понятию психически больного. Было характерно общее представление о неразумии, объединяющем все виды отклоняющегося поведения: бродяжничество, попрошайничество, венерические забо-

левания, колдовство, занятия алхимией. Еще не было потребности разделить эту неопределенную массу девиантов на категории, приняв за основание деления причины отклонений. «Психически больной» как определенная «культурная реальность» действительно есть продукт новейшего времени.

На протяжении всей истории идет формирование технологий власти, разметка дисциплинарного пространства. «Психиатрическая больница» как квинтэссенция нормирования, возникает в 19 веке. Но техники контроля усложняются постепенно, сначала формируются дома для бродяг и нищих как раз там, где чуть раньше содержали других девиантов – больных лепрой и позже – венерически больных; создаются такие дисциплинарные контролируемые пространства, как интернаты, места, где содержат престарелых, немощных людей и т.д. Психиатрическая больница – это шедевр технологии власти, дисциплины и нормирования.

Трансформация семантически неоднозначного феномена безумия в исторической ретроспективе может быть проиллюстрирована через **антиномичность** классической эпохи и эпохи позитивизма (три способа перехода к интериоризации властного контроля).

Практика психиатрии – это «...тактика нравственного воздействия, возникшая в конце 18 века – начале 19 в., сохранившаяся в ритуалах и образе жизни лечебницы, скрытая под наложившимися на нее мифами позитивизма» [4].

Фуко отмечает: «Вся жизнь обитателей изолятора, все обращение с ними смотрителей и врачей организовано у Ф. Пинеля так, чтобы эти моральные синтезы не могли не осуществиться» [4, с. 37]. Этой цели Ф. Пинель достигает тремя основными способами:

1) Молчание. «Атмосфера молчания и игра зеркальных отражений неумолимо принуждает безумие к самооценке» [4, с. 486]. Автор пишет: «Вина с других полностью снята – они более не являются преследователями; она переместилась внутрь – в душу безумца, показывая ему, что завораживающей силой были для него лишь собственные притязания...» [там же]. И дальше: «Мученичество несло ему славу; освобождение должно его унижить» [там же]. Раньше безумец должен был молчать, теперь он имеет право говорить. Коррелятом отсутствия языка – основополагающей структуры больничной жизни – является рождение признания. Теперь человек должен постоянно признаваться во всех своих проявлениях, тщательно следить за малейшей своей девиацией и корректировать. Это признание в совершенном проступке.

2) Узнавание себя в зеркале. Это взгляд внутри пространства, заданного безумием. Человек сверяет себя с нормой непрерывно, вглядываясь в безумие (в том его понимании, которое господствует в актуальную для человека эпоху) как в зеркало. Автор пишет: «Освободившись от оков, превращавших его в чистый объект, всегда открытый для взгляда, безумие парадоксальным образом лишается главной составляющей своей свободы – одинокого самовосхваления; оно становится ответственным за известную ему истину о самом себе; оно делается узником собственного взгляда...» [4, с. 489]. Он отмечает этот момент постоянной сверки себя с нормой и необходимости признания в этом как в проступке, подлежащем коррекции, нормированию: «Это презрение к себе, возникшее раньше, нежели возможность узнать и познать себя» [там же].

3) Бесконечно длящийся суд. М. Фуко пишет, что «психиатрическая лечебница – это юридический микрокосм». Автор отмечает: «Правосудие, дабы быть действенным, должно иметь устрашающий облик» [4, с.489-490]. Лечение – выход на сцену правосудия во всей его ужасающей неумолимости. «Медицина здесь преобразуется в правосудие, а терапия – в репрессии ... Все в лечебнице организовано так, чтобы безумец осознал себя в мире суда, обступающем его со всех сторон; он должен знать, что за ним постоянно надзирают, что его судят и выносят ему приговор... Связь между проступком и наказанием должна быть прямой и очевидной...» [там же, с. 490]. Вина должна быть внутри, ответственность отныне несет безумец.

Переход от классической эпохи к позитивизму можно проследить в определенной антиномичности, которая выявляется в главе «Антропологический круг» «Истории безумия...» М. Фуко. Важно понимать, что, расщепляя специфики эпох, автор смешивает их, он показывает то, что тени смыслов, сформированных в предшествующие эпохи никуда не исчезают, их следы, призраки, скрытые значения и символы, даже метафорические облики и фигуры так или иначе присутствуют в теле современной культуры (все семантическое наложение с той или иной степенью очевидности можно обнаружить в социальном инструменте-конструкте).

Ф. Пинель трансформировал пространство контроля, результатом явилось: обретение безумием языка, внешняя свобода безумца, его виновность, безумец обрел свое бытие. Антиномии исторических трансформаций приведены ниже (*левый полюс антиномии характерен 17-18 вв., правый – эпохе позитивизма – 19 в.*) [4].

1) **Несвобода** (изоляция; безумцы прикованы цепями к стене) – **псевдосвобода** (Ф. Пинель, освобождающий безумцев для того, чтобы отныне контроль стал внутренним, а не внешним) [4].

2) **Безмолвие безумия** (говорить имеет право только врач от лица медицинского дискурса) – **безумие обретает язык** (больной сам признается и это имеет важный властный смысл) [4].

3) **Невиновность, заблуждение** (безумец обуреваем желаниями, мощными страстями, подлежит оценке врача) – **виновность, ответственность** (на поверхность выводится внутренний мир дурных страстей, человек виновен и несет ответственность за совершенный проступок, он будет наказан; будет раскаиваться и признаваться в совершенном) [4].

4) **Отстраненный взгляд на безумие** (безумие – нечто внеположенное мне как нормальному, чуждый феномен) – **пристрастный взгляд на безумие** (человек вглядывается в безумие как в зеркало, обретая в нем свою истину). Безумие отныне не внеположено человеку, это его истина, и он несет ответственность за то, чтобы не быть безумным, поскольку обладает знанием о «правильном поведении» [4].

5) **Небытие, ничто** (безумец чужой относительно бытия, он – иллюзия, пустота) – **Бытие, нечто** (но бытие не истинное, это – **забвение бытия**) [4].

6) **Человек «свой» относительно самого себя**, четко определен в себе (бинарная оппозиция общего характера разумие – неразумие) – **человек отчужден от своей истины через феномен безумия**, чужой относительно себя, отчужденный, сумасшедший (бинарная оппозиция замещается триадой человек – его безумие – его истина – это уже антропологическая структура) [4].

Возможность нового взгляда на психиатрическое пространство и его производные (психологическое, патопсихологическое и т.д.) содержится в методе **деконструктивистского анализа** практик нормирования (деконструкция – постструктуралистский подход Ж. Деррида) [2, 5].

Метод деконструкции основан на вычленении в тексте (дискурсе) **бинарных оппозиций** и осуществлении с ними различных смысловых манипуляций (переворачивание, приведение в неустойчивое равновесное состояние); через маргинальные элементы текста возможно развенчание его утвердительно-констатирующих истину смыслов.

Историчность показывает нам маргинальные элементы и прозрачность противоположных научности психиатрии целей, но последние

игнорируются, поскольку социальной системе важно другое: введение сложнейшей и продуманной системы перевоспитания девиантов, дисциплинирование потенциально на то способных или профилактика, т.е. то, чем занимается превентивная психология.

Таким образом, взгляд на нормирующие структуры, с точки зрения ряда авторов, может быть до некоторой степени осознанным. Другое дело, что ускользание от власти, по Ж. Бодрийяру [6], в принципе невозможно, поскольку власть представляет собой симулякр (или ризому как паутину без паука), а, следовательно, и ускользание не менее симуляционно. М. Фуко считал, что власть неизбежна, обволакивает нас изнутри, мы и есть частички властного дискурса, в то же время Ж. Деррида полагает, что деконструктивистский подход, разоблачающий логос, властную дискурсивность, способен позволить человеку стать маргиналом, избежать власти.

Ж. Бодрийяр в «Символическом обмене...» предлагает типологию моделей «тел», формируемых в разных типах дискурсов: для медицины – труп, физическое тело; для религии – зверь, вместилище инстинктов, которые надо обуздать; для системы политической экономики – робот, выполняющий предписанное, приносящий пользу; для политической экономики знака – манекен как функционализированное тело под властью закона ценности (сексуальность как модель тела) [6]. Тело мыслится как материал символического обмена. Конструируется не только переживание субъекта и модель интерпретации такового, но и тело субъекта, и сам субъект как часть дискурса.

Понятие нормы и патологии – это социальные конструкты, подвергающиеся модификации, трансформации в связи с пересмотром социо-культурных позиций, целевых акцентов, варьирующиеся в зависимости от существующего в данное время культурного пространства. Эти конструкты в высшей степени необходимы для системы социального дисциплинирования, поскольку позволяют дифференцировать малейшие отклонения от необходимого в данной социальной ситуации поведения. В рамках этих дискурсов рождается человек homo-безумец, обладающей предписанной ему ролью и судьбой.

Литература

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
2. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Минск, 1999.
3. Фуко М. Рождение клиники. М., 1998.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
5. Деррида Ж. Эссе об имени. М., 1998.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В МЕДИЦИНЕ

В.Я. Семке, Томск, Россия

На протяжении многих поколений психическое (психологическое) здоровье всегда было в фокусе внимания великих мыслителей и общественных деятелей, расцениваясь как главнейшее достояние природы и социума, как источник прогресса и благосостояния. На протяжении многих поколений, эпох и тысячелетий человечество пытается раскрыть содержание внутреннего мира личности (здоровой и больной), определить основные пружины и механизмы её поведения, жизненный путь и перспективы поступательного, эволютивного развития. Предмет клинической персонологии связан с изучением всего многообразия личности – как в естественных, повседневных условиях её существования, так и при «стеснённых» болезнью жизненных обстоятельствах. Известный немецкий психиатр прошлого Вильгельм Гризингер (1875) подчёркивал, что самым частым проявлением психической болезни является трансформация личности: *«В огромном большинстве случаев душевная болезнь сопровождается изменением настроений, чувств, склонностей, стремлений и суждений больного, новым содержанием его душевной жизни. Больной является совершенно другим человеком... Противоположность здесь часто бывает поразительна»*. Однако если это положение вполне применимо в области «большой» психиатрии, имеющей дело с развёрнутыми картинами психозов, то в сфере «малых», пограничных личностных расстройств контрасты между здоровьем и болезнью не столь разительны; более того, на практике они трудно определимы и уловимы.

Современная психологическая и психиатрическая наука обнаруживает отчётливую тенденцию переключения внимания исследователей с узкопрагматических аспектов в оценке психического здоровья конкретного индивида к более широкому и многостороннему изучению обследуемого с позиций оценки его личностных и социальных особенностей (жизни, суждений, оценок, житейских успехов или неудач и т.п.), влияющих на динамику болезни, её исходы и прогностические выводы. Это направление включает и широкий аспект рассмотрения общественного благополучия, выяснения уровня социального функционирования и воздействия различных систем значения в мультикультуральных обществах на качество жизни. Согласно мнению Н. Сарториуса (1997), оно появилось как «важный критерий для оценки

успеха вмешательств и, следовательно, определяющий предмет исследования для общего руководства службы здравоохранения».

Диагностика психологического (и психопатологического) своеобразия, индивидуального склада, структуры и уровней личности – процесс сложный, многоступенчатый, длительный. При всей сложности определения её структуры можно выделить такие качества, как темперамент, тип нервной системы, характер, познавательные способности, потребности, одарённости, мировоззренческие установки. Познавая отдельные компоненты этой структуры, можно весьма полно и объективно раскрыть сложную архитектуру конкретного индивида.

С помощью интеграции научных подходов изучения личности (прежде всего в рамках социального, культурного и исторического пространств) удаётся углубить наши знания о социально-психологических, клинко-динамических, структурных, типологических характеристиках в целостном клиническом и социальном контексте развития индивида, в аспекте оценки его внешнего и внутреннего мира. Данная «научная точка зрения» отражена в работах видного современного персолога Гордона В. Оллпорта (1998): каждый человек уникален, в мире невозможно найти людей, абсолютно идентичных друг другу; каждый индивид, обладая специфическим набором черт, демонстрирует в различных ситуациях определённое постоянство в своих действиях, мыслях, эмоциях (независимо от течения времени, событий и жизненного опыта). В этом контексте представляется целесообразным привести краткую дефиницию «личности», объединяющую клинические и психологические взгляды автора на «ядерные» проблемы современной персологии: это «динамическая организация тех психофизических систем в индивиде, которые определяют его поведение и мышление». Ценным в данном определении является мысль о единстве в личности телесного и психического.

В новом тысячелетии открываются широкие возможности и перспективы разработки новых теоретико-методологических подходов к научному анализу Человека как Личности, прежде всего в аспекте всестороннего исследования её новых качеств, формирующихся в условиях быстроменяющейся социальной действительности. В известной мере речь идет о неуклонном воспитании в человеке помимо разумного начала столь необходимых черт характера, как сострадательность, умение понимать других, овладевать искусством эмпатии, сопереживать, жить в мире и согласии с себе подобными. В контексте духовного мира личности весьма важно изучать многомерный культурно-исто-

рический и социально-психологический феномен «ментальности», проявляющийся в сфере основных отношений: человек–социум, человек–история, человек–культура, человек–ноэзис. Они позволяют с междисциплинарных позиций определять главные ментальные пространства личности, экзистенциальный и феноменологический опыт его развития, креативность и толерантность ментальных миров индивида. Толерантность является в современных условиях общественной жизни одной из важнейших черт человеческой природы, обреченной жить в открытом обществе. Обучение искусству диалога и совместимости взглядов становится лейтмотивом человеческого общения, нормореакции как историко-генетического понятия (А.Г. Асмолов). Феномен толерантности следует рассматривать как норму гармонии взаимодействия в мире разнообразия, как отношение к сущности как к самому себе. Коммуникация выступает важным перспективным качеством, достойным человека новой эпохи, расцветивающим духовную палитру жизни, позволяющим индивиду «не выпасть из времени» в условия сложнейших социальных катаклизмов. Важен аспект коммуникации как механизма поведения суверенной личности, человека новой социальной формации (в частности, влияния современных молодежных субкультур на развитие и осмысление вечных универсальных человеческих ценностей). Любая встреча становится для индивида возможностью познания окружающего мира и «узнавания самого себя», раскрывает духовную сущность и жизненную позицию, выступая в качестве «камертона» в сложнейшей партитуре жизни и укреплении нравственных основ.

В этой связи, на наш взгляд, оправдана попытка на основе психологического анализа психического (индивидуального и общественного) здоровья развернуть всевозможные формы социальной и общественной психотерапии, преломляя её через призму богатого национального, культурного исторического опыта.

«Воспитание воспитателей» составляет очень важное звено в формировании здоровой личности. Свежо и актуально звучит призыв парижских коммунаров к родителям: «научить ребенка любви и уважению к себе и подобным, внушить ему чувство справедливости, внедрить в его сознание, что он должен учиться во имя общественных интересов, – вот те моральные принципы, на которых должно покоиться ... воспитание». Путем интенсивной тренировки психических процессов, мобилизации воли личность способна на достижение своего «звездного часа», полет творческой энергии, а также на преодоление тяжелых телесных недугов и физической слабости.

Краеугольным камнем семейной психортопедии является создание гармоничной общественной ячейки, в которой формируется здоровая личность. В её психолого-педагогическом микроклимате следует искать ответ на вопрос, поставленный более двух тысячелетий тому назад родоначальником персонологического направления в психологии Теофрастом: «Почему же, если все греки живут под одним небом и одинаково воспитываются, все они имеют разные характеры?» Политика национального здоровья решается, в первую очередь, через концепции оздоровления микрогрупп, микроколлективов.

Одним из несомненных достоинств в области клинической валеопсихологии и персонологии являются всесторонняя динамическая характеристика здоровой и аномальной личности (П.Б. Ганнушкин, О. В. Кербиков, В. Н. Мясищев, Г. К. Ушаков и др.), её рассмотрение с позиций постоянного развития, изменчивости, зависимости от социума. Для российской психологической мысли характерен непредвзятый интерес к содержательному миру человеческой личности, к её деятельности на всём жизненном пути, к духовному изменению её сущностных параметров.

Развитие персонологии диктует расширение представлений о личности с определением её общепсихологических и клинических (психопатологических) характеристик, интенсификацию и потенцирование одновременных усилий всех учёных и практиков, работающих в этой области. Изучение теоретических основ учения о личности непосредственно связано с насущными проблемами практики. Речь идёт об общественно-социальной значимости стоящих перед наукой задач (индустриализация общества, роль научно-технического прогресса, негативные последствия экологических катастроф, межэтнических конфликтов, экстремальных кризисных влияний и т. д.).

Суровая действительность последних десятилетий в жизни всего человеческого сообщества обнажила не совсем оправданный оптимизм экспертов всемирной здравоохранительной организации, провозгласивших лозунг «здоровье для всех и каждого в новом тысячелетии». Однако он, тем не менее, помог высветить наиболее проблемные и возможные перспективы формирования индивидуального и общественного здоровья в разных регионах земного шара. Становится всё более очевидной ответственность каждого члена сообщества перед собой за собственное здоровье и благополучие, а также безусловная ответственность современного государства перед новыми поколениями, которым предстоит жить в новом тысячелетии. Требуются системное

образование в направлении разностороннего развития личности, придание ей высокого динамизма и оптимальной социальной активности, благополучной адаптации, содействующих в своей совокупности потенцированию резервов здоровья и счастливому долголетию сограждан страны.

Актуальной задачей является мобилизация всех биосоциально-психологических «факторов устойчивости» (И. В. Давыдовский), которые обеспечивают максимальное усиление личностных ресурсов индивида. Достижение желаемого результата возможно при комплексном, дифференцированном, индивидуальном (в первую очередь с учётом возрастных, половых, социокультуральных особенностей) влиянии на биологическую и социальную основы личности в зависимости от её динамической характеристики. Речь идёт о последовательном или одновременном включении терапевтических, реабилитационных, ресоциализационных и превентивных мероприятий, направленных на реконструкцию личности.

На рубеже веков и тысячелетий встает важная задача преодоления психосоциальной напряженности как в общественном сознании, так и в психологии отдельно взятой личности. На вооружении современного психотерапевта имеется обширный арсенал разнообразнейших методик психоаналитического воздействия, групповая, личностно-ориентированная (по Роджерсу), гештальттерапия, семейная, трансперсональная, кататимная имаготерапия, биоэнергетический анализ и гипнотерапия по Эриксону, ментально сконцентрированные упражнения, телесно-ориентированная психотерапия, лечение искусством, нидотерапия или гнездовая терапия, направленная на изменение личностной среды и управление поведением пациента (по Tyrer P., 2002), терапевтические модальности и вспомогательная терапия (Kluft R., 1999; Alarcon R., Leetz K., 1988; Weissman M., Markowitz J., 2003). Возрастная демократизация психотерапии и использование её экономического анализа для пациентов с пограничными личностными расстройствами (Hall J. et al., 2001) существенно улучшают исходы пациентов и способствуют преодолению тяжелых нарушений функционирования личности (Cloninger C., 2000).

Три главных параметра в оценке современной цивилизации – безопасность, здоровье, благосостояние – нуждаются в постоянной заботе и контроле со стороны государства, всего социального общества. При этом имеются в виду охрана и поддержание этих компонентов как на индивидуальном уровне, так и в широком макросоциуме.

Их многофакторная обусловленность делает проблему оценки психологических и клинических показателей конкретной личности, его ближайшего социального окружения и экологической среды проживания крайне актуальной и животрепещущей, стимулируя ускоренное исследование всех «биопсихосоциальных составляющих» этого процесса с использованием новейших психологических и нейрофизиологических данных, получаемых «на стыке» различных наук, в том числе персонологии, психологии, педагогики, социологии, этнологии, демографии, антропологии, биологии, гигиены, психотерапии и др.

Реакции горя и печали являются наиболее яркими проявлениями человеческого страдания. Они часто индивидуально окрашены и у одних лиц в большей степени имеют физическое выражение, у других – психологическое. Моральная цена депрессии необычайно высока. Она ложится тяжелым грузом витально измененных переживаний, в результате которых человек оказывается в состоянии торможения всех функций организма и психической деятельности. Пациенты с депрессивными расстройствами хуже устанавливают близкие отношения с людьми и менее адекватны в социальном взаимодействии, чем здоровые (Bothwell, Weissman, 1977).

С каждым годом проблема самоубийства приобретает все более глобальный характер, а суицидальные попытки все чаще становятся формой поведения, к которой прибегает человек в той или иной кризисной ситуации.

Мысль о взаимосвязи суицида и социальных причин впервые была высказана «отцом суицидологии», профессором социологии Э. Дюркгеймом (1912), который отмечал, что «число самоубийств изменяется обратно пропорционально степени интеграции религиозного, семейного и политического общества». В последние годы произошел коренной концептуальный поворот от биологического и патопсихологического объяснений причин суицида к личностному и социально-психологическому. Создание принципиально новых эффективных служб многостороннего содействия лицам с суицидальным поведением, начиная с этапа превенции акта саморазрушения и завершая целенаправленной гармонизацией межчеловеческих отношений, формированием устойчивой нормодинамической структуры личности, позволяет делать акцент не столько на «экологии тела», сколько на «экологии души». Огромный прогресс цивилизации, невиданный скачок в различных научно-технических областях знаний делают, как это не звучит парадоксально, наш мир ещё более хрупким и уязвимым. Сотни тысяч

людей на планете ежегодно расстаются добровольно с жизнью, нанося тем самым невосполнимый урон психическому и нравственному здоровью человечества. Осознание этого печального факта должно усилить ответственность всех и каждого за формирование действенной системы предупреждения всех видов психологического и физического саморазрушения.

Естественно, его развитие возможно лишь в условиях демократического, раскрепощённого общества, ибо неблагополучная в экономическом и нравственном отношении социальная среда не может служить основой для формирования гармонически зрелой личности и для повышения интеллектуального, нравственного потенциала нации. Идея плодотворной разработки новейших методов и способов формирования здоровой, сбалансированной личности многим может показаться иллюзорной и не осуществимой. Однако любая новая теория (и особенно её практическая реализация) долгое время считалась иллюзорной, ускользающей, полной противоречий и недосказанностей, а на каких-то этапах еретической и трудно постижимой до тех пор, пока не овладела сознанием большинства людей. Именно на современном этапе наших знаний о человеке и обществе успехи в области психологии, персонологии, биологии и социологии определяют возможность постановки вопроса об индивидуальном и общественно здоровье как вполне реальную и осуществимую.

Определяя позиции по проблеме психического здоровья человека и его необходимых коррекций, авторы почти постоянно испытывали определенные трудности в соблюдении баланса сопоставления нормальных и аномальных характеристик личности, между общепсихологическим и психопатологическим содержанием материала. Естественно, сложно соблюдать равновесие взглядов и интересов при изложении «чисто» психологических теорий личности и сопряженных с ними конкретных нейрофизиологических и клинико-динамических коррелятов, обусловленных типологическими свойствами высшей нервной деятельности. Насколько нам удалось избежать такого рода «подводных рифов» и перекосов при изложении конкретных вопросов – судить непредвзятому читателю, все критические замечания которого мы воспримем с благодарностью.

Персонология на наших глазах приобретает ускоренное развитие, позволяющее ей смело рассчитывать на видные перспективные позиции в ряду других человеческих наук.

ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ И ПРИНЦИП ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ В БИОМЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ¹

Х.П. Тирас, Пушино, Россия

Основные этические проблемы у студентов-биологов возникают в момент, когда оказывается, что они должны проводить различные операции на высших животных. Впервые подобные операции проводятся на практикумах в ходе курса «Физиология человека и животных» на медицинских и биологических факультетах. До сего момента абитуриент, а позже и студент-биолог с этой проблемой не сталкивается. Необходимость проведения экспериментов на высших животных становится шокирующей реальностью, к встрече с которой студент оказывается не готовым [1].

Налицо проблема неполного информирования абитуриента и студента-биолога о структуре и характере биомедицинского образования, включая обязательные курсы по физиологии. Для снятия этой проблемы предлагается использовать практику принципа информированного согласия и расширить область его применения в биомедицинское образование.

Проблема использования высших животных в биологии весьма болезненна. Каждый день сотни тысяч невинных животных погибают мучительной смертью в медицинских и фармакологических лабораториях по всему миру. Только за 2002 год в ходе экспериментов в 15 странах ЕС погибло 10,7 млн. животных.

Лишь недавно ситуация стала меняться. Сама идея разработки альтернативных способов проверки веществ и продуктов на безопасность возникла еще в 1959 г., когда Уильям Рассел и Рекс Борч из Университетской федерации защиты животных в Великобритании сформулировали принцип трех «R» – reduction (уменьшение), refinement (усовершенствование) и replacement (замена) – направленный на то, чтобы облегчить страдания лабораторных животных [2].

Первое «R» (уменьшение) ставит своей целью организацию экспериментов таким образом, чтобы получать необходимую информацию с применением минимального числа животных. Для выявления изменений в органах можно использовать неинвазивные методы, такие как рентгенография, магнитно-резонансная томография и другие. Такой подход позволяет провести все исследования на одном подопытном существе, в отличие от прежних экспериментов, когда отбиралась

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 07-06-00272.

группа животных, и затем на каждом этапе испытаний умерщвлялось одно из них, с тем чтобы проследить влияние химиката на различные органы, например, на печень.

Следующий шаг – использование для тестирования простейших организмов. В последние несколько лет в экспериментах по изучению влияния различных химических веществ на формирование нервной системы все чаще используются черви *Caenorhabditis elegans*. У этого вида идентифицированы все основные гены: если какое-либо химическое вещество включает или выключает какой-либо ген, то событие сразу дает о себе знать появлением или исчезновением его белкового продукта или изменением метаболизма. Можно даже обойтись без самих подопытных, ограничившись их генами, нанесенными на чип, обработав который исследуемым веществом, можно идентифицировать те гены, которые оно активирует, и сделать соответствующие выводы.

Смысл последней компоненты принципа трех «R» (замена) состоит в полном исключении животных из процедуры тестирования, что не только сохраняет им жизнь, но и позволяет получать более точные результаты за короткое время. Большинство гормональных тестов (например, на беременность) раньше проводилось на животных, процедура была длительная и трудоемкая. Сегодня подобные анализы занимают значительно меньше времени и основываются на применении химических или иммунологических методов.

Известно, что «Информированное согласие» – процесс добровольного подтверждения пациентом его согласия участвовать в том или ином исследовании после того, как он был ознакомлен со всеми аспектами исследования [2].

В рамках применения принципа «информированного согласия» реализуется три других фундаментальных общечеловеческих принципа: «Автономия человека. Право личности на информацию. Право выбора». В описываемом случае, студент не был обеспечен в полной мере полнотой информации о биологическом педагогическом процессе. Кроме того, у него отсутствовало право выбора альтернативных подходов и методов в биомедицинском образовании.

Для обеспечения «права выбора» предстоит пройти определенный этап его законодательного обеспечения, как это было сделано в ряде европейских стран. В Европе активно работает общественная студенческая организация EuroNICHE, выступающая против использования болезненных экспериментов на животных в учебном процессе и за право студентов получать биомедицинское образование без насилия

над животными, Движение это поддерживается многочисленными обществами защитников животных. Усилия увенчались успехом. 24 февраля 1993 г. парламент Италии принял закон, согласно которому учебные заведения биомедицинского профиля обязаны обеспечить возможность желающим учиться по индивидуальным альтернативным программам, исключая эксперименты на животных [3].

Применение правила трех R на практике ведет и к пересмотру системы обучения в учебных заведениях биомедицинского и ветеринарного профиля. Процесс обучения должен строиться так, чтобы живые животные использовались только в самых необходимых случаях. Работа с трупным материалом и муляжами, видеофильмы и компьютерные модели, специальные обучающие программы – вот те альтернативы, которые должны широко применяться в учебном процессе.

Большую часть необходимых практических занятий с животными необходимо проводить как показательные, и только, когда профессиональная подготовка требует получения специальных навыков, на старших курсах университетов, обучающиеся могут самостоятельно работать с животными, но обязательно под непосредственным наблюдением высококвалифицированного специалиста.

Следует отметить, что реализация принципа «Replace» идет недостаточно энергично. Причиной этого является небольшое число биологических моделей-объектов исследований. Введение нового животного в исследовательскую и образовательную практику требует длительной подготовки, всесторонней проверки его соответствия поставленным задачам, и адаптации к нему самих исследователей. Тем не менее, есть реальная альтернатива использованию высших животных в биологической науке и образовании.

Примером успешного введения нового биологического объекта в образовательный цикл являются пресноводные плоские черви – планарии *Girardia tigrina*. Планарии легко культивируются в условиях лаборатории, имеются чистые линии (расы) этих животных. Они обладают выдающимися способностями к регенерации – восстановлению утраченных частей тела и их заживлению после любых повреждений, поэтому являются классическим объектом для изучения регенерации.

Вся эта совокупность достоинств планарий делает их идеальным объектом для начинающих биологов и медиков, с точки зрения приобретения навыков экспериментальной работы. Фактически неограниченная способность планарий к регенерации делают их идеальным

объектом с точки зрения биоэтики, как в науке, так и в образовании, поскольку вероятные ошибки при проведении операций никогда не приводят к гибели подопытных животных. Таким образом, студенты могут получать необходимый опыт экспериментальной работы без биоэтических ограничений [4].

За последние семь лет накоплен опыт работы с планариями школьников старших классов Пущинской гимназии №1 [5]. В течение ряда лет проводится совместные школы-семинары «Этика живого и биоэтика» пущинских гимназистов с киевскими школьниками из лицея при Национальном Медицинском университете им. А.А.Богомольца – опыт своеобразного «погружения в биоэтику» старших школьников, интересующихся биологией и медициной [6].

В Пущинском филиале биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в программе спецкурса «Основы биоэтики» на 1 курса бакалавриата студенты обучаются работе с планариями, учатся культивировать их, а также проводить операции над ними с использованием микроскопов. Это помогает студентам готовиться к работе с высшими позвоночными на старших курсах бакалавриата. Этот спецкурс базируется на достижениях компьютерной биологии, возможностями дистанционного контроля над объектом в ходе эксперимента. Подходы компьютерной биологии возрождают натуралистическую этику в эпоху компьютерной революции в биологии [4].

Таким образом, реальная трансформация учебного биологического процесса потребует проведения комплекса мер, включающих приведение в соответствие с биоэтическими требованиями учебных практикумов, широкое внедрение муляжей, видеофильмов и компьютерных моделей, создание новых практикумов с использованием беспозвоночных животных, а также широкое информирование школьников-абитуриентов об особенностях и трудностях биомедицинского образования.

Представляется, что реализация абитуриента на информацию о структуре образовательного цикла может быть проведена относительно быстро и не потребует значительных материальных затрат. Абитуриенты – будущие студенты биомедицинских факультетов – должны получить всю информацию о своей будущей профессии, включая данные по проведению экспериментальных работ на высших животных для студентов специализированных кафедр. Эти сведения должны быть включены в программу подготовительных курсов по биологии для абитуриентов и опубликованы в справочниках для подготовки к поступлению на биологические и медицинские факультеты.

Отдельным вопросом является требования подписи абитуриентами документа об информированном согласии на прохождении экспериментальных практических работ, в том числе с использованием высших животных. Представляется, что требования обязательного подписания таких документов абитуриентами является излишним. В то же время, не исключено, что подобный документ может быть подписан студентами 3 курса, по достижении ими возраста 18 лет, который считается моментом наступления гражданской зрелости гражданина РФ.

Выводы.

1. Основные этические нагрузки у студентов-биологов возникают в момент, когда оказывается, что они должны проводить различные операции на высших животных. Студенты-биологи в ходе подготовки к поступлению в университет и на начальных этапах биологического образования не встречается и не анализирует ситуации с использованием высших животных в биологии и биологическом образовании.

2. Полная информация о структуре и характере занятий должна быть включена во все источники информации и в программы подготовительных курсов для поступления в ВУЗ.

Литература

1. Тирас Х.П. // Человек и лягушка. Биоэтика 21 века. Химия и жизнь. 2002. № 9. С. 24–27.
2. Russell, W.M.S. and Burch, R.L. // Principles of Humane Experimental Technique. London. Methuen. 1959.
3. Лукьянов А. С., Лукьянова Л. Л., Чернавская Н. М., Гилязов С. Ф. // Биоэтика. Альтернативы экспериментам на животных. М.: Издательство Московского университета. 1996.
4. Тирас Х.П.// На пути к этической биологии (Контурсы этической концепции). Практична філософія. 2006. № 1. С. 221–229.
5. Тирас Х.П., Рождественская З.Е., Ильясов Э.Ф., Судовцов В.Е. // «Компьютерная морфометрия планарий» – проект, предлагающий новый подход к преподаванию биологии в школе. Тезисы 6 Международной конференции. «Математика. Компьютер. Образование». Пущино, 1999. С. 271.
6. Тирас Х.П. // Планарии как модельный объект для биомедицинского образования. Труды Третьего Национального конгресса по биоэтике с международным участием. Киев, 2007. С. 125–126.

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ КОНЦЕПЦИИ «КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА»

И.П. Элентух, Томск, Россия

Инженерно-технический термин «конструирование» в применении к человеку, конечно, шокирует традиционного гуманитария своей вульгарностью. Тем более что, если его употреблять в широком смысле, то он, по существу, мало, чем отличается от часто употреблявшегося в советской педагогике термина «формирование», характеризующего человека как некоторый «слепок» систематических воздействий активно преобразованной природной, социальной и культурной среды, порождающих новый социально-культурный тип «советского человека». В современной литературе это рассматривается как естественный способ конструирования человека. Использование выражения «конструирование человека» в собственном смысле напрямую связано с достижениями современных биотехнологий: «...замысел конструирования человека, вполне можно считать некоей сверхидеей, которой вдохновляются многие из тех, кто так или иначе вовлечен в биотехнологическую революцию» [1, с. 16]. Значительный прогресс в данной области позволил распространить решение задачи по созданию новых материалов с заранее заданными свойствами – на человека. Подобным замыслам могут быть сопоставлены масштабные социально-психологические проекты, осуществленные в педагогической деятельности А.С. Макаренко, а также исследовательской группой по изучению развития способностей слепоглухонемых детей, в которой активное участие принимал Э.В. Ильенков.

Концептуальный анализ названных проектов показывает, что их философско-антропологической основой является двумерное социально-биологическое понимание природы человека. Такое понимание на долгие годы стало идейным фундаментом социокультурной политики советского государства и общества. Тяжелыми последствиями этой политики явились проблемы редуccionного мышления в восприятии духовного мира человека, что, прежде всего, привело к деформации ценностного сознания. В нем преобладают представления о предметах наиболее приоритетных витальных и социокультурных потребностей, о благах и интересах человека. При этом идеалы, ценностные смыслы, конечно, подразумеваются и часто провозглашаются, но на деле сводятся к целям деятельности и к стимулам поведения. Здоровье человека, его творчество, свобода, счастье, например,

рассматриваются как базовые ценности, но их духовный смысл либо трактуется произвольно, либо – идеологически связывается с целями развития государства, цивилизации. Смысл жизни, например, понимается как универсальная творческая самореализация человека, но его духовное содержание: «во имя чего?» – остается нераскрытым. Если образование, являясь базовой ценностью человека, понимается как такое развитие личности, в котором в ней раскрывается присущий только ей образ духовного совершенства в традициях данного культурно-исторического типа, то ценностный смысл образования становится ясным и понятным. К сожалению, государственная политика России в области образования рассматривает его лишь с позиции современных технологических решений, а не с позиций поиска и утверждения его духовного смысла в глубоком согласии с историческими традициями культуры. Таким образом, господствующее в политике государства ценностное сознание не достаточно учитывает фундаментальное, установленное Г. Риккертом и В. Франклом разграничение человеческих ценностей в их отношении к смыслам в духовном мире человека. Для деформированного ценностного сознания характерно сведение понятия культуры к цивилизации, образования к системе формирования знаний, умений и навыков, ценностных смыслов к целям, мотивов личности к стимулам, человеческой деятельности к ее технологии, индивидуальности человека к индивиду и личности.

Другой проблемой неполноты философско-антропологических оснований концепции «конструирования человека» является исключительно детерминистский подход к трансформации человека присущий научной рациональности. Все основные тенденции в развитии современной биотехнологии, на которые указывает Фукуяма: расширение знаний о мозге и биологических основах человеческого поведения; нейрофармакология и манипулирование эмоциями и поведением; продление жизни; генетическая инженерия; – имеют социально-конструктивную направленность. Они подразумевают, что «научное знание о причинах неизбежно ведет к технологическим поискам путей манипулирования этими причинами» [1, с. 11]. В результате такого конструктивистского подхода «не только начальные и конечные точки, но и все пространство человеческой жизни, в определенной и притом очень существенной мере, может быть представлено как социальная конструкция» [1, с. 18].

Методология подобных построений вполне логично следует, во-первых, из технологического понимания деятельностного бытия

человека, при котором «в реальности мы имеем дело не только с самими по себе предметами и вещами, а с технологиями» [2, с. 17]. И, во-вторых, – из социально-биологических оснований в понимании природы человека, согласно которому: «не только биологический организм как целое, но и каждое человеческое существо воспринимается как, в некотором смысле созданное, порожденное, как *сконструированное*» [1, с. 18]. Надежность конструкции зависит от системного учета, как внутренних связей, так и связей социально-биологической целостности со средой. И данный технологический подход вполне допускает возможность такого системного, достаточно полного учета связей, который позволяет понимать человека «как некое достаточно произвольно конструируемое существо, порождаемое не столько природой, сколько осуществлением человеческого замысла» [1, с. 17]. В таком образом «подрасчетно» проектируемом и конструируемом человеческом существе реализуется свобода как осознанная необходимость, но при этом значительно редуцируется свобода его экзистенциального выбора ориентированного на поиск Высшей духовной истины [3].

Целе-рациональность «конструктивного конструктивизма» [1, с. 19] резко ограничивает спонтанность естественного развития человеческого существа, в котором его индивидуальность творчески доопределяет свое бытие «как экстатическое измерение экзистенции» (М. Хайдеггер) до целостности. Это ограничение в саморазвитии человека в условиях «технологии свободы» (в интерпретации Фукуямы) является, на мой взгляд, прямым следствием того, что сугубо предметно-деятельностная установка гуманитарного знания преобразует его и оно «все чаще выступает в технологических формах» [2, с. 24]. Здесь деятельность как способ бытия человека редуцируется к предметной деятельности, а человеческая деятельность в целом к ее технологическому уровню. Именно поэтому концепция «конструирования человека» и может приводить к принципиальному разрыву между смыслом человеческого существования и стимулами его поведения, то есть развитие и саморазвитие человека может подменяться организацией и манипуляцией его поведения. Это разрыв между технологией улучшения природы человека и смыслом его существования. Когда «попытки модификации (человека – И.Э.) ставятся на технологические рельсы. Замыслы рождаются в контексте их технологической реализуемости» [4, с. 95], то здесь возникает фундаментальная проблема. Это проблема соотношения смысла человеческой деятельности в целом с ее целями, а также – целей и средств, для осознания которой совершенно

недостаточно понимать существование человека с позиции «технологических решений». Ибо цели могут быть достигнуты, а смысл жизни утерян [5, с. 63].

Третья проблема неполноты антропологических оснований концепции «конструирования человека» состоит в том, что социально-биологическое понимание природы человека не достаточно учитывает специфику человеческой индивидуальности и по существу редуцирует ее к индивиду и личности человека. Ведь именно индивидуальность человека обладает единственным в своем роде образом ее духовного совершенства, который коррелятивен совершенству Абсолюта, поскольку по Платону, подобное порождает подобное. Вот почему природа человека как таковая имеет непреходящую ценность [6, с. 101] и составляет основу его человеческого достоинства. И когда «сам человек при помощи изобретенных им технологий посредством всяческих имплантантов, вживлений и замещения естественного на искусственное подменяет самую природу, в которой он рожден, возникает один неприятный вопрос. Будет ли это новая природа человека обладать той же непреходящей ценностью» [6, с. 104], восходящей к совершенству Абсолюта? Социально-биологическое понимание природы человека, выражающее себя в принципах автономии и социомии, совершенно недостаточно для целостного решения этого вопроса. Поэтому возникает серьезное сомнение в успешном решении (на основе данного понимания природы человека) «важнейших задач гуманитарной экспертизы биомедицинских проектов в современной науке» [5, с. 62].

Поиск решения рассмотренных проблем лежит на пути разработки целостной метафизической концепции природы и сущности человека. Огромный вклад в создание такой концепции сделан в русской религиозной философии В. Соловьевым, Н.О. Лосским, В.Н. Лосским, Л. Карсавиным, С. Франком, Н. Бердяевым. Современный вариант этой концепции развит В.Н. Сагатовским в его труде «Философия развивающейся гармонии Ч. III. Антропология» [7]. Очень кратко и предельно упрощенно суть этой концепции можно изложить следующим образом.

Природа человека определяется его бытием как триединого существа и включает в себя: естественное начало, представленное в «биологическом индивиде»; социальное начало, представленное в «личности»; и психологическое начало, представленное в «индивидуальности». Данный состав природы человека одновременно принадлежит трем уровням бытия мира:

- к объективной реальности, где человек как биологический индивид, личность и индивидуальность существуют по объективным законам естества, по законам цивилизации и культуры общества; по законам внутреннего мира человека;
- к субъективной реальности, где господствует человеческая субъективность **индивида**, выраженная в особенностях желаний, устремлений и потребностей, обусловленных полом, возрастом, расой, телосложением, темпераментом; где действуют субъективные намерения, цели, установки и диспозиции **личности** как субъекта человеческой деятельности и социальных ролей; где проявляется и раскрывается человеческая субъективность **индивидуальности** как субъекта идентичности (единственности) и экзистенциального выбора (свободы), проявляющегося в творчестве, любви, страдании и вере, в поиске смысла жизни;
- к трансцендентной (мистической и непостижимой) реальности, где биологический индивид (его тело, организм) существует и развивается под животворным воздействием духовных энергий; где личность предметно и нормативно-деятельностно устремляется к сопричастности духовному совершенству Абсолюта, духовным основам бытия; где индивидуальность в состоянии веры вступает в глубинное общение (Г.С. Батищев) с Абсолютом, духовными основами бытия, чтобы обрести духовные откровения и благодать [7, с. 59–106].

В рассматриваемой метафизической концепции природа человека представлена достаточно полно для того, чтобы на ее основании разрабатывать решения проблемы социо-антропогенеза и культурогенеза, а также проблемы целостного понимания свободы и ответственности [3, с. 79–81]. Данная концепция системно интегрирует в себе автономность, социальность и теонность бытия человека, намечает возможности и пути его целостного развития. С позиции целостной антропологической концепции можно попытаться дать ответ на принципиальный вопрос А.Ш. Тхостова: «Разве я или кто-нибудь знает, как нужно его (человека – И.Э.) менять, разве где-то есть план...» [5, с. 57]. Да, человек многомерен и сомнения вполне обоснованы, поскольку односторонний биомедицинский подход рассматривает человека только как телесно-психическое существо. Однако, с точки зрения антропо-социокультурной целостности, когда развитие естественной природы человека идет в контексте с традициями национальной культуры и в духе подлинного религиозного опыта, то открываются конкретные

пути и перспективы саморазвития и становление человека как индивида, личности и индивидуальности.

Умопомрачительные достижения современной биотехнологической революции часто заслоняют целостное видение природы человека и его духовной сущности, возникает убежденность в безграничных возможностях модификации и конструирования человека: «Мы изменяем природу, исходя из своих желаний, нужд, потребностей и интересов». И хотя они различные у разных людей, «но, тем не менее, есть какие-то рамки, позволяющие их, так или иначе, соотносить.

Когда речь заходит о радикальной модификации человека, эта мерка теряется. Оказывается, что никакого общепринятого масштаба нет, что каждый сам задает для себя этот масштаб, а потому единственное, что может определять здесь планы и проекты – это, наверное, человеческая фантазия» [5, с. 53].

Подобная беспредельность является, на мой взгляд, следствием автономного понимания бытия человека, которое наиболее открыто манифестируется в положениях трансгуманизма: «Мы стремимся к личностному росту за гранью наших нынешних биологических пределов» [5, с. 54]. А разве не менее значимы для развития личности пределы социально-психологические, ментальные, морально-нравственные и духовные? Они недооцениваются из-за ограниченности технологического взгляда на развитие человека, ибо с этой точки зрения не удастся постоянно сверять личностный рост с духовным смыслом и целями деятельности в целом, в которой и создается личность, масштаб ее социальной и духовно-нравственной ответственности. Это особенно ярко проявилось в подвижнической деятельности академиков В.А. Легасова и Н.Н. Моисеева, для которых цели их профессионального научного служения были неразрывно связаны с высоким духовно-нравственным смыслом их творчества. Поэтому их ответственность за возможные негативные последствия научных исследований вытекала из ответственности перед собственным призванием ученого.

Когда жизнедеятельность человека рассматривается только на уровне целей, вне его экзистенциального выбора смысла существования, то возникает проблема конфликта ответственностей: «Дело в том, что ответственности за последствия постоянно императивно противостоит иной тип ответственности перед собственным призванием. Долг ученого, в том, чтобы быть ученым, следовательно, стремиться к познанию мира с целью его практического освоения. Моратории и отказы от исследования конкретных феноменов посягают именно

на самоидентичность ученого» [5, с. 64]. Здесь представлено известное позитивистское понимание долга ученого, основанное на личностном выборе души человека устремленной к самореализации в научном творчестве. Поскольку при этом рассматривается только дуальный состав человека, включающий тело и душу (самость), то здесь не проводится анализ взаимодействия души человека и его духа, личности и индивидуальности. Следовательно, анализ вопроса ограничивается автономной антропологией персонализма в понимании природы человека. Именно в этом, на мой взгляд, и состоит причина сформулированной проблемы конфликта разных ответственностей. Ведь в этом случае ни одна из них: ни социальная, ни профессиональная не достигают уровня духовно-нравственной ответственности [5, с. 80].

Недостаточное понимание роли человеческой индивидуальности как субъекта духовной жизни, в которой идет напряженный поиск смысла существования человека и его обретение, приводит к весьма ограниченному представлению о сущности человека в духе автономной антропологии: «...человек современного типа никогда не сможет сказать «нет» своей свободе воле, поскольку свобода воли и есть его самое сокровенное представление о самом себе» [5, с. 64].

Действительно, свобода воли самоценна для утверждения бытия человека, но является ли она и высшим смыслом его существования? Разве не должен человек, как говорит М. Хайдеггер проявлять «почтение» к бытию, то есть знать и разумно учитывать его объективные тенденции? Поскольку, в противном случае, как известно, свобода может обернуться безумием экологической катастрофы и деградации человека. Конечно, свобода как экзистенциальный выбор личности является центральным и порождающим началом в ее целостном понимании, и в этом состоит правомерность автономического принципа в антропологии. Но ее высший смысловой уровень («Во имя чего?») [3, с. 18] определяется духовной сущностью человека и в этом следует признать правомерность теологического принципа в антропологии. Согласно этому принципу обретение полноты подлинного бытия человека неразрывно связано с индивидуальным постижением духовного смысла его существования, в поиске которого через борьбу с искушениями и соблазнами он получает откровение о промысле Божиим о мире и своем предназначении в нем. Эта проблема была кардинально поставлена и фундаментально разрабатывалась в русской религиозной философии, как ни в какой иной, С. Франком, Н. Трубецким, В. Розановым. Достаточно упомянуть глубокое исследование А. Введенским

вопроса о возможности существования смысла жизни. Таким образом, в русской философии шел поиск симфонии, то есть гармонического сочетания разных принципиальных основ антропологии. И здесь необходима самая серьезная гуманитарная экспертиза проектов модификации и конструирования человека. Но доминирующая ныне социально-биологическая антропология совершенно недостаточна в качестве основы такой экспертизы.

Только разработка целостной антропологической концепции может составить основу гуманитарной экспертизы по самой ее сути, ибо в ее задачи входит не только специальное исследование проблемы, но и оценка разных подходов к ее пониманию и развитию. К сожалению, в настоящее время, в гуманитарной экспертизе преобладает принцип автономии в исследовании человеческого потенциала, направленного на увеличение «степеней свободы для самореализации человека», на появление новых размерностей его содержания увеличивающих «ресурс свободопользования» человека [8, с. 20-21]. Современной гуманитарной экспертизе следует прислушаться к призыву митрополита Кирилла: «Сегодня, я думаю, мы все, и впервые очередь богословы в союзе со светскими учеными, должны работать для того, чтобы выработать совместный адекватный ответ, который будет адресован... всем пронизательным и социально ответственным людям, которые задаются тревожными вопросами о нравственных последствиях прогресса в сфере биотехнологий... попытки технологического вторжения в тонкий мир человеческих эмоций и в интимную область индивидуального сознания, равно как и стремление искусственно продлить отмеренный нам срок жизни, гарантированно заведут нас в тупик, если только подобные намерения не будут включены в контекст обязательной религиозно-нравственной рефлексии и диверсификации средств достижения цели» [6, с. 104]. Этот отеческий призыв предостерегает нас от ослепления гигантскими достижениями современной биотехнологической революции и от опасной близорукости технологического воззрения на человека.

Литература

1. Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5.
2. Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек. 2005. № 6.
3. Сагатовский В.Н. Уровни свободы и ответственности: системный синтез // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5.
4. Модификация человека // Человек. 2006. № 6.

5. Модификация человека // Человек. 2006. № 5.
6. Митрополит Кирилл. О человеческом достоинстве // Человек. 2006. № 4.
7. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. Ч. III. Антропология. СПб., 1999.
8. Человек. 1996. № 4.

КОГНИТИВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

К.Г. Языков, Мариуполь, Украина

М.Э. Абушаева, Томск, Россия

В работе «Рефлексия, психология и нелинейная динамика» Г.Г. Малинецкий определил как одну из двух сверхзадач современной науки развитие гуманитарных технологий и использование потенциалов людей и коллективов (high-hum) [1]. Я бы сформулировал цепочку: high-tech – high-nat – high-hum.

Подход, в котором человек как высокоорганизованная система является частью систем более высокого порядка и включает системы низкого уровня, не нов. В уровнях предполагается организация живого. Такая встроенность находит свое отражение в идеях синергетики, фрактальной математики, общей теории систем. Э.М. Сороко полагает, что постижение человека есть познание природы локального Универсума [2]. Изучая человека, мы видим, что любой уровень его целостности обладает многими свойствами природных объектов (генотип-клетка-организм). В концентрированном виде человек использует, наверное, все наборы законов Универсума. Синергетически человек структурирован в мерах, которые определяются в универсальных узлах-инвариантах групп обобщенных золотых сечений [3].

Видимо эвристична гипотеза, что любая сложная открытая система в ходе преобразования и развития структурируется по этим узловым инвариантам – аттракторам в диалектике т-р (тождество-различие) переходов. Преформированность изначально хаотизированной системы, развивается по сценарию: хаос-бифуркация-порядок. Динамический аспект развития сопровождается структурными изменениями в преобразования «изоморфизм-полиморфизм» [4].

Человек, как локальный природный Универсум обладает сознанием, атрибутив которого мы рассматриваем как результат развития обратных связей (от информационно-кибернетического принципа к системно-сетевому). Это определяет вектор содействия человека к существованию и сбереганию живого через управление метапараметрами:

компенсаторность, адаптивность, оптимальность, результативность. Эти параметры в развитии гипотезы Сантьяго (СГ) обеспечивают познание-обучение, как функцию жизнедеятельности организмов любого уровня.

Исходя из принципа морфологического подобия и преобразования объектов-систем как систем-объектов в ОТСУ (ОТС Урманцева Ю.А.) [4], функционирование человека и, прежде всего, его мозга описывается универсальной тьюринговой моделью (УМТ) [5]. Пластичность поведения модели и ее прототипа, как уже говорилось, есть отражение принципов обратной связи, то есть перестраиваемой структуры управления с механизмом памяти. Развитие и усложнение поведения (познания-обучения по СГ) предполагает структурные преобразования алгоритмов, что Б.М. Полосухин связывает с появлением механизма самоприменимости в живом. В УМТ это «узнавание» самого себя – в человеке – рефлексия. Следовательно, обратные связи в генезисе организмов-когнитивных систем переходят в самоприменимость. Это уже не классические ОС, на вход системы теперь передается образ системы, ее рефлексивный аналог (рекурсивно по В. Лефевру). На каждом уровне низших классов живых существ имеется свой диапазон самоприменимости. Так у млекопитающих не универсальных, согласно Б.М. Полосухину, а специализированных машин Тьюринга самоприменимость интегрирована с восприятием внешней среды (узкоэкологические структуры, мы бы их назвали узкокопсихологическими).

Человек как целостная структура аналогичен самоприменимой УМТ. Он осваивает (воспринимает, делает, творит) информацию об окружающей среде, описание алгоритмов, память, собственное описание и выходную информацию. Собственное описание и есть сознание. УМТ в генезисе это специализированная МТ [5]), основанные на принципе самоприменимости. Это постепенно способствует появлению устойчивого целостного качества – субъективности, следствию рекурсивной рефлексии мозгом (добавим и всей соматопсихической сетевой целостностью) собственных структур и правил функционирования. Как первое звено- это рефлексия определенных структур мозга, которое определяет субъективное начало (сущность Я), как второе звено – изменчивое Я (индивидуализация). Субъективное начало в сборке предполагает самоотражение мозгом внутреннего языка. Существование такого языка очень вероятно (основа: альфа ритм, психофизиологические константы Бергера-Ливанова, код Лебедева). Он также защищен, как и генетический язык от ошибок копирования.

В основе самоприменимости-рефлексии лежат структурные преобразования, которые позволяют создавать инвариантную систему координат. Очень вероятно, что это пространственно-временные координаты, то есть сознание, согласно В.П. Самохвалову [6] это и есть s-t координаты. Это то, посредством чего мы воспринимаем мир (работы по экопсихологии В.Панова) в бинарных оппозициях [7]. В интерпретации Дудорова О.Е. И-Цзин предполагает координатную систему из 6 векторов восприятия изменений с позициями: верх-низ; правое-левое; назад-вперед [8]. Пластичность УМТ, мозга, соматопсихической целостности индивидуальности обеспечивается суперизбыточностью нейронов. По Б. Швыркову в опыте происходит рекрутирование новых нейрональных пулов, синаптически связанных с предыдущими. Согласно гипотезе У. Варелы [9] нейроны нового опыта объединяются в осциллирующие ансамбли.

Согласно сильному положению-аксиоме Т. Шардену, Ауробиндо Гхошу, гипотезе Сантьяго все живое имеет сознание. Так деление клеток как сброс избыточной хаотизации это способ, в котором клетка рефлексивно отражает образ себя и способа отображения. Б.М. Полосухин связывает свойство размножения про-, эукариот с самоприменимостью. Видимо, в природе существует множество специализированных МТ и только две УМТ (клетка-как альфа уровня живого и человек – как омега).

С появлением человека познание становится существенно осознанным, рефлексивным. Согласно гипотезе Сантьяго (У. Варела, Ф. Матурана) все живое обладает функцией познания-обучения через структурные преобразования и разработки разного числа стереотипных стратегий. Это определено как автопоэтические структуры. Для познания согласно СГ не нужен мозг и нервная система (клетка-тело имеют собственные структуры познания). Нужны программы записи информации о внешней среде и синхронизированные с ними генетические программы. То есть все живое определяет уровень различий (т-р переходы). С появлением мозга, ЦНС, сознания появились пространственно-временные координаты для фиксации изменений-различий. Появилось мышление и язык на основе внутренних языков мозга, как отображение единого универсального системного языка (работы В.В. Вашкевича). Имеются данные об универсальных свойствах языка. Обнаружен гомоморфизм между звуковым алфавитом, который появился в Угарите (Рас-Шамр) с генетическим (полипептидным) и химических элементов таблицы Менделеева (работы Дячина). Это наводит на мысль

об универсальных кодах Вселенной. Естественный язык согласно ГС необходим для общения ради общения (то есть совсем не только для обмена информацией). В нем возникает феномен Сознания – сети.

Природная деятельность существенно нелинейна. Поэтому теория нелинейной динамики имеет столь очевидный прикладной характер. Живое представляет глобальные сети разных уровней вложения и человек находится в сети (вопрос: какова фрактальная глубина?), но своим интеллектом он раскрывает законы Живой сети и даже ее проектирует. В основном предшествующая деятельность-познание носило линейный характер, что существенно исказила свойства сети и порой нанесла ей урон. Вспомним, что основные законы физики вначале носили в основном линейные приближения. Развитие физики, биологии и психологии указывает на появление (или открытия?) нелинейности мышления. Связи базовых архетипов человека с природными объектами указывает на слитность сознания в сети живого, природы (организмически, психически и в синтезе духовно). Препятствием к развитию этой рефлексии служит, по видимому, низкий уровень социальной организации. Она отражена в виде действия примитивных социальных законов у человека и животных. Остается существенно значимым познание форм социальной организации гармонизированной со всеми уровнями социоантропологической целостности [10].

Уход от идей антропоцентричности и биосферного императива в пользу гармонических отношений в среде нелинейных сетевых взаимоотношений и есть создание многомерной сетевой резонансной целостности человека и Природы [10]. Умберто Варела (цит по Ф. Капра) [9] писал: «Разум и мир переживают совместное становление. Они (эти миры) общаются и координируют свое поведение. ...Это и есть экология миров, возвращенная совместно согласованными актами познания». Добавим на живой планете «Гайа» (термин Лавлок, Маргулис).

Литература

1. Малинецкий Г.Г. Рефлексия, психология и нелинейная динамика // http://www.keldysh.ru/departments/dpt_7/gmalin/rpu.html.
2. Сороко Э.М. О новой линии разработки информационных технологий, их эвристических возможностях, инновационном потенциале // «Академия Тринитаризма», М., Эл. № 77-6567, публ. 14105, 22.12.2006.
3. Сороко Э.М. Структурная гармония систем. Минск, 1984. 264 с.
4. Урманцев Ю.А. Общая теория систем, приложения и перспективы развития. // Система, Симметрия, Гармония: Сборник. М.: Мысль, 1988. С. 38–124.
5. Полосухин Б.М. Феномен вечного бытия. Некоторые итоги размышлений

- по поводу алгоритмической модели сознания. М.: Наука, 1993. С. 176.
6. Самохвалов В.П. История души и эволюция помешательства (начала эволюционного психоанализа). Сургут: Северная звезда, 1994. 286 с.
  7. Пилипенко А.А. Яковенко И.Г. Культура как система // Человек. 1997. 5-6; 1998. № 1-2.
  8. Дудоров О.Е. Основы теории перемен и цзин. М.: Флинта, 2003. 160 с.
  9. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Пер. с англ. Под ред. В.Г. Трилиса. К.: София; М.: София, 2003. 336 с.
  10. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. Ч. III: Антропология. Ст-Пбг.: ООО «Петрополис», 1999. 288 с.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ УТОПИИ И ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Л.В. Ананова, Томск, Россия

С древних времен поиск нового мира и построение идеального государства являлось мечтой общества. От идеальных религиозных, мифических воззрений и художественных произведений до фактических попыток создания идеального государства: библейская мечта об Эдеме – райском месте, где всем хорошо, легенда об Атлантиде – идеальном государстве, навеки пропавшем с лица земли, построение государства подобному Римской империи – так называемый «вечный Рим», к которому стремились многие завоеватели Западной Европы.

Попыток создания великой и могущественной империи, которая являлась бы примером для подражания остальным народам, в истории Западной Европы было несколько. И в основном правители вновь создаваемых государств руководствовались мечтой об объединении и построении на новой территории идеального общественного устройства. Например, мечта Александра Македонского об объединении под своей властью Западной и Восточной Европы, мечта Оттона I о возрождении Римской империи в Европе. Правители государств стремились объединить одним управлением как можно большее количество стран, представляя это объединение как общее благо (завоевания Карла Великого в Европе в VIII в.). Такая интеграция давала не только огромную власть императору, но и преимущества гражданам в экономическом, социальном, юридическом отношении.

Несовершенство настоящего мира давало человеку толчок для стремления к миру новому, заставляло смотреть в будущее, искать и пытаться достигнуть несбыточной мечты. Таким образом, человеческие представления об идеальном, сбалансированном государстве можно назвать недостижимыми и утопичными, стремящимися к *ou topos* – «месту, которого нет».

Роль утопии в социокультурной динамике исследована О.Ю. Матвеевой на основе информационно-синергетического подхода. Данный подход разработан И.В.Мелик-Гайказян [1, 2] для исследования механизмов самоорганизации в сложных открытых системах, к которым относятся социокультурные системы. В качестве механизмов выступают информационные процессы, понимаемые как многостадийные и необратимые. В рамках этого подхода открывается возможность сопоставления разных точек зрения на многомерный феномен. Процедура

сопоставления основывается на допущении: каждая из концепций, учений, теорий, имеющих в научной традиции исследования конкретного феномена культуры, акцентирует определенную стадию данного культурного явления. На указанных основаниях О.Ю. Матвеевой [3, с. 167–171] осуществлен анализ дефиниций утопий с целью идентификации каждой из них с определенной стадией информационного механизма динамики социокультурной системы, которые представлены в концептуальных моделях, предложенных И.В. Мелик-Гайказян [3, с. 86, 94, 218].

В настоящее время не существует какого-либо единого, точного и общепризнанного определения понятия утопия. Различные авторы и исследователи по-разному определяют это понятие. Причина такой многозначности не только в сложности самого явления, но и в различности методологических подходов к анализу данного феномена. С позиции упомянутого информационно-синергетического подхода, различные определения утопии сводятся к трем сущностям: мечта, видения и проекта. Таким образом, утопию на этапе ее идейного оформления можно рассматривать как процесс, состоящий из трех стадий становления: сначала утопия возникает как мечта, несбыточный образ желаемого; затем утопия-мечта структурируется и становится более явным видением будущего; и, наконец, утопия-видение преобразуется в утопию-проект – конкретное намерение, которое будет реализовано в будущем [3, с. 163-176]. В качестве примера приведем некоторые дефиниции, иллюстрирующие понимание телеологического этапа информационного механизма в социокультурной реальности. Так, утопия-мечта выражена дефиницией Г.Уэллса – утопия есть «мечта, лучшее будущее»; утопия-видение утверждается Г.М. Пономаревой («утопия связана с конструированием специфической картины мира, которая влияет на выбор целей, средств и способов социокультурной деятельности»); а понимание утопии-проекта дается Э.А. Араб-Оглы в его определении «утопия есть проект социальных преобразований, ведущих к его воплощению».

Исследование механизмов социальных процессов, вызываемых утопической идеей, было исследовано на примере «сбывшихся утопий»: Американской мечты [4] и образования государства Израиль [3, с. 176–208]. Опираясь на эту методологическую стратегию и опыт ее применения, мы предпринимаем попытку исследования одного из этапов объединения Европы. С нашей точки зрения, действие модели «мечта – видение – проект» можно увидеть в создании империи Карла Великого в VIII–IX вв.

После распада Западной Римской империи «имперская» идея в Европе не остановилась, а в умах западных народов бродил дух непобедимой державы. Такое неоформленное внутреннее состояние можно назвать мечтой о прошлом, мифом о великой империи, о сильном едином государстве, под управлением сильной личности, держащей власть в своих руках. Однако во времена Карла франкское государство было сильно раздроблено, и управляли им многочисленные графы и майордомы, каждый из которых считал себя практически королем и на своей территории властвовал безраздельно. Утопия-мечта о возрождении империи сохранилась, но никаких попыток к ее реализации не предпринималось. Задумаемся, чем новое объединение могло быть полезным любому из франкских королей? Сила и власть каждого майордома на своей территории были практически неограниченны и каждый из них мнил себя королем, и, тем не менее, власть императора признавалась практически повсеместно, причем не только с точки зрения светской власти, но и позиции церкви (хотя их взаимоотношения почти всегда были сложными). Даже варварские короли, ставившие себя особняком по отношению к Византийской империи, все же признавали за ее императором более высокое положение по отношению к себе. Разрозненное и раздробленное франкское королевство, спустя несколько веков после падения Римской империи, выносило мечту об объединении и воссоздании былого римского величия. Стадия утопии-мечты заключается в данном случае в самой идее возрождения, сохранившейся, но еще окончательно не оформившейся к началу правления Карла. Утопия-видение проявляется с того момента, как Карл приступает к осуществлению своих и народных давних стремлений: его завоевательная деятельность не только наглядно расширяла границы королевства, но и объединяла под властью одного человека многие народы, населявшие в то время Западную Европу. Переломным моментом в истории Западной Европы и образным завершением деятельности Карла Великого с позиции модели утопии можно назвать его коронацию в Риме в 800 г., когда утопия-видение превращается в утопию-проект, то есть в конкретное (хоть и не до конца реализованное) выражение утопической идеи. Власть франкского короля признает сам Рим. Карлу удалось то, что не удавалось сделать его предшественникам в течение нескольких столетий – объединить Европу и воссоединить светскую и церковную власти, прийти к реализации давней мечты о возрождении великой Римской империи. Можно сказать, что с момента коронации Карла Великого история немецкой

нации и, следовательно, всей Западной Европы, обретает новое звучание.

После падения Римской империи это была первая, но далеко не последняя попытка объединения Западной Европы. С позиции модели развития утопической идеи [3], в каждой такой попытке можно проследить движение по схеме «мечта-видение-проект».

Аналогично предложенной схеме интересно проследить, как со временем с момента восхождения Карла Великого на императорский престол, изменяется название императорского титула. Начиная с Карла Великого, и до его последователя Оттона I императоры называли себя просто «Император Август», без какой-либо территориальной конкретизации (однако предполагалось, что со временем в державу войдет вся бывшая Римская империя, а в конечном итоге – весь мир). В таком названии нет привязки к конкретной земле или территориальному образованию. Оба слова лишь указывают на прошлое отношение к римским императорам, что можно назвать весьма абстрактной мечтой о прошлом, о возрождении Римской империи, когда на деле власть была сосредоточена не в Риме. Спустя некоторое время титул конкретизируется и к нему добавляется привязка к римлянам – «Император Август римлян». Сам факт географического местонахождения немецкой нации и ее императора вдали от Рима и титул императора, включающий в себя слова «Император Август римлян» свидетельствует о том, что мечта о возрождении великой державы не была забыта, а в данном случае трансформируется в утопию-видение и обретает направленность к Риму. В дальнейшем и само государство начинает называться «Священная Римская империя», что также свидетельствует о трансформации утопии-мечты в утопию-видение, так как с этого момента мечта относится не только к отдельному конкретному человеку, но становится «всенародной» и имеет отношение ко всей нации в целом. К XV в. название империи снова меняется. В данном случае любопытно возникновение новой приставки, благодаря которой империя стала носить название «Священной Римской империи немецкой нации». В таком названии ярко проявляется дуализм национальных стремлений: с одной стороны движение к давней мечте об объединении, о возрождении Римской империи, с другой стороны одновременное желание немцев сохранить свою собственную индивидуальность и национальную идентичность.

Факт такого дуализма подтверждается результатами наших исследований проблемы взаимодействия и противопоставления процессов

объединения и сохранения национальной идентичности современных европейских народов. Двусторонняя направленность этих процессов состоит в том, что, пытаясь построить идеальное государство, европейцы не могут оставить незамеченным свое желание одновременно сохранить собственную идентичность, уникальность своей нации. Жить в едином сильном государстве, к чему Европа стремится уже на протяжении многих веков, и, одновременно с этим, сохранить уникальность своей страны, нации, с ее традициями и обычаями – в этом противоречии и заключается одна из проблемных ситуаций современного Европейского Союза.

Однако корни этой проблемы, как было показано выше, уходят далеко в историю. Исследования «сбывшихся утопий» и сам факт того, что утопия может стать реальностью, дает понимание утопии как цели, не являющейся аттрактивной для конкретной социокультурной системы [3]. Это вызывает требование постоянного поддержания устойчивого состояния социокультурной системы, сумевшей реализовать утопическую идею. Как следствие искусственности избранной действительности в этих системах происходит нарастание конфликтов между ее отдельными системными компонентами. Одним из обозначений этих конфликтов становится манифестация национально-культурной уникальности. Проявления национальной идентичности имеют, как обосновывается нами, утопические корни и проявляются не только на современном этапе европейского объединения, но и присутствовали на протяжении всей истории рассматриваемой социокультурной системы. Выявление механизмов процессов, инициирующих данную проблемную ситуацию, способно дать «рецепт» ее преодоления.

Литература

1. Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация. (Методологический анализ). Томск: Изд-во ТПУ, 1995.
2. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М.: Наука, Физматлит, 1998.
3. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М.: Научный мир, 2005.
4. Максименко О.Ю. (Матвеева О.Ю.) Роль утопии в социокультурной динамике: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2004.

ПЕДАГОГИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ И САМОКОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

С.И. Ануфриев, Томск, Россия

Во второй половине двадцатого столетия, вопреки утверждениям постмодернистов о «смерти человека», в ряде западноевропейских стран возникает педагогическая антропология, ставя под сомнение чрезмерную категоричность известного тезиса Мишеля Фуко. Вряд ли можно согласиться с авторами замечательной монографии «Образы образования. Западная философия образования. XX век» А.П. Огурцовым и В.В. Платоновым, что педагогическая антропология является направлением в философии образования [1, с. 319], если только не отождествлять последнюю с теорией педагогики. Они, разумеется, тесно связаны друг с другом, но при этом относятся, как нам представляется, к разным научным дисциплинам. Педагогическая антропология, опираясь на определенный философско-антропологический базис, фундамент, тем не менее является составной частью педагогической науки, во многом определяющей ее концептуальную направленность.

Педагогическая антропология так же неоднородна, как и антропология философская, внутри которой существует целый ряд направлений, течений:

- биологизаторско-натуралистическая философская антропология (И.П. Павлов, З. Фрейд, Э. Торндайк, Д. Уотсон и др.);
- социологизаторско-прагматическая философская антропология (К. Маркс, Ф. Энгельс, У. Джемс, Д. Дьюи и др.);
- экзистенциальная философская антропология (М. Бубер, А. Камю, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс и др.);
- персоналистско-индивидуалистическая философская антропология (Э. Мунье, М. Недонсель, М. Шелер и др.);
- иррационалистическая антропология (А. Бергсон, Х. Ортега-и-Гассет, М. Унамуно и др.);
- неотомистская антропология (Э. Жильсон, Р. Гвардини, Ж. Маритен и др.).

Различие версий человека определяется различием важнейших факторов (как внешних, так и внутренних), детерминирующих, по мнению теоретиков, его (человека) сущность. Способов интерпретаций этой сущности может быть сколь угодно много, учитывая чрезвычайную сложность, противоречивость, принципиальную несводимость человека к какому-либо одному единственному основанию. Высвечивая

те или иные грани, слои, пласты многомерного человеческого бытия, каждая из философско-антропологических концепций обладает своим эвристическим потенциалом и своим, конечно же, ограниченным интервалом интерпретаций.

Многообразие философских интерпретаций человека, проецируясь на сферу педагогической теории, оборачивается плюрализмом педагогико-антропологических подходов. Плюрализм теоретико-исследовательских программ в современной педагогике свидетельствует о принципиальной невозможности создания универсальной педагогической антропологии.

На современном этапе образование нуждается в адекватных антрополого-педагогических основаниях, базирующихся на современных научных, философских, духовно-нравственных представлениях о человеке, его сущности, бытии, его принципиальной незавершенности, открытости, о Человеке как Потенции. Традиционный классический подход объективирует человека, отождествляет его с теми или иными предметными сферами для удобства последующей обработки в соответствии с принципами и технологиями индустриального общества, когда для успешного функционирования производства и других социальных подсистем были необходимы специалисты, узкие профессионалы, «кадры», от которых не требовалось ни рефлексии собственной деятельности и ее оснований, ни умения ее проектировать и находить необходимые ресурсы, ни анализа социокультурного контекста.

Узкая специализация приводила к сужению не только профессионального, но и гражданского, экономического, нравственного, эстетического, экологического сознания специалиста, формированию у него технократического, линейного, агрессивного и нетолерантного отношения к другим людям, к миру в целом.

Образование редуцировалось до весьма формализованных обучающих процедур, а его содержание замещалось различными социальными мифами. Доминировал (в рамках предметно-классно-урочной системы) во многом уже исчерпавший себя в изменившихся условиях способ трансляции сведений, упакованных в жесткие стандартные формы и зачастую весьма далеких от реальной жизни.

Существующее образование характеризуется предметоцентризмом, узкопрофильным членением единого корпуса знаний, утратой целостной картины мира, ее дроблением на отдельные, не связанные между собой фрагменты.

Функционирование современного общества, всех его подсистем и элементов индивидуализируется. Цели задаются единичными субъектами, и главной задачей образования становится создание условий для самостоятельности, самоконструирования, непрерывного самообразования человека. В связи с этим чрезвычайно актуальной становится проблема подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов, способных творчески решать принципиально новые образовательные задачи.

Образование как воспроизводство человека по заданному образцу сменяется формированием новых форм мышления и типов деятельности, образованием как постоянным никогда не прекращающимся процессом развития субъекта и системы социальных отношений.

Постиндустриальная социокультурная реальность характеризуется открытостью, информационно-коммуникативной насыщенностью, поликультурностью, высокой степенью неопределенности, вариативности и динамичности развития, что предполагает и способствует преодолению метафизического способа мышления. Единая, завершенная всеобщая картина мира, базирующаяся на классических рациональных основаниях сменяется осознанием условности, релятивности любых теоретических построений, проблемности мира, множественности способов его постижения, объяснения, освоения, принципиальной невозможности создания единой универсальной объяснительной схемы.

Образование представляет собой сложнейший, многогранный феномен: это и целенаправленный процесс педагогически организованной социализации, осуществляемый в интересах личности, социальной группы, общества; важнейший способ трансляции культуры; адаптационный механизм, обеспечивающий устойчивое развитие общества; это и многоуровневый, иерархически структурированный социальный институт, предназначенный для общественного воспроизводства и развития человеческого потенциала; и определенный уровень знаний, умений и навыков; и важнейшая социальная ценность; и услуга; наконец, образование, интегрируясь с наукой и производством, выступает как важнейшая хозяйственная отрасль.

Столь сложный объект нуждается в междисциплинарных, комплексных и системных исследованиях и явно не вмещается в ставшие для него узкими психолого-педагогические рамки. В настоящее время формируется междисциплинарная область знания об образовании, которую можно назвать эдукологией, куда входят помимо психолого-педагогических наук ряд философских, социально-гуманитарных, медико-

биологических, технических и других наук. Новая образовательная стратегия, столь необходимая для преодоления глобального кризиса, в котором оказалось современное образование, очевидно, может быть создана только совместными междисциплинарными усилиями.

Только широкий исследовательский контекст позволит преодолеть ведомственный подход к образованию, когда оно рассматривается как нечто самодостаточное, автономное, функционирующее изолированно от современного социогуманитарного знания, базирующееся на мировоззренческо-методологических установках уходящей индустриальной эпохи.

Любая педагогическая система с необходимостью должна быть обращена как в сторону конкретных эмпирических знаний, добываемых опытно-экспериментальными науками (общей и социальной психологией, возрастной физиологией и физиологией высшей нервной деятельности, психиатрией, антропологией, этнографией, социологией и др.), так и в сторону целостного философского понимания человека, аксиологического обоснования социально-исторического образа (идеала) человека.

Различные философско-антропологические версии человеческого бытия (его цели, смысла, направленности) создают основу построения общей педагогической теории, но для решения конкретных образовательных задач, проблем, ситуаций необходимо перейти от общетеоретических положений к конкретным технологиям и методикам. Таким соединительным звеном, «мостом», своего рода теорией среднего уровня является педагогическая антропология, призванная интегрировать теоретический и практический уровни человекознания с точки зрения образования человека, его становления, конструирования и самоконструирования.

На современном этапе социокультурного развития основная цель образования – не трансляция готовых знаний, а овладение способами их приобретения и порождения субъектами процесса обучения и воспитания в ходе совместного творческого взаимодействия. основополагающий ценностный ориентир, цель, формирующая систему образования XXI века и определяющая адекватные ей методы, средства, технологии – *целостный человек в целостном мире* [2] – достижение гармонии целостного человека, ответственного творца, ориентированного на толерантный, (но отвергающий релятивизм в различении добра и зла), диалог с природно-социальным и духовно-культурным Универсумом.

ЭДУКОЛОГИЯ

Эмпирические знания об образовании и субъекте образования	
<div style="display: flex; align-items: center; justify-content: center;"> <div style="display: flex; flex-direction: column; gap: 5px;"> ..... правоведение экономика культурология социология психология физиология ..... </div> <div style="font-size: 2em; margin: 0 10px;">}</div> <div style="text-align: center;">образования</div> </div>	Педагогические методики, технологии, практики
	<div style="text-align: center;">Теория педагогики</div> <div style="text-align: center;">Педагогическая антропология</div>
	<div style="text-align: center;">Философия образования</div> <div style="text-align: center;">Философская антропология</div>
ФИЛОСОФИЯ	

Литература

1. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб., 2004.
2. Сагатовский В.Н. Целостный подход в образовании целостного человека (о духовных основах образования) // Современное образование в контексте целостного подхода. Томск: Томский государственный университет, 2005.

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ СВАДЕБНЫХ ПОЗДРАВЛЕНИЙ

И.И. Бабенко, Томск, Россия

Речевой жанр поздравления хорошо известен всем и кажется, что подписать открытку – занятие простое и скорое, а незатейливый текст выходит из-под пера будто бы сам собой. Однако стандартное поздравление «*Поздравляю с днем рождения, желаю всего-всего хорошего. Твой Пух*», созданное по модели, предложенной медвежонком Пухом и Совой, известными героями сказки А.А. Милна «Вини-Пух и все-все-все», вряд ли порадует получателя открытки.

Известно, что поздравление, наряду с комплиментом, является жанром эпидейктической речи и опирается на нормы культуры речи, риторики, этикета. Главная цель поздравления – вызвать у адресата положительные эмоции, создать или поддержать приятную атмосферу праздника, торжества. Достижению этого служат различные топосы (топы), так называемые «общие места», элементы композиции текста, потенциальное содержательное наполнение которых известно коммуникантам. Топосы рассматриваются нами как текстовые структуры, вызывающие определенные социально-коммуникативные эффекты. Например, топосы обращения и выражения чувств ориентированы на завоевание расположения участников события, топос похвалы –

на оценку лучших качеств адресата, а топос пожелания – на реализацию принципов пользы и совершенства.

Официальная поздравительная речь должна быть построена по классическим принципам риторики. Её композиция предполагает наличие и гармоническое взаимодействие следующих топосов: обращение к адресату, основная комплиментарная часть (хвала) и индивидуализированные пожелания, «в которых наиболее полно реализуется сверхзадача речи – её воспитательное значение, так как пожелание благ, которые ждут поздравляемого в будущем, побуждает его стремиться к ним, намечает таким образом его жизненные перспективы» [1, с. 285-286], завершать речь может топос адресанта (индивидуального или коллективного автора поздравления). Обязательным считается и топос указания на информационный повод поздравления – эта форма социально-коммуникативного воздействия направлена на выполнение функции солидаризации адресата, адресанта и наблюдателей события.

Очевидно, что в ситуации устного публичного поздравления участниками коммуникативного взаимодействия являются не только автор (индивидуальный или коллективный), от чьего имени озвучивается поздравление, и адресат, к которому непосредственно оно обращено, но и наблюдатели, с учетом которых должно планироваться эпидейктическое воздействие речи.

Взаимодействие топосов так же можно рассматривать как форму социально-коммуникативного воздействия, направленного на последовательное выполнение ряда функций: эпидейктическую (оценить, похвалить), гедонистическую (принести радость, доставить удовольствие), воспитательную (ориентировать на достижение совершенства), функцию солидаризации участников события. Каждый топос поздравления ориентирован на то, чтобы, управляя социально-коммуникативной реакцией адресата, реализовать одну из функций, свойственных данному жанру.

Нами были проанализированы около двух десятков поздравлений, произносимых сотрудниками ЗАГС в момент регистрации заключения брака. Эти тексты были написаны сотрудниками ЗАГС Томской области в период с 1979 г. по 2005 г. и находятся на хранении в архиве ЗАГС Томской области.

Специфика текстов официальных свадебных поздравлений состоит в причудливом переплетении не только стиливых черт разговорного, официально-делового, публицистического и элементов художественно-беллетристического стилей, но и в том, что в них запечатлелись

ритуальные, фольклорные, обрядовые, риторические и этикетные традиции народа. В целом же, это официально-деловая речь, сложная по структуре и насыщенная точной информацией, с которой лицо, обладающее правом проведения регистрации (начальник отдела ЗАГС, либо сотрудники отделов, которым поручено проведение ритуала), обращается от имени государства к жениху и невесте (их родителям и гостям), провозглашая акт бракосочетания.

В структуре свадебного поздравления помимо инвариантных, указанных выше, можно выделить вариативные топосы: обрядовый, топос выражения чувств, топос благодарности (обращение к родителям) и церемониальный топос.

Каждый из топосов ориентирован на создание определенного социально-коммуникативного эффекта. Топос индивидуализированного обращения к молодоженам воплощает традиционные представления о вежливости, официальности, этикетной норме, поскольку подчеркивает значимость момента вступления в брак. Данный композиционный компонент воплощается стереотипно и отражает как разговорные особенности данного жанра так и его официально-деловую направленность. Чаще всего встречаются обращения, созданные по модели: *«Уважаемые молодожены (имя, отчество) и дорогие друзья! Начинаем торжественную регистрацию бракосочетания»*.

В топосе выражения чувств представитель ЗАГС от имени государства демонстрирует заботу и внимание к молодой паре и всем присутствующим, устанавливает с ними отношения взаимопонимания и доверия, демонстрирует вежливость и доброжелательность. Всё это предполагает присутствие элементов официальности, поскольку сама процедура носит гражданско-правовой характер, однако каждый сотрудник, регистрирующий акт бракосочетания, вносит что-то свое, обязательно ориентируясь на обстановку, созданную в зале регистрации. Наиболее распространены следующие конструкции: *«Я рада приветствовать вас», «от всей души», «искренне и сердечно»*.

Обрядовый топос содержит указание на преемственность фольклорных обрядовых традиций. Это воплощается в комментариях и указаниях молодоженам по поводу обмена кольцами, супружеского поцелуя и пр., всего, что не только отдаёт дань прошлому, но и создаёт особую атмосферу торжественности и значимости данного события. Только этому топосу присуща художественная образность. Обычно подчеркивается, что золотое кольцо, например, своей формой замкнутого круга символизирует общность новобрачных и единство их душ:

«По старому русскому обычаю в знак любви и супружеской верности прошу вас обмениваться обручальными кольцами», «В древней Руси был красивый обычай – надевать на головы новобрачных венки, символизирующие кольца. Кольцо всегда считалось олицетворением супружеских уз. «У кольца нет конца» гласит народная мудрость, так пусть не будет конца и у вашей любви. По старинному обычаю прошу вас обмениваться обручальными кольцами».

Топос похвалы (новобрачных) и топос пожелания в свадебном поздравлении в большей степени ориентированы на выполнение не гедонистической, а воспитательной, назидательной функции, например: *«Вы делаете важный и ответственный шаг – вступаете в брачный союз, тем самым берёте на себя новые обязательства по отношению друг к другу, к своим будущим детям»;* Оратор произносит формулу похвалы и сразу же переходит к пожеланиям и наставлениям, например: *«Берегите дар первых супружеских дней, пронесите их нежность и чистоту через всю вашу жизнь. Пусть в вашей семье царят добрые и нравственные отношения. Чтобы через много лет вы могли сказать – мы самые счастливые на свете».* В некоторых случаях цитируются напутственные слова из письма губернатора Томской области: *«Ваш союз рожден любовью, которая раскрывает в человеке все красивое и высокое, заставляет звучать самые тонкие душевные струны».* Данная часть текста выполняет и функцию солидаризации участников церемонии: *«Предлагаю всем присутствующим насладиться мгновениями красоты, молодости и любви. Молодые танцуют свой первый танец».*

Все пожелания оформляются в разговорном стиле речи, поскольку социально-коммуникативное воздействие пожелания осуществится только в том случае, если оно будет искренним, обращенным лишь к этим новобрачным: *«Разрешите в этот день пожелать вам супружеского счастья. Пусть ваше счастье будет чистым и светлым, как весеннее небо, долгим, как вся ваша жизнь и прекрасным, как большая человеческая любовь».*

Топос церемониальный присутствует во всех свадебных поздравлениях, поскольку он словесно отражает официальный статус процедуры регистрации и засвидетельствования акта бракосочетания, вручения молодоженам главного документа их семьи – свидетельства о заключении брака, которое подтверждает права и обязанности новобрачных и дает право на продолжение семейных традиций: *«С большим удовольствием я вручаю вам ваш первый семейный документ», «Вам вручается первый документ вашей семьи – свидетельство о браке»,*

«Вручаю вам свидетельство о заключении брака с пожеланиями счастья, добра, удачи и любви бесконечной». С 2004 года после торжественной регистрации заключения брака новобрачным вручается письмо-поздравление губернатора Томской области, сопровождаемое словами: «Вас сердечно поздравляет губернатор Томской области – Виктор Мельхиорович Кресс». Эта же композиционная часть ритуала содержит обязательное обращение к новобрачным с просьбой подтвердить свои чувства поцелуем: «По старой доброй традиции поздравьте друг друга первым супружеским поцелуем», «А теперь поздравьте друг друга как муж и жена – поцелуйтесь».

Особое место в структуре поздравления занимает топос благодарности, который обычно бывает обращен к родителям новобрачных: *«Дорогие родители! Мы рады поздравить вас с этим замечательным днем! Вам сегодня радостно и, конечно, грустно. Дети ваши стали взрослыми. Пришла пора и им создать свою семью. Спасибо вам за то, что вы вырастили ваших детей, надеемся, что ваш родительский опыт, большая материнская и отеческая любовь помогут молодым создать крепкую семью», «Среди Ваших гостей самые дорогие и близкие Вам люди – Ваши родители. Помните, что их покой, здоровье, их честь зависят от Вас. В самый счастливый день Вашей жизни – день рождения семьи, поблагодарите их за все доброе и светлое в каждом из Вас, за то, что они вырастили Вас, воспитали и вывели сегодня на самостоятельный жизненный путь (поклон)».* Говорящий подчеркивает значимость события, отмечает безусловный авторитет родителей и указывает на то, что ответственность за новую семью несут не только молодожены, но и их родители. В рассмотренных нами текстах поздравлений обычно цитируются фрагменты обращения губернатора к молодоженам: *«В свою очередь не забывайте о тех, кто дал жизнь вам – о своих родителях, будьте им надежной опорой и помощниками».*

Последовательность топосов в жанре свадебного поздравления достаточно жестко предопределена тем, чтобы новобрачные постоянно были в центре внимания всех участников церемонии. При этом необходимо не только соблюдать принципы вежливости, но и гармонично сочетать две социально-коммуникативные стратегии – стремление к интимизации общения с новобрачными и необходимость соответствовать официально-деловому характеру процедуры вступления в брак.

Итак, соотношение и содержательное наполнение топосов поздравления может быть различным, поскольку предопределяется

социально-коммуникативными задачами, стоящими перед текстом рассматриваемого жанра. Свадебное поздравление должно учитывать интересы адресатов, предполагать реакцию других участников события, последовательно оказывать эпидейктическое, гедонистическое (создавая доброжелательную и праздничную атмосферу) солидаризирующее (объединяя участников церемонии) воздействие. Тексты этого жанра осуществляют аккумулятивную (сохраняют и транслируют обрядовые традиции) и воспитательную функции, не только подчеркивают значимость события в личной жизни его участников, но и подтверждают его общественно-правовой статус.

Литература

1. Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика. Воронеж: Изд-во НПО Модекс, 2002. 432 с.

РАСПОЗНАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА ЛИЧНОСТИ

А.Н. Быстрова, Новосибирск, Россия

В современных исследованиях человеческого сознания трудно найти тончайшую грань, отделяющую психическую деятельность человека от интеллекта, о чем говорит М. Мамардашвили: «Человеческое в человеке не имеет механизма естественного рождения... Нет поэтому и причины для проявления в нем человеческого, так как никого нельзя вынудить быть человеком» [1, с. 46]. Однако одно отличие психического от интеллектуального и лежит в основе того, что делает человека человеком: это наличие творческих задатков воображения и фантазии. Все те стороны психики, которые можно рассматривать как изначальные – ощущения, восприятия, представления – присутствуют и в животном мире. Но ни одно животное не обладает способностью создавать новые образы и, тем более, создавать из них некую модель мира или его картину. В процессе жизнеобеспечения человеку необходимо раскрывать некоторые существенные свойства предмета, без чего его деятельность окажется невозможной или затрудненной. «Всякое творчество, – писал М. М. Бахтин, – определяется своим предметом и его структурой и потому не допускает произвола и, в сущности, ничего не выдумывает, а лишь раскрывает то, что дано в самом предмете» [2, с. 110]. Это совсем не означает того, что человек фатально

привязан к реальным предметам этого мира, но именно в этом – в мысленном проникновении в сущность вещей, в понимании их особенностей – реализуется творческая сущность интеллекта.

Творчество долгое время понималось, как создание нового. Однако, как показали более поздние исследования, вопрос не всегда упирается в новизну. Творчество представляет собой поиск неизвестной задачи, и эта поисковая деятельность имманентно присуща мышлению. Неизвестная задача представляет собой еще не найденную проблему, некую отсутствующую, не вскрытую необходимость, которую нужно обнаружить и выделить. Такой поиск является не только чисто мыслительным процессом: он настолько имманентно присущ человеческому в человеке, что, с одной стороны, считается условием выживания человека как вида, с другой стороны, по мысли Мамардашвили, «лишь находясь в состоянии невыразимой мысли, мы оказываемся в состоянии страсти доказательства миру своего существования» [1, с. 37]. Другими словами, только состояние поиска неизвестной задачи – исходный момент интеллектуального процесса.

Следующим этапом интеллектуального творческого процесса будет поименование самой задачи и основных её элементов, формулировка найденной проблемы, её означивание, которое должно выявить дальнейшее направление поиска. Только затем ведется поиск необходимых данных, которые позволили бы решать проблему.

Одно из современных определений творчества звучит следующим образом: «Творчество – это процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности» [3, с. 337]. С этим положением можно согласиться лишь частично, поскольку уже поисковая деятельность сознания может быть принята как творческая. Для получения нового качества необходимо, чтобы человек обладал некой специальной способностью, имел определенные задатки, условия для их реализации. Но индивид может быть занят творческим поиском, так сказать, на уровне генерализованных способностей, поскольку ученик, студент, практически любой обучающийся человек может осуществлять эту поисковую деятельность, не получая качественно нового результата. Другая сторона дела заключается в том, что сама поисковая деятельность может иметь разное направление. Но этот фактор зависит от множества обстоятельств, начиная от личных качеств и заканчивая уровнем развития общества в целом, той степени свободы, которая в нем может быть осуществлена и т.д.

С нашей точки зрения, человек по своей природе является существом творческим, поскольку его жизнь в самых общих своих чертах постоянно требует различного по содержанию, но сходного по сущности диалога. Диалог же – процесс несомненно творческий, поскольку он предполагает постоянный поиск неизвестной задачи, которая представлена участвующими в этом диалоге Другим. Эта неизвестная задача всегда предполагает многовариантную неопределенность решений, при которой необходимо вводить некоторые ограничения, осуществляя выбор оптимального варианта решения. Ж. Адамар в свое время отмечал: «Творить – это значит не заниматься бесполезными сочетаниями, а исследовать только полезные. Изобретение (добавим: и творчество – А.Б.) – это распознавание, выбор» [4, с. 32]. Но не только выбор определяет творчество. Творчество – это также соотнесение нового с уже известным, возможного с необходимым и случайным, т.е. отыскание той модальности, которая предполагает получение искомого результата. Следовательно, интеллект предполагает не просто наличие возможности творческой деятельности – оно имманентно присуще человеку, – но и своего рода диалог, который человек может вести с окружающим миром и обществом. Без этого диалога предпосылки для развития интеллекта остаются лишь предпосылками, сам интеллект – «нормальной, но не запущенной в работу машиной» (Лотман), а творчество существует лишь потенциально (виртуально).

Диалог с природой человек ведет с самого начала своего существования. Вопрошая природу, он познает все то, что необходимо для выживания. Но, поскольку «ответ», который может дать природа, она дает на неизвестном человеку языке, необходимым становится понимание этого языка, то есть проникновение в сущность вещей. Возможность появления мыслей не определяется внешними обстоятельствами, она «связана с устройством человеческого бытия... Мысль оказывается для нас каким-то пространством сознания, она обладает какой-то протяженностью. Она не в голове, а в сознании. И сознание не в нашей голове, а как бы протянуто, протяженно. То есть это пространство для чего-то рождающегося: мы должны дать чему-то разродиться и сами родиться в этом» [1, с. 143]. Это рождение мысли, чувства, отношения не остается «собственностью» индивида, становясь и достоянием других, кроме того, усилия поиска и нахождения мысли меняют способность человека в его отношениях с миром. И эти изменения во-первых, являются пространством сознания, которое становится возможностью еще большего сознания «...В этом пространстве

мы обнаруживаем какое-то свойство приращения, увеличения самих себя...» [1, с. 143] Следовательно, уже сама способность к диалекту может быть понята и принята как наличие творческого начала, дальнейшее развитие которого находится в глубинной и неразрывной связи с развитием мышления и сознания в целом.

Уже в античности мышление представляли себе существующим на двух уровнях – рассудка и разума, причем рассудок связывался с познанием земного, относительного и конечного, разуму же подвластно было высшее, бесконечное, божественное. Таким образом, появилась традиция понимания рассудка как некоего «низшего» состояния мышления по сравнению с «высшим». «Высшее» состояние мышления было воспринято в более позднее время, в эпоху Ренессанса, а затем у Шеллинга и Гегеля как творческое состояние духа.

Одним из первых вопрос о возможности формирования творческого начала в процессе университетского образования поставил Шеллинг в своей работе 1808 года «О методе университетского образования». Излагая своё видение системы наук, Шеллинг отмечает, что общим корнем всех наук становится творчество, в котором наука и искусство обнаруживают свою общую природу. И хотя Шеллинг также видит творчество в создании нового, он всё-таки отмечает, что человеку имманентно присуща продуктивная способность, без которой он остается хорошей машиной. Этой продуктивной способностью Шеллинг наделяет мышление, которое, базируясь на знаниях, может вскрыть тождество единичного и всеобщего, особенного и всеобщего. И в науке, и в философии способность видеть «в единичном факте – закон, за обобщением – частный случай» при посредстве интуиции [5, с. 183]. Такое движение мысли представляет собой одновременно творческий акт и познание, выступающее в качестве созидания. Оно зиждется на установлении связей между явлениями, и каждое явление, а также и каждое понятие, его обозначающее, определяются через выявление его места в системе целого.

Совершенно очевидно, что любому аспекту творческой деятельности необходимо знание о мире для того, чтобы не «заниматься бесполезными сочетаниями», тем более, что сам процесс получения знаний, обучения несет в себе элементы творчества. Уже в системе обучения присутствует некий образец поиска неизвестной задачи и способа её решения, движения мысли от особенного к всеобщему, от частности к закону. Искусство же может представить также и встречный процесс: процесс движения от общих закономерностей к частному,

единичному, особенному их воплощению. Особенно важно в системе обучения раскрытие механизма этого движения, анализ отношений между частным случаем и законом, составляющим целостную модель или картину мира.

Следовательно, возможно диагностирование творческого потенциала личности, при котором выявляются особенности мышления, степень его развитости, направленность, глубина и систематизированность. Объем и качество апперцептивных рядов позволяют определять наличие возможности движения от фактического уровня мышления к логическому, а затем и к инновационному. Способность определения места того или иного явления в системе мира, умения обнаружить связи известного с невыявленным, поисковая активность – уже можно воспринимать как творческую способность. Дальнейшее формирование творческого начала связано с расширением поискового спектра, переходом с фактологического на логический и инновационный уровни мышления, с развитием понятийного аппарата, позволяющего с необходимой полнотой формулировать обнаруженную задачу. Искусство выступает как специфический катализатор творческой деятельности, поскольку требует не только сотворчества, но и глубины понимания, умения вступать в мысленный диалог со всей системой художественного произведения.

Таким образом, конструирование творческой личности предполагает, во-первых, выявление творческого потенциала человека и, во-вторых, ориентацию всей деятельности человека в любой её сфере на поисковую активность.

Литература

1. Мамардашвили М. Эстетика мышления. М., 2000.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
3. Алексеев П.В., Панин А. В. Философия М., 1993.
4. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
5. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М., 1986.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Е.Н. Кальмаева, ЗАТО Северск, Россия

В современном российском обществе неуклонно растет спрос на человека с активной жизненной позицией, умеющего успешно войти

в социум и занять достойное место, принося пользу себе и государству. Сегодня во всех сферах жизнедеятельности, даже в самых, может быть, не инициативных профессиях требуются люди, умеющие самостоятельно принимать решения, отвечать за их выполнение, быть заинтересованными в результатах своего труда и равнодушными к своему делу и обществу в целом. Современный, «продвинутый» руководитель это отлично понимает, поэтому на передовых местах и работают, как правило, социально активные личности.

Общеизвестно, что личность человека формируется под влиянием общества и той среды, где он находится. Поэтому, без сомнения, главной и основной составляющей в списке того, что влияет на развитие личности ребенка, является семья. Именно в этом социальном коллективе родственников ребенок впервые получает «уроки» правильного поведения, общения, здесь закладываются основные умения, навыки, начинает формироваться его активность или пассивность, как начинающего свою жизни члена общества. И далее на формирование личности оказывает свое влияние детский сад, школа, улица, сверстники, всевозможные детские коллективы и объединения по интересам, в которые вступает ребенок. Таким образом, личность – это понятие социальное, а значит на развитие активности последней оно, т.е. общество может активно влиять: либо развивать, либо подавлять эту активность.

В нашей истории мы можем найти множество примеров, когда инициативные, активные люди были не нужны государству. Были люди – «винтики» в сталинской системе, были как все и не «высовывались» во времена «брежневского социализма». Но были времена и активности людей в нэповской России, хрущевской «Оттепели», перестройке и надеемся что в XXI веке спрос на социально активных людей не только не уменьшится, но и возрастет не только в России, а во всем мире.

Нам бы хотелось поделиться опытом работы по созданию условий развития социальной активности учащихся средней общеобразовательной школы и тех результатах, которые мы получаем в течение педагогической деятельности.

Мы выделяем несколько основных приоритетных направлений развития социальной активности учащихся:

- Научное,
- Культурологическое,
- Общественно-политическое;

К научному направлению относится организация работы учащихся в урочное и внеурочное время в предметной и надпредметной областях. На уроках дети, организованные в группы, выполняют роль руководителей и организаторов обсуждений, дискуссий, действий, тем самым, приобретая опыт общения со сверстниками, развивая под руководством педагога свою социальную активность, и побуждая к ней остальных своих одноклассников. Кроме этого, отличным стимулом для развития социальной активности является проектная деятельность. Работая над проектами, ученики под руководством педагогов учатся проводить самые разнообразные социологические опросы, приобретают опыт общения с людьми разных профессий, собирая материалы для проектов. При защите своих работ учащиеся обучаются современным способам дискуссии, отстаивания собственного мнения, аргументируя его, используя наработанный фактический материал. К научному направлению развития социальной активности учащихся школы, несомненно, относится и процесс работы и защиты экзаменационных рефератов по предметам. Конечно, в этом направлении развития активности ребенка большую роль играет учитель, правильно организующий творческую работу своего подопечного.

Культурологическое направление развития активности ребенка это привлечение детей в различные кружки, детские сообщества по интересам. У нас в школе ежегодно организуют свою работу около 15 кружков: туристический клуб «Горизонт», танцевальный кружок, аэробика, волейбол, шахматы, вокальный, ритмика для маленьких. Интерес у детей вызывают объединения: бальные танцы, исторический кружок, культура современного быта, художественное оформление подарка, компьютерные игры, и другие. Разнообразие детских творческих объединений дает возможность ученикам школы с самого раннего возраста реализовывать себя, позволяет педагогам учреждения развивать активность наших детей. А проведение творческих дел при умелой работе педагогов, когда учитель или вожатая, например, поручают отдельным ученикам или группам учащихся ответственные поручения, где требуются самостоятельные решения, без сомнения, способствуют развитию социальной активности детей и помогают вырастить настоящих личностей с активной жизненной позицией, неравнодушных к окружающей жизни. Несколько наших старшеклассников, организаторов таких дел, как в школе, так и в городе и области были награждены поездками в лагеря «Океан» и «Орленок».

Общественно-политическое направление процесса развития социальной активности учащихся реализуется у нас в школе через детскую организацию под руководством пионервожатой и заместителя директора по воспитательной работе. В основном эта работа ведется пол созданию крепкого, современного, положительного актива классов и школы. Дети, которые в результате кропотливой и целенаправленной работы педагогов по сплочению детских коллективов, и созданию активов становятся хорошими лидерами и активистами. В последние годы большую роль в данном направлении стали играть так называемые детские общественно-политические выборы. В городе и в школе создавались партии «Любители Интернета», «Любители домашнего задания», «Любители дискотек». Дети писали программы, выступали на собраниях перед «избирателями», готовили рекламу своих партий. Выбирались лидеры партий, за которых голосовали (по-настоящему: с урнами и бюллетенями). Такая деятельность наших детей, несомненно, позволяет развивать у ребят активную социальную позицию.

Можно конечно еще использовать для развития социальной активности детей их участие в волонтерских организациях. Так, например, наши учащиеся работали волонтерами во время проведения городских акций «Мы – против!» (по борьбе с курением), «Наркотикам – нет!» и др. Таким образом, при умелой организации учебно-воспитательной работы в школе, можно успешно развивать социальную активность учащихся всех возрастов и из разных семей.

Несколько слов хотелось бы сказать о влиянии семьи на развитии активности ребенка. Несомненно, что семья- основа, базис, на котором строится жизнь будущего гражданина общества. Однако, как показывает практика, активность детей не всегда зависит от активности, социального статуса или образования родителей. Во многом это зависит от правильно и целенаправленно выстроенной учебно-воспитательной работы в дошкольных и школьных образовательных учреждениях. Например, в нашей школе обучается 523 учащихся. Полных семей- 66%. Родители с высшим образованием – 37,7% с ученой степенью. – 0,4%, со средним образованием – 45%. Проводя анализ результатов нашей деятельности по данному направлению, мы можем точно сказать, что учащихся, которые активно участвуют в различных видах учебной и внеучебной деятельности больше, чем родителей, принимающих активное участие в деятельности школы в полтора раза.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

И.И. Кондрашин, Москва, Россия

Чтобы улучшить *образ жизни* россиян, облагородить *образ их мыслей*, искоренить невежество, приостановить деградацию, необходимы коренные изменения в конструировании менталитета человека, последовательные усилия в **формировании ноосферного сознания** у граждан страны, что положительно скажется на их каждодневном поведении. Для этого необходимо совершенствовать технологии и содержание образования и воспитания граждан, подготовку самих светских *воспитателей и преподавателей*, стимулировать рост уровня общественного и гражданского сознания.

Процесс общественного развития происходит посредством роста совокупного менталитета социума через осознание своей социальной значимости каждым индивидом, развитие мыслительных способностей и углубление сознания каждым человеком в ноосферном, позитивном, продуктивном, полезном направлении, т.е. *как должно быть*. Исходя из этого, у каждого гражданина формируется набор ценностных ориентиров, перечень прав и обязанностей, из чего и складываются аспекты его социальной ответственности. В противном случае сознание будет развиваться в противоположном направлении – в порочном и разрушительном.

От того, какие именно ценностные ориентиры стали элементами соответствующих *социокультурных матриц*, зависит степень правильности формирования сознания индивида, стиль его жизни и манеры повседневного поведения. Ценностные ориентиры можно собрать в единую шкалу **общечеловеческих ценностей и пороков**, которая служит нравственной мотивацией поведения людей.

Сознание на сегодняшний день можно считать высшей формой мыслительной деятельности головного мозга *человека-индивида*, с помощью которой он идентифицирует себя, отделяя от окружающего мира, одновременно познавая, осознавая и анализируя все, что происходит вокруг него. Наивысшие степени развитости самого сознания встречаются пока не столь часто, т.к. присущи только тем индивидам, кто обладает и другими, не менее развитыми составляющими *менталитета*, т.е. здоровой, хорошо развитой *психикой* с присутствием всех четырех сигнальных подсистем и мощным, хорошо натренированным *интеллектом*.

Сознание было и остается одним из основных понятий философии, социологии и психологии, обозначающим человеческую способность идеального воспроизведения действительности в мышлении, т.е. осознание человеком себя, окружающего бытия и причинно-следственных закономерностей чередующихся событий и явлений. Сознание, таким образом, есть свойство и функция в высшей степени организованной материи, что в реальности представляет собой головной мозг человека, отражающий в процессе мышления объективный мир во всем его многообразии.

Высшие сферы нервно-психической и интеллектуально-мыслительной деятельности самых высокоразвитых отделов мозга и являются тем, что народ до сих пор называет *сердцем*, теологи – *душой*, медики – *психикой* и лишь философы – ***сознанием***. Поэтому по своей этимологии *сознание* является не медицинским, не церковным, а строго философским, научным, ***светским*** термином и понятием.

Сознание человека никоим образом не оторвано от биологических, биохимических, биоэнергетических, физиологических и информационных процессов, непрерывно протекающих в его организме, оно непосредственно связано как с клеточным, так и информационным метаболизмами, сопровождающими индивида на протяжении всей его жизни. Являясь важнейшим компонентом менталитета, оно непосредственным образом через сигнальные подсистемы психики человека влияет на круг его каждодневных интересов, мотивацию поведения, на стиль и образ его жизни в значительно большей мере, чем другие части менталитета.

С одной стороны, оно подвергается в период формирования влиянию, «определению» надлежущего воспитания и образования, только после чего само приобретает способность определять бытие. С другой, при недостатке благотворного ноосферного влияния, оно становится подверженным негасферному воздействию «улицы» и прочих сомнительных проповедников и наставников, включая некоторые радиостанции, ТВ-каналы, журналы, интернет-сайты и прочие СМИ.

Именно общение близких по уровню развития менталитета, сознания индивидов и привело к созданию общества. Аристотель одним из первых сформулировал логическую необходимость единения людей, указав, однако, на два противоположных направления в развитии человека от уровня животного: одно в сторону Бога, другое в сторону зверя, гениально предугадав тем самым ноосферное и негасферное влияние инфосферы, отметив при этом также, что общество

предполагает одинаковость сознания общающихся и объединяющихся людей.

Одинаковость сознания, или совместного знания, чего? Анализ истории становления сознания показывает, что осознание необходимости развития ценностных ориентаций в сторону благости и полезности их поведения, а не в противоположную, с одной стороны, избавление от всего порочного, а не следование ему, с другой, аналогичное понимание преимуществ и опасностей, порождаемых той или иной тенденцией, и отношение к ним как к норме и аномалии, а не наоборот, может служить объединяющим началом для людей.

Исходя из этого, иерархия ноосферных ценностей и негасферных пороков со временем стала составлять онтологическую основу нравственного баланса личности. Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностно-порочных ориентаций образовала и до сих пор создает своего рода ось сознания, поддерживающую устойчивость личности или способствующую ее падению, предрасположенность ее к гармонии, к развитию или к деградации, преобладание того или иного типа поведения или деятельности, мотивированных направленностью потребностей и интересов. В силу этого ценностные ориентации выступают важнейшим фактором, регулирующим, детерминирующим мотивацию индивида в суждениях и поступках.

Развитые ценностные ориентации – признак зрелости личности, показатель меры ее социальности, основание для решения в индивидуальном плане вопроса о смысле жизни, своей социальной ответственности, благодаря которому происходит интеграция совокупности ценностных ориентаций в нечто целостное и своеобразное, характерное именно для данного индивида.

Таким образом, процесс общественного развития происходил и происходит до сих пор посредством формирования суммативного набора ценностных ориентиров, а также совершенствования ментальности через развитие мыслительных способностей и углубление *сознания* каждого человека, являющегося волею судьбы членом той или иной общности людей, в одном из двух указанных противоположных направлений: в ноосферном, позитивном, продуктивном, полезном, т.е. *как должно быть*, и в негасферном, порочном, разрушительном – при иных обстоятельствах.

В силу этого, по мере совершенствования разума человека, исторически в его сознании поверх животных инстинктов последовательно, по возрастающей формировались различные уровни сознания –

подсознания, определявшие и все более определяющие не только все его бытие, культуру его поведения, ход каждодневных действий, но и его социальные, общественные отношения, оценку событий и явлений, происходящих вокруг него (в зависимости от широты его кругозора), его непосредственное желание влиять на их ход или участвовать в них.

Вполне естественно, что степень развитости любого подсознания, как положительного, так и отрицательного, весьма различна у каждого индивида – от полного отсутствия до наличия в самой активной форме, и проявляется (рефлексируется) через его поступки, суждения, образ жизни и культуру поведения.

Самые распространенные признаки болезненного нарушения сознания – *бредовые* высказывания, включая, политические, склонность к криминалу, художественные извращения в искусстве. *Бред* сам по себе – это симптом психосознательного расстройства менталитета, проявляющегося в ложных суждениях, умозаключениях и, как следствие, в поведенческих действиях, в абсурдном творчестве.

Перечень общечеловеческих ценностных ориентаций, служащих целеустановками и мотивами поведения, складывался, как известно, постепенно из века в век на протяжении всего периода эволюционного процесса существования человечества по мере развития человеческого сознания. От того, какие именно ценностные ориентиры стали элементами соответствующей *социокультурной матрицы*, зависит степень правильности ее формирования, а с ней и формирования сознания индивида, стиль его жизни и манеры повседневного поведения. Поэтому очень важно, чтобы каждый человек в своем головном мозге (в своем сознании) подсознательно постоянно имел бы персональную классификационную шкалу пороков и ценностей.

Прогресс общества связан в первую очередь с его просвещением и подразумевает постоянное развитие *светской культуры*, как индивидуальной, так и общественной, посредством выработки новых разумных мотивов, смыслов и значений, которые наряду с актуальными традиционными регулируют деятельность, поведение и общение людей в меняющихся эволюционных условиях жизни при обеспечении передачи посредством воспитания всего обновленного ноосферного культурного наследия последующим поколениям людей. Таким образом, диалектика культуры должна вести к ее преобразованию, совершенствованию от устаревшей к передовой, современной, от малоизвестной к широко распространенной, от поверхностной к глубокой, всеохватывающей.

Чем динамичнее и *разумнее* общество, чем выше уровень *светскости* в его общественном сознании, тем большую ценность обретает уровень культурного творчества, адресованный к будущему. В современных обществах его динамика во многом обеспечивается наличием воспитанного большинства *людей* путем сведения к предельно допустимому минимуму невежественных и невоспитанных (прежде всего, *нравственно*) *нелюдей*, которые в свою очередь перевоспитываются, либо помещаются в надежную изоляцию от среды нормального общежития.

Поэтому борьба с *невоспитанностью* и *невежеством*, совершенствование культуры светского *поведения* зависит как от уровня просвещения и усвоения научных знаний, и прежде всего о **миропонимании** (с помощью изучения *онтологических основ философии*) и процесса **мышления** (с помощью изучения *строения менталитета*), так и от традиций воспитания локальных нравственных школ, которые в большинстве обществ до сих пор находятся под влиянием реликтовых духовных просветителей, коими выступают теистические (церковные) проповедники.

Преобразование общества и типа цивилизационного развития всегда предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в культурных матрицах. Переустройство общества всегда связано с революцией (эволюцией) в умах, с критикой ранее господствовавших, но научно устаревших мировоззренческих ориентаций и выработкой определений новых ценностей и пороков. Никакие крупные социальные изменения, никакое развитие общества невозможны без изменений в культуре (а порой, и в антикультуре), в ее повседневной атрибутике, а также в общественной *морали*.

В то же время специфика *морали* состоит в том, что она вырабатывает предписания, требующие от людей особенного – морального типа *поведения*, в чем проявляется ее императивный (повелительный) характер. Именно императивность делает *мораль* регулятором отношений человека к природе и обществу, другим людям, самому себе, гарантируя оптимальное соотношение интересов личности и общества, необходимый баланс *я* и *не-я*. Главным же в *морали* выступают **моральные принципы** – основные фундаментальные представления о должном поведении человека, на которых базируются *нравственные нормы*.

При рассмотрении цивилизаций как различных типов обществ необходимо понимать, что *культура* и *цивилизации* также неразрывны, как *культура* и *манеры поведения*. Каждая цивилизация

характеризуется своим типом культуры, свойственной ей системой базисных ценностей и пороков, соответствующими *манерами поведения*. Современная техногенная цивилизация не является здесь исключением.

В выработке новых смысложизненных ориентиров и поиске новых стратегий общечеловеческого культурного развития и гуманистических аспектов социальной ответственности граждан необходимо отталкиваться как от позитивного опыта развития традиционной *светской культуры*, так и от современных достижений *научной философии*, делая все больший упор на силу **разума** и выводы **здорового смысла**.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ: ПОДХОДЫ К ЭКСПЕРТИРОВАНИЮ

А.Д. Копытов, Томск, Россия

Активные инновационные процессы в современном образовании требуют вдумчивого подхода к их оценке и в этой связи особенное внимание следует, полагаем, уделять рассмотрению их философских оснований, а уже с этих позиций – формирование целостных подходов к их (концепций) экспертированию.

Современная ситуация в образовании, когда радикально меняются его стратегические установки и содержание, а все изменения получают санкцию со стороны философии, требует адекватной проработки исследовательская позиция в отношении самого термина и понятия «философские основания педагогических концепций».

Педагогика всегда рассматривалась практикой философии, и, следовательно, конкретная педагогическая деятельность (в виде концепции) в качестве собственного фундамента всегда имела определенные философские указания. Классический вариант философских оснований педагогических концепций традиционно предлагал педагогике исходить из тезиса о том, что она есть практика философии, ибо конкретная философская система всегда базировала, являясь фундаментом конкретной (адекватной) педагогической практики. Так, понимаемое базирование внутри философской системы обуславливалось характерным для классики философии вопросом «что есть сущее в его предельных основаниях».

Поэтому философия задавала образованию преимущественно познавательную ориентацию, превращая его в обучение, а также помогала педагогике транслировать знания о «что» сущего.

Современная философия деконструировала классическую метафизику. Изменение философского вопрошания и поворот философии в сторону видения методов и способов работы сознания становится чрезвычайно важным для педагогики, так как она меняет свое отношение с философией, меняет видение ее (философии) основывающей (предстоящей в качестве фундамента) позиции. Основные методы этого изменения сводятся к следующему.

Во-первых, поскольку устраняется мир всеобщих универсалий, эйдосов, Истины, сущности, то уходит и воззрение на человека, как бы раздвоенного на его эмпирическое существование в конкретике физики и его заэмпирическую универсальную сущность, отчужденную от него в мир метафизики. Педагогика как наука в таком случае теряет функцию ведения во всеобщей сущности – абстрактной и универсальной идее человека, содержащей в себе абсолютность человеческого предназначения.

Во-вторых, та реальность, которая открывается перед философией, – реальность способов, приемов, средств полагания (конструирования) сущего, реальность сугубо человеческой субъективности, – эта новая реальность принципиально теряет свойство быть основой, фундаментом чего-либо, быть философским основанием педагогики в том числе. Реальность современной философии – рефлексивная сфера человеческой субъективности – находится как бы в совершенно другом измерении: она безосновна и чисто интеллигибельна (умственна). В таком качестве философия не может стать фундаментом педагогики или педагогической концепции. Педагогика оказывается вынужденной пересмотреть свое соотношение с философией. Где ей теперь искать философские основания? Фундамент выбит, и педагогика зависла в сфере трансцендентального. Может ли она в таком состоянии быть практикой философии?

В-третьих, это «зависание» заставляет педагогику самой гибко переориентироваться на новую реальность «как», она также теряет предметную основу и погружается в сферу работы человеческого сознания, приемов и средств мышления. Иначе говоря, педагогика перенимает философскую позицию, становится философией. Она имеет задачей актуализировать те мыслительные процедуры, которые развивают сознание. Педагогика сегодня имеет дело, таким образом, не с «вождением мальчиков» к универсалиям и всеобщей истине (готовой и отрефлексированной уже в понятиях, откристаллизованной и отшлифованной), она обращает к способам их (понятий) образования.

Педагогика в единстве и встрече с философией, конечно, не может не пересмотреть своего отношения к собственным философским основаниям. Тезис о педагогике как практике философии в такой ситуации понимается не в плане фундаментального диктата, осуществляемого со стороны философии, не в плане ее позиции быть «сверх» и «над» предметной педагогической эмпирией. Педагогика, став философией, сама себя продумывает, основывает, сама работает над собой, не прибегая к устойчивому и предлагаемому философией фундаменту.

Таким образом, современный вариант философских оснований педагогических концепций предлагает новый характер соотношения философии и педагогики. Тезис о педагогике как практике философии предстает как задающий необходимость педагогике, с одной стороны, стать активной практикой философствования, с другой, оказаться в позиции восприятия на себя конкретного педагогического содержания. Философия становится наполненной педагогикой, а педагогика перенимает способ, каким репрезентирует себя философия – способ рефлексирования.

Новый характер действия философских оснований заставляет по-новому взглянуть на образование в его содержании, стратегической линии развития и конкретной педагогической деятельности. Это, в свою очередь и, прежде всего, следует иметь в виду при экспортировании педагогических концепций. Поэтому следует обратиться к основным понятиям, используемых ими, в том их логическом содержании, какими они предстают сегодня.

В экспертизе педагогических концепций значительное место отводится анализу основных понятий, на которых строится та или иная педагогическая концепция.

При экспертировании философских оснований педагогических концепций речь идет не о том, чтобы найти экспертное соответствие или несоответствие выявленных философских оснований той или иной концепции. При таком подходе цель экспертизы не отличалась бы от диктующей позиции, сдерживающей педагогическую деятельность начал и ограничивающей свободное и открытое образовательное пространство указаний. Всякие предложенные концептуальные рамки противоречат и названной нами педагогической тактике и философской установке. Предметом экспертизы сегодня является не соответствие результата, на который ориентируется концепция, заданным извне целям, нормам, ценностям и установкам, а сам процесс педагогической деятельности – процесс, зафиксированный в концепции.

Цель экспертной работы, осуществляемой в выделенном ракурсе, состоит в том, чтобы в самом содержании той или иной концепции (по тому, как она формулирует цель и задачи педагогической деятельности, раскрывает ее содержание, видит характер дидактической работы, определяет ценности, смыслы и идеалы и т.п.) обнаружить явно или неявно присутствующие в ней философские основания и, указав на них, дать увидеть следствия выбранных установок. Безусловно, когда мы говорим о следствиях, имеем в виду антропологический результат. Таким образом, экспертиза не имеет прерогативы вето, накладывания запрета на реализацию определенной концепции в случае несоответствия представлениям экспертов. Экспертиза лишь свидетельствует: если будет реализована вот эта конкретная концепция, то она, поскольку стоит на таких философских основаниях, приведет педагогов к такому-то конкретному результату. Преподаватель в таком случае оказывается проективно защищен, а, следовательно, свободен от неожиданности результата. Кроме того, перед ним может быть раскрыт спектр концепций, а сам он предстанет в ситуации выбора, что опять-таки обусловит возможность его свободной позиции по отношению к той или иной концепции.

Конечно, основной результат реализации педагогической концепции – личность, и поэтому выявление философских оснований педагогических концепций в качестве общего фона, атмосферы и содержания данной работы имеет в виду ту или иную философско-антропологическую концепцию. Последняя, в свою очередь, всегда полагает концепцию педагогической антропологии, что влечет за собой обязательное в контексте всей педагогической деятельности представление о человеке, процессе его личностного становления. Экспертиза, обнаружив философские и философско-антропологические основания педагогической концепции может также зафиксировать принадлежность педагогической деятельности, реализующей ту или иную концепцию, к категории инновационной или традиционной. Если концепция стоит на определениях своих понятий в том содержании, которое мы выше изложили, то можно считать, что она фиксирует инновационную практику, поскольку понятия «снимают» современное состояние культуры, философии, педагогики.

Понимание философских оснований в классическом и неклассическом вариантах может выступать примером в различении традиционных и инновационных педагогических практик, фиксируемых в тех или иных педагогических концепциях. В случае если педагогическая

концепция берет в качестве своих философских оснований ту или иную философскую систему, национальную философию либо позиции антропософии – во всех этих случаях педагогическая концепция сохраняет классическое отношение к проблеме философских оснований, демонстрируя педагогику как конкретную практику философии (традиционность педагогической практики).

Концепции, построенные по типу так понимаемых философских оснований возможны и необходимы, однако они не могут санкционировать инновационную педагогическую практику. Напротив, они традиционны и как таковые строятся по иерархическому принципу: главный текст культуры – та или иная исходная теория – толкование главного текста, то есть его методическая переработка в учебники и учебное знание – усвоение готовых знаниевых схем. Основная неадекватность традиционных концепций сегодня – фиксация репродуктивных методов преподавания, догматизированного усвоения.

Инновационной концепция становится лишь в случае отхода от слепого подчинения философско-метафизическому диктату, от пассивного принятия в качестве фундамента конкретной философии. Инновационность есть результат принятия педагогической концепцией философской позиции, осознания себя через философскую рефлексию.

В таком случае в инновационной школе содержание образования приобретает технологический, незнаниевый, методологический характер: все это открывается в сфере способов деятельности по созданию знания.

Итак, поскольку критерием, квалифицирующим педагогическую практику как инновационную, является особая ситуация, когда объектом педагогической инновации становится сама педагогическая деятельность, то экспортирование ее философских оснований приобретает специфику: предметом экспертизы становится не соответствие результата каким-то целям, нормам, а сам инновационный процесс. Педагогическая инновация определяется там, где есть педагогическая рефлексия, то есть там, где педагогика становится философией, а в качестве философских оснований рассматриваются не положенные в основу педагогической практики фундаментальные философские положения, не исходные понятия тех или иных философских систем, но характер и способ их образования. Философия рассматривается не в качестве непреложного и устойчивого фундамента педагогики, но как способ ее бытия. Экспертизой педагогическая деятельность может квалифицироваться как инновационная (с точки зрения

ее философских оснований), если устанавливается, что экспортируемая педагогическая концепция ориентирована на такую педагогику, которая перенимает философскую рефлексивную позицию и философия рассматривается вошедшей в педагогику как способ ее работы. И педагогика, и философия в таком состоянии сходят с позиции транслирования знаний о «что» сущего и предлагают знание в его движении – генезисе и создании.

На наш взгляд, такой комплексный подход будет способствовать целостной и многогранной оценке представленных в образовательной практике концепций.

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ВОЗРОЖДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАРЫМСКИХ СЕЛЬКУПОВ

С.М. Малиновская, г. Томск, Россия

Изучение культуры конкретного региона приобретает сегодня особую значимость в связи с процессом интеграции и ассимиляции региональных культур. Неслучайно в современных философских и социологических трудах в определение понятия культуры вводится региональный компонент. Тем самым подчеркивается необходимость изучения региональной культуры и ее значимость в становлении личностной культуры человека.

Понятие «региональная культура» используется в исследованиях представителей разных наук, но единого определения понятия до сих пор не существует. Мы полагаем, что региональная культура – это исторически развивающаяся в конкретных географических рамках система созданных человеком материальных и духовных ценностей, система, направленная на адаптацию личности к географическим и социальным условиям определённого региона. В то же время региональная культура понимается как культуротворчество, т.е. раскрытие творческого потенциала личности в различных жизненных сферах на данной территории [1, с. 36].

Актуальность изучения культуры любой отдельно взятой территории подчёркивается в трудах Н.М.Давыдовой, А.Г.Дружинина, Ю.М.Лотмана, Н.Е.Тихоновой. Так, А.Г.Дружинин обосновал необходимость подхода к культуре как к явлению территориальному.

Культура России сложилась в условиях многонациональности. Региональная культура развивается, питаясь из двух источников:

- саморазвитие национальных культур;
- взаимовлияние, взаимодействие (но не слияние) культур различных типов и видов, их творческое взаимодействие.

Специфика региональной культуры проявляется в духовной и материальной общности людей, проживающих в определенных территориальных, природно-климатических, этнических, экономических, культурно-исторических условиях [1, с. 37].

Учёт этой специфики и гибкое использование сокровищ национально-региональной культуры в образовательной практике является одним из важнейших требований современной педагогики, для которой характерно стремление к варьированию содержания и методов воспитательных и дидактических систем в зависимости от специфических особенностей жизни и задач социальной адаптации формирующейся личности [2, с. 80].

Реализация национально-регионального компонента призвана обеспечивать активное и полноценное включение обучающихся в окружающую природу, социальную культурную среду. Этот компонент содержания образования включает освоение истории народа и его культуры, языка, произведений устного народного творчества и национальной литературы, специфического уклада жизни, традиций и норм взаимоотношений в семье и обществе. Национально-региональный компонент предполагает также знакомство с народными праздниками и их обрядностью. Все это следует непременно осуществлять с выходом от внешней экзотичности и колорита к морально-этическим основаниям и идеалам, установкам и нормам, заложенным предками в устойчивые и воспроизводимые формы, которые запечатлели гармоничную систему мировосприятия и взаимодействия с природой.

Только такой подход способен обеспечить целенаправленное и органичное для современного общества возвращение к почти утраченным ценностям национальной культуры [2, с. 80].

В настоящее время в стране идет активный процесс формирования российской государственности, и существенная роль в этом отношении отводится субъектам Федерации, поэтому значение краеведения резко повышается. Из регионального характера развития государства следует необходимость регионального подхода в обучении учащихся отечественной истории, а следовательно, и региональной подготовки учителей, хорошо знающих историю, экономику, этнографию, географию края, этнопедагогику и этнопсихологию народов, живущих в нем. [3, с. 4].

Ребенок, стоящий перед проблемой самоидентификации, не может осознать себя гражданином России, если он не осознал себя вначале жителем конкретного региона.

Григорий Николаевич Потанин – великий патриот Сибири, являющийся одним из немногих Почетным гражданином Сибири, справедливо утверждал, что только полноценное чувство малой родины может сделать для человека реальностью и его принадлежность к большой Родине. Он полагал, что воспитание такого чувства – задача педагогики [3, с. 85, с. 138].

Процесс духовного становления и развития общества предусматривает особое отношение к культуре, образованию и их взаимодействию, так как взаимодействие культуры и образования является важнейшим условием развития личности, ее способностей адаптироваться к противоречивым, сложным социально-политическим, экономическим иным условиям, определяющим современную реальность.

Стратегия социально-политического развития России как полиэтнического государства ставит перед культурой и образованием качественно новые задачи: формирование навыков сообразования и самореализации личности; формирование толерантного отношения к традициям и культуре других народов; осознание национальной системы ценностей посредством исторической преемственности поколений; гармонизация национальных и этнокультурных отношений; сохранение и развитие языков и культур всех народов Российской Федерации [4, с. 381].

Культурно-образовательные практики призваны оперативно учитывать своеобразие этнокультурных и популяционно-генетических условий жизнедеятельности российских северных народов соответственно реалиям первого десятилетия XXI в., учитывая деструктивные тенденции в этнической идентификации. Следует корректно, персонафицировано формировать столь необходимый историзм сознания личности. Это, прежде всего, овладение потенциалом исторической памяти, включая понимание собственной протяженной генеалогии во взаимообусловленности с осмыслением как наличной этнодемографической ситуации, так и грядущей исторической судьбы своего народа. Эти сложные и взаимосвязанные процессы невозможны вне этнокультурной самоидентификации личности [4, с. 420].

Личная идентичность определяется индивидуальными качествами, характеристиками и особенностями ребенка (поведенческими, интеллектуальными и самооценкой и т.д.). В онтогенезе личности

выделяют: идентичность с определенным физическим объектом (телом), идентичность с именами, с социальными образами, образом «Я», общественными ценностями. Этническая идентичность характеризуется осознанием себя как представителя определенного этноса, переживанием ребенком своего тождества с одной этнической общностью, выделением себя своей этнической группы из других.

В структуре идентичности обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как члена группы на основе определенных характеристик) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства). Некоторые авторы выделяют и поведенческий компонент этнической идентичности, понимая его как реальный механизм не только осознания, но и проявления себя членом определенной группы, «построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях» [6, с. 69].

Существенным фактором, воздействующим на формирование практически всех трёх уровней идентичности, является антропонимическая компетенция индивидуума. Его личное имя, имена родителей и древних предков, родовое имя всегда является объектом жгучего интереса и пристального внимания человека, поскольку выполняли и выполняют двойственную роль. Во-первых, имя служит символом и доказательством уникальности личности, выделяя её из бесчисленного множества себе подобных, повышая самооценку и мотивацию к личностному саморазвитию. Во-вторых, родовое имя – это семейная реликвия, средство неразрывной связи поколений, человека и его истоков. В связи с этим мотивация к ознакомлению с национальной антропонимической системой чрезвычайно высока у большинства социально активных личностей, и педагогам следует использовать эту возможность активизировать процесс этнокультурной идентификации [7].

Неразрывная связь национального сознания и культуры, религиозных взглядов находит свое полное воплощение в антропонимической системе нарымских селькупов.

Какой же была традиционная система селькупских имен ко времени прихода русских? Материалы архива древних актов помогли ответить на этот вопрос. Ведущую роль в наименовании человека выполняло личное имя – прозвище. Отчества образовались от имен с суффиксами -ов, -ев: Кошлок Кичеев, Игирма Леркумов, Мурза Нимбарин, Отчество

на -ич, – ович, – евич отмечаются в документах после революции. Откуда селькупы черпали материал для именника? Обычай наречения зафиксирован Григорием Новицким и Василием Татищевым. Они отмечали, что если родился мальчик, отец искал встречи с христианином, чтобы получить от него имя; если не встречал людей, тогда давал имя по принципу «что первое увидит»: зверя, птицу, предмет или по счету. Условно разобьем имена на следующие группы:

- Многочисленная группа имен включает название рыб: Муга < муга «пескарь», кавуля от кауя «линь»+ суффикс -ля, Няля < ню «налим» »+ суффикс -ля, буквально «налимчик».
- В основу имен положены названия птиц и животных, обитавших в Нарымском крае: Лога < лога «лиса», Корга < корга «медведь», Кашлок < кашлок «некий пушной зверь», Сига < си (ши) «соболь» »+ суффикс -га, Кырса < кырса «колонок», Чичига < чичига «пташка», Ченгейка < ченг «лебедь» + суффикс -ей + ко, буквально «лебяжий», Укумка < у «куропатка+ кум «человек» »+ суффикс -ка, буквально «куропаточка».
- В части имен отражен растительный мир: Тыта < тыта «кедр», Чора < чора «чаща, заросль», Таксейка < токша «клубок ветвей» + суффикс -ей + суффикс -ко, буквально «клубочек ветвей», Кута < кута «ель».
- В следующей группе имена соотносятся с топонимическим наименованием: Тымка < р.Тым «темный», Сока и Корга < пос.Коргасок “медвежий мыс”, Алатай < дер. Алатаево от тюрского «пегий жеребенок», Колпаш (фольклорный герой) < г.Колпашево.
- Использовались для именовании названия частей тела: Кой < кой «ухо», Ута < уте «рука», Оря < ора «сила», Пучуга < пучи «нос» + суффикс -га, Топко < топ «нога» + суффикс -ка (обычно топками называли хромых), Кепей < кеп «туловище» + суффикс прил. -ей.
- Встречаются имена, имеющие количественное значение: Окуркум < окур «один»+ кум «человек», Каликум < кали «последний» + кум «человек» (сравните русское «поскребыш»), Тетого < тет «четыре»+ о – соединительная гласная + суфф. -га, Айкум < ай «опять, еще» + кум «человек», Накарка < нагур «три»+ суфф. -ка.
- Многие имена соотносятся с названиями окружающих предметов: Толча < толче «лыжи», Макко < Макк «хлыст, палка» + суфф. -ко, Салча < салчи «пень», Чакка < чакка «колышек», Сюмба < сюмба «обух», Кота < кота «мешок», Моля < моля «сук», Инча < инти «лук».

- Можно выделить группу имен, данных ребенку по его психофизическим признакам: Леркум < лер «песня»+ кум «человек», Ранепса < ранепса «бренчалка, звонилка», Писинча < писинча «смешливец», Чумбакаба < чумпе «длинный»+ каба «туловище», Кирга < кырга «пузырь», Варгосай < варга «большой»+ сай «глаз», буквально «большеглазый», Кегерсай < когър «вертящийся»+ сай «глаз», буквально «косой», Сарапа < сарапа «крепкий», Тега < тега «гусь, белый», Сяга < ся «черный»+ суфф. -га.
- Этнические традиции также отражены в именах (этнонимы): Чугла < чью – гула (памгула); Матур, Поча фольклорные герои, богатыри.
- Группа имен отражает родственное отношение: Нимка < нима «бабушка»+ суфф. -ка, Емра < еми «мать»+ ра, Емак < емеке «мачеха», Есегелча < есегу «отчим»+ суфф. прил. -л + суфф. -ча, буквально «лишенный отца».
- У селькупов зафиксирован обычай давать имена-обереги: Лоза < лоза «черт», Торря < торря «беда», Чуля < чуля «глина», Мачемка < мачил «лесной дух»+ суфф. -ка, Суска < соска «свинья», Чура < чура «гнида», Иракка < ира «старик»+ суфф. -ка.
- Группа имен, связанная с природными явлениями: Камбаля < камба «весна»+ суфф. -ля, Мерга < мерга «ветер», Чона < чона «ледяная корка», Муксыр < мукко «черемуховое дерево»+ сыр «снег», буквально «черемуха в цвету».

У многих имен, перечисленных групп выступает в качестве окончания форманты -ко/ка, -га, -ла/ля, имеющие, как известно, уменьшительное значение. Производные селькупские имена могли оформляться также с помощью полусуффиксов -лакко «кусочек», -сай «глаз», -ира «старик». Существительное кум (куп, кул) «человек» в селькупском словообразовании играет большую роль. Компонент кум утратил частично лексическое значение и выступает в качестве полусуффикса, придавая именам обобщенное значение. Носителем основного значения служит первое слово. Для образования имен существует ряд специальных суффиксов -дай, -дей, -ча, заимствованных из тюрского и эвенкийского языков, например, Кулча, Канфивандей, Каргадай. Ряд древних имен включал термин «бохта/бахта»: Тайбохта, Илбохта, Нирбохта, Бахта (Пахта), Сенбохта, Байбахта. Известный профессор-этнолог Г.И. Пелих объясняет «бохта» из селькупской мифологии – «боги, покровители металлургов». Предки современных селькупов с древнейших времен вступали в тесные контакты с тюрко-язычными

народами. Эти контакты были очень продолжительными. Столь длительное взаимодействие не могло не привести к значительному взаимопроникновению языков. Помимо собственных имен Мурза, Алатай, Елдаш, Исендуга заимствовались у тюрков для именника и нарицательные слова: Кунак, Мерин, Башмак, Кармашка, Сарай и т.п. Обнаружено значительное число кетских имен у селькупов: Коргет, Молгет, Семгет, Солда. Из хантыйского пришли такие имена: Югра, Селма, Япанча, Ньюча, Елгаза.

После покорения Пегой орды (1598 год) начинается быстрое проникновение русского языка в материальную культуру селькупов. Этот процесс хорошо отражен в именнике, например: Семейко, Промысла, Ягода, Загадка, Пискарь, Тренка, Ивашко, Первушка, Малчик, Максимко и т.д.

Одним из интереснейших явлений селькупского языка является редкое повторение имени: в одних юртах не было имен, которые бы повторялись, когда говорили Кырга или Чирка, то знали о ком идет речь, не было необходимости именовать по отцу. Этого важного свойства не было у русских. После крещения в одних юртах появилось несколько Иванов, Семенов, Алексеев, Григориев, Мишек.

Русское имя было чуждо слуху аборигенов, среди селькупов до сих пор продолжается традиция переименовывать русские имена на свой лад, например: Лябо – Ефим, Лемешко – Лементий, Каря – Григорий, Купты – Борис, Пилькай – Филлип, Ибан – Иван, Мишкакумка.

В период христианизации от имен образовались фамилии, сохранившиеся до наших дней: Киргеев < Кырга «Пузырев», Теголов < Тегол «Белоголовый», Кыгалев < Кыга «Яйцов», Лапкин < Лапка «Веслов», Кулеев < Кула «Из рода ворона», Коргалин < корга «медвежий» (родовые фамилии), Логинов < Лога «Лисицын». Среди прочих фамилий некоторые представляют адаптированные родовые названия: Кулеевы (Кулат-тамтыр «Ворона род»), Мулины (Мулинт-тамтыр «Ястребов род»), Коргалины (Коркыт тамтыр «медведя род»), Корлыкины (Корраль укыль тамтыр «журавлиного клюва род»), Агичевы (Кассыль тамтыр «кедровки род»), Чингины, Чинины, Чичигины (Чинкыль тамтыр «лебеда род»), Лымбины (Лимпыль тамтыр «орла род») [7, с. 60].

Ряд фамилий содержит в своей основе этноним: Чугульдяковы (от тью гула «земляные люди»), Шекшины (от шеш-гула «лесные люди»), или же название местности откуда они произошли: Ангалины (от анга «устье»), Тамелькины (от тома «юг»).

Некоторые фамилии отражают общественные отношения XVII века: Коломакины (от коламо «царство», так в дорусский период селькупы именовали Пегую орду), Ипоковы (кок-ипок «богач»), Сангауровы (от сенгир «старик-глухарь, военачальник»), Тоболдин («добывший честь»), по мнению известного этнолога Г.И. Пелих один из остяков Бигодя встретил русских с подарками, за это получил титул князца и фамилию Табулзин. Однако нами установлено, что в 30-е годы XVII столетия в Тогурской волости значился князец Таболда Нимгодин, сын князца Нигода., а 1680 года власть перешла Юшке Таболжину. Вероятно, фамилия Таболжин восходит к имени князца Таболды, Иткуповы, возможно, произведена от юткуп «захребетник», но уже в 17 веке Иткуповы принадлежали к привилегированному селькупскому сословию. В 17 веке Иткуповы, потомки князца Итки правили Кетской волостью от имени князца Арача, который, не пожелав креститься, бежал со своими людьми вверх по Кети и умер некрещеным. В последствии эту фамилию носили селькупские князцы, известные в Нарымском крае. В скупщиках, работавших на них, подвязались Истеевы и Езынгины. Несколько селькупских фамилий восходят к именам фольклорных или реальных богатырей. Таковы фамилии Почин и Корголдаев. Среди обрусевших селькупов распространены фамилии Колпашников, производная от имени богатыря Колпаша, этим же именем назван город на Оби Колпашево, вобравший в себя три бывших селькупских селения: Тогур, Колпашево, Матьянка. Согласно преданиям все Зубрековы произошли от богатыря Зубрека, у которого было семь жен, похоронен Зубрека в деревне Зубреково на старом остяцком кладбище, в могиле зарыт сундук в котором много золота.

Приведенный выше корпус селькупских фамилий в основе своей восходит к именам предков. Ряд фамилий: Мандраков, Байгулов, Езынкин, Сайнаков, Таболдин и др. отражают глубокие пласты исторического прошлого селькупов, т.к. эти же фамилии устанавливаются по работам этнографов в составе энцев, ненцев и хантов. Наконец, в фамильном фонде селькупов немало заимствованных фамилий. Среди них на первом месте стоят фамилии русского происхождения, за ними стоят фамилии, пришедшие из тюркского, хантыйского и кетского языков, например, Мурзины (от тюрк. Мурза «князь»), Койдаловы (от куй «овца»+ дала «степь»), Уразовы (Уразаковы) (от тюрк. Ураз «счастье»). Древние контакты с русскими привели к тому, что у селькупов еще до христианизации бытовали русские дохристианские имена, составившие основу фамилии: Боркины (от борка), Широкова (от широкой),

Пятковы (от пятка), Момотовы (от момот). Под влиянием христианизации среди селькупов распространились православные календарные имена в основном греческого происхождения, от этих имен произошли фамилии: Иванкины, Савкины, Захаркины, Нестеровы, Мальцевы, Мальковы, Родюковы, Миткины, известны и юрты с аналогичными названиями. По существу, эти фамилии не обладают ничем специфически селькупским [7, с. 70].

Таким образом, личные имена селькупов представляют определенный научный интерес для исторической лексикологии селькупского языка. Их исследование может быть полезным при установлении исторических и этнографических особенностей селькупской народности.

Умение выявить связь между именем и воззрениями, культурным укладом селькупов будет способствовать этнической самоидентификации.

Литература

1. Литвин В.Б. Современная социокультурная ситуация Кольского Севера // Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов. Материалы IX Международной научно-практической конференции. (Санкт-Петербург, 27–29 марта 2007 г.) / Под науч. ред. И.Л. Набока. СПб., 2007. С. 36–40.
2. Озерова Л.Н. Национально-региональный компонент образования: этнометодологический подход (на материале Ямало-Ненецкого автономного округа) // Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов. Материалы IX Международной научно-практической конференции. (Санкт-Петербург, 27–29 марта 2007 г.) / Под науч. ред. И.Л. Набока. СПб., 2007. С.75–80.
3. Кацюба Д.В. Региональный компонент в изучении отечественной истории и в подготовке учителей в вузе.// Историческое краеведение в школе и вузе. Материалы первой Всероссийской научной конференции (14-15 декабря 1994 г.) Кемерово, 1994. С. 4–10.
4. Багдасарова А.Б. Культурно-образовательное пространство полиэтнического региона: проблема модернизации // Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов. Материалы IX Международной научно-практической конференции. (Санкт-Петербург, 27-29 марта 2007 г.) / Под науч.ред. И.Л. Набока. СПб., 2007. С. 381–387.
5. Беркович Н.А. Этнопопуляция и деструктивная идентичность. // Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов. Материалы IX Международной научно-практической конференции. (Санкт-Петербург, 27-29 марта 2007 г.) / Под науч.ред. И.Л. Набока. СПб., 2007. С. 419–420.

6. Медведева О.Е. Проблемы психолого-педагогической подготовки будущих педагогов к работе в условиях полиэтнического образовательного пространства // Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов. Материалы IX Международной научно-практической конференции. (Санкт-Петербург, 27-29 марта 2007 г.) / Под науч. ред. И.Л. Набока. СПб., 2007. С.67–73.
7. Малиновская С.М. Антропонимика в этнокультурном воспитании (на материалах антропонимов нарымских селькупов): Монография. Томск: ТГПУ, 2007. 147 с.
8. Малиновская С.М. История и культура народов Сибири. Нарымский край – моя малая Родина: Учебно-методическое пособие для национальных школ нарымских селькупов. Томск, 2007. 108 с.

ВЗАИМОКОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ И ЧЕЛОВЕКА

Н.И. Мартишина, Новосибирск, Россия

В современной онтологии принято различие трех основных видов бытия: объективное материальное – существование в качестве материального объекта, физическое, независимое от человека; объективное идеальное – существование в качестве идеального объекта, также вне и независимо от сознания отдельного человека; субъективное идеальное – существование в сознании отдельного человека. Этим видам бытия соответствуют различные реальности – совокупности объектов, существующих преимущественно данным способом: физическая реальность как совокупность материальных вещей, объектов, социальная реальность как совокупность вещественных и невещественных объективированных социальных установлений, психическая реальность как внутренний мир каждого человека. Таким образом, социальная реальность имеет особый онтологический статус с выраженным преобладанием объективного идеального бытия.

Социальная реальность, определенная таким образом, образуется двумя типами объектов. К первому типу относятся материальные, вещественные артефакты, являющиеся результатом деятельности, в ходе которой происходит преобразование вещества, энергии и информации в их единстве. Второй слой феноменов социальной реальности образуют объективированные условия человеческого бытия. Это формы, установления, результаты социально-организующей, познавательной, духовной деятельности, которые обрели надличностное бытие. К феноменам этого уровня относятся такие важнейшие составляющие социальной реальности, как государственная власть, право, товарно-

денежные отношения, моральные нормы и т.д. Как пишет С. Л. Франк, «часть таких отношений сгущается в устойчивые формы, принимающие облик независимой от нас объективной действительности, подчиняется единообразию правил и в этом качестве образует социальную среду» [1, с. 272]. Эти формы ненаблюдаемы и неосязаемы в буквальном смысле, в них «нет ни грана вещества». Тем не менее, они ощущаются человеком как базовая структура той социально-культурной среды, в которой он живет. Они настолько реальны, что Р. Коллинз, переворачивая привычное соотношение, превращает именно их в точку отсчета для оценки реальности материального мира за пределами культуры, и пишет: «Нет критерия для произвольной остановки, с тем, чтобы сделать признание такого рода: «Я согласен, что социальная реальность существует. Однако мир материальной природы не существует». Это все одно целое, все принадлежит к континууму *in medias res*» [2]. Процесс формирования объектов второго типа рассматривают, в частности, П. Бергер и Т. Лукман [3], выделяя в нем следующие стадии: формирование некоего стандартизованного образца деятельности («хабитуализация»); взаимное признание таких образцов (типизация) и их закрепление как принятых форм (институционализация); передача этих образцов по наследству, в результате которой возникает их объективность, поскольку новое поколение получает их в готовом виде; дальнейшая их легитимизация, т.е. оправдание и объяснение через язык.

Различие между двумя типами объектов социальной реальности не является принципиальным. И вещественные, и невещественные социальные реалии создаются и возобновляются в процессе общественного производства (материального и духовного). Поскольку производство всегда связано с целеполаганием и реализацией идей, социальная реальность на обоих уровнях представляет собой специфическое переплетение материального, объективно-идеального, субъективно-идеального бытия. Определенное материальное воплощение и некая совокупность вложенных смыслов обязательны для всякого культурного артефакта. Литературное произведение должно быть напечатано (записано, озвучено); государственная власть предполагает наличие аппарата управления, вполне материального и осязаемого; социальная функция реализуется в деятельности конкретных, также вполне реальных в буквальном смысле носителей. С другой стороны, природные ресурсы должны быть оценены; технические устройства требуют навыков и умений для их использования; природные и исторические

памятники значимы в соответствующем духовном контексте. Во всех случаях в основе существования объекта как феномена социальной реальности лежит взаимодействие материальной (не обязательно вещественной) формы и смысловой структуры, заложенной и обнаруживаемой в нем. Можно говорить о том, что для вещественного уровня социальной реальности материальное воплощение доминирует, а для объектов невещественного уровня предметная форма вторична по сравнению со смысловым определением их сущности. Но в целом именно существование в постоянно возобновляющемся единстве процессов воплощения смысловых систем в материализованных формах и раскрытия, обнаружения этих смыслов составляет специфику бытия социальной реальности.

Этот единый процесс формирования и раскрытия смыслов объектов социальной реальности и можно представить как взаимоконструирование социальной реальности и человека. Человек творит социальную реальность, вкладывая в создаваемые объекты – вещественные и невещественные – определенное человеческое значение, некую совокупность смыслов; социальная реальность творит человека, поскольку освоение этих значений и смыслов составляет основу его социализации.

Тезис о существовании социальной реальности как процессуальном, реализующемся через непрерывное смысловое взаимодействие, дает возможность определить ее с онтологической точки зрения как имеющую *коммуникативную природу*, существующую в контексте коммуникации.

Понятие «коммуникация» в данном случае рассматривается в достаточно широком смысле как форма связи между объектами, в ходе которой происходит передача информации и устанавливается общность объектов в некотором отношении (само слово «коммуникация» происходит от латинского *communicatio* – «делаю общим», «связываю»). Социальная коммуникация может рассматриваться как передача сообщений между любыми социальными субъектами (индивидуальными, групповыми, массовыми); при этом сообщение может иметь вербальную и невербальную форму, отправляться целенаправленно и нецеленаправленно и т.д. В современных трактовках коммуникации «коммуникативное действие не обязательно сводится к речевым актам. В общем случае эволюции общества медиумом коммуникации могут выступать денежные банкноты или обычные вещи» [4, с. 121]. Иными словами, все формы информационного обмена между

социальными субъектами могут быть отнесены к сфере социальной коммуникации. Именно это определяет статус социальной коммуникации как необходимого основания социальной реальности и возможность специфицирования на основе этой категории тех качеств последней, которые были отмечены.

Социальная коммуникация прежде всего является способом существования традиции – любая традиция есть передача, трансляция социального опыта, и в этом плане является коммуникацией между поколениями как социальными группами. Именно постоянное возобновление коммуникации между поколениями обеспечивает устойчивость феноменов социальной реальности, о которых шла речь выше; традиция выступает основной формой, в которой происходит аккумулярование социального опыта, и обеспечивает *объективность* как внешнюю заданность социальных реалий.

Социальная коммуникация является неотъемлемой стороной не только исторического развития, но и актуального функционирования социальной реальности, поскольку именно формами социальной коммуникации являются по своей сути общественные отношения: в экономической, социальной и культурной деятельности социальные группы и индивиды как их члены с необходимостью вступают в информационный обмен. На уровне самоподдержания социальной системы в актуальной коммуникации формируется вся система *институционализации* образцов и норм деятельности.

Над деятельностной коммуникацией как неизбежной связью социальных субъектов, вплетенной в производственную и другие сферы общественной жизни, надстраивается специфическая коммуникация – формируемые и передаваемые целенаправленно по ее поводу сообщения. На этом уровне в основном реализуется *легитимизация* социальных реалий, завершающая процесс их объективирования.

В целом коммуникативной деятельностью является и сам процесс, который мы определили как основной способ существования феноменов социальной реальности – постоянное вкладывание смыслов в некоторую объективированную форму одними социальными субъектами и обнаружение, раскрытие, восстановление этой смысловой системы другими: по существу, это то самое кодирование и декодирование, которое рассматривается в теории коммуникации как главное содержание передачи сообщения в обобщенном понимании.

С точки зрения коммуникативной размерности различие между вещественным и невещественным уровнем социальной реальности

может быть определено следующим образом. Поскольку для каждого объекта принадлежность к социальной реальности определяется закрепленным в нем социальным значением и человеческим смыслом, его подлинное значение обнаруживается в контексте коммуникативного взаимодействия. Но для объектов вещественной природы эта коммуникация может в течение некоторого времени оставаться потенциальной, их существование может некоторое время поддерживаться вне коммуникационного потока (хотя потом должно быть возобновлено, иначе объект выпадет из социальной реальности). Существование объектов социальной реальности невещественной природы должно постоянно активно поддерживаться, оно возможно лишь в *актуальном* коммуникационном потоке. Для невещественных объектов социальной реальности сама сущность заключена в том значении, которое им придается в повторяющихся актах коммуникации. Поэтому осуществление ими своих функций с необходимостью предполагает такие коммуникативные действия, как признание за ними соответствующих значений и постоянное воспроизводство этого признания.

Онтологическое определение социальной реальности как существования в актуальном коммуникационном взаимодействии позволяет отчасти объяснить возможность обнаруживающегося *отчуждения* социальных реалий от человеческой деятельности, результатом которой они являются. Коммуникация является системой взаимодействий, и по мере ее развития в этой системе усиливаются и вновь формируются внутренние связи, в результате чего возникает некоторая самостоятельная логика ее функционирования, отличная от процессов, в которые она изначально включена. Первым шагом в этом процессе является отделение от реальных информационных взаимодействий сообщений в узком смысле, формулируемых и передаваемых специально в знаково-символической форме и целенаправленно или нецеленаправленно представляющих объективно транслируемое отношение в ином виде. Парадоксом развития коммуникации в истории общества является отделение вторичной коммуникации (т.е. сообщений по поводу сообщений) от первичной и «переворачивание» их сравнительной значимости: когда первичные акты коммуникации начинают происходить специально в расчете на определенное освещение (т.е. становятся подчиненными по отношению к вторичным), определенный срез социальной реальности приобретает превращенный характер. Кроме того, отделение коммуникационных сообщений от первоначально данной реальности может принимать вид создания сообщений, целью которых

является не формирование социальной реальности как таковой, а введение неких образов исключительно на уровне самой коммуникации (таковы, в частности, идеологические мифологемы). С онтологической точки зрения это технологические конструкторы, поддерживающие функционирование системы изнутри.

Литература

1. Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997.
2. Коллинз Р. Социальная реальность объектов математики и естествознания // www.philosophy.nsc.ru/journals/philscience/10_01/01_col.htm
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
4. Нугаев Р.М. Смена базисных парадигм: концепция коммуникативной рациональности // Вопросы философии. 2001. №1.

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ: НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЧЕЛОВЕКУ¹

О.Ю. Матвеева, Томск, Россия

Среди множества современных направлений менеджмента все большую востребованность в последние годы приобретает подход к управлению человеком через управление его знаниями. Управление знаниями критически важно в условиях, когда ситуация на рынках постоянно меняется и конкуренция обостряется. Термин «управление знаниями» (Knowledge Management – КМ)² появился на заре развития информационных технологий. В ближайшем будущем, по общему мнению экспертов, управление знаниями станет едва ли не единственной возможностью сохранить лидирующие позиции в высоко-конкурентной бизнес-среде, поскольку в современных условиях побеждает тот, кто умеет работать быстрее и эффективнее, а значит, тот, кто обладает и управляет знаниями.

По мнению К. Нордстрем и Й. Риддерстрале, авторов книги «Ка-раоке-капитализм: менеджмент для человечества», «настоящая ирония состоит в том, что разум и неосязаемые активы приходят на смену сырья и капитала как источники истинного конкурентного преимущества.

¹ Исследование выполняется при поддержке гранта РФФИ № 08-06-00109

² Управление знаниями (Knowledge Management) – процесс создания условий для выявления, сохранения и эффективного использования знаний и информации в организации и ее окружении. Стратегия управления знаниями направлена на предоставление вовремя нужных знаний тем членам организации и окружения, которым эти знания необходимы для того, чтобы повысить эффективность деятельности организации.

Развитие компетенции нарастает. Такого количества знаний не существовало никогда. Один номер газеты Herald Tribune содержит больше информации, чем было доступно жителю Средних веков на протяжении всей жизни. С начала 1960-х число ежегодно получающих диплом MBA только в США выросло на 1500%. Плюс ко всему затраты на обучение руководителей растут с космической скоростью, поскольку обучение стало процессом длиной в жизнь» [1, с. 44].

Первоначально управление знаниями рассматривалось как сфера, имеющая отношение лишь к тем отраслям и производствам, для которых было характерно применение высоких технологий (именно поэтому системный подход к менеджменту знаний впервые возник в таких корпорациях как IBM, HP, Xerox, Microsoft), где происходит изготовление новых образцов продукции непосредственно на базе конкретных научных исследований и технических разработок, технологические новации. Более того, зачастую управленческие проблемы возникали как от отсутствия, так и от избытка информации. Необходимо было выявить и сосредоточиться на самом ценном, на той информации, которая обеспечивает успех компании.

В научной литературе существуют десятки определений понятия «знание», но в системах КМ «знания – это фундаментальный ресурс, базирующийся на практическом опыте специалистов и на данных, существующих на конкретном предприятии» [2]. Практика показывает, что не может быть отраслей, производств и компаний, которые не используют интеллектуальный капитал в изготовлении продукции, оказании услуг и в самих технологиях управления.

Идеи КМ использовались на макро- и микроуровнях. На макроуровне – это разработка идеи постиндустриального, информационного или основанного на знании общества. Большой вклад в разработку данной идеи сделали социологи Даниел Белл и Питер Друкер. На микроуровне – это исследование поведения человека в группах и сообществах, социальный аспект поведения человека. В настоящее время большинство практиков КМ считают, что знания существуют и растут главным образом в этих структурах, т.е. в коллективе. Психология вносит свой вклад в развитие КМ, разрабатывая вопросы о том, как люди обучаются, забывают, игнорируют, действуют или отказываются от действия, и т.п.

Необходимо отметить, что КМ рассматривает вопросы передачи знаний от доноров к реципиентам не механистически, а системно, в увязке с вопросами создания мотивации и условий передачи знаний.

Ключевую роль в управлении знаниями играют руководители компаний. В условиях динамичных перемен в технике, технологии и организации производства существенно меняются подходы к достижению поставленных целей и решению назревших проблем. Управление знаниями в большей мере, чем любая другая управленческая деятельность, предъявляет повышенные требования к технической квалификации, профессионализму лидеров, их умению работать с людьми, концептуальным способностям. Можно выделить целый ряд базовых компетенций и ориентиров лидеров, основных черт их профессионализма, к числу которых следует отнести: 1) стратегическое видение; 2) предприимчивость; 3) учет интересов клиентов; 4) мотивацию творчества, ставку на инновационное развитие[2].

В рамках теории и практики «управления знаниями» весьма приметным событием последнего времени стало появление «концепции управления талантами». Перспективное значение этой концепции обосновывается острой необходимостью поиска, сохранения и стимулирования талантливых людей, которые могли бы генерировать идеи и воплощать их в жизнь. В современном производстве работы, требующие физической силы, в лучшем случае составляют только 20%. Известно, например, что на деятельность, связанную с творчеством, в целом ряде развитых стран приходится от одной трети до половины всей зарплаты [3]. Если попытаться обобщить накапливаемый опыт, то в системе «управления талантами» можно выделить следующие элементы: выявление талантов; привлечение; удержание талантов; организация их использования. Наличие в организации успешных решений для этих элементов может стать огромным стратегическим преимуществом. Современные организации призваны создавать такую рабочую среду, которая наполнена творческими прорывами и проблемами.

Согласно опубликованным данным, в развитых странах численность талантливых людей в среднем составляет примерно от 3 до 4% работающих на предприятиях. Особая роль в творческой деятельности корпораций принадлежит образованию, организация которого охватывается функцией «управление знаниями». Наиболее полно современные тенденции развития образования обозначились в концепции «образования в течение жизни». Уже сейчас во многих компаниях на переподготовку специалистов отводится 15-20% рабочего времени. За весь период профессиональной деятельности (примерно 40 лет) каждый специалист должен повышать свою квалификацию 5-8 раз.

Рекомендуется выделять специалистам 10 часов в неделю на изучение литературы по специальности и 40–80 часов в год на участие в какой-либо форме непрерывного образования. По мнению К. Коллисона и Дж. Парселла, сегодня базовым элементом успешных действий является создание «среды поддерживающей обмен знаниями» [4, с. 56].

Управление знаниями для российских компаний еще не стало действенным инструментом высокотехнологичного бизнеса. Между тем причин и оснований для неотложного использования этого инструмента более чем достаточно. Предпринимательская активность в области инноваций в экономике России невелика – и в абсолютном выражении, и в сравнении с промышленно развитыми странами. В некоторых из них доля инновационно-активных предприятий достигает 80% (в среднем по странам ОЭСР – 50%), а в России – менее 10%. В настоящее время инвестиции в знания в развитых странах растут быстрее, чем инвестиции в основные фонды. В странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 90-е годы вложения в знания выросли в год в среднем на 3,4% против 2,2% для основных фондов. На долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании и организации производства, в промышленно развитых странах приходится до 80-95% прироста валового внутреннего продукта (ВВП) [3].

Таким образом, в заключении мы бы хотели отметить следующее. Управление знаниями как вид управленческой деятельности и как специальная функция имеет ряд особенностей: во-первых, знания являются и ресурсом, и объектом управления практически во всех подразделениях и в рамках всех функций; во-вторых, управление знаниями непосредственно связано с использованием современных информационных технологий, сети Интернет, других разветвленных и универсальных сетей, позволяющих накапливать и распространять необходимые знания; в-третьих, функция управления знаниями выполняет интеграционную и координационную роль в процессе организационного обучения. Компании, которые осознали ценность «знания» и поставили управление ими, способны координировать использование своих традиционных ресурсов или комбинировать их новыми и особыми способами, обеспечивая большую выгоду для потребителей, чем конкуренты.

Литература

1. Риддерстрале Й. Нордстрем К. Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

2. Крыштафович А.Н. Управление знаниями – перспективное направление менеджмента. Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 1. С. 25–29.
3. Мильнер Б. Управление знаниями в современной экономике. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.smart-edu.com/>
4. Коллисон К. Парселл Дж. Учитесь летать. Практические уроки по управлению знаниями от лучших обучающихся организаций. М., 2006. 296 с.

СТРУКТУРА ВОЗДЕЙСТВИЙ РЕКЛАМЫ И ЧЕЛОВЕК-ВСЕ-ПОКУПАЮЩИЙ

Н.В. Матыскина, О.Б. Гужавина, Томск, Россия

При рассмотрении социально-экономических взаимодействий в процессе пользования материальными ресурсами человек предстает исследователю вниманию в условиях необходимости осуществления выбора одной из многочисленных альтернатив, предлагаемых социумом. Методы анализа рыночного поведения универсальны и могут быть применены к любой из сфер, где человек вынужден сделать выбор. К примеру, основная предпосылка теории общественного выбора состоит в том, что люди действуют в политической сфере, преследуя свои личные интересы. Таким образом, осуществляется попытка провести в анализе человеческой мотивации принципы индивидуализма, распространив их на все виды деятельности.

Основной принцип теории общественного выбора состоит в том, что люди действуют одинаковым образом, как в роли частного лица, так и в любой общественной роли. Рациональность индивида имеет в данной теории универсальное значение. Это означает, что все – от избирателей до президента руководствуются в своей деятельности в первую очередь экономическим принципом, т.е. сравнивают предельные выгоды и предельные издержки. Человек в рыночной экономике отождествляет свои представления с товаром. Он стремится принять такие решения, которые максимизируют значение функции полезности. При анализе личного выбора экономисты давно пришли к выводу о том, что люди действуют исходя из рационального преследования личных выгод. Как потребители они максимально увеличивают полезность; как предприниматели они максимально увеличивают прибыль и т.д. [1].

В данной статье мы рассмотрим некоторые составляющие рекламного воздействия в соотношении с формированием человека-все-покупающего, т.е. способы, которыми компании и покупатели взаимодействуют между собой.

Развитие рекламы, берет свое начало со времен меновой торговли, когда умение красиво и правильно разложить свой товар и правильно организованное торгово-меновое место давали торговцам хорошие результаты продаж. С тех пор одним из правил рекламы стало: всё должно быть понятно покупателю с минимальными пояснениями продавца.

Слово «реклама» (от лат. «reclamare» – кричать) означает следующее:

- мероприятия, имеющие цель создать широкую известность чему-либо, привлечь потребителей, покупателей;
- распространение сведений о ком-либо, чем-либо с целью создания популяризации [2].

В широком смысле **реклама** – это вид деятельности, либо произведенная в ее результате продукция, целью которых является реализация сбытовых или других задач промышленных, сервисных предприятий и общественных организаций путем распространения оплаченной ими информации, сформированной таким образом, чтобы оказывать усиленное воздействие на массовое или индивидуальное сознание, вызывая заданную реакцию выбранной потребительской аудитории [3].

Углубленное изучение рекламы, которая сегодня является мощным и эффективным способом поддержки бизнеса, уже к 90-м годам дает кардинальные изменения во взгляде на нее. Рост новых предложений, разнообразных и высокотехнологичных товаров разными производителями неуклонно растет, а покупатель склонен более тщательно взвешивать варианты и осуществлять приобретения в соответствии с общей жизненной стратегией.

С усилением конкуренции и научно-технического прогресса, компания, выбирая способы воздействия на человека, в первую очередь обращает внимание на тот факт, что покупатели различаются по своей значимости. Ллойд Уоркер выделяет шесть классов покупателей, и также дает анализ мотивов поведения, присущий людям:

1. Высший (представители старинных аристократических фамилий).
2. Высокий (новая богатая аристократия).
3. Высший средний (владельцы крупных торговых предприятий, руководители фирм, различные специалисты).
4. Средние (квалифицированные рабочие, служащие, ремесленники).
5. Низший средний (рабочие, некоторые иностранные прослойки).
6. Низший (остальные) [4].

Исходя из данной классификации, следует, что общество состоит из многочисленных классов и классовых прослоек, которым присуще стремление в верх по общественной лестнице, а комплексное изучение

изменений потребностей социума в сочетании потребления информации с убедительностью и внушаемостью, доводит до потребителей разные сведения, необходимые для того, чтобы инициировать к совершению покупки. В этом случае реклама играет важную роль как стимулятор воздействия в соотношении с формированием человека-все-покупающего.

Особый интерес для торговых компаний, представляют не только те целевые классы населения, которые потенциально заинтересованы в рекламируемом товаре для принятия альтернативных решений и обладают большой покупательской способностью, но и те, которые имеют возможность откликнуться на рекламные стимулы в процессе потребительского выбора. Эти классы могут учитывать рекламные стимулы при потребительском выборе только по товарам массового спроса, что, впрочем, не сбрасывает их со счетов и при желании расширить рынок сбыта товаров, не необходимых насущно.

При рассмотрении потребностей населения и в попытке найти эффективные средства для расширения сбыта продавцы попробовали приспособлять достижения психоанализа [5]. Пионером в этом деле стал ученик З. Фрейда – Эрнст Дихтер. Согласно идеям его учителя, понятие потребности лежит в основе теории мотивации и может быть использовано при определении движущих механизмов поведения потребителей товарного рынка. С середины нашего века применение массового психоанализа в рекламе стало основой деятельности многих торговых компаний. Специалисты говорят о нескольких стадиях манипулирования сознанием. Современные рекламные специалисты США придерживаются теории трех психологических состояний:

- человек знает, что с ним происходит, и может объяснить это;
- человек отдает себе отчет в своих чувствах, но не может объяснить их причину;
- человек ничего не знает ни о своем состоянии, ни о вызвавших его причинах.

Особенно усиленно изучаются в последнее время состояния второе и третье. Сначала, определив устойчивые стереотипы, проведя мотивационный анализ и выявив существующие в обществе ценности, манипулятор пытается подчеркнуть и углубить их. Затем в рекламную продукцию вносятся практически незаметные, но весьма значимые элементы, которые начинают исподволь влиять на наше восприятие данного события. И, наконец, осуществляется глубинное влияние на жизненные ценности людей с целью их абсолютного изменения вплоть до прямо противоположных.

Пройдя область анализа мотивов, на них начинает оказываться влияние, например, с помощью таких методов, как дробление и наложение, когда заведомо ценная информация или обстоятельство «смешиваются» с рекламными с целью переноса на последние ценностного отношения:

- в художественных фильмах и любимых телепередачах, рекламные ролики, появляющиеся посредине и повторяемые много раз, перебивают сюжет на самом интересном месте и, так как зритель стремится увидеть развязку, он вынужден смотреть и рекламу;
- в журналах самые интересные материалы разделены на несколько частей и разбросаны по всему номеру, таким образом, что читатель вынужден просматривать весь журнал, в том числе и рекламные вкладки;
- побудителем для приобретения того или иного товара делается ребенок потенциального покупателя – дети узнают о многих товарах для взрослых и становятся бесплатными агентами, распевая звучные рекламные стишки и тем самым способствуя запоминанию тех или иных марок (содержание таких стишков часто не соответствует детскому возрасту), настойчиво побуждая родителей приобретать те или иные товары.

В принципе все эти способы манипулирования сознанием направлены на то, чтобы добиться нейтрализации действия критического анализа информации целевой аудитории.

Обратим внимание на то, что как бы отрицательно люди не относились к «засилью рекламы», они постоянно следуют ей, выбирая исключительно «отрекламированный» товар. Причем одна реклама действует на нас эффективнее, чем другая.

Рекламная продукция это предоставляемая потребителю информация, переданная с целью побудить его – человека совершить определенное действие, в котором заинтересован рекламодавец. Реклама – это не только инструмент манипулирования общественным сознанием, но и способ формирования потребностей, стимулов и пожеланий. Поэтому ее можно рассматривать как форму коммуникации, которая пытается перевести качества товаров и услуг на язык нужд и запросов потребителя. Процессы обработки информации при этом должны быть связаны с убеждающим эффектом, стимулируя человека удовлетворять свои потребности. С самого начала рекламные объявления, которые мы видим и слышим, являются конечными продуктами целого ряда исследований, стратегических планов, тактических решений

и конкретных действий, составляющих в своей совокупности процесс рекламы. Все это несет в себе информацию, которая обычно представлена в сжатой, художественно выраженной форме, эмоционально окрашена и доводит до сознания и внимания потенциальных покупателей наиболее важные факты и сведения о товарах и услугах. Сегодня не достаточно умения красиво и правильно раскладывать свой товар. В условиях технологического паритета выбор потребителя определяется основными свойствами продукта и составляющими процесса приобретения (дизайн, цена, марка, удобство приобретения). Из-за чего задачей каждого производителя является выделение своих продуктов из сотен подобных за счет предоставления потребителю той информации, которая способствует стимулированию приобретения.

Реклама играет важную роль как стимулятор экономического роста. С середины нашего века применение массового психоанализа в рекламе стало основой деятельности торговых компаний [5]. Специалисты по рекламе ухватились за психоанализ в попытке найти более эффективные средства для сбыта своих товаров – будь то продукты, идеи, отношения, кандидаты во власть, цели или душевное состояние. Новые специалисты называют себя «аналитиками мотивов», или «исследователями мотивов». Лун Ческин, один из виднейших деятелей в этой области, определил ее следующим образом: «Анализ мотивов относится к типу исследований, которые ставят целью узнать, что побуждает людей делать тот или иной выбор. В этих исследованиях используются средства, предназначенные постичь области бессознательного или подсознательного, поскольку предпочтения обычно определяются факторами неосознаваемыми. Фактически покупатель действует эмоционально и принудительно, реагируя на образы и побуждения, связанные в подсознании с продуктом» [цит. по 5]. Женщины, например, платят за крем во много раз дороже, чем за мыло, потому что мыло сулит им только чистоту, а крем – красоту. Люди покупают не ланолин, а надежду, не апельсины, а жизненную силу, не автомобили, а престиж.

Увлечение психоанализом объясняется падением спроса, например, на многие американские товары и разочарованием в традиционных методах исследования рынка. Самым распространенным среди них был статистический метод подсчета перспективных потребителей («метод подсчета сторонников»), заключающийся в предварительном выявлении лиц, склонных приобрести тот или иной товар. Например, женщины такого-то возраста, такого-то общественного и семейного положения, проживающие в таком-то штате, готовы купить такой-то предмет домашнего

обихода по такой-то цене. Более углубленные социологические наблюдения установили, что люди часто сами не знают, чего хотят, и вовсе не расположены откровенно делиться своими симпатиями и антипатиями.

В исследованиях мотивов и соответствующих экспериментах нет ничего неприкосновенного и святого. Это может иметь и античеловеческую подоплеку. Для человека в его длительной борьбе за то, чтобы стать разумным и самостоятельно мыслящим существом, подобное манипулятивное вмешательство в его мотивационную сферу представляет скорее регресс, чем прогресс. Практически использование психоаналитических методов в рекламе очень далеко от непогрешимости, точности и правдивости в декларациях. Это вынуждены сегодня признать и многие специалисты-психоаналитики.

Литература

1. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. Т. 1. М. 1995.
2. Делл Д., Линда Т. Учебник по рекламе. Минск: ООО «СЛК», 1996. С. 8–10.
3. Валовая М. 13 бесед о рекламе. Нива XXI век. М.: Форум, 1996. С. 12.
4. Уоркер Л. Общественный класс Америки. М., 1948.
5. Хромов Л.Н. Рекламная деятельность: искусство, теория, практика. Петрозаводск: АО «Фолиум», 1994.

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ГУМАНИТАРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Т.П. Минченко, Томск, Россия

Работа посвящена исследованию значимости религиоведческой культуры личности в современном российском обществе.

Исторически религия и культура тесно связаны, в основе национальных культур лежат национальные и мировые религии.

В настоящее время наблюдается значительное усиление воздействия религиозного фактора на общественную жизнь и политику, высшее образование должно предполагать определенный уровень религиоведческих знаний.

Для россиян такие знания жизненно необходимы в силу многонациональности и многоконфессиональности нашего общества. Невежество же зачастую приводит к вспышкам нетерпимости, фанатизму и фундаментализму.

К сожалению, в истории нашей страны множество примеров религиозного и атеистического экстремизма, истоки которого в претензии какой-либо идеологии – атеистической, как в советское время, или религиозной, стать «единственно верной», единственной, имеющей право на существование.

С начала зарождения государства на российских территориях, еще со времен Киевской Руси, наше государство была поликонфессиональным, несмотря на существование государственной религии – православного направления христианства – до 1917 года. По мере развития от Московской Руси к России и Российской империи поликонфессиональность населения возрастала.

Россия всегда исторически находилась на перекрестье различных культурных традиций и верований, соответственно, представление об основах вероучения и культа религий, распространенных в государстве, является очевидной необходимостью для человека, получившего высшее образование, и культурного человека вообще.

В советское время, по причине преследований верующих и отсутствия законодательства, предусматривающего юридические права религиозных организаций, до конца 80-х годов существовали только десятки религиозных групп, преимущественно различных направлений мировых и национальных религий.

С начала 90-х годов, с принятием закона «О свободе вероисповеданий» впервые в истории России были созданы предпосылки для осуществления принципа свободы совести и религии. С ослаблением идеологического пресса и снятием законодательных ограничений с деятельности религиозных объединений, число их начало быстро увеличиваться, как и конфессиональное многообразие.

В настоящее время на территории РФ действуют тысячи религиозных объединений более 70 конфессий, относящихся к различным формам религий: мировых (христианство, ислам, буддизм), национальных (иудаизм, конфуцианство, даосизм и др.), языческих (славянские, чукотские и др. верования), движения нового времени (неохристианские, неоориенталистские и др.).

Каким же образом будущие специалисты получали и получают знания о религиях?

В советский период обязательным компонентом высшего образования был курс научного атеизма, включавший значительный блок знаний по истории религий. Вместе с тем, данный курс преследовал

в первую очередь не только научные, а идеологические задачи, что во многом предопределяло его односторонность.

В начале 90-х годов был принят образовательный стандарт по специальности «Религиоведение» и разработан ряд религиоведческих учебных курсов для всех специальностей. Курсы «Религиоведение», «История религий» и другие были предусмотрены в учебных планах вузов.

С принятием новой версии федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 1997 году, ситуация изменилась. Практически одновременно религиоведческие курсы с принятием нового Государственного образовательного стандарта перестали быть обязательным компонентом социально-гуманитарного образования и стали реже вводиться в учебные планы вузов.

Специальность «Религиоведение» в системе высшего образования введена только в середине 90-х годов XX века, сейчас подготовку специалистов ведут немногим более двадцати кафедр на всю Россию. Для сравнения, первые кафедры религиоведения в европейских вузах открыты в начале XX века и в настоящее время сотни кафедр имеют устойчивые традиции преподавания данной дисциплины.

В то же время можно отметить активный рост религиозных учебных заведений по всей стране. Помимо подготовки священнослужителей и преподавателей религиозных курсов, при религиозных объединениях действуют воскресные школы и иные культурно-образовательные центры.

В настоящий момент в российском государственном образовании практически отсутствует системное научное религиоведческое образование, что не отвечает современным условиям подготовки специалистов, особенно тех специальностей, которые относятся к сфере услуг в широком смысле этого слова. Вместе с тем, введение теологических курсов или «Основ православной культуры» в государственных и муниципальных учебных заведениях противоречит конституционному принципу светскости образования.

В большинстве вузов студенты получают лишь отрывочные знания о религии в рамках курсов «Философия» и «Культурология», что явно не соответствует требованиям, предъявляемым к будущим специалистам, прежде всего тем, которые будут работать с людьми.

В целом можно сказать, что тесная связь государства и религии на протяжении почти всей истории России, а также период преследования религии в советское время сформировало устойчивую традицию

субъективности и предвзятости по отношению к религиозной сфере, независимо от конкретного атеистического либо теологического подхода. Таким образом, одной из главных задач становящегося религиоведения является формирование самостоятельной, свободной от односторонности, предметной области; методологии, адекватной новой ситуации; объективного отношения к предмету исследования.

Из данных анализа следует, что религиоведческое образование особенно будущих педагогов, юристов, специалистов по управлению, социальных работников, явно не соответствует запросам времени.

Вместе с тем, опыт проведения религиоведческих курсов и проводившиеся опросы студентов показывают большой интерес молодежи к этим проблемам. Преподаватели отмечают, как рассеиваются многие мифы и стереотипы, часто лежащие в основе нетерпимости.

Недооценка значимости научного религиоведческого образования в вузах усугубляется и активным распространением с середины 90-х годов различных форм неоокультизма и неомистицизма, что неминуемо приводит к «замещению» образующейся пустоты отрывочными и искаженными знаниями, активно распространяемыми различными «миссионерами» далеко не всегда преследующими безобидные цели. Невежество в этой сфере не позволяет отличить глубоко верующего и духовного человека от шарлатана или мошенника.

Каковы же основные препятствия на пути становления качественного религиоведческого образования, отвечающего современным требованиям?

Стержневой проблемой является отсутствие на настоящий момент консолидированного российского религиоведческого сообщества и, как следствие, отсутствие содержательного единства высшего религиоведческого образования.

Такая ситуация имеет ряд причин. Во-первых, в России отсутствует не только единая исследовательская парадигма, которая структурировала бы религиоведческие исследования, но и ясное осознание необходимости ее построения.

Во-вторых, в отличие от сложившейся в европейских и американских университетах традиции подготовки специалистов-религиоведов, в России таковая еще не сложилась, что обусловлено началом формирования российского религиоведческого образования и усугубляется как низким уровнем финансирования специалистов, так и проблематичностью трудоустройства и успешной карьеры выпускника-религиоведа.

Далее, для формирования научного сообщества существенно наличие возможностей профессионального общения в различных формах – конференций, научных семинаров, круглых столов, совместных научных проектов, в том числе издательских, наличие профессиональных периодических изданий, фундаментальных монографий и сборников по различным разделам религиоведения. И если десятки европейских и американских религиоведческих рассылок ежедневно приносят новости и обзоры десятков совместных проектов, то в России из постоянно работающих рассылок можно назвать только «Современное религиоведение» Марины Воробьевой, а число совместных российских проектов и научных событий в среднем составляет десяток в течение года.

Что касается периодических изданий, сложно сопоставлять десятки научных журналов ведущих западных университетов с единственным в России журналом «Религиоведение», выпускаемым тиражом 500 экземпляров 4 раза в год. Энциклопедий и сборников, аналогичных западным по фундаментальности и широте охвата религиоведческой проблематики в России пока нет.

Важным условием становления научного сообщества является оформление активных профессиональных объединений, которые на настоящий момент практически отсутствуют. Только в 2006 году создано Российское сообщество преподавателей религиоведения при Учебно-методическом совете по философии, политологии, религиоведению УМО по классическому университетскому образованию, но для формирования полноценного профессионального сообщества, аналогичного сообществам стран, включенных в «Европейскую ассоциацию изучения религии» либо «Международную ассоциацию истории религий», этого недостаточно.

Таким образом, с одной стороны, в обществе и в системе высшего образования существует потребность в религиоведении, а, с другой, несмотря на достаточно успешные выпуски специалистов за последнее десятилетие, разнообразие учебной литературы, существует множество проблем, связанных со становлением объективного религиоведения, в первую очередь связанных с отсутствием профессионального научного сообщества религиоведов, а также с отсутствием единого пространства религиоведческого образования в России.

Одним из первых условий преодоления ксенофобии и терпимости к иным убеждениям и верованиям является знание об основах верований различных религий, тесно связанных с социокультурными традициями, национальным менталитетом и психологией.

Вместе с тем, актуальной остается проблема подготовки специалистов, которые могли бы обеспечить качественное религиозное образование, свободное от научной односторонности (т. е. включающее все сферы религиоведения – историю, философию, социологию, психологию и географию религии), а также свободное от конфессиональной односторонности в смысле изложения материала с позиции какой-либо одной религии. В современных условиях необходимо преподавание и основ законодательства о свободе совести.

Из опыта преподавания религиозных курсов следует, что научное религиоведение является эффективным средством преодоления мировоззренческой однобокости, являющейся питательной средой религиозного или атеистического экстремизма, содействует целостному развитию личности и росту ее гуманитарной компетентности.

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

М.Д. Молодцова, Томск, Россия

Проблема формирования национальной идентичности в мультикультурном пространстве содержит в себе важный аспект: она все больше зависит от способов коммуникации, внутренних и внешних, осуществляемых данной культурой. Коммуникативные процессы не носят случайный характер – они представляют собой уже наработанные и не раз воспроизведенные историей способы взаимодействия, лучше всего выражаемые моделью *Я-Другой*. Каким видится главный национальный субъект самой культуре, каким он воспринимается другими этносами, какой образ *Другого* актуален для национального самосознания, совпадает ли он с реальным положением вещей – то есть с тем образом, который реализует национальное бессознательное независимо от давления официальной картины мира? Все эти вопросы весьма сложны, но, пытаясь ответить на них, мы получаем шанс приблизиться к истинному пониманию сути вещей.

Сама дефиниция коммуникации в виде модели *Я-Другой* характерна для философии диалога, которая, обновив тем самым содержание этики, особенно в рамках этических исследований 20-го в., задала новый дискурс понимания коммуникативных процессов, придав последним активный личностный характер. В самом деле, изменилось и наше понимание исторических процессов, они перестали казаться

как зависящими только от воли человека, так и неподвластными его контролю вообще. Сейчас можно говорить о новой позиции человека по отношению к культурному развитию как человечества в целом, так и каждой культуры в отдельности – эта позиция наконец начинает приобретать наблюдательный и рефлексивный характер, стремление понять становится наиболее преобладающей стратегией по сравнению с желанием все проконтролировать и увидеть реальность не такой, какой она является на самом деле, а такой, какой она должна быть соотносительно с мертвыми, зачастую, идеалами.

Такое стремление понять настоящее повышает интерес к истории культуры, и актуальными представляются возможности экзистенциальной реконструкции прошлого, когда важнейшей частью становится не макро-, а микроистория, то есть отражение облика культуры в рамках эго-биографии¹ так называемого маленького человека. Применяемая для исследований эго-биографии психоаналитическая методология, обновленная и расширенная философским содержанием, может быть применена и для анализа культуры как особого рода субъективности со всеми соответствующими параметрами. Такое представление о культуре было задано еще О. Шпенглером [1], давшим понятие души и возраста культуры. В экзистенциальной культурологии Г. Д. Гачева [2] оно получило свое развитие по отношению к отдельно взятому национальному типу культуры. Такой исследовательский интерес, по словам самого ученого, связан с предощущением апокалиптического порядка – что национальные культуры начинают активно терять свое собственное лицо, растворяясь в плавильном котле глобализационных процессов. Однако многие проблемы современного мира связаны именно с конфликтами национальных интересов, что делает очевидным следующее: межкультурное взаимодействие, несмотря на наличествующий стандарт диалога, является очень сложным и во многом непредсказуемым процессом, где каждая культура, борясь за свое национальное своеобразие, одновременно преследует цель обладать высокими цивилизационными стандартами и занимать достойное место в мировом социальном пространстве.

Так, современная ситуация требует от каждого типа культуры унифицированного стандарта коммуникации, основанного на сотрудничестве, открытости, диалоге, толерантности. Но последнее невозможно

---

¹ Собственно, биография является одной из форм эго-документа, выступающего средством микроисторического анализа, однако использование термина эго-биография позволяет подчеркнуть важность биографии не как отражения официальной истории культуры, но как личностного, полного экзистенциальных смыслов, переживания жизни.

универсальным образом: есть культуры, категорически закрытые от влияния извне (например, в цыганском типе культуры, носящим ферментный характер, может осуществляться лишь внешняя трансформация содержания, фундаментальные структуры ментальности остаются неизбылемыми); есть и такие, аутентичность которых напрямую зависит от *коммуникативной пористости* (пористость – термин, в антропологии урбанизма означающий способность города изменять свой облик за счет трансформации и взаимопроникновения, влияния друг на друга всего реестра артефактов городской жизни). Способность к коммуникации зависит от индивидуального психотипа¹ культуры, особенно от укорененных в ментальности способов рассмотрения *Другого*, от особенностей культурной деструктивности (культурная деструктивность, по Г. Д. Гачеву, это место, где национальный грех и достоинство тесно связаны и демонстрируют важную особенность культуры).

Таким образом, именно обращение к психоаналитической методологии, о чем уже было сказано выше, расширяет возможности анализа психотипов культур, и, следовательно, позволяет делать далеко идущие выводы о перспективах межкультурного взаимодействия. Особенно актуальным, на наш взгляд, может быть исследование психотипа культуры с точки зрения уже изученных форм человеческой деструктивности, представленных в классическом труде Ф. Римана «Основные формы страха» [3], который и дает методологические возможности исследования коммуникативных параметров культуры с учетом ее уникального психотипа. Классификация деструктивных форм экзистирования, данная немецким ученым, такова: существуют шизоидная, маниакально-депрессивная, истероидная и параноидальная акцентуации человеческого характера (а, следовательно, и национального характера). Все они основаны на абсолютизации одного из видов базовых коммуникаций человека – отношения к себе (*Я-Я*), отношения к ближнему (*Я-Ты*), отношения к дальнему (*Я-Они*), отношения к миру с позиции его обустройства (*Я-Труд*). Шизоидная форма деструкции абсолютизирует отношение *Я-Я*; маниакально-депрессивная – *Я-Ты*; истероидная – *Я-Они*; параноидальная – чаще всего, *Я-Труд*. Русской культуре близки маниакально-депрессивная и истероидная

---

¹ С точки зрения психоанализа культуры, психотип – это особенности психической организации культуры как специфического рода субъективности. Так, Г.Д. Гачев выделяет три базовые составляющие культуры, как то: космос (материальная экстериоризация культурного пространства – природа+мир артефактов), психея (склад и устройство национальной психики, специфика душевных процессов), и логос (основные способы мышления).

формы деструктивности, немецкой, в свою очередь, – шизоидная и параноидальная¹. Как человек в своих коммуникативных связях стремится собрать себя до целого, остро реагируя на носителей недостающих ему психотипов, так и национальная культура ищет или тяготеет ко взаимодействию, руководствуясь подобной закономерностью.

Г. Д. Гачев замечает, что свое национальное целое для народа – это лишь вариант, особая проекция единого утробия бытия, при должной коммуникативной открытости этнос понимает, что его вариант истолкования бытия – всего лишь вариант инварианта, и такое понимание очень существенно для глоболизирующегося мира, так как дает возможность почувствовать единство в рамках сохранения многообразия.

Русский тип культуры всегда обладал сложившимся в ходе культурно-исторического развития широким спектром коммуникативных навыков и возможностей, т.е. той самой коммуникативной пористостью, о которой говорилось ранее. Русская национальная идея включает в себя соборность как главную организующую стратегию – единение в рамках целого, предоставляемого Россией для представителей других национальных культур (возможно, испытывающих дефицит национального космоса – природы и материальных ресурсов). В отношении последнего можно говорить о жертвенности культуры, когда *Другой* приоритетнее, нежели *Я*. Такая коммуникативная открытость не отличает, к примеру, немецкую культуру, у которой имеется исторически богатый опыт борьбы за чистоту своего национального *Я*. Тем не менее, в мировом пространстве межнационального и межкультурного взаимодействия особенно актуальной становится способность каждого этноса к взаимодействию в форме сотрудничества; последнее проблематично именно потому, что делает необходимой корректировку

¹ Сравнивая коммуникативные параметры обозначенных этносов, можно утверждать следующее:

Особенности национального психотипа:	России	Германии
Преобладающая форма самосознания.	<i>Мы (Я и Другой)</i> , слабость личностной самоидентификации.	<i>Я</i> – одинокий в акте своего самосознания, абсолютизация личностной самоидентификации.
Формат национальной телесности.	Огромное пространство, подвижность и неустойчивость границ.	Четкость очертаний, жесткая демаркация между <i>Я</i> и <i>не-Я</i> .
Образ Другого (Чужого).	Размытость образа <i>Другого</i> , проблема разграничения своего и чужого, интенция на обобществление.	Потребность в регламентации отношения к <i>Другому</i> , вплоть до снятия его друговости. Первичность законодательной регулировки отношений.
Ценностная ориентация.	<i>Другой</i> – сверхценность.	<i>Другой</i> обладает меньшей ценностью, нежели <i>Я</i> .

веками наработанной коммуникативной модели в рамках той деструктивности, которая подпитывает национальные фобии и страхи. Однако преодоление такой деструктивности входит в задачи глобализирующегося и преисполненного апокалиптическими настроениями человечества, не желающего терять надежду на спасение.

Литература

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории в двух томах. М., 2003.
2. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М., 2007.
3. Риман Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии. М., 2005.

ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ

В.Д. Нардин, Красноярский край, с. Новоселово, Россия

Динамика культуры, это одна из основных сфер культурологической науки. Обстоятельства и характер, изменения и причины, которые происходят в обществе, описание стадии эволюции культурно-исторического процесса присущи ее раскрытию.

Основанная Д. Вико, теория круговорота в истории, являлась попыткой научно доказать, что цикл существования любой нации состоит из трех фаз, трех эпох. Первая – «век богов», «когда государства еще отсутствует, представления людей фиксируются в мифах, а приоритет закреплен за религиозными структурами» [1]. Вторая – «век героев» – это господство аристократического государства и его символического отражения в разнообразии форм героического эпоса. Третья – «век людей» – где на лицо демократическое государство или монархия, для этой эпохи характерно осмысление мира в историографии. Ее окончание является распадом этой культуры и самого общества.

Идея цикличности противостояла идее прогрессивного поступательного развития человеческой культуры в 19 – начале 20 века она была представлена в движении культурно- исторических типов у социолога Н.Я. Данилевского, жизни «этногенеза» Л.Н. Гумилева.

Идею, что, по аналогии с живыми организмами, культура проходит следующие стадии, которые представляют собой законченный цикл: «детство» – «весна» (период хаоса, накопление); «юность» – «лето», «зрелость» – «осень, когда реализуются все потенциальные возможности культурной души; «старость» – «зима», период «цивилизации» –

гибель культуры, выдвинул в своей работе «Закат Европы» О. Шпенглер. На весь жизненный цикл культурного организма Шпенглер отводит около тысячи лет, «цивилизация» продолжается 200–300 лет. На этой «цивилизационной» стадии, замирает духовная жизнь, происходит вырождение искусства и падение веры, наступает торжество материалистических взглядов. «Цивилизация», по Шпенглеру, «переходит от творчества к бесплодию, механической работе, это мертвое время, перегной культуры, неорганическая жизнь» [2].

Английский историк А. Тойнби развил идеи О. Шпенглера, в своем многотомном труде «Постижение истории», он обосновывает концепцию круговорота «локальных цивилизаций». Под «цивилизацией» понимается совокупность территориальных, политических и религиозных характеристик.

«Локальные цивилизации» проходят определенный цикл и включают в себя пять последовательных стадий развития: возникновение, рост (эти фазы осуществляются за счет энергии «жизненного порыва»), надлома, разложения и гибели (связаны с истощением жизненных сил).

Динамика цивилизаций определяется законом «вызова и ответа», в соответствии с которым продвижение по пути прогресса связан с выбором адекватного ответа на вызов внешних обстоятельств: «Функция» внешнего фактора заключается в том, чтобы превратить «внутренний творческий импульс» в постоянный стимул, который способствовал бы реализации потенциально возможных творческих вариаций. Такой ответ появляется у «творческого меньшинства», которое властвует за счет силы своего авторитета. Когда уменьшается способность находить надлежащие ответы, «творческое меньшинство» превращается в «господствующее меньшинство» и уже не может «обеспечить рост цивилизации», что закономерно приводит к ее упадку, разложению и гибели.

В своей идее этногенеза русский историк Л.Н. Гумилев считал, что «человек не существует вне этноса. В этническую историю включаются результаты формообразующей деятельности ландшафта, понимаемого как главного источника этносов» [3]. Процесс этногенеза состоит из цикла, который включает в себя четыре фазы: возникновение, подъем, упадок и гибель этноса. История этноса в сочетании с «историей ландшафтов и историей культуры» составляют «этническую историю». Рождение культуры связано с рождением нового этноса. Согласно Л.Н. Гумилеву, «при возникновении этноса действует импульс

пассионарности.» То есть «способность и стремление к изменению окружения. Импульс пассионарности бывает настолько силен, что носители этого признака – пассионарии – не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности». Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимую, фиксируемую историей форму своего проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т.е. этот признак не только индивидуальный, но и популяционный» [4].

Л. Гумилев, к пассионариям относил исторические личности: А. Македонского, А. Невского, Наполеона, Петра I и др., он считал, что пассионарность – важный и наследственный признак.

«Этнические поля» проявляются между элементами человеческого сообщества и феномен этносов заключается непосредственно в них. Взрывы во вселенной, так называемые «пассионарные толчки» являются импульсами для увеличения пассионарности. «Этнические поля» состоят из взаимодействующих социальных, географических, технических факторов. Именно действием этнических полей и постепенной утратой пассионарности объясняет Л. Гумилев все историко – культурные процессы.

Теория волнообразных динамических процессов была разработана русским мыслителем Н.Д. Кондратьевым, на основе экономических изменений, соотнесенных с политическими и социальными факторами. Циклическая динамика экономической системы включает в себя четыре фазы повышение, перелом, понижение, переход.

Повышение – ему предшествует накопление и концентрация капитала в мощных центрах предпринимательства. В это время обновляются и расширяются основные капиталовложения, изменяются соотношения производственных сил. Важным фактом экономического роста является обилие свободного капитала и его дешевизна. Совокупность этих факторов приводит к внедрению модернизированных технологий, созданию новых производительных сил, новому капитальному строительству. Это повышает условие коренной перестройки производства и рентабельности крупных инвестиций в это производство. Однако внутри первой фазы существуют моменты, вызывающие рост социального напряжения и жесткую рыночную конкуренцию.

Переломный – в этой фазе экономические процессы достигают своего предела, и система становится не эффективной (дефицит капитала,

снижение инвестиций и рыночных цен) приводит к угасанию экономической жизни.

Понижение – (депрессия), эта третья фаза характеризуется спадом экономической активности. В нижней точке экономической волны наступает кризис, подготавливается движение от депрессии к подъему (радикальные технологические изменения производства, инвестиции в новые технологии). следовательно, уже в этой фазе закладывается и формируется новая организация экономической системы.

Переходная – для этой фазы характерно, что предшествующая экономическая структура становится неэффективной, а зарождающаяся форма хозяйственной жизни еще не может переломить ситуацию. Борьба нового со старым продолжается около десяти лет. Но постепенно хозяйственная система перестраивается на уровне всех составляющих элементов. Таким образом, складываются возможности потенциальной стабилизации в хозяйственно – экономической и социальной жизни. После перелома волны, связанного с удешевлением капитала, опять следует фаза экономического подъема, т.е. начинается новая «длинная экономическая волна». Теория выдвинутая Н.Д. Кондратьевым является объяснением регулятивности волнообразных динамических процессов в экономической сфере культуры.

Подобную теорию – волнообразности социокультурной динамики разработал и российско – американский социолог П. Сорокин. Согласно этой теории, «Культуры движутся и развиваются с помощью сил, заложенных в них природой Чередование основных типов культуры, связано с чередованием либо идеалистического, либо чувственного, либо идеационального типов культуры» [5]. Культура реализует базовые принципы мироощущения и мировоззрения во всех своих структурах. Это относится к политике, морали, религии. которые присутствуют в каждом отдельном феномене представляют собой единую, целостную систему.

П.А. Соркиным оптимистически характеризуется исторический процесс: «если культура находится в кризисе (как, по его мнению, западная культура), это значит, что данная суперсистема исчерпала себя и зарождаются новые основания для формирования нового культурного типа». Таким образом, его социодинамическая модель, представляет собой последовательную смену определенных типов культур, выделяемых на основе ведущих представлений о мире и методах его описания.

Этот процесс выражается в трех фазах единого цикла, через которые проходят все основные сферы социокультурной системы: архитектура,

скульптура, живопись, музыка, литература, театр, религия, философия, наука, мораль, право, семейно-брачные отношения, исторический тип личности, мировоззрение, государственное управление. Причем в динамике каждой из этих сфер прослеживается три стадии, после завершения которых цикл возобновляется. Сорокин называет: идеациональную стадию, в которой преобладают процесс познания; идеалистическую стадию, где ведущей становится идеология; чувственную стадию с доминированием сенсорного переживания.

На первой стадии происходит освоение мира, создаются разнообразные (предметные, лингвистические, познавательные, технологические, нормативные) формы, позволяющие создавать организационные структуры. На второй стадии эти формы фиксируются в качестве культурных норм, накладывающих определенные ограничения на человеческую деятельность. Таким путем складывается, например, стиль в искусстве, формируется свод законов, появляется религиозная доктрина и научная парадигма. На третьей стадии сложившиеся и устойчивые рамки социокультурных норм, становятся слишком узкими для приобретенного опыта, что и побуждает людей вновь обратиться к чувственному переживанию для обоснования своих действий. Каждой стадии соответствует свой тип личности. Однако эта модель социокультурной динамики, несмотря на огромный эмпирический материал, приведенный для ее подтверждения, является идеализированной, на что обращал внимание и сам П.А. Сорокин.

В XIX веке эволюционная теория Ч. Дарвина побудила ученых обратить внимание на тот факт, что человек есть звено в длительной биологической эволюции. Эволюционизм надолго стал ведущим направлением культурологической мысли, опираясь на представление о единстве законов истории природы и истории человека.

Эволюционная теория развития культуры опирается на концепцию Г. Спенсера. Ученый видел во всех происходящих явлениях часть общего необратимого процесса эволюции. «Закон эволюции», по теории Спенсера, есть не улучшение жизни, а ускоряющее движение от однообразия к разнообразию [6].

Эволюционизм понимает культуру как процесс адаптации людей к природе. Механизм адаптации (биологической и культурной) и оставляет эволюционное развитие, которое разворачивается как дифференция и усложнение первоначальной «зародышевой» формы. Выделяются две эволюционные модели: однолинейная и многолинейная.

Согласно однолинейной концепции Д. Фрезера, Э. Тайлора, и др. в процессе эволюции человека и его культуры выделяются три универсальных последовательно сменяющих друг друга периода: дикость, варварство, цивилизация. Развитие идет по пути усовершенствования человеческого рода путем усложняющейся организации общества и человека.

Эволюционные представления были усовершенствованы в марксизме, где на основе синтеза моргановских идей и немецкой классической философии в лице Гегеля, вскрывшего механизм и источники диалектического развития (возникновение, борьбу и преодоление противоположностей), обосновывается диалектико-материалистическая понимание истории в основе прогрессивного развития человечества, по мнению Маркса и Энгельса, лежит диалектика производительных сил и производственных отношений. НТП приводит к изменению образа жизни в обществе, культуре и быте. В совсем эволюционном развитии общество проходит через этапы общественно-экономических формаций. Этот тип культурной динамики называется фазовым, или этапным. Для его изучения используется метод исторической типологии. История человечества рассматривается как неравномерное и антагонистическое развитие. Однако теория преобладание экономического начала в движении культуры не всегда соответствует действительности, и не ко всем типам культуры можно применить такой анализ. Опора на материальные культурные критерии являются оправданной лишь в пределах первобытно-общинного и рабовладельческого строя, предложенное еще римским поэтом и просветителем Титом, Лукрецием, Каром.

Здесь берется за основу процесс овладения человеком конкретным природным материалом, в результате чего, античные мыслители различали каменный, медный, бронзовый, современный железный века. В сегодняшнем восприятии все эти стадии составляют огромный период на заре человеческой цивилизации. Основой фазового типа культурной динамики является социокультурное преобразование, порождение культурных явлений под влиянием интенсивных процессов общественного развития. Различаются три этапа развития: реформа, трансформация и революция.

Реформа – изменение, переустройство – какой-либо стороны социокультурной жизни не уничтожающее основ существующего порядка.

Трансформация – совокупность явлений и процессов, приводящих социокультурную систему к новым качественным отношениям путем поэтапного реформирования.

Революция – глубокое качественное изменение в развитии какого-либо явления, основанное на коренном преобразовании главных традиционных ценностей, смене идеологии и мышления.

Основателем «синергетики» был бельгийский физик, русского происхождения, Нобелевский лауреат, премии по химии И.Р. Пригожин. Согласно синергетическим идеям культура предстает в виде неравномерной открытой, нелинейной самоорганизующей системы. Открытость системы означает наличие в ней источников (входов) и стоков «выходов», обмена веществом и энергией с окружающей средой. Среда выступает носителем различных форм будущей организации, сферой многовариантных путей развития. « Причем стоки и источники имеют место в каждой точке самоорганизующих систем, т.е. процессы обмена происходят повсеместно» [7]. Всякая культура подобно человеку, также имеет своего рода кровеносную систему – коммуникационную сеть: систему линий связей, пути перемещения и распределения политических, религиозных и других духовных импульсов, социальные и материальные ресурсы. Это сеть и обеспечивает определенное состояние ее жизнедеятельности. Открытость системы необходимым, но не достаточным условием для ее самоорганизации: не всякая открытая система самоорганизуется, строит структуру. Для этого необходимо наличие двух противоположных начал: начало, создающего структуры, наращивающего неоднородной структуры за счет действия источника (порядок); и начала, размывающего, рассеивающего неоднородность (диссипативное начало, хаос). Роль диссипации подобно роли скульптура отсекающего от каменной глыбы системы все лишнее, потому она является необходимым элементом саморазвития мира.

Нелинейность системы культуры означает множественность ее путей эволюции т.е. когда изменение параметров оказывается сверхкритических значений, система структурируется иным образом. При увеличении концентрации управляющего параметра она все дальше уходит от равновесия. При некоем критическом значении этого параметра система достигает своего порога устойчивости. Возникают, как минимум два (или более) возможных направлений развития. Это критическое значение называется точкой бифуркации (полифуркации). Таким образом, если система превзошла критическое значение параметров, то в режиме движения другого аттрактора реализуется иная тенденция самоструктурирования, самоорганизации. Таким образом, именно «нелинейность» выступает фундаментальным концептуальным узлом новой парадигмы мышления.

Синергетика формирует представления об альтернативности, поливариантности, путей развития сложных систем. Это потенциально дает возможность выбора путей дальнейшего развития культуры, причем таких, которые соответствовали бы интересам и целям человечества и не являлись губительным для природы. Сегодняшнее состояние культуры определяется не только ее прошлым, ее историей строится и формируется из будущего. Применительно к человеку именно осознанные и скрытые подсознательные установки определяют его нынешнее поведение. Синергетика открывает управление сложными системами, где главным оказывается не сила, а малые, но правильно организованные воздействия. Именно два противоположных начала «порядок и хаос» [8] – обуславливает протекание социокультурных процессов.

В динамике культуры выделяют особое состояние: – культурный застой. Это длительное состояние не изменения и повторяемости основных норм, знаний, ценностей. Общество придерживается строгой приверженности к традициям и запретам на все нововведения. В таких социокультурных системах преобладает циклический тип динамики, выпрямить который в линию прогрессивного развития не в состоянии даже великие открытия.

Подвержены застою характеру общественного развития, прежде всего небольшие этносы, которые жестко адаптированы к природной среде и не способны выработать механизмы изменения. Например, культурный застой характерен примитивным культурам многих племен Африки, Австралии и народам Севера.

В целом для культурной динамики устойчивый порядок взаимодействия ее составляющих, их периодичность и направленность. Сами процессы культурной динамики следует интерпретировать как проявление способности сложных социальных систем, адаптироваться к меняющимся внешним и внутренним условиям своего существования.

Таким образом, фундаментальным основаниям динамики выступают не идеи, не интересы, страсти и желания людей, а объективная слабо осознаваемая людьми необходимость адаптации общества и культуры к меняющейся внешней и внутренней ситуации.

Литература

1. Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997. С. 119.
2. Шпенглер. О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С.162.
3. Библер В.С. Диалог культур // Вопросы философии. 1989. № 6.
4. Самосознание Европейской культуры XX века: Сб. науч. трудов. 1991.

5. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствия // Вопросы социологии. 1993. № 3.
6. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М., 2000.
7. Тайлор Э. Первобытная культура. М. 1989.
8. Ионин Л.Г. Социология культуры. М. 1996.
9. Культурология. XX век: Словарь. СПб., 1997.
10. Культурология XX век: Энциклопедия в 2-х т. СПб., 1998.
11. Философский энциклопедический словарь. М., 1997.

СЕМЕЙНЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

В.П. Пирогова, Томск, Россия

Закономерные и случайные сдвиги в развитии общества подрывают устои традиционной семьи, характеризуют направленность семейной жизни. Современная семья отличается от традиционной социально-демографическими характеристиками, социокультурными проблемами, психологическими особенностями. Новые количественные и качественные параметры семьи, обуславливают и специфику выполняемой семьёй функций, особенно репродуктивной и воспитательной.

Экономические реформы, свобода индивидуальной деятельности меняют общество. Появляются богатые, бедные, нищие, безработные. И если для старого общества характерны были такие типы семьи, как семья рабочего, семья колхозника, семья интеллигента, так в современном обществе можно выделить много новых типов: семья миллионера, бизнесмена, уличных торговцев, безработного, в которых с традиционными семейными проблемами (воспитание детей, главенство в семье) появляются новые проблемы социокультурного, психологического плана.

Дети в семье коммерсантов имеют достаточную материальную обеспеченность, много карманных денег, но зачастую остаётся без присмотра взрослых, лишены духовно-нравственного общения с родителями в силу отсутствия у них времени. В семье безработного свои проблемы: резкое падение авторитета отца в глазах детей, так как он не может содержать семью и уже не кажется сильным человеком. У ребёнка разрушается чувство безопасности. В семье воцаряются неуверенность, страх за будущее. Большой интерес представляют собой семьи фермеров, где дети раньше, чем в другой семье, вовлекаются в трудовую деятельность. Каждый новый тип семьи порождает свои специфические проблемы.

В своём развитии семья стремительно идёт от многодетности к малодетности. После 1987 года рождаемость стала резко падать, смертность населения стала увеличиваться. Появилось много бездетных семей. В настоящее время в России преобладает однодетная семья. Малодетная семья, особенно однодетная, уникальна. В ней возникают многие трудности и, в первую очередь, связанные с воспитанием единственного ребёнка. Однодетность негативно влияет на характер ребёнка, на детско-родительские отношения. С начала 70-х годов наблюдается отчетливая тенденция увеличения числа детей рождённых вне зарегистрированного брака. В 1970г. каждый 10-й новорождённый появлялся вне брака. У женщин до 20 лет каждое 5 рождение – вне брака.

Новая структура семьи обуславливается чётко проявляющимся процессом её нуклеаризации. От 50 до 70% молодых супругов хотят жить отдельно от родителей. С одной стороны это благотворно сказывается на молодой семье, т.к. в ней быстро идёт адаптация к новым ролям, условиям жизни, меньшая зависимость от родителей, способствует формированию ответственности. Но с другой стороны такая семья лишается систематической помощи родителей, особенно в период рождения ребёнка, когда она особенно необходима.

Появились и другие (альтернативные) семьи. Это семья, где мужчина, имея жену и детей и поддерживая их, в то же время имеет ещё и любовницу и так же её содержит. Обе семьи знают о существовании друг друга. Такая форма семьи получила название семья – конкубинат. Нередки, стали семьи, где муж и жена живут в отдельных квартирах. Это так называемый годвин-брак.

Анализируя жизнедеятельность семьи в современной ситуации, необходимо отметить некоторую формализацию семейных отношений, когда семейная жизнь строится на выполнении обязанностей без особых душевных затрат, когда акцентируются в семье материальные проблемы, когда в общении семьи нет теплоты, заботы, внимания. Формализация отношений сопровождается эмоциональным отторжением родителей от детей, которое проявляется как нравственно-психологическое противостояние отцов и детей. Несмотря на разного рода трудности, семья в жизни человека является одной из главных ценностей. Так, согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения, 65% опрошенных отметили, что основную роль в их жизни играет семья, 26% назвали эту роль семьи достаточно значимой.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

В.А. Постоева, С.В. Борзых, Томск, Россия

«... Человек – и картина, и художник одновременно.
Он – художник своей собственной личности».
«Человек всего лишь капля воды... но капля с боль-
шим тщеславием».

Альфред Адлер

Со времен эпохи Возрождения человек рассматривается как творец и архитектор «здания» собственной личности. С момента появления и развития конструкционистского подхода в психологии считается, что человек способен конструировать собственный социальный мир, личность, жизненный путь и новый уровень сознания.

В XXI в. человечество осуществляет переход к технотронной цивилизации, в условиях которой возможно решение вопросов продления человеческой жизни через конструирование человеческого тела и его элементов. Современная наука предлагает множество путей личного бессмертия – от изменения генетических программ (обновления клеточного вещества с сохранением в нем информационного поля) до трансплантации мозга в клонированное тело или в искусственно созданное тело киборга [1, 2, 3].

Человек – филогенетически сложившийся вид, появился на Земле в результате длительного историко-эволюционного развития. Биологическая эволюция человека шла, прежде всего, по пути развития мозга. Оно протекало по пути постоянного возрастания удельного веса вторичных и третичных зон коры. Процесс этот происходил медленно и занял более 500-550 тыс. лет. Человечество не только представляет собой единый биологический вид, но имеет к тому же общие универсальные характеристики, глубокие основания мышления и поведения, которые возникли в ходе длительной эволюции сенсорных, перцептивных, когнитивных и эмоциональных реакций на природные факторы нашей Вселенной [4, 5, 6]. Резонно предположить, что именно универсальные когнитивные характеристики облегчат путь конструирования человеческого мозга. Получены данные, что пересаженная мозговая ткань, в отличие от других органов не поддается отторжению [1]. Роберт Солсо подчеркивает, что современные люди являются последним поколением естественных существ: «Форма, которую приобретет

искусственный интеллект в этом столетии, удивит всех. Я предвижу появление имплантанта, который позволит создать наполовину робота, наполовину органического человека, вычислительные способности которого (под чем я подразумеваю способность понимать мир и Вселенную) будут на порядок выше, чем наши» [3].

Возможно, такой имплантант спасет школьников и студентов от информационной перегрузки и когнитивной интоксикации в наш век информационного «шока», но проблема в том, сможет ли он помочь развить мозг младенца или предупредить старение мозга, или изменить патологическую морфологию мозга в случае ее наличия?

Когнитивные психологи используют различные нейрокогнитивные методы исследований, быстро развивающиеся в последние десятилетия и позволяющие глубже и подробнее изучать мозг. Искусственный интеллект способен перерабатывать информацию только последовательным образом. Мозг одного человека по своей способности осуществлять параллельно-распределенную обработку информации превосходит все компьютеры мира. В нестандартных жизненных ситуациях мозг человека может мыслить сложным образом в «каскадном», «лавинообразном» режиме.

Нейрокогнитивное развитие человека в процессе онтогенеза протекает по принципу «Используй или потеряй мозг!». На развитие нервной системы, когнитивных способностей ребенка влияет его окружение. Для функционирования нервной системы ребенка необходима ее стимуляция. В процессе развития потенциала человеческого мозга протекают два процесса: функциональная проверка, при которой полезные синаптические связи в мозге становятся более постоянными, и селективное устранение, при которой неиспользуемые синаптические связи ликвидируются как бесполезные [2, 3, 7]. Способность перерабатывать информацию параллельно-распределенным образом может быть развита или уничтожена у ребенка в процессе воспитания и обучения. Клонирование человеческого мозга невозможно без дальнейшего обучения и воспитания его носителя в человеческой среде, причем, в среде, тождественной развитию оригинала для клона мозга.

Впечатляющие компьютерные технологии стали частью нашей ежедневной жизни. Современные компьютеры взяли на себя многие функции человеческой деятельности. Но пока они не могут моделировать человеческое мышление и творчество. Конечно, компьютерные устройства могут выступать в роли интерфейса между нервной системой и искусственными протезами. Но можно сделать вывод, что даже

самые смелые прогнозы в области достижений нейрокогнитологии не дают оснований для замены человеческого мозга в случае необходимости даже суперкомпьютером с искусственными нейронными сетями без роботизации человека. Фрейджер Р., Фейдимен Дж. подчеркивают, что ум человека – нечто волшебное, и его процессы с помощью компьютерных устройств механически не воспроизвести [8].

Когнитивные антропологи считают, что «рай и ад находятся между ушами». Люди по-разному радуются жизни. Критерии получения удовольствия вариативны и многообразны: кто-то радуется встрече с друзьями, кто-то встрече с очередным материальным приобретением и т.д. Российские ученые Поршнева Б. и Диденко Б. предложили собственную концепцию антропогенеза, согласно которой человечество представлено четырьмя различными подвидами: «удавами», «оборотнями», «кроликами» и неоантропами (в терминологии авторов теории). Основой классификационного разделения человечества являются не расовые или национальные особенности, а различная морфология головного мозга [1].

Первые два вида – хищные виды, любители власти и денег, приносят в наш мир жестокость, бесчестность и бессовестность. Данный подвид (15 % от общей численности) – это так называемые сильные мира сего, стремящиеся захватить главенство в любых властных иерархических структурах человеческой деятельности. Они обладают суггесторными способностями и могут через врожденную интердикцию подавлять волю других людей. От них исходит религиозная, этническая нетерпимость, насилие, изуверские эксперименты над людьми. Те хищные гоминиды, которым не хватило места во властных структурах, становятся асоциальными элементами (преступниками, «ворами в законе», революционерами и т.п.). Некоторая часть этого подвида, прежде всего – суггесторы, входит в состав богемной части среднего класса. С точки зрения авторов данной концепции, у хищных гоминид работа центральной нервной системы и психосоматических структур не отличается многообразием. Можно предположить, что их морфология мозга основана на получении удовольствия только от власти, денег, унижения и уничтожения других людей.

Третий вид – «человек разумный» в собственном смысле этого слова (75%). Это диффузный вид, представители так называемых «среднего» и «низшего» классов. «Кролики» обладают гипертрофированной конформностью, легко поддаются актуальной агитации.

Четвертый вид – неантропы (10%), самая «оразумленная» часть человечества, непосредственно смыкающиеся с диффузным видом, но отделившаяся от них на каком-то этапе антропогенеза. Это духовная, интеллектуальная элита; неантропы тесно взаимодействуют с природой, занимаются наукой, техникой, духовными поисками и часто находятся в состоянии отстраненности от окружающей их «мировой грызни». Нравственный прогресс человечества осуществляется именно деятельностью неантропов. Только они способны противостоять интердикции хищных гоминид. Начиная с эпохи Средневековья, неантропы стали занимать высокие посты в официальных властных структурах.

Не существует каких-либо особых препятствий для поднятия диффузного вида на неантропный уровень. Нужны только соответствующие благоприятные социальные условия и специальные методы воспитания ребенка для пресечения хищного «научения».

Концепция российских антропологов уже частично доказана современной нейронаукой. И резонно встают вопросы, можно ли гармонизировать мозговую деятельность, т.е. «переконструировать» мозг у хищных гоминид? Можно ли научить человека жить более радостно и находить удовольствие в обычной человеческой повседневности?

Мартин Селигман, один из создателей современной позитивной психологии, предлагает пересмотреть достижения человеческой эволюции и направить все наши усилия на развитие положительных индивидуальных достоинств, достижение духовного роста, жизнерадостности в беспроектных для человека ситуациях любви, дружбы и воспитания детей [9]. С точки зрения Селигмана, важнейшая заповедь родительского кодекса состоит в обучении ребенка жизни в «потоке духовного удовлетворения», воспитании у него позитивных эмоций, увеличивающих и развивающих интеллектуальный, социальный и физический потенциал.

Антонио Менегетти, основоположник онтопсихологии и онтопедагогика, предлагает собственную теорию эволюции подлинного и истинного человека. Онтопсихология поставила перед собой специфическую задачу – формирование из обычного современного человека на основе его природного потенциала «гениального отличия» – «точного человека».

Точный человек – это человек с природной интенциональностью, с открытой интуицией, умеющий создать более широкое семантическое поле, обогащающее «Я». «Ин-се» (душа) точного человека функционирует на принципах духовной удовлетворенности, радости, здоровья

и связана на основе общего Бытия с космосом. Современное общество страдает от недостатка людей творческих, обладающих высочайшим интеллектом и способных на духовное, научное и культурное возрождение. С точки зрения Менегетти, повсюду происходит угнетение людей тривиальностью и биосоциальной усредненностью: «Везде и всюду превалирует стандарт – от музыки до живописи, от политики до управления финансами». Люди с особым рвением защищают свой футляр, свою оболочку, свою обертку, в которой они созданы и существуют, нежели собственную душу. Существование лишь ради служения футляру заканчивается потерей человеком творческой силы [10].

Человек изобретателен в создании искусственного рая и хочет без лишних усилий с помощью современных технологий быть счастливым. Духовный рост и психологическое здоровье человека достигается только собственными усилиями, и многие люди, обладая немалым состоянием, помогающим легко достичь жизненного комфорта и благополучия, умирают с чувством внутреннего опустошения, так и не изведав самого главного – духовного благополучия.

Генная инженерия как гениальный скульптор искусной рукой создаст человеку идеальное тело. Возможно, уже в недалеком будущем мы увидим обладающих властью и денежным капиталом, совершенных телом патриархов-долгожителей «Адама» и «Еву» технотронной цивилизации с распадающейся личностью, дряхлеющим или полубезумным мозгом, чьи возможности давно исчерпаны, а ресурсы давно прожиты. Они как раковые клетки будут множиться, внедряться в здоровой организм человечества, лишая полноценной жизни вновь рождаемые поколения людей.

Литература

1. Панкин С.Ф. Религиозная антропология. М.: Флинта, МПСИ, 2006.
2. Андерсон Джон Р., Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2007.
3. Солсо Р., Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2007.
4. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб.: Еврознак, 2003.
5. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология. М.: ИНФРА-М, 2005.
6. Столяренко В.Е., Столяренко Л.Д. Антропология – системная наука о человеке. Ростов н/Д.: Феникс, 2004.
7. Когнитивные исследования: Сборник научных трудов в/ Под ред. В.Д. Соловьева. 2006. Вып. 1.
8. Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Личность: теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Еврознак, 2006.

9. Селигман М. Новая позитивная психологи: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
10. Менегетти А. Проект – человек. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

В.И. Ревякина, Томск, Россия

Человек как субъект и объект исследования является столь многообразным и сложным в своих проявлениях и свойствах, что служит основанием для изучения многих наук, а сама проблема человека относится к так называемым вечным вопросам.

С точки зрения И.Канта, человек – самый главный предмет науки, а познание человека является важнейшим условием понимания мира в целом. В аксиологическом контексте человек рассматривается как высшая ценность общества.

В современных условиях человеку необходимо быть субъектом в своем обозримом будущем, то есть он должен стать не просто послушным исполнителем чьих-то идей, и не только квалифицированным «кадром», способным грамотно использовать полученные знания и умения в поисках единственно правильного решения в возникающих проблемных ситуациях. Сегодня требуется личность, способная находить не одно, а множество вариантов решений и реализовывать свою природную сущность – быть творцом своей жизнедеятельности. Теоретически любой человек, хотя бы в мечтах, стремится к идеальному состоянию, к самостроительству, и многие люди реально способны к авторству своего развития, которое они подчиняют выбранной цели. Люди с высоким уровнем интеллекта всегда представляли ценный капитал, своеобразный «золотой фонд» общества. Общеизвестно, чем больше умных людей в государстве и чем лучше используется их интеллектуальный потенциал, тем могущественнее держава.

Что касается сферы образования, то педагогический идеал включает интегративные показатели непрерывного личностного роста, отражающие высокую степень взаимодополнительности и единства разнокачественных свойств человека. К таким показателям следует отнести:

- Высокий уровень интеллекта как залог широкой эрудированности, общей и профессиональной культуры личности;

- Способность человека соотносить со своей индивидуальной системой ценностей понятия, идеи и теории, полученные в ходе познавательной деятельности;
- Способность оценивать адекватность ближних и дальних целей проектирования жизнедеятельности своему творческому потенциалу;
- Умение предвидеть в решении реальной проблемной ситуации перспективы самосовершенствования и делать выбор в пользу личностного роста;
- Способность к саморефлексии, умение фиксировать изменения, происходящие в собственном мировосприятии, находить их причины и давать им оценку;
- Высокий уровень речевой и терминологической культуры, выразительность речевого поведения, включая эмоционально-оценочную тональность высказывания, отсутствие шаблонных фраз [1].
- Владение навыками исследовательской деятельности – определяющего фактора профессиональной культуры и компетентности человека.

Единицей интеллектуального развития личности выступают творческие акты как проявление взаимосвязанных действий, направленных на познание, присвоение, преобразование, интерпретацию общечеловеческих и педагогических ценностей. Продуктивность творческих актов, в свою очередь, определяется качеством сформированных исследовательских умений в результате погружения человека в поисково-исследовательскую работу.

Как правило, у большинства людей мотивация к исследовательской работе закладывается еще на школьной скамье. Становится очевидным, что выявление талантливых и интеллектуально одаренных учеников, формирование их активной позиции, умения грамотно работать с научной литературой и информацией, развитие их креативности – все это составляет основные задачи общеобразовательного учебного заведения.

Насколько молодой человек успешен в продвижении по своему самостоятельному жизненному маршруту и конкурентоспособен – безусловно, во многом определяется этапом школьного образования. Это обязывает конкретизировать приоритетные задачи общеобразовательной школы, нацеленные на преемственность связей с высшей школой, на личностно-ориентированный непрерывный образовательный процесс, способствующий выработке исследовательских навыков

школьников – абитуриентов вузов и потенциальных аспирантов, развитию у них качеств креативности и, таким образом, обеспечивающий успешность индивидуальной образовательной траектории молодого человека.

Однако, сегодня при явно выраженной динамике системы общего образования, для всех очевидными становятся противоречия между устоявшейся традиционной формой организации учебного процесса и возросшими требованиями, которые предъявляет общество к личности и уровню общеобразовательного развития выпускника школы; между потребностью старшеклассника к аккумуляции интеллектуального и творческого потенциала и почти полным отсутствием в массовой общеобразовательной школе (особенно в сельской) соответствующей поисково-исследовательской среды. Эти противоречия обостряют проблемы развития исследовательской деятельности старшеклассников, нацеливают на поиск возможных форм, способов и условий ее продуктивной организации.

Среди уже известных, положительно зарекомендовавших себя, достаточно перспективных форм включения старшеклассников в научно-исследовательскую работу, следует назвать созданные в отдельных школах научные объединения учащихся (НОУ), активно практикующие разработку силами учащихся (в группе и индивидуально) проектов когнитивной, креативной и социальной значимости. Как показывает опыт, для молодого человека овладение основополагающими элементами научно-исследовательской деятельности на этапе школьного обучения есть гарантия бесконфликтного восхождения на более сложную в образовательно-содержательном и социализирующем плане вузовскую ступень учебного заведения любого профиля, а педагогического в особенности.

В педагогической теории имеется множество подходов к процессу подготовки и профессиональному росту педагогических кадров посредством различных форм. Проанализировав различные подходы, можно выделить одну из наиболее распространенных в педагогической теории и практике – научно-исследовательскую деятельность педагога.

При переходе к информационному обществу, характеризующемуся постоянным ростом объемов знаний, все более важным для всех субъектов непрерывного педагогического образования становится умение вести самостоятельную научно-исследовательскую работу. Приобщение к научно-исследовательской деятельности в системе

педагогического образования осуществляется как в рамках проведения человеком собственных научных изысканий, так и в результате участия в научных проектах и программах разного уровня. Исследовательская работа интегрирует профессиональные теоретические знания, практические и организационно-коммуникативные умения, является фактором интеллектуального развития личности, её общей и педагогической культуры. Сущность исследовательской работы определяется природой познавательной деятельности, которая отражается в действиях человека и связана с получением, хранением, переработкой информации об объектах в пространстве и времени.

Современное образование по окончании молодым человеком вуза представляет собой иерархию образовательных учреждений, гарантирующих непрерывность в системе постдипломного образования. Данная система выполняет следующие основные функции:

- *Компенсаторную*, предусматривающую ликвидацию тех пробелов, которые не смогли заполнить предшествующие этапы образования;
- *Адаптивную*, то есть подготавливающую человека к изменившимся профессиональным и жизненным ситуациям. Неизбежное при этом личностное и профессиональное развитие надо рассматривать как процесс опережающей адаптации к новшествам;
- *Стимулирующую* творческое развитие профессионала и повышение возможностей его научного и карьерного роста.

Развитие и совершенствование исследовательских умений личности на этапе последипломного непрерывного образования требует высокой степени мотивационных потребностей и таких форм самоорганизации, которые создают условия для этого процесса. Наиболее известные, продуктивные формы – аспирантура, а также система повышения квалификации и переподготовки специалистов. Становление и совершенствование исследовательских умений может быть охарактеризовано как длительный, сложный процесс через прохождение человеком этапов, связанных с усвоением методологических знаний, умений, навыков, с присвоением этих знаний и их применением в практической исследовательской деятельности. Содержанием деятельности в период обучения в аспирантуре являются характерные для исследования в научной сфере изучение теоретических основ выбранной проблематики, определение научно-методологического аппарата исследования, выбор методик, сбор эмпирического материала, его анализ и обобщение, формулирование выводов.

Опыт подготовки научных кадров в системе аспирантуры Томского государственного педагогического университета позволяет утверждать, что внедрение комплексной модели научно-методического и психолого-педагогического сопровождения аспирантов, педагогов-исследователей, докторантов не мыслится без постоянно действующей Школы молодого ученого (ШМУ). В рамках ШМУ проводятся постоянно действующие в течение учебного года ежемесячные методологические семинары для начинающих аспирантов- первокурсников, экспертные семинары (второй год обучения в аспирантуре) как внешняя экспертиза и своеобразная репетиция предзащиты. В качестве экспертов выступают аспиранты и докторанты, кандидаты и доктора наук. Усилия организаторов ШМУ нацелены на повышение общенаучной исследовательской культуры педагога-исследователя, на органическое соединение инновационных форм с уже сложившимися, традиционно и официально установленными. Научное сопровождение исследовательских поисков будущих ученых включает в себя: системно функционирующую службу научных консультантов, обеспечивающих групповой и индивидуальный консалтинг; организацию педагогической практики будущих вузовских преподавателей с учёными степенями; лекции и практикумы по основам методологии научного исследования с нарастанием содержательной и научной сложности, плановые тематические научные конференции молодых ученых с обязательным участием в них студентов-старшекурсников – потенциального резерва поступающих в аспирантуру.

Критериями сформированности исследовательских умений выступает готовность к постоянной, а не эпизодической исследовательской деятельности, которая является целостной системой обобщённых профессионально-личностных качеств человека, структурно оформлена и выражает осознанное отношение к исследовательской работе как составляющей профессиональной педагогической деятельности.

В качестве главного результата соискателя ученой степени выступает не только своевременно, успешно защищённая диссертация, но и последующая непрерывная научно-исследовательская работа самого преподавателя-исследователя в качестве руководителя научного объединения, активного пропагандиста научных знаний в студенческой среде, организатора традиционных студенческих Дней Науки.

Литература

1. К.В. Гавриловец, Т.Е.Титовец. Целостность человека как педагогическая категория // Педагогика 2007. № 10. С. 13–20.

КОНСТИТУИРОВАНИЕ И ОБОСНОВАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ (АРИСТОТЕЛЬ, ПЛАТОН, КАНТ, Г.П. ЩЕДРОВИЦКИЙ)

В.М. Розин, Москва, Россия

В ряде своих работ Г. Щедровицкий ясно осознает, что онтологические представления об изучаемых объектах он порождает сам, приписывая этим объектам на методологических схемах определенные характеристики. При этом чуть ли не главную роль в этой процедуре, считает Щедровицкий, играют средства методолога (включая, его «испорченность»).

«Эта конструкция, – пишет Г. Щедровицкий, – вводимая исследователем-логиком для объяснения процессов познания (речь в статье идет о познании человека. – В.Р.), обобщает и синтезирует множество познавательных актов, проведенных разными исследователями на различном эмпирическом материале, и в его предмете выступает в роли формального эквивалента того видения объекта изучения, которое у исследователей, работу которых он описывает, существовало в виде особого *содержания сознания* и определялось всем строением используемой ими «машины» (хотя в первую очередь – имеющимися в ней средствами). После того как онтологическая картина построена, исследователь-логик в своем анализе и изложении материала делает трюк, известный под именем *схемы двойного знания*: он утверждает, что настоящий объект изучения был именно таким, каким он представлен в онтологической схеме, и после этого начинает относиться к ней и оценивать относительно нее все, что реально существовало в познавательных ситуациях...

Особое место среди всех возникающих здесь методологических проблем занимают проблемы *определения границ* предмета изучения и включенного в него идеального объекта. Они содержат два аспекта: 1) определение структурных границ объекта на самой графически представленной схеме и 2) задание того набора свойств, который превращает эту схему в форму выражения идеального объекта и конституирует ту действительность изучения, законы которой мы ищем»¹.

«Объект как особая организованность, – пишет Щедровицкий в другой работе, – задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности»².

---

¹ Щедровицкий Г.П. «Человек» как предмет исследования // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С. 371–372, 376.

² Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. С. 154

«Осуществляется полный отказ от описания внешнего объекта. На передний план выходит рефлексия, а смысл идеи состоит в том, чтобы деятельно творить новый мыследеятельный мир и вовремя его фиксировать, – и это для того, чтобы снова творить и снова отражать, и чтобы снова более точно творить. Поэтому фактически идет не изучение внешнего объекта, а непрерывный анализ и осознание опыта своей работы»¹.

«Система методологической работы создается для того, чтобы развивать все совокупное мышление и совокупную деятельность человечества... напряжение, разрыв или проблема в мыследеятельности не определяют еще однозначно задачу мыследеятельности; во многом задача определяется используемыми нами средствами, а средства есть результат нашей «испорченности», нашего индивидуального вклада в историю, и именно они определяют, каким образом и за счет каких конструкций будет преодолен и снят тот или иной набор затруднений, разрывов и проблем в деятельности»².

Итак, источником построения методологических схем, на основе которых строятся и онтологические представления, утверждает Щедровицкий, является не внешняя реальность, а филиация его собственных представлений или, как он пишет, «средств».

Однако Щедровицкий понимает, что претензии на познание предполагают специальные процедуры, позволяющие утверждать, что построенные методологические схемы являются не просто игрой ума методолога, а именно моделями и знаниями в отношении действительности.

«Называя деятельность системой и полиструктурой, – пишет Щедровицкий, – мы стремимся задать “категориальное лицо” научных предметов, в которых она, по предположению, может быть схвачена и адекватно описана. Это определение, следовательно, нельзя понимать непосредственно объектно: говоря, что деятельность есть система, мы характеризуем в первую очередь *наши собственные способы анализа и изображения деятельности*, но при этом хотим, чтобы они соответствовали изучаемому объекту, но опосредованно – через *научный предмет*»³.

Как можно здесь понять фразу – «но опосредованно – через научный предмет»? Думаю, так. Да, деятельность – это в первую очередь

---

¹ Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Вопросы методологии. 1997. № 1-2. С. 124.

² Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Там же. С. 112.

³ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. С. 245.

собственные способы работы Щедровицкого, но нужно, чтобы они соответствовали изучаемому объекту. Выход указал еще Маркс, утверждая, что его прогноз о смене капиталистической формации на социалистическую построен со всей строгостью точной науки, что за ним стоит закон исторического развития общества. Сходно мыслит и Щедровицкий: чтобы наши собственные способы анализа и изображения изучаемого объекта были ему адекватны, говорит он, нужно эти способы подчинить норме научной деятельности (которую Щедровицкий называет «научным предметом», содержащим такие эпистемологические единицы как «проблемы», «задачи», «онтология», «модели», «факты», «знания», «методики», «средства выражения»¹). Щедровицкий уверен, что эта норма схватывает сущность изучаемого объекта, законы его формирования.

А если это не так? Кстати, опыт Маркса, да и самого Щедровицкого, конкретные методологические программы которого (в семиотике, педагогике, дизайне, психологии) оказались неудачными и не были приняты учеными, показал, что выявить нужные законы не так-то просто. Кроме того, даже если такие законы выявлены, не факт, что они будут действовать в условиях современности.

Таким образом, первый аргумент в обосновании методологической работы таков: она строится (должна строиться) на основе подлинного понимания научной деятельности, на основе законов явления, выявленных в ходе правильного научного познания. Но, как быть, если оппоненты сомневаются, что Щедровицкий реализует подлинное и наиболее современное научное мышление? Тогда предлагается второй аргумент – методология в лице Щедровицкого вошла в прямой контакт с мышлением.

«Итак, – говорил Щедровицкий, полемизируя с Сагатовским, – основная проблема, которая встала тогда, в 50-е годы – звучит она очень абстрактно, я бы даже сказал схоластически, не боюсь этого слова, – это проблема: так, где же существует человек? Является ли он автономной целостностью или он только частица внутри массы, движущаяся по законам этой массы? Это одна форма этого вопроса. Другая – творчество. Принадлежит ли оно индивиду или оно принадлежит функциональному месту в человеческой организации и структуре? Я на этот вопрос отвечаю очень жестко: конечно, не индивиду, а функциональному месту! Утверждается простая вещь: есть некоторая культура, совокупность знаний, которые транслируются из поколения

¹ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. С. 246

в поколение, а потом рождается – ортогонально ко всему этому – человек, и либо его соединят с этим самым духом, сделают дух доступным, либо не соединят»¹.

В одном из последних интервью Щедровицкого мы читаем: «Со всех сторон я слышу: человек!.. личность!.. Вранье все это: я – сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше... Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления, моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент – мне было тогда лет двадцать – я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя, как человека суть... Все наше поведение – это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, *но никак не творение индивидуального ума*. И в этом смысле я говорю: игра – играет, а мышление – мыслит»².

Получается, что мыслит, действует и общается не Щедровицкий, а его и другие мышления. Сам же Щедровицкий – только «гипостаза и материализация, организм мысли». Стоит обратить внимание на то, что «сесть на человека» мышление может лишь при определенных условиях, и Щедровицкий их четко оговаривает: это марксистская концепция формирования человека, предполагающая усвоение им средств, выработанных культурой и социумом. В этом случае человек, присвоивший себе в ходе образования часть социокультурных форм, именно своей активностью и деятельностью может продолжить их жизнь и даже создавать новые социокультурные формы.

В этом ключе можно, например, понять двоякую трактовку Щедровицким рефлексии. С одной стороны, рефлексия – это рефлексия методолога, за счет творчества которого происходит развитие деятельности, с другой – это развитие самой деятельности, появление в ней новых форм кооперации и новых организованностей. Вспомним «на передний план выходит рефлексия, а смысл идеи состоит в том, чтобы деятельно творить новый мыследеятельный мир и вовремя его фиксировать...» Одновременно оказывается, что рефлексия – это не только и не столько осознание своей деятельности человеком, сколько кооперация в деятельности и создание обеспечивающей ее организованности материала (практической, методической, инженерной, научной и прочее).

---

¹ Щедровицкий Г.П. Сладкая диктатура мысли // Вопросы методологии. 1994. № 1-2. С. 56-57

² Щедровицкий Л.П. А был ли ММК? // Вопросы методологии. 1997. № 1-2. С. 9, 12.

«Отношение рефлексивного поглощения, выступающее как статический эквивалент рефлексивного выхода, позволяет нам отказаться от принципа «изолированного всеобщего индивида» и рассматривать рефлексивное отношение непосредственно как *вид кооперации между разными индивидами* и, соответственно, как *вид кооперации между разными деятельностями*. Теперь суть рефлексивного отношения уже не в том, что тот или иной индивид выходит «из себя» и «за себя», а в том, что *развивается деятельность*, создавая все более сложные кооперативные структуры, основанные на принципе рефлексивного поглощения»¹.

Понятно, что упрямый оппонент может продолжать сомневаться и не поверить, что Щедровицкий избран мышлением в качестве мессии, знаменующего приход нового мышления. Тогда появляется третий аргумент, который можно назвать социологическим: Щедровицкий постоянно подчеркивал, что за ним стоит школа (ММК), что его исследования опираются на работы участников этой школы (Н.Г.Алексеева, И.С.Ладенко, В.А. Лефевра, Б.В. Сазонова, О.И. Генисаретского, В.Я.Дубровского, В.М. Розина, А.С. Москаевой, Н.И. Непомнящей, Н.С. Пантиной, А.А. Пископея, А.Г. Раппапорта, Б.Г. Юдина и других).

Создание организационно-деятельностных игр (ОДИ), которые рассматривались как полноценная методологическая практика, поскольку в ней методологи получали в свое распоряжение (во власть), правда, только на период игры, специалистов-предметников и могли им предписывать, как мыслить и действовать, можно считать еще одним добавочным аргументом в обосновании методологических построений²¹⁰. Щедровицкий этим как бы хочет сказать: «смотрите, летает» (подобно тому, как, в конце концов, самолет или ракета, созданные на основе законов физики, полетели). Но летает или нет, это не так-то просто понять. Дело в том, что участники игр Щедровицкого, вроде бы успешно «перекованные» во время игры, выходя из нее и попадая в свои старые рабочие «места», оказывались или бессильными реализовать полученные принципы методологии или вовсе не способны продолжать свою прежнюю работу (некоторые даже меняли профессию).

Традиционно мыслящий философ может задать естественный вопрос, почему автор, рассматривая аргументы Щедровицкого, не начал с самого основного – требований (правил и категорий) логики,

---

¹ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. С. 276

² Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды.

ведь именно они задают правильность мышления и всех онтологических построений. Кто знаком с историей методологии Московского методологического кружка, знает, что Щедровицкий со товарищи начинали с критики и отрицания формальной логики, собираясь вместо нее построить новое логическое счисление на основе изучения законов развития научного мышления. Обсуждая в программной статье «О различии понятий «формальной» и «содержательной» логик» методологию изучения мышления, Щедровицкий пишет:

«Итоги этого этапа исследования:

- а) алфавит операций мышления,
- б) ряд относительно замкнутых однородных систем знаковой формы, объединяемых в формальные исчисления (что эквивалентно логическим правилам. – В.Р.),
- в) знание о составе и принципах организации множества научных рассуждений (этот шаг представляет собой реализацию идеи построения логики науки. – В.Р.).

Все эти разнородные элементы должны быть теперь объединены и сведены в одну «историческую теорию» мышления как такового... разработанная в этом направлении «содержательная логика» сможет стать теоретическим основанием «логики науки», позволит выработать новые высокоэффективные методы обучения и сделает возможным инженерное моделирование мышления»¹.

Выступая против формальной логики, Щедровицкий видел преимущество и даже пафос содержательно-генетической логики в *деятельностной ее трактовке*, позволяющей по-новому анализировать форму и содержание знания (они сводились к объектам и операциям), с другой – в *семиотической трактовке* мышления. В соответствии с последней мышление понималось как деятельность со знаками, позволяющая схватывать результаты сопоставления объектов знания с эталонами (так определялось содержание знания) в определенной форме (знаковой) и затем действовать с этой формой уже как с целостным самостоятельным объектом.

Но на следующем этапе, начиная с середины 60-х годов, задача построения науки о мышлении Щедровицким на время отставляется в сторону и ставится новая – построения «теории деятельности». При этом казалось, что поскольку мышление – это один из видов деятельности, то, создание такой теории автоматически позволит описать и законы мышления. Здесь Щедровицкий понял, что ему нужен

¹ Щедровицкий Г.П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Избранные труды. С. 44, 49.

какой-то язык и правила для анализа деятельности. Понял в частности потому, что уже не было коллектива равных ему участников, которые *в процессе самой работы, обсуждений и диалога задавали «логику»*, и потому, что установка на построение логики была еще достаточно сильна. Размышляя о том, как построить модель человека для педагогики, он пишет следующее.

«Педагогика требует такого научного знания о человеке, которое бы объединяло все три описанных выше представления о человеке, синтезировало бы их в одном многостороннем и конкретном теоретическом знании... Но сегодня теоретическое движение не может ее разрешить, ибо нет необходимых для этого средств и методов анализа. Задачу приходится решать сначала на методологическом уровне, вырабатывая средства для последующего теоретического движения, в частности на уровне методологии системно-структурного исследования»¹.

То есть таким языком и правилами, по мнению Щедровицкого, является язык системного подхода. Категории системы, утверждает Щедровицкий, «определяют методы изучения как деятельности вообще, так и любых конкретных видов деятельности»². Анализ работы «Человек» как предмет исследования» и ряда других показывает, что принципы системного подхода и системные представления для Щедровицкого в этот период заменяют логику.

«Каждая из этих схем (речь идет о схемах, по которым строятся в науке модели «человека». – В.Р.) требует для своего развертывания особого методического аппарата системно-структурного анализа. Различие между ними распространяется буквально на все – на принципы анализа и обработки эмпирических данных. На порядок рассмотрения частей моделей и относящихся к ним свойств, на схемы конструирования разных «сущностей», превращающих эти схемы в идеальные объекты, на схемы связи и объединения свойств, относящихся к разным слоям описания объекта»³.

Другая функция системно-структурного анализа в работах Щедровицкого – обеспечивать синтез и конфигурирование разных предметов знания, разных объектных представлений, что тоже можно отнести к ведению логики, правда, понимаемой широко.

Итак, вместо логики в методологии Щедровицкого выступает системный подход. При этом Щедровицкий отдает себе отчет, что подобно тому, как представители ММК выступили против формальной

¹ Щедровицкий Г. «Человек» как предмет исследования. С. 370.

² Щедровицкий Г. Исходные представления теории деятельности. С. 242.

³ Щедровицкий Г. «Человек» как предмет исследования. С. 376.

логики, утверждая, что она не описывает современное мышление, подобное же, по сути, возражение может быть выдвинуто против системного подхода. Поэтому Щедровицкий предпринимает радикальный шаг, он утверждает, что системный подход нужно построить заново в рамках самой методологии.

«Главная идея нашего предложения состоит в том, чтобы объединить разработку системного подхода с разработкой новых приемов и способов мышления, которые мы называем «методологическими»... специфика системного подхода может быть определена только при описании структуры и форм организации методологической работы, ибо, по нашему убеждению, системный подход существует только как подразделение и особая организованность методологии и методологического подхода»¹.

В начале 80-х годов, обсуждая особенности методологической работы, Щедровицкий пишет, что «продукты и результаты методологической работы в своей основной массе – это не знания, проверяемые на истинность, а проекты, проектные схемы и предписания. И это неизбежный вывод, – поясняет Щедровицкий, – как только мы отказываемся от слишком узкой, чисто познавательной установки, принимаем тезис К.Маркса о революционно-критическом, преобразующем характере человеческой деятельности»². Отсюда вытекало, что если системный подход должен быть построен в рамках методологии, его нужно спроектировать, исходя из методологических задач. Одновременно, предполагалось, что сами методологические построения нужно проработать с точки зрения заново выстроенных системно-структурных категорий.

«У нас, – пишет Щедровицкий, – могут быть только две стратегии: 1) непосредственно приступить к «делу» и начать конструировать системно-структурные представления, не зная, как это делать и что должно получиться в результате, либо же 2) спроектировать и создать такую организацию, или «машину деятельности» которая бы в процессе своего функционирования начала перерабатывать современные системно-структурные представления в стройную и непротиворечивую систему системных взглядов и системных разработок... то, что это будут методологические представления, гарантируется устройством самой «машины». При этом «система методологической работы создается для того, чтобы развивать все совокупное мышление и совокупную

¹ Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Избранные труды. С. 94, 101–102.

² Там же. С. 96.

деятельность человечества», «обеспечивать постоянное и непрерывное системное развитие деятельности»¹.

Намеченную программу совместного построения методологии и системного подхода Щедровицкий и реализует в 80-х годах. Таким образом, еще одним аргументом в обосновании методологических построений выступает системный подход в варианте Щедровицкого. В данном случае, поскольку системный подход строится в рамках методологии, а методология строится как реализация системного подхода, этот четвертый аргумент можно трактовать как условие самоорганизации методологии. Впрочем, и другие аргументы в значительной степени – это определенные условия самоорганизации методологии, поскольку и наука, и мышление, и практика в методологии осмысляются и перестраиваются в методологическом ключе.

Итак, в плане обоснования, методология выглядит непреступной крепостью? Подвесим пока этот вопрос, но предварительно заметим, что из претензий на единственно правильный подход и реформу всего мышления никогда ничего хорошего не получалось. Даже самые удачные философские проекты, например, Аристотеля и Канта, не могли вытеснить другие философские взгляды на действительность. Кроме того, как уже отмечалось, программы реформирования конкретных наук и дисциплин, намеченные Щедровицким, оказались неудачными; представители соответствующих наук и дисциплин не обратили на эти программы внимание, а сами методологи их реализовать не смогли.

Ссылки Щедровицкого на Канта выглядят скорее как полемика с его взглядами. Но, на мой взгляд, Щедровицкий повторяет многие ходы мысли великого немецкого философа. Действительно, подход Канта во многом напоминает методологический, если не является таковым, по сути (правда, методология методологи рознь). Известно, Кант говорит о метафизике, но каким образом. Осуществляя критику, ставя задачу реформирования метафизики, на основе вечных законов разума, утверждая, что главное в научном познании конституирование явления мыслящим субъектом, а не его описание.

«Наш век есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все... [наш век] не намерен больше ограничиться мнимым знанием и требует от разума, чтобы он вновь взялся за самое трудное из своих занятий – за самопознание и учредил бы суд, который бы подтвердил справедливые требования разума, а с другой стороны, был бы в состоянии устранить все неосновательные притязания –

¹ Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Избранные труды. . С. 109–110, 112.

не путем приказания, а опираясь на вечные и неизменные законы самого разума. Такой суд есть не что иное, как критика самого чистого разума... Задача этой критики чистого разума состоит в попытке изменить прежний способ исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей... если метафизика вступит благодаря этой критике на верный путь науки, то она сможет овладеть всеми отраслями относящихся к ней знаний».

«Но свет, – пишет Кант, – открылся тому, кто первый доказал теорему о равнобедренном треугольнике (безразлично, был ли это Фалес или кто-то другой); он понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре или в одном лишь ее понятии, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам а priori, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения). Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного им самим сообразно его понятию»¹.

Более того, Кант утверждает, что познающий (мыслящий) субъект имеет «возможность как бы а priori предписывать природе законы и даже делать ее возможной»². При этом, однако, Кант не забывает подчеркнуть, что эта возможность не произвольна, а ограничена, с одной стороны, априорными представлениями (понятиями и категориями), с другой – опытом, представляющим систему природы на уровне явлений, с третьей стороны, законами самого разума, которые и описывает Кант. В частности, Кант пишет:

«Однако даже и способность чистого рассудка не в состоянии а priori предписывать явлениям посредством одних лишь категорий большее количество законов, чем те, на которых основывается природа вообще как закономерность явлений в пространстве и времени. Частные законы касаются эмпирически определенных явлений и потому не могут быть целиком выведены из категорий, хотя все они им подчиняются. Для познания частных законов вообще необходим опыт, хотя в свою очередь знание об опыте вообще и о том, что может быть познано как предмет опыта, дается нам только упомянутыми априорными законами»³.

---

¹ Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964. С. 75-76, 91-92, 86.

² Там же. С. 210.

³ Там же. С. 213.

Итак, в плане обоснования три аргумента: от нормы научного мышления (надо мыслить по образу и подобию естествознания и математики), со стороны разума (надо конституировать действительность сообразно понятиям), от практики (нельзя выходить за пределы опыта, иначе столкнешься с парадоксами). Самый весомый аргумент второй, но каким образом Кант понимает, что такое разум.

Начиная обсуждение этого вопроса, Кант соглашается с Д. Юмом, говоря, что «неоспоримые и неизбежные при догматическом методе противоречия разума с самим собой давно уже лишили авторитета всю существовавшую до сих пор метафизику»¹. Однако, почему бы, как это мы делаем сейчас, не признать плюрализм разных философских взглядов, раз они уже вышли на публичную арену? Но в XVII–XVIII вв., подобно тому, как это было в классической античности, философы были уверены, что истина одна и разум в качестве верховной инстанции может быть только один. Им было непонятно, почему существуют разные, а иногда и прямо противоположные философские объяснения мира, Бога или человека.

«Есть нечто печальное и удручающее в том, – пишет Кант, – что вообще существует антитетика чистого разума и что разум, высшее судилище для всех споров, вынужден вступать в спор с самим собой»². Обратим внимание, как Кант говорит – «спор разума с самим собой», когда мы бы сказали иначе – «разные философские взгляды и концепции». Подобное убеждение Канта прямо вело к критической установке по отношению к другим философским системам и задаче, как бы мы сегодня сказали, реформирования существующей в тот период философии, чем Кант и занимается. С одной стороны, он понимает философскую работу как «критику», с другой – как революционную перестройку философии на новых твердых основаниях («основоположениях»).

Одной из центральных проблем философии нового времени, начиная с Ф.Бэкона, был вопрос о том, кто направляет разум (мышление) человека. В средние века всегда можно было сказать, что Бог, но теперь, прямо апеллировать к нему было невозможным. Впрочем, Кант и не обосновывает действие разума божественным провидением и волею. Тогда, что значит субъект «сам» предписывает природе? Ведь, не произвольно же? По Канту получается, что разум человека следует «вечным и неизменным законам» разума. Другими словами, судя

---

¹ Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964. С. 120.

² Там же. С. 618

по всему, разум Кант понимает двояко: как разум отдельного эмпирического человека и разум как таковой, как особую природу, законам которой подчиняется отдельный эмпирический разум, отдельный правильно мыслящий человек. В какой степени сам Кант осознавал этот двойной смысл используемого им понятия разума, сказать трудно, поскольку в своих работах он этот вопрос прямо не обсуждает. Но философы, идущие вслед за Кантом (Фихте, Шеллинг и Гегель), именно на осмыслении этого момента и другом решении проблемы понимания природы разума построили свои концепции.

Кое-что все же мы можем сказать о связи этих двух сторон разума, анализируя семантику высказываний Канта. Так разум «осуществляет синтез», «выходит за пределы опыта», «впадает в антиномии» и т.п. Обсуждая антиномии разума, Кант пишет, что разум «заставляет выступать в защиту своих притязаний» философов, ведущих спор, однако, с другой стороны, что философ является «законодателем разума»¹²³. Получается, что разум – это своеобразное «разумное» существо, которое, не имея собственных органов, действует с помощью и через людей. Или по-другому, разум осуществляет себя (существует) именно и только в мышлении всех отдельных мыслящих людей. Тем не менее, роль философов особая: как законодатели разума они выступают в качестве «разума» самого разума.

Вторая характеристика разума – направлять рассудок², третья – выступать в качестве своеобразных оснований логики³. Характеризуя трансцендентальную логику. Кант пишет, что она «содержит безусловно необходимые правила мышления, без которых невозможно никакое применение рассудка, и потому исследует его, не обращая внимание на различия между предметами, которыми рассудок может заниматься... Общая, но чистая логика, – продолжает он, – имеет дело исключительно с априорными принципами и представляет собой канон рассудка

¹ Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964. С. 592, 684.

² В данном случае Кант на уже хорошо известное отношение соответствующих способностей (рассудка и разума) проецирует отношение между дисциплинами, то есть философией и наукой. Этот ход, отчасти, воспроизводит аристотелевский, только на место философии ставился разум, а на место науки – рассудок. Разум, пишет Кант, «никогда не направлен прямо на опыт или на какой-нибудь предмет, а всегда направлен на рассудок, чтобы с помощью понятий а priori придать многообразным его знаниям единство, которое можно назвать единством разума и которое совершенно иного рода, чем то единство, которое может быть осуществлено рассудком... применение разума только регулятивное, и цель его – вносить насколько возможно единство в частные знания...» (там же, с. 342, 555).

³ Если рассудок есть способность создавать единство явлений посредством правил, то разум есть способность создавать единство правил рассудка по принципам... подобно тому как мы назвали чистые рассудочные понятия категориями, мы обозначим новым термином также и понятия разума, а именно назовем их трансцендентальными идеями...» (там же, с. 174, 342, 348-349).

и разума, однако только в отношении того, что формально в их применении, тогда как содержание может быть каким угодно... В этой науке, следовательно, необходимо иметь в виду два правила.

1) Как общая логика она отвлекается от всякого содержания рассудочного познания и от различий между его предметами, имея дело только с чистой формой мышления.

2) Как чистая логика, она не имеет никаких эмпирических принципов, стало быть ничего не заимствует из психологии (как некоторые хотят этого), которая поэтому не имеет никакого влияния на канон рассудка. Она есть доказательная наука, и все для нее должно быть достоверно совершенно *a priori*¹.

Итак, чистая логика по Канту – это и правила мышления, и канон рассудка (разума), и наука, и система априорных принципов, и характеристика чистой формы мышления. Как это можно понять? Вспомним, что для Канта разум, с одной стороны, органическое природное целое, с другой – мышление людей. Если философия рассматривается в отношении к первой стороне, то она выступает как наука, а ее основоположения – положения, выражающие законы разума. Если же ко второй стороне, то философия – это логика, ее основоположения совпадают с правилами мышления. Наконец, если философию рассматривать как законодателя разума, то она есть канон рассудка. В качестве правил мышления, законов и канона философские основоположения, действительно, не должны зависеть ни от мыслящих субъектов, ни от конкретного содержания мысли, то есть описывают, как говорит Кант, чистые формы мышления.

Но если Кант понимает философию как науку, напоминающую естественную (ведь только в этом случае можно было говорить о вечных и неизменных законах разума), ему необходимо было иметь или построить что-то вроде математики, иначе, как философ мог связывать знания или понятия, осуществлять синтез, определять опыт, и каким образом сам Кант конструировал свою трансцендентальную философию? Естественная наука опирается на математику, конструкции которой она использует в качестве средств построения своих понятий, а на что мог опереться Кант? И для создания правил мышления Канту необходим был какой-то конструктивный язык, вспомним хотя бы «Аналитики» Аристотеля (для описания своих правил последний вводит такие понятия как посылка, термин, силлогизм, отношение включения и другие, кстати, независимые от содержания конкретных суждений).

---

¹ Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964. С. 155–156.

Но заметим, в «Критике чистого разума» есть особый слой терминов и понятий, который мы сегодня относим к системному подходу. Так Кант широко использует понятия «функции» (функции рассудка), «системы», «систематического единства», «целого», «анализа и синтеза», «связи», «обусловленности». Вот пример. «Рассматривая все наши рассудочные знания во всем их объеме, – пишет Кант, – мы находим, что то, чем разум совершенно особо располагает и что он стремится осуществить, – это систематичность познания, то есть связь знаний согласно одному принципу. Это единство разума всегда предполагает идею, а именно идею о форме знания как целого, которое предшествует определенному знанию частей и содержит в себе условия для априорного места всякой части и отношения ее к другим частям»¹.

Анализ этой цитаты позволяет понять роль в мышлении Канта системных представлений. Его мысль и рассуждение движутся одновременно в двух плоскостях: плоскости представлений о разуме (это есть целое, все части и органы которого имеют определенное назначение и взаимосвязаны) и плоскости единиц (знаний, понятий, категорий, идей, принципов и т. п.), из которых Кант создает здание чистого разума. При этом каждая единица второй плоскости получает свое отображение на первой, что позволяет приписать ей новые характеристики, обеспечивающие нужную организацию всех единиц построения. Именно структурно-системные представления позволяют осуществить подобное отображение и по-новому (системно) охарактеризовать все единицы построения. Этот момент, в частности, объясняет, почему Кант настойчиво подчеркивает преимущество синтеза над анализом, а также важность установки на целое (единство):

«Наши представления должны быть уже даны раньше всякого анализа их, и ни одно понятие не может по содержанию возникнуть аналитически. Синтез многообразного (будь оно дано эмпирически или а priori) порождает прежде всего знание, которое первоначально может быть еще грубым и неясным и потому нуждается в анализе; тем не менее именно синтез есть то, что, собственно, составляет из элементов знание и объединяет их в определенное содержание». А вот еще два высказывания. «Отсюда видно, что при построении умозаключений разум стремится свести огромное многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов (общих условий) и таким образом достигнуть высшего их единства... разум имеет отношение только к применению рассудка, притом не поскольку рассудок содержит

---

¹ Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964. С. 553–554.

в себе основание возможного опыта... а для того, чтобы предписать ему направление для достижения такого единства, о котором рассудок не имеет никакого понятия и которое состоит в соединении всех действий рассудка в отношении каждого предмета в абсолютное целое»¹.

Канту кажется, что его задача реформирования философии в своей основе вполне совпадает с аристотелевской. В связи с этим имеет смысл вспомнить, что сделал Аристотель. Стагирит создал достаточно эффективную систему правил, позволявших классифицировать рассуждения, отделяя правильные, то есть не приводящие к противоречиям, от неправильных, и строить правильные рассуждения. Он построил категории, на основе которых создавались понятия и идеальные объекты античных наук, причем именно категории позволяли при создании этих понятий, идеальных объектов и самих наук применять правила. Стагирит обосновал и замкнул систему правил и категорий, связав категории и начала наук отношениями управления, включения и другими (в его системе одни начала и науки подчинялись другим, единое содержало многое, многое отождествлялось с разумом и божеством и т. д.). Аристотель разделяет ощущение и мышление, показывая, что первое есть «форма чувственно воспринимаемых качеств вещей», а второе связано с рассуждением, научным познанием и категориально может быть представлено как «форма форм».

Поскольку Аристотель только создавал «здание» рационального мышления, понимание им строгости мышления было существенно иным, чем во времена Канта. Наука еще не отделилась от философии, математика от других наук, вообще научная организация знаний не могла выступить в качестве идеала для мышления. Для Аристотеля более существенными, вероятно, были конструктивные мотивы (то есть возможность увязать между собой создаваемые им интеллектуальные построения – прежде всего, начала); не меньшее значение играли для него и личностные мотивы, например, реализация собственных ценностей, идеалов, понимание целей и способов работы. Напротив, для Канта научное мышление, прежде всего математика и естественная наука, выступали в качестве идеала любого строгого и обоснованного мышления.

Но к XVIII в. разошлись не только философия и наука. В самой науке наметилось различие двух основных слоев – эмпирического и теоретического. Третий слой – оснований науки еще не сформировался, его функцию выполняла философия (метафизика). Различение

---

¹ Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964.. С. 173, 344, 358

науки и философии, а также эмпирического и теоретического слоя было для Канта хорошо известным, из этого он исходил. В плане существования Канта принимал картину, включающую три «персонажа» – человека, который «сам творит, связывает, синтезирует», природу (Мир), законы которой человек познает, и Бога, замыслившего и создавшего этот Мир.

Разум Кант рассматривает двояко: с одной стороны, он часть природы, поэтому можно говорить о познании «вечных и неизменных законов разума», с другой – разум человека в некоторых отношениях подобен разуму Творца, однако только в некоторых отношениях, позволяющих познать мир и самого человека. Наличие в природе конечного числа законов, открытие Кеплером и Ньютоном законов тяготения и солнечной системы, вообще успехи естествознания убеждали Канта в разумном, божественном происхождении природы и существовании Бога. Если Аристотелем отдельные науки понимались как части философии, непротиворечиво описывающие те или иные области бытия, то философы XVII-XVIII вв. начали рассматривать науки в качестве искусственных интеллектуальных построений («систем»), удовлетворяющих ряду принципов. Например, в «Трактате о системах» Кондильяк пишет:

«Всякая система есть не что иное, как части расположенных частей какого-нибудь искусства или науки в известном порядке, в котором они все взаимно поддерживают друг друга и в котором последние части объясняются первыми. Части, содержащие объяснение других частей, называются принципами, и система тем более желательна, чем меньше число ее принципов: желательно даже, чтобы число их сводилось к одному»¹.

Таким образом, Кант понимает системный подход, прежде всего, как особую методологическую стратегию, обеспечивающую не просто объединение разных элементов метафизики, а позволяющую придать всему построению *органичность*, обусловленную их принадлежностью к разуму. В идее науки, понимаемой как система, сошлись два важных момента – научное объяснение мира как целого, то есть как системы природы, и объяснение самой науки как продуманной (устроенной «систематически») интеллектуальной конструкции. Если для Творца сама природа выступала в качестве подобной интеллектуальной конструкции, отсюда и законы природы, то для ученого – наука, объясняющая природу. При этом ученый, познавая и открывая законы природы,

---

¹ Кондильяк Э. Трактат о системах. М., 1938. С. 3.

в каком-то смысле должен был уподобиться Богу, повторяя (воспроизводя) его способ, точнее логику, творения.

Представления о рассудке, разуме или синтетическом единстве апперцепции в философии Канта, если ее рассматривать как науку, являются идеальными объектами. В принципе, выделение идеальных объектов в науке происходит частично на основе опытных (эмпирических) соображений, скажем необходимости описать в науке реальные объекты, сложившиеся в донаучном состоянии; частично соображений теоретических, например, в ходе сведения новых идеальных объектов, вводимых в теорию, к идеальным объектам, уже изученным в ней. И Кант мог бы так поступить, например, безо всяких доказательств считать, что человек, природа и Бог должны в его системе выступить как идеальные объекты. Но он хочет строго вывести необходимость выделения рассматриваемых им идеальных объектов, а также определить последовательность их изучения.

Для этого Кант, во-первых, доказывает, что в мышлении имеет место постоянная сдвигка от описания процессов к описанию условий, их обуславливающих, затем сами эти условия рассматриваются как процессы, что позволяет нащупать следующие условия и т. д., во-вторых, умозаключение он трактует тоже по «логике» сдвигки от суждений к основаниям в направлении последнего основания, в-третьих, Кант утверждает, что можно нащупать органическую связь между соответствующими объектами. Разум, пишет Кант, «в своем логическом применении ищет общее условие своего суждения (вывода), и само умозаключение есть не что иное, как суждение, построенное путем подведения его условий под общее правило (большая посылка). Так как это правило в свою очередь становится предметом такой же деятельности разума и поэтому должно искать условия для условия (посредством просиллогизма), восходя настолько, насколько это возможно, то отсюда ясно, что собственное основоположение разума вообще (в его логическом применении) состоит в подыскивании безусловного для обусловленного рассудочного знания, чтобы завершить единство этого знания. Но это логическое правило может сделаться принципом чистого разума только при допущении, что если дано обусловленное, то вместе с тем дан (то есть содержится в предмете и его связях) и весь ряд подчиненных друг другу условий... нельзя не заметить, что между самими трансцендентальными идеями существует определенная связь и единство и что чистый разум посредством их приводит все свои знания в систему. Продвижение от знания о самом себе

(о душе), к познанию мира и через него к познанию первосущности столь естественно, что кажется подобным логическому продвижению разума от посылок к заключению».

Если следовать принципу, согласно которому синтез предшествует анализу и обуславливает последний, то начинать, говорит Кант, необходимо именно с конца, то есть идти от познания абсолютного единства, но если от того, что нам дано в опыте, то наоборот, первые объекты исследования – явления нашей души, другими словами, последовательность рассмотрения другая – «от психологии, к космологии и от нее к познанию бога».

Реализация этой методологической стратегии, уверен Кант, выступает одновременно обоснованием предложенных им онтологических построений. Но такой же ход мысли мы видим в работах Щедровицкого.

Замыкая всю систему дискурса, Кант, правда, осторожно, отождествляет абсолютное единство с Богом. Иначе он и не мог поступить, ведь замыкание философской системы предполагает не только указание на реальность, с которой бы согласились основные участники культурной коммуникации (в данном случае философы и их читатели), но также возможность реализовать собственные идеалы и ценности. Однако среди этих идеалов у Канта были не только вера в Бога, но также в разум и точную науку. Каким же образом Кант совмещает эти, на первый взгляд противоположные, начала? Нужно сказать, достаточно органично, на основе самого замысла трансцендентальной философии. Истолковывая разум одновременно как разумную деятельность людей и как органическое разумное целое (существо), действующее посредством мышления людей, Кант получает предположительную возможность не только отождествить Бога с этим разумным существом, то есть с разумом, но даже приписать Творцу антропоморфные характеристики. Понятно, что на личностном уровне (то есть вне философского дискурса, на уровне непосредственного ощущения реальности) Кант был убежден, что Бог и есть разум. Здесь он также продолжает аристотелевскую традицию.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕДВЫБОРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Рыбаков, Барнаул, Россия

Недавно появившиеся технологии передачи данных в сетях сотовой связи позволяют создавать и воплощать на практике новые модели

взаимодействия не только между гражданами, но и между гражданами и государством. Примером чего являются ведущиеся во многих странах разработки моделей альтернативного участия граждан как в политических процессах в целом, так и в кампаниях по выборам органов власти в частности. Речь идёт о голосовании посредством сотового телефона.

Инновация сегодня основывается на расширении применения компьютерных сетей и сотовой связи в процессе коммуникации людей. А реализация на её основе различных типов народного волеизъявления (референдумы, выборы) является простым и удобным инструментом политической агитации, позволяющим, кроме всего прочего, оперативно получать от избирателей обратную связь.

Распространение сотовой связи способствовало появлению широкого спектра дополнительных услуг, самые популярные из которых основаны на использовании SMS. Однако сегодня в мировой практике ещё ни одна политическая партия комплексно не использует в качестве коммуникационного инструмента для политической деятельности возможности сотовой связи.

Предоставление возможности голосовать на выборах органов власти с помощью сотового телефона является целевым инструментом вовлечения в политическую жизнь молодёжи (слоя граждан, достаточно пассивно относящегося сегодня к политике). Для молодёжи сотовый телефон – не просто средство коммуникации, а инструмент жизнедеятельности. И создание решений для участия в выборах с помощью технологий сотовой связи – вопрос времени.

Использование инновационных технологий в политических процессах приведёт к трансформации общей логики проведения предвыборных кампаний. Так, по мнению экспертов, проблема неявки избирателей на участки будет решена, что, в свою очередь, приведёт к борьбе за традиционно аполитичные слои электората – молодёжь и представителей среднего класса. Наличие публичного контроля за ходом голосования ликвидирует саму возможность предположения о подтасовках его результатов [1, с. 6].

Надо быть готовыми к тому, что внедрение такой формы волеизъявления наверняка столкнётся с недоверием, как со стороны политических партий, так и со стороны рядовых избирателей. Чтобы этого избежать, необходимо внедрить в государственную деятельность профессиональную проверку использования новых систем [1, с. 3].

В США с 1998 года успешно применяется разрабатываемая компанией Election.com технология голосования через Интернет. Все проведённые с её помощью голосования на съездах политических партий, собраниях акционеров крупных корпораций, конференциях профсоюзов и различных общественных организаций показали, что выборы через Интернет являются по сравнению с «традиционными» более быстрыми, экономичными, а также безопасными с точки зрения защиты от подтасовок и фальсификаций.

По словам главы компании Election.com («компания глобальных выборов») Джо Мохена «Интернет-голосование – «это будущее демократии» и самый верный гарант обеспечения действительного волеизъявления граждан». Ещё одно важное достижение: в электронных выборах, проводимых клиентами Election.com, стало принимать участие гораздо больше молодых людей. И это, как считает Джо Мохен, принципиально важно, ибо, голосуя, молодёжь определяет своё будущее, не передоверяя это право людям преклонного возраста, которые во всех странах – при традиционном голосовании в избирательных участках – проявляют гораздо большую активность. С внедрением Интернет-голосования в политическую практику к избирательному процессу неизбежно подключиться и та часть экономически активного населения, которая иногда игнорирует выборы просто в силу своей занятости. Тем более выборы через Интернет можно проводить не обязательно в один день [2, с. 32]. Так же как и при традиционном способе голосования.

В 2002 году Лейбористская партия Великобритании предложила зарегистрированным пользователям своего сайта возможность подписки на партийные новости, а также ряд других информационно-справочных SMS-услуг. Однако вскоре SMS-информирование явилось инструментом политической агитации «цветных» революционеров от Филиппин от Украины. Постепенно стала происходить трансформация технологий сотовой связи от инструментов политической агитации к механизмам избирательных процедур. Так, в 2001 году в Маниле филиппинцы добились отставки президента страны Эстрады в том числе и путём организации массовой рассылки SMS-сообщений содержащих антипрезидентские лозунги и призывы выйти на улицы. Миллионы филиппинцев приняли участие в уличных демонстрациях. В декабре 2002 года молодёжь Южной Кореи повлияла на исход выборов президента страны, противопоставив консервативной прессе массовую рассылку SMS-сообщений в день голосования. Когда по результатам

exit-poll стало известно, что один из кандидатов проигрывает, то была организована кампания по увеличению явки его сторонников. Для этого был задействован Интернет-сайт, было отправлено около миллиона электронных писем и несчётное количество SMS-посланий. В результате победа досталась проигрывавшему кандидату в течение нескольких последних часов работы избирательных участков. С помощью SMS в 2003 году в Грузии и в 2004 году на Украине координировались действия «революционных» избирателей. Методы и приёмы организации таких мероприятий развиваются сегодня очень быстро, также как и количество владельцев сотовых телефонов, использующих их как инструмент доступа в Интернет [1, с. 83; 87].

В феврале 2004 года в России была проведена акция «оSMыСливая выборы» – первое в мировой практике SMS-голосование по выборам президента страны. Целью акции являлось повышение активности молодёжи и среднеобеспеченных слоёв населения, традиционно проявляющих низкий интерес к выборам. SMS-голосование было выбрано как современная, малозатратная и привычная для данных слоёв граждан форма коммуникации. В то же время организаторы осознавали, что голосование будет отражать мнение избирателей проживающих в основном в крупных городах. Для участия в акции было необходимо в течение 29 февраля отправить со своего сотового телефона на номер +7-921-333-00-00 SMS-сообщение, в котором соответствующей цифрой обозначался номер кандидат в Президенты Российской Федерации, за которого голосовал абонент. Номера кандидатов в SMS-голосовании соответствовали их номерам в реальном избирательном бюллетене: 1 – Сергей Глазьев, 2 – Олег Малышкин, 3 – Сергей Миرون, 4 – Владимир Путин, 5 – Иван Рыбкин, 6 – Ирина Хакамада, 7 – Николай Харитонов, 0 – Против всех.

Акция была реализована совместно с контент-провайдером INFON и Российским фондом свободных выборов. В ней приняли участие 113970 человек. Первые «голоса» стали поступать контент-провайдеру за несколько дней до официальной даты. Но они не учитывались. Некоторые сообщения содержали некорректные данные – например, вместо номера кандидата в сообщении указывалась фамилия или собственные комментарии. В итоге организаторы мероприятия выпустили пресс-релиз, в котором ещё раз описали правила и время проведения акции. Технология подсчёта голосов имела следующие особенности: сообщения, поступившие с одного номера более одного раза, и сообщения, отправленные через Интернет-шлюзы операторов

сотовой связи автоматически не учитывались. За Владимира Путина проголосовали 61,9 % участников акции. За Ирину Хакамаду отдали свои голоса 19,9 %. Третье место занял кандидат «Против всех» – 9,9 %. Сергей Глазьев набрал 4,9 % голосов, Николай Харитонов – 1,3 %. Каждый из остальных кандидатов в Президенты России набрал менее 1 % SMS-сообщений. Во всероссийской акции «oSMыСливая выборы» участвовали абоненты 105 операторов сотовой связи из Австралии, Беларуси, Великобритании, Германии, Израиля, Казахстана, Канады, Кипра, Латвии, Люксембурга, Молдовы, Нидерландов, Норвегии, ОАЭ, Польши, России, Украины, Финляндии, Чехословакии, Швеции, Эстонии, Югославии. Большинство текстовых сообщений были адресованы Владимиру Путину и Ирине Хакамаде. Самая большая активность голосующих была в период с 18:00 до 21:30 мск [1, с. 9-10; 27–30].

Сегодня сотовая связь может эффективно дополнять и усиливать влияние традиционных предвыборных технологий и уменьшать себестоимость производства и передачи информации от кандидата к избирателям прямо пропорционально масштабу охваченной территории (т.е. чем больше избирателей получают сообщение кандидата, тем меньше будет плата за обслуживание сервиса). И что особенно важно – сотовый телефон гарантирует политику, что избиратели заметят его сообщение.

Сегодня пользователей сотовой связи значительно больше, чем пользователей сети Интернет. И для того, чтобы на ближайших федеральных выборах (2011 год – выборы в Государственную Думу РФ, 2012 год – выборы Президента России) российские избиратели могли голосовать с помощью сотовых телефонов (примерно так как сегодня они голосуют в различных телешоу) за кандидатов в органы исполнительной и законодательной власти, необходимо решить три задачи:

1. Правое обеспечение – разработка, внесение изменений и дополнений (с учётом имеющейся отечественной и международной практики) в существующие законодательные акты, регулирующие избирательный процесс, рынок услуг сотовой связи и информационную сферу.
2. Технологическое обеспечение – проработка механизмов голосования (ЦИК РФ совместно с операторами сотовой связи) и их физическая реализация операторами сотовой связи.
3. Информационно-психологическое обеспечение (просветительская работа с населением: необходимо создать психологическое позитивное восприятие голосования на выборах органов власти с помощью сотового телефона, особенно для лиц среднего и старшего возраста).

Литература

1. Каневский М. Мобильный дозор. OSMыСливая политику. М.: Европа, 2006. 160 с. (Технологии).
2. Волин Е. Как наклеить президента // Коммерсант Власть. 2000. № 51. С. 32.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПЕДАГОГА КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ЕГО САМОКОНСТРУИРОВАНИЯ

К.П. Свидерский, Томск, Россия

Среди социальных условий, влияющих на конструирование педагога, следует считать его развитие в процессе своей профессиональной деятельности. Важной личностной характеристикой развития является его профессиональный опыт. Профессиональный опыт как способ самоконструирования личности определяет у педагога характер ориентации на поиск профессиональной индивидуальности, обеспечивающей эффективность образовательной деятельности, отказ от однообразия, одинаковости и методической штампованности. Успешность позитивного развития профессионального опыта у педагога обеспечивает формирование у учащихся опыта познавательной деятельности и способности их применять свои знания. Таким образом, профессиональный опыт педагога является одним из основополагающих факторов профессиональной успешности педагога в его практической деятельности.

Мы рассматриваем профессиональный опыт педагога, не только как продукт многообразной деятельности, а как результат его профессионального развития. В отношении профессионального опыта педагога сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, огромное количество исследований, так или иначе связанных с изучением педагогической деятельности, а с другой стороны, недостаточное внимание к особенностям становления профессионального опыта педагога. Всё это свидетельствует о том, что «значительно меньше исследованы возможности и критерии достижения педагогической зрелости» [1]. Профессиональный опыт педагога является методологической характеристикой его профессиональной деятельности, потому что он позволяет «разрешать противоречия между процессами познания и преобразования» социально-педагогической практики [2]. Кроме того, в одном случае, профессиональный опыт педагога является фактором качества профессиональной деятельности педагога, способствующего

позитивному конструированию, а в другом – негативному конструированию. В последнем профессиональный опыт педагога является основой «деструктивных изменений в его профессиональной деятельности» [3]. В этих противоречивых представлениях, свидетельствующих о многогранности профессионального опыта педагога, просматривается его амбивалентный характер, в котором выделяются две его различные формы: конструктивную и деструктивную. Причём, эти формы амбивалентного характера очень тесно переплетаются и часто «маскируются» друг под друга. В силу чего очень трудно различать конструктивные деструктивные процессы. Потребность различать эти процессы выводит нас на создание модели профессионального опыта.

Исследование феномена профессиональной деятельности педагога, которым является профессиональный опыт, приводит нас к его определению [4]. Профессиональный опыт педагога – это интегративное качество конструктивно развивающейся личности педагога, обеспечивающей ведущим типом деятельности эффективное решение учебно-воспитательных задач.

Интегративность профессионального опыта определяется тремя взаимообусловленными составляющими: инструментально-деятельностной, когнитивно-диссонирующей и креативно-мотивационной. Инструментально-деятельностная составляющая профессионального опыта является его источником и природосообразным местом его реализации. Когнитивно-диссонирующая составляющая профессионального опыта характеризуется интеллектуальным конфликтом – противоречием между известными способами эффективной деятельности и практическими профессиональными задачами, которые не могут быть разрешены ранее известными способами. В этом случае осуществляется разрешение возникшего противоречия и на основании когнитивности анализа происходит формулировка новой задачи и потребность нового знания. Эту ситуацию в своё время В.С. Швырева [5] определил как «теоретическая загруженность опыта». Теоретическая загруженность опыта истолковывается действенным фактором научного знания и его дальнейшего совершенствования только тогда, когда опыт теряет свою независимость от той теории, в качестве эмпирического базиса которой он выступает. Эффективность разрешения этой задачи определяются креативно-мотивационной составляющей, основная задача которой творческая **систематизация выявленных способов** решения на основании целостного понимания проблемно-конфликтной ситуации педагогического процесса. В этом случае, чем более

творческий характер имеют выявленные способы, тем выше мотивация деятельности. В этом проявляется характер «развивающейся действительности» [6] профессионального опыта, как продукта не только многообразной деятельности педагога, но и важного фактора самоконструирования личности.

Генезис профессионального опыта за последние сто лет свидетельствует о неравномерности развития его составляющих. При демократических социальных условиях составляющие профессионального опыта развиваются равномерно и имеют самый оптимальный характер влияния на самоконструирование человека. При социальной гипертрофированности и идеологической ангажированных социальных условий (20–90 гг.) составляющие профессионального опыта формируются неравномерно и самоконструирование человека носит однобокий характер. В этом случае существенно заужены возможности когнитивно-диссоциирующей составляющей, которая существенно деформирует возможности креативно-мотивационной части профессионального опыта. Взаимообусловленное развитие составляющих профессионального опыта оптимально влияют на самоконструирование человека характерно конструктивному профессиональному опыту. В условиях неравномерности развития составляющих профессионального опыта, негативно влияющего на самоконструирование человека характерно деструктивному профессиональному опыту.

Важным фактор, влияющим на развитие профессионального опыта, следует считать способность педагога к его самообобщению. Поэтому совершенно не случайно, одним из критериев конкурсного отбора лучших учителей НПО является обобщение профессионального опыта. Кроме того, способность представлять собственный профессиональный опыт является важной составляющей приоритетного национального проекта «Образование». Под самообобщение собственного профессионального опыта мы понимаем, во-первых, исследование собственной профессиональной деятельности, во-вторых, представление своей профессиональной индивидуальности. Кроме того, самообобщение собственного профессионального опыта является не только свидетельством профессионального развития, которое направлено на пропаганду собственных достижений, но и показателем глубины личного иммунитета к профессиональным деформациям. Всё это свидетельствует о возможности успешного самоконструирования в условиях конструктивного профессионального опыта.

Анализ материалов, педагогов, представленных на участие в приоритетном национальном проекте «Образование» убеждает, что самообобщение профессионального опыта выявило массу затруднений, на самых существенных из которых хотелось бы остановиться. Первое затруднение, с которым сталкивается педагог при самообобщении профессионального опыта, является определение темы опыта. Отсутствие конкретности в теме профессионального опыта переводит опыт работы в отчёт о проделанной работе и не определяет того содержательного начала, которое способствует реструктуризации своей профессиональной деятельности и на этой основе развитие профессионального опыта педагога. Следующим затруднением у педагогов в процессе обобщения собственного опыта является несоответствие между характером профессиональной деятельности и способом описания опыта. Отличительной чертой профессиональной деятельности педагога является его гипотетичность. Размышляя над сценарием будущего урока и планом его проведения, педагог руководствуется своими предположениями об условиях эффективного проведения. И эти предположения лежат не только в основе построения плана занятия, но и во время его проведения. Импровизационность проводимого занятия находится в некоторой «окрестности» его предположения или гипотезы занятия. Педагог, обучая других, учит себя как их надо учить только с учётом вектора своего предположения. Позиционность педагога на занятии всегда корреспондируется с его предположением, которое предвосхищает все используемые методы и даёт основания на собственное творческое проявление. Гипотетичность проводимого занятия детерминирует характер и удельный вес применения педагогом различных методов на занятиях. Кроме того, гипотетичность профессиональной деятельности педагога является основой для его профессионального развития, которая продиктована постоянным разрешением дилеммы: либо постоянно «бороться» со своим несовершенством, либо «бороться» со своими учениками. Если педагог руководствуется первым, то тогда у него формируется конструктивный профессиональный опыт. В этом случае, профессиональный опыт способствует педагогу в решении новых практических задач, расширяет поле практического приложения своего творчества, уточняет и конкретизирует научные утверждения, раскрывает новые взаимосвязи её основных положений.

Если вторым, то – деструктивный опыт. В этом случае развивается профессиональная стереотипичность педагога не воспринимает очевидных научных истин. И в этом случае затруднительно самоконструирование.

Многие педагоги не идут дальше чисто описательного уровня, боясь подвергнуть теоретические конструкты опасности разбиться об эмпирию, поэтому фрагментарность подходов к обобщению профессионального опыта педагога, скорее, является правилом, чем исключением. Но отсутствие должного внимания к теоретическим обоснованиям профессиональной деятельности педагога, как подчеркивает В.А. Слостенин [7], доводит эту деятельность до фельдшеризма, что существенно затрудняет эффективность самоконструирования. Важным условием предупреждения этих затруднений у педагогов является усиление роли самообразовательной деятельности в процессе вузовского обучения, на курсах повышения квалификации и практической работе.

«Пробуксовка» основных положений различных реформ второй половины XX века детерминировалось, на наш взгляд, недостаточным вниманием к созданию условий развития профессионального опыта педагога и его самоконструированию. В одной из своих последних своих статей П.Ф. Каптерев отмечал, что «будет очень грустно, если русское учительство ограничиться одной внешней стороной реформы школы, но не сообщит её нового содержания, т.е. не реформирует себя» [8].

Литература

1. Фельдштейн. Д.И. Приоритетные направления развития психолого-педагогических исследований // Бюллетень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации. 2005. № 6, ноябрь. С. 1–11.
2. Липский И.А. Методологический анализ научного знания // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус» Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. 2004. № 2(6). С. 18–31.
3. Сыманюк Э.Э., Тукачев Ю.А. Деструктивные изменения компонентов педагогической деятельности в процессе становления профессионального опыта. / Э.Э. Сыманюк, Ю.А. Тукачев // Образование и наука. 2005. № 4(34). С. 96–105.
4. Свидерский К.П. Профессиональный опыт как феномен профессиональной деятельности педагога: Труды института теории образования ТГПУ. Вып. 2. Томск, 2006. С. 125–132.
5. Швырев В.С. Опыт как фактор научно-познавательной деятельности. М., 1983. С. 6.
6. Турбовской Я.С. Передовой педагогический опыт как объект методологического рассмотрения. В кн.: Методологические и теоретические проблемы изучения, обобщения и использования педагогического опыта / Сост. Тихонова Р.Г. М.: НИИ ОП АПН СССР, 1978. С. 45–48.
7. Слостенин В.А. Профессионально-педагогическая подготовка современного учителя. // Советская педагогика. 1991. № 10. С. 79–81.
8. Каптерев П.Ф. Новая школа в новой России // Педагогический сборник, Октябрь – ноябрь 1917 г. С. 333.

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ГУМАНИТАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Д.Л. Ситникова, Е.А. Ковалевский, Томск, Россия

Феномен путешествий уже прочно связан с понятием инновации [1]. Показано, что категория людей, готовая «совершать путешествия» и испытывать новый опыт является ядром инновационного общества [2, 3]. Установка на получение нового опыта присутствует в путешествии, развивается, крепнет в нем, технологизируется и выходит за пределы собственно путешествий. Путешествующие люди во все времена отличались мобильностью психики, открытостью, успешностью в делах. Готовность совершать открытия, желание изменений, умение выйти за пределы повседневности навстречу новизне – вот секрет успеха современного человека. Путешественники – «видимые, наглядные, живые примеры преодолений и обретений. Их достижения и опыт – со времен Одиссея и до наших дней – прокладывает мосты из царства стандартной обыденности в пространство находок и перемен» [4]. Может быть они обладают технологией изменений?

В своем понимании сущности гуманитарных технологий (ГТ) мы опираемся на статью Б.Г. Юдина [5]. В самом широком смысле ГТ – это технологии, ориентированные на человека [5, с. 20]. Поэтому мы считаем, что главным словом здесь является *технология*. Показана продуктивность понимания технологии как многомерного явления, сложной реальности, которая может быть интерпретирована как информационный процесс, проходящий три стадии: 1) технологического знания; 2) технологического процесса; 3) репликации (тиражирования) продуктов технологического процесса [6, с. 52–53].

Прообразом технологического «способа освоения и, более того, видения мира» выступает исследование. Под исследованием понимается не только познание естественного мира, но и его преобразование, т.е. создание искусственных миров [5, с. 9]. Такой подход, на наш взгляд, позволяет понять сущность технологии. Представим себе процесс превращения исследований планеты Земля путешественниками разных времен и народов в технологию путешествий. Попробуем сравнить этот процесс с экспериментальным исследованием, применяемым в науке.

«Исследование, в частности, экспериментальное исследование – это создание для изучаемого объекта (явления, процесса) условий, позволяющих контролировать оказываемые на него воздействия. При этом внешние воздействия на объект так или иначе ограничиваются, контролируются, благодаря чему можно абстрагироваться

от воздействия одних факторов, чтобы определить, какие изменения вызывает действие других, непосредственно интересующих исследователя. Достижение этой цели становится возможным вследствие того, что экспериментатор создает специальное устройство – экспериментальную установку, – обеспечивающую *воспроизводимый* и четко фиксируемый характер оказываемых на объект воздействий» [5, с. 9]. Путешествие начинается как создание особых условий для производства нового знания, мы покидаем свой дом в поисках новизны, в поисках истины. Цель – получение нового знания. Способ – перемещение путешественника в пространстве, это и есть «эксперимент». «Со временем, однако, выясняется, что тот контролируемый и воспроизводимый эффект, который обеспечивает работа установки, может представлять интерес и помимо решения задач, стоящих перед экспериментальным исследованием...» [5, с. 10]. Оказывается, что путешествие способно не только приносить новые знания, но и обеспечивать особый эффект *первопрохождения* пространства жизни, производства изменений.

«Экспериментальная установка и способы работы с ней преобразуются и, попадая в иной контекст, выступают в качестве *новых технологий*» [5, с. 10]. Путешествие превращается в технологию получения новых знаний, работы с ними. В технологическом контексте интерес представляет эффект сам по себе эффект – те преобразования и превращения, которые он обеспечивает [5, с. 11]. В технологии путешествий важно то, что происходит с самим путешественником.

Из науки в технологии переходят не столько результаты научных исследований, сколько схемы и структуры деятельности, способные породить воспроизводимые полезные эффекты [5, с. 11]. Из многочисленных первопрохождений пространств Земли в технологию путешествий переходят те полезные эффекты, которые позволяют путешественнику эффективно изменять самого себя. И в этом суть путешествия как познавательной деятельности. А этот тип деятельности человека (включая и научную), подчинен практическому преобразованию, изменению окружающего мира и человека [5, с. 13].

В этом смысле палубы корабля, на которых совершались Великие географические открытия, действительно были теми лабораториями [3], которые производили новые знания. Но они произвели и новые технологии, технологии открытия нового, технологии работы над собой, технологии открытия самого себя. А современные туристы – это потребители этих технологий. Но далеко не всякая поездка связана с открытием и изменением, а выход за пределы обыденности не всегда

просто осуществляется, и видимо поэтому «остается одним из главных желаний множества людей, погруженных в монотонность бизнеса и быта, пусть даже – успешного и роскошного. Перспектива такого выхода таит в себе неведомые возможности – освоения новых идей, получения новой информации и знаний; новых образов, впечатлений, переживаний... Ведь это к ним стремятся, их хотят люди» [4].

Чтобы научиться проходить жизнь, мы выбираем модель, близкую нашим мироощущениям. Если модель избрана верно, то эта модель становится самой жизнью. Один из авторов этой статьи (Е.А. Ковалевский) охарактеризовал свой путь как «Путь Человека Реки», основой которого являются понятия «Жизнь это Река», «Река это Жизнь». Чтобы научиться правильно проходить Жизнь, нужно научиться правильно проходить Реку. В своих путешествиях он вновь и вновь находил подтверждение ощущению совпадения сути этих разных, на первый взгляд, понятий. Безостановочно бегущая Река, особенно при прохождении критических препятствий, также как и Жизнь, не позволяет точно повторить ситуацию и требует решения «здесь» и «сейчас». Мы имеем возможность выходить из реки на берег, также как в жизни мы иногда останавливаемся, реализуя возможности созерцания и анализа. После паузы мы возвращаемся в реальный мир и снова движемся, частично используя опыт, систематизированный в покое. Также как в жизни, попыткой повторения мы не способны вернуть и исправить то, что было. Мы можем только заново получить всплеск эмоций, сменить их окраску, пережить полет пылающих страстей, горечь стратегических неудач. Но, возвращаясь, мы не идем вперед! Жизнь это всегда первопрохождение! Первопрохождение Реки дает опыт движения с чистого листа, также как и Жизнь формирует неповторяемую Личность, каждое качество которой уникально. *Первопрохождение Реки фактически моделирует процесс Жизни и развивающейся Личности.*

Исповедуя путешествие по Реке как путешествие по Жизни, мы пытаемся пройти по Реке Жизни максимально эффективно, без сожалений за недостаточность приложенных к самореализации усилий. Но при первопрохождении на Реке условия зачастую гораздо более жесткие, чем в Жизни. Бывают ситуации, при которых мы работаем на острие бритвы, полагаясь на провидение. Мы отрываемся от спасительного берега как основного гаранта жизни, иногда приближаемся к роковой черте и лишь невидимая «серебряная нить» возвращает нас обратно. Возможно, в таком режиме формируется понимание

извечного противостояния или единства жизни и смерти, оптимизируется процесс поиска истины.

Историками и теоретиками туризма зафиксировано, что часто путешествующий индивидуально турист – во время своих поездок как бы получает от посещаемых им объектов ответ, в зависимости от которого он строит свою дальнейшую деятельность. Этот факт хорошо известен гидам туристских групп [7].

На наш взгляд, ситуация путешествия – это ситуация коммуникации с самим собой, с собой «другим». Говоря словами Е. Островского «другой, как находящийся в коммуникации, дан нам для того, чтобы убедиться в себе. В том, что есть я. Если есть другой, есть я». (Е. Островский). В этом смысле путешествует всегда «другой» – я-сегодняшний, я-завтрашний по отношению ко мне вчерашнему. В путешествии отправляются, чтобы убедиться в своем собственном существовании. Если есть я-завтрашний, значит есть я-сегодняшний.

Однако путешествие и приключения возможны только как временная форма. Именно их радикальное завершение есть полное выражение их смысла [9]. Убедиться в своем собственном существовании можно только разорвав связи с жизнью. Приключение предоставляет такую возможность, но это не смерть, а временно порванная связь с жизнью, с повседневной реальностью. «Приключение по самому своему смыслу не зависит от предшествующего и последующего, определяет свои границы независимо от них. Именно там, где непрерывная связь с жизнью столь принципиально отвергается <...> – мы говорим о приключении. Оно подобно острову в море жизни, определяющему своё начало и свой конец в соответствии с собственными силами, а не как часть континента – в зависимости от таких сил по эту и по ту её сторону <...>. Приключение кончается не потому, что начинается нечто другое» [9].

Д. Петров отмечает, что «действительно важные перемены в человеке – его переходы в новые качественные состояния – связаны, как правило, с преодолением привычного хода жизни, с сильными переживаниями, которые, как правило, порождают личные открытия и достижения, которые он затем может использовать как ресурсы творческих планов, решений и проектов» [4]. Используя методологию и язык синергетики эти напряженные ситуации, неустойчивые состояния можно сравнить с критическими режимами в физических системах (равновесные и неравновесные фазовые переходы). В синергетике показана глубокая аналогия в типах поведения между совершенно различными

по своей природе системами при прохождении ими точки возникновения неустойчивости.

Путешествие/приключение – это пример резкого перехода из одного состояния в другое, вид структурного фазового перехода типа «порядок – беспорядок». Опираясь на монографию И.А. Евина [10], выскажем гипотезу о том, что здесь проявляется один из принципов синергетики – принцип устойчивости, смысл которого в том, что мы можем длительное время наблюдать только устойчивые состояния, неустойчивые же быстро распадаются и исчезают. В нашем случае путешествие/приключение – это неустойчивое состояние. Поэтому, если мы встречаем долгоживущих постоянно подвергающихся опасности путешественников, пребывающих основную часть своей жизни в явно неустойчивом по своей природе состоянии, мы восторгаемся. Это необычное, парадоксальное зрелище, сходное с цирковым представлением. Этот факт часто применяется в искусстве. Например, в кино с помощью специальных трюков, создаются неустойчивые состояния, которые производят на зрителя сильное впечатление. Умение управлять неустойчивыми состояниями лежит в основе искусства канатоходцев, жонглеров, вращения артистов балета и т.п. [10, с. 37–43].

Приведенные примеры с неустойчивыми состояниями в художественных произведениях, по мнению И.А. Евина, доказывают, что эти неустойчивости выполняют функции параметра порядка и подчиняют себе всю композицию произведений [10, с. 44]. Возможно, что путешествие/приключение – это такой тип неустойчивости, который выполняет функции параметра порядка повседневной жизни.

Б. Рассел описывая философию Гераклита (учение которого о том, что все находится в состоянии потока – более всего соответствует «Пути Человека Реки»), пишет: «Поиски чего-то вечного – один из глубочайших инстинктов, толкающих людей к философии. Он, несомненно, связан с любовью к дому и желанием найти убежище от опасности. Мы, соответственно, находим, что это стремление наиболее страстно выражено у тех, чья жизнь наиболее подвержена катастрофам» [11, с. 51–60]. Может быть, поэтому среди философов так много путешественников, а среди путешественников так много философов?

Показано, что историю человечества подарили нам путешественники. «В самом прямом смысле – а именно в том, в каком она в изрядной мере представляет собой описание их предприятий» [8]. Не раз подчеркивалось и то, что жизнь есть синоним пути. Путешествие – «это особое действие, позволяющее сконцентрировать в стандартные

отрезки времени куда больше событий, наблюдений, впечатлений, переживаний, поступков и т.д., чем в повседневности. Путешественник постоянно сталкивается с чем-то таким, что прежде лежало вне его опыта... В этом плане к путешествию вполне можно отнести, как к обучению максимально эффективному использованию отпущенного нам времени» [8].

Однако, вслед за А. Тупицыным, мы хотели бы предостеречь об одной ловушке, связанной, на наш взгляд, с технологизацией описанного выше эффекта. Она заключается в том, «что современное общество научилось притворяться и подсовывать человеку нечто старое, называя это новым опытом. Например, традиционный туризм – это тоже форма получения нового опыта, но специальным образом препарированного. В этом путешествии вы не встретитесь ни с чем, что выходит за пределы, поставленные туроператором. В психотерапии вы ходите на технологизированные курсы и не получаете никакого нового опыта за пределами тех границ, которые вам обозначил тренер» [2]. Так как же отделить настоящее путешествие от технологии? Известно, что технология – это «нестрашная» новизна. Поэтому комфортное, безопасное путешествие, лишенное риска, путешествие как товар, – это не путешествие в подлинном смысле слова, это не выход за границы, за пределы обыденности.

Реальное путешествие это всегда «челендж», открытие, во время которого раскрывается способность личности сделать шаг в неизвестность, шаг навстречу опасности. Насколько человек способен перешагнуть через страх; ценой невероятных усилий преодолеть массу долговременных трудностей; идти, когда нет ни сил, ни желания; идти на основе цели, вбитой в сознание и подсознание, настолько реализуется возможность его развития. Двигаясь в неведомое, человек познает себя как микрочастицу макромира, каковым является наша планета. Приобщаясь к природным стихиям, путешественник реально подтверждает то, что он дитя природы. Будь то река, небо или океан.

Находясь на поверхности стихии или прямо в ней, человек находит с водой, землей и небом общий язык, или не находит. Получает новые знания о себе и планете, или не получает. Если это дано конкретному человеку и получается у него, значит это настоящий путешественник и к нему применимы понятия «гуманитарной технологии». Если человеку сложно перебарывать свою немощь, страх, лень и искать новое, быть первопроходцем, действовать на пределе и за пределами своих возможностей, значит у данного человека другие задачи на Земле,

которые ничуть не хуже, чем генетическая страсть путешественников – гуманитарных технологов познания мира. Но радость познания, дарованная путешественнику в силу таинств рождения и возможностей воспитания, настоящий двигатель прогресса и одна из интереснейших и полезных технологий, созданных человеком и самой природой!

Литература

1. Путешествие. Приключение. Поиск // Со-Общение. 2006. № 7-8; 2007. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.soob.ru/n/2006/7-8>.
2. Тупицын А. Гуманитарная инноватика // Со-Общение [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.soob.ru/n/2004/10/0/6>.
3. Касавин И.Т. Предтечи научной революции [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/phnauk5/kasavin.htm>.
4. Петров Д. Ждите корабли, но не жгите мосты // Со-Общение [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.soob.ru/n/2006/7-8/concept/1>.
5. Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек. 2005. № 6. С. 5-25.
6. Жукова Е.А. Hi-Tech: феномен, функции, формы / Под ред. И.В. Мелик-Гайкарян. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2007. 376 с.
7. Зорин И.В., Квартальнов В.А. Туризм как вид деятельности. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.tourlib.columb.net.ua/Lib/Books_tourism/zorin04.htm.
8. Шаг за горизонт как производственная необходимость // Со-Общение [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.soob.ru/n/2006/7-8/concept/2>.
9. Зиммель Г. Путешествие как жизнь // Со-Общение [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.soob.ru/n/2006/7-8/concept/0>.
10. Евин И.А. Синергетика искусства. М., 1993. 171 с.
11. Рассел Б. История западной философии...: В трех книгах. Издание 3-е. М.: Академический Проспект, 2000. 768 с.

ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНАХ КАРЕЛА ЧАПЕКА И КАДЗИО ИСИГУРО

М.В. Соколовская, Екатеринбург, Россия

В докладе рассматриваются политика и функции учебно-воспитательных учреждений в их отношении к принципиальным политическим решениям о должном и допустимом для тех или иных существ и дискуссиям о правах и душе иных существ в фантастических романах Карела Чапека «Война с саламандрами» (1935) [1] и Кадзио Исигуро «Не отпускай меня» (2005) [2].

Новые технологии воспроизводства человека, и иные манипуляции с человеческим телом, могут иметь далеко идущие политические последствия, влияя на то, как мы понимаем себя и субъективность в целом. Технологии ставят вопрос о равенстве возможностей, с одной стороны, и вопрос о судьбе, о предопределенности жизненного пути, которая может опять же переживаться как факт чьей-то политической власти: технологии ввергают тело в процесс производства и, как кажется, тотального контроля. Случайность, непрозрачность наследования человеком тех или иных качеств, по мысли Юргена Хабермаса и других философов, и, можно добавить, даже сомнения в том, возможно ли знание о природной реальности самой по себе, обеспечивает относительную свободу человека и реализацию демократических принципов общественного устройства. Но и без интереса к перспективам, которые открывают биотехнологии, сегодня в ясности вещей часто усматриваются предпосылки тоталитаризма и подавления, в неясном и запутанном видятся возможности равенства и большей справедливости.

Если заходит речь о неясном, нелогичном, о таком мировосприятии, что предполагает принятие множества точек зрения, то таким пространством неясного оказывается в XX веке искусство, а художественное образование предполагает развитие воображения и чувствительности к странностям и нарушениям логики. Но система школьных занятий искусством базируется на ценностях искусства XIX столетия, смотря на рисование и чтение как на практические дисциплины, развивающие разум и душу – научающие видеть мир определенным образом, подспудно дисциплинируя смотрящего.

В обоих рассматриваемых произведениях история развивается из допущения возможности развития иного биологического вида, обладающего мышлением и создающего цивилизацию, подобную человеческой, как в первом случае, и использования технологии клонирования людей после Второй мировой войны для создания особой группы существ – доноров, которым отказано в праве распоряжаться своей жизнью, смертью и своим телом, как во втором романе. Хотя романы написаны в разное время и стали реакцией на разные политические реалии, одной из основных представленных целей работы учебно-воспитательных учреждений в данных текстах оказывается определение границы между человеком и другими существами и утверждение этой границы. Наиболее значимую роль играют уроки, знакомящие учеников с опытом искусства.

Карел Чапек писал роман – политическую сатиру, и образ саламандры по ходу повествования изменялся. Попытки воспитать саламандр направлены на существ, что понимаются как другие, отличные от людей (позже саламандра станет уже аллегорическим образом фашистского бунта). В романе саламандры создают цивилизацию, подобную человеческой, обнаружив возможности эволюции, основанные на мышлении, речи, усвоении человеческой культуры (язык, подражание мировоззрению и т. п.) и созидательной деятельности. Люди используют саламандр как рабскую рабочую силу, но и сами перенимают некоторые черты культуры саламандр; и по типу иных освободительных движений начинается движение в поддержку прав саламандр. Людьями проводятся разного рода эксперименты, ставящие вопрос о душе саламандр и об их правовом и гражданском статусе.

Во второй главе второй книги романа «По ступеням цивилизации (История саламандр)» рассказывается о нескольких этапах образовательных стратегий в отношении саламандр. В начале появились саламандровы фермы, дающие одностороннее профессиональное образование: саламандры осваивали язык команд, маршировку и практику подводных работ. На втором этапе некая Луизы Циммерман, директор пансиона для девиц в Лозанне, сформулировала «Саламандров Вопрос» как ряд лозунгов: «Дайте саламандрам систематическое школьное образование!», «Чтобы сохранить культуру, надо сделать ее всеобщим достоянием». В гимназии для саламандр изучали французский язык, литературу, риторику, манеры, математику и историю культуры; позже появились и другие программы, например: изучение музыки, диетической кухни и рукоделий. Задачами педагогов стали разъяснение границ между саламандрами и людьями и внушение саламандрам моральных норм людья (особенно показательны «случай в бассейне» и отношение к лунным танцам).

Чапек показал переход от профессионального образования, позволяющего усвоить рабочие навыки, к подобному человеческому образованию с изучением литературы и истории культуры, образованию, которое базируется на идеях культурной ассимиляции иммигрантов, и тем самым – сглаживании конфликтов в межкультурной борьбе, и должно направить саламандр от их обычаев, природных склонностей к нормам поведения, приемлемым для людья. Таковы в целом отношения европейской культурно-педагогической традиции к иным, другим культурам. Успехи в образовании поставили вопрос о гражданских правах саламандр, в которых саламандрам было отказано. Тем

не менее, Чапек рисует для читателя благодарных саламандр, с нежностью вспоминающих детские годы учения в гимназиях и чтение классиков французской литературы.

Фабула романа Кадзио Исигуро необычна. Клонированные люди с детства знают о своей миссии – быть донорами и пережить несколько выемок органов. Кэти Ш., тридцати одного года, работает помощником доноров, готовится сама стать донором и пытается прояснить для себя отношения со своими самыми близкими, но уже умершими, людьми: подругой Рут и возлюбленным Томми, постоянно возвращаясь к детскому опыту, к жизни в закрытой школе Хейлшем. Роман не строится на типичном для такого рода фантастических романов мотиве бунта, борьбы за право жить и самому полагать себе цели. Как и в других произведениях Исигуро, важнейшей оказывается тема памяти и примирения с судьбой. Но если ранее, например в романе «Остаток дня» (1989), героем был пусть и слуга, но свободный, распоряжающийся своим телом человек, который соотносил свои ожидания, достижения и ошибки, то в «Не покидай меня» до конца принять свою судьбу должен человек несвободный, зависимый и сведенный к полезному телу.

Героиню не отпускают воспоминания о детстве и юности, тот опыт, что задал чувство долга, определил ожидания от жизни. Клонированные люди знают о своей судьбе, не испытывая страха смерти, но страстно желая счастья, отсрочки от операций, чтобы побыть счастливыми (такое поведение доноров кажется само по себе даже более фантастическим, чем описанная ситуация – клонирование людей ради получения органов). Как думают герои романа, помочь в этом могут занятия искусством, которым в школе уделялось огромное внимание («Как к тебе относились в Хейлшеме, насколько тебя любили и уважали – это во многом определялось твоими достижениями в «творчестве» [2, с. 11]). Уроки и неформальные разговоры с педагогами, пойманные во взгляде педагогов страх и брезгливость, детские шутки про выемки органов, разочарования в поисках «возможного «я» (с которого «сделан клон») – герои узнают о себе достаточно, но очень мало – о самой школе и принципах ее работы. На вопрос, зачем такое изоцированное образование для тех, кто не может распоряжаться своей жизнью и легко превращается в «медицинский материал», руководитель закрытой уже школы Хейлшем говорит, что сама эта школа была экспериментальным прогрессивным учреждением, стремившимся улучшить условия выращивания доноров. Как рассказывает мисс Эмили:

«Мы потому забирали ваши работы [рисунки и другие произведения], что они, как мы надеялись, должны были выявить ваши души. Или, точнее говоря, *доказать, что у вас есть души*. <...> Самое важное – мы показали миру, что, если воспитанники растут в гуманной и цивилизованной обстановке, они способны стать такими же восприимчивыми и разумными, как любые обычные люди» [2, с. 147–148]. Предлагаемая педагогическая система предполагала формирование субъективного сознания у воспитанников, в то же время отказывая им в праве полагать для себя цели, выбирать жизненный путь. Исигуро показывает, что ограниченность в правах оказывается основой субъективности, если формируется вовлеченность в мир искусства и творчества, которая компенсирует неравенство в правах, создавая ощущение автономии душевной и духовной жизни.

Достижением описанной в романе гуманной педагогики становится, по словам педагога, яркий опыт детства: «... мы сумели вам кое-что дать, чего даже сейчас никто на свете у вас не отнимет, и сумели мы это прежде всего потому, что предоставляли вам *укрытие*». [2, с. 152]. Школа, как ее представляют педагогики в романе, может дать убежище – убежище в детство, воспоминания, с которыми не страшно жить и умирать. Действительно, еще в самом начале романа Кэти сообщает читателям, что воспитанники Хейлшема были на особом счету, и рассказывает об одном доноре, который спрашивал о Хейлшеме так, чтобы потом вспоминать о нем, как если бы он сам там вырос, «*вспомнить* его, точно свое собственное детство» [2, с. 5]. Иллюзия, что героям принадлежит детство, должна утешать их в том, что им отказано в будущем. Исигуро представляет случай, пусть и не до конца убедительно прописанный, детализированный, когда в рамках тоталитарной власти (каковой оказывается для доноров власть людей) возможно формирование субъекта через утверждение его в счастливом опыте детства, без унижений и без обещаний, которые таит в себе культурная ассимиляция. Представленная Исигуро педагогическая система оказывается более эффективной, чем описанная Чапеком.

Героев Исигуро и саламандр Чапека роднит статус, который им дает человеческое общество и который лучше всего выразить словами бургомистра из пьесы Евгения Шварца «Дракон»: «Я достал рыбу, которая создана для того, чтобы ее ели. Она смеется от радости, когда ее варят, и сама сообщает повару, когда готова». И в целом, герои соглашаются с данным им статусом. Система образования показана как подчиненная господствующей политической системе, не обладающая

силой менять общество принципиально, не транслировать, а определять ценности общества. Педагогика, как ее представляют в рассмотренных романах, сама по себе предлагает только некоторые самодостаточные, ориентированные на детство технологии, опираясь и не противореча принципиальным политическим решениям о долге и возможностях поработанных существ в том обществе, что придумывают писатели.

Литература

1. Чапек, К. Война с саламандрами / Карел Чапек; перевод с чешского А. Гуровича; предисл. и прим. О. Малевича. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1960. 279 с. : ил.
2. Исигуро, К. Не отпускай меня: роман / Кадзуо Исигуро; перевод с англ. Л. Мотылева // Иностранная литература. 2006. №7. С. 3–164.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА СРЕДСТВАМИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

М.Л. Ткачева, Иркутск, Россия

Использование художественного творчества в междисциплинарных исследованиях вызывает определенное затруднение: произведение искусства единично, индивидуально. В то же время, оно само есть обобщение, которое разворачивается в двух направлениях: как использование уже существующего в художественном сознании наличного материала и как создание общезначимых смыслов, становящихся источником для будущих художественных образов. Произведения изобразительного искусства рассматриваются в общехудожественном и общекультурном контексте: в художественно-культурном пространстве XX в. взаимодействуют литература, музыка, живопись и историческая рефлексия, а также творчество профессиональное и непрофессиональное.

Расширение границ исторической памяти в художественном мышлении XX в., являясь оборотной стороной невиданного доселе размаха новаторства, обострили ощущение двуплановости мира, который мы видим и – одновременно – размышляем о нем. В сознании художника выявляются два потока: зримое и подразумеваемое, порождаемые представлением о мире, в котором поле культуры связывает вещи и делает их своеобразными символами, метафорами, таящими прошлое и настоящее одновременно.

Обвал культурных инноваций прошедшего века вызвал и противоположную тенденцию – тяготение к традиции, устойчивому, простому и привычному сочетанию смыслов, к быту, обыденности, повседневности, несущих отпечаток его материального и духовного существования.

Таким образом, поле исследования очерчивается не по видовым или стилевым признакам, а по характеру обобщения образа человека и способу бытия художественного предмета в системе культуры. Для автора «крайними» феноменами в современном искусстве стали Намдаков и Хадеев. Их полярность обозначает, в первую очередь, их статус: Намдаков – востребованный, весьма известный и дорогой художник, скульптор и ювелир; Хадеев – почти неизвестный архитектор, самодеятельный поэт и художник-любитель. Внешне противоположные, они обозначают крайности социального бытия современного искусства, ориентированного на продаваемость (первый случай) или абсолютное бескорыстие (второй случай). В первом случае перед нами оригинальный художник, не пренебрегающий возможностью тиражирования своих изобретений (ибо только так и возможны сегодня известность и искусство вообще). Второй случай включает те формы художественной деятельности, которая была предпринята самим человеком без оглядки на правила и руководства деятельности, ориентированной на выставочные, музейные, академические проекты и одобрение искусствоведов. Художник-любитель – это человек, который стремится «все делать сам», по внутреннему импульсу. Большинство таких художников считает занятия творчеством средством сохранения целостности собственной личности; для них художественный опыт – прежде всего опыт экзистенциальный, который переживается отнюдь не по законам искусства и противится любому тиражированию.

Сегодня чрезвычайно велика мода на этнографию, нечто невиданное и экзотическое. Возрастание интереса к предметам культуры, чуждой для Европы, стало буквально «маркой» XX и XXI века. Этнографические элементы, связанные с непривычным образом жизни, ее трудностями, специфическими приметами этнических особенностей и типов, привлекают все большее внимание. Но конвергенция, которая представляется как сближение путей Африки и Европы, Запада и Востока, происходит и в плоскости пространственной, и «возрастной», исторической. Художники конструируют свой собственный мир, свободно путешествуя во времени и пространстве, используя архаические, символические и родовые образы, всплывающие в воображении.

Последние проекты Намдакова («Вселенная кочевника», «Монгол») соотносят сегодняшний день с культовым национальным прошлым. Идея проекта «Вселенная кочевника» состояла в совмещении скульптур и археологических материалов, то есть в создании для скульптур именно того культурного окружения, в контексте которого их смыслы будут прочитываться наиболее адекватно. Вселенная – глобальное явление, охватывающее всё без исключения, явление целостное и законченное. Поэтому, воспринимая ее краешек, отдельные предметы, зритель мысленно может объединять их, реконструировать ее гармонию. Предметы экспозиции создают атмосферу подлинности и представляют самостоятельную ценность, одновременно являясь своеобразным пьедесталом для собственных работ мастера. Название ассоциативно связывает нас с достижениями кочевых народов и, конечно, в первую очередь – с образом и славой «человека второго тысячелетия», Чингисхана. Протягивается ниточка к уже устоявшемуся, признанному авторитету, обретшему мировую известность. Так происходит конструирование системы сигналов, устанавливающих традицию и указывающих, в каком именно ключе произведения скульптора должны быть прочитаны. Скульптор обращается к истории, но не в привычной форме повествования, а в образах; как художник он ищет «историю сейчас». Тот факт, что где-то время остановилось, его не смущает, а вдохновляет: это значит, что есть нечто незыблемое. Реальность прошлого удостоверена данностью материальных, плотных, весомых предметов, пришедших из Богом забытых мест и эпох. Его связь с настоящим подтверждается положительным чувством, с каким мы их воспринимаем. Создавая новые ценности в традиционных формах, Намдаков творит связи с далеким прошлым, и они становятся реальностью для современного сознания. Сегодня стало привычным говорить и писать вслед за Юнгом, что «художественное произведение надо рассматривать как образотворчество, свободно распоряжающееся всеми своими исходными условиями». Но в любом акте творения видны «следы прошлого», и человеку «кажется, что он плывет, тогда как его уносит невидимое течение». В скульптурах, графике и украшениях Даши прорывается надличностная сила, рождающая странные образы и формы, ускользающие от четкой работы мысли. Возможно, причина их популярности коренится не только в совершенстве формы и отделки, но и в органичной, не видимой с первого взгляда, традиционности. Усилием воли древний человек создавал из хаоса и угроз мира форму, красоту, мудрость, соединял разные

смыслы и явления, которые по логике «разумного», современного мира должны быть обособлены. Закостеневшая структура жестких оппозиций, утверждения и отрицания, добра и угрозы прорывается стихией архаического бессознательного, превращаясь в нечто текучее и двусмысленное. В его мире нет неодушевленных предметов или сил; его пространство нестабильно, трансформируется на глазах. Баланс на грани зооморфных форм, столь любимый Намдаковым, сродни мифу и совершенно очевидно коррелирует с сюрреалистическими экспериментами, основной мотив которых – превращение, промежуточные формы жизни, двусмысленность и неразличимость явлений. От его работ веет опасностью, скрытой за оболочкой прирученной красоты стихийной угрозой. Здесь не изжиты, но облагорожены тревога и смерть, некая почти первобытная ментальность, специфические особенности родоплеменного мировосприятия, психологии, концепции человека и общества.

Последние полотна и тексты Хадеева оживляют личные воспоминания и события прошлого недавнего, конструируя коллективистские формы как идеальное состояние жизни. Любопытна эволюция его творческой манеры: от насыщенного формального поиска в начале занятий живописью ко все более «наивным» приемам конструирования композиции в последние годы, элиминации пейзажа, увеличения лапидарности и «этничности» портретов. Главной темой становятся «праздники»: свадьбы, концерты, дружеские застолья и даже сбор картошки... Жизнь, увиденная сквозь призму всплеска положительных чувств, высшего единения людей, когда они своими усилиями восстанавливают утраченную цельность и гармонию мира. Эти полотна отличаются особой законченностью, «закольцованностью» композиции. Она создается разнообразными средствами: то над праздничным столом раскинут полог юрты, то верхнюю границу пространства обозначает крыша (почти что «крыша мира»), то персонажей высвечивает полусфера заходящего солнца. Обобщенный, космический образ мира совмещается с любовью автора к подробностям: конкретным вещам, жестам, узнаваемым ситуациям. Многофигурные композиции тяготеют к визуальной мифологии, присутствующей в любительской живописи. В текстах книг тоже странно сочетаются поэтическая форма, предполагающая лиризм и краткость, с развернутым повествованием, требующим от литератора «длинного дыхания»: незначительному по времени эпизоду отдается много страниц, а несколько лет жизни могут уместиться в две-три строчки. «Выводя наружу» свой внутренний

мир, художник утверждает свою индивидуальность и значимость. Именно поэтому картины и другие работы становятся «как дети», с которыми невозможно расстаться – ведь это означает утрату части себя.

При этом и Намдаков, и Хадеев воспроизводят традиционные формы социальности, которые восстанавливают родовые связи, используя национальный колорит как ресурс конструируемых художественных смыслов. История своего народа, семьи становится еще одной ощутимой опорой для внутренней автономии, устойчивости в сложных перипетиях жизни. Совершенно очевиден интерес и к прошлому семьи, и к этническим корням, которые воспринимаются как копилка, ресурс для поисков. Образы, визуализированные в картинах, скульптурах и кинокадрах, обладают гораздо более мощным потенциалом суггестии, чем факты жизни, которые их породили. Намдаков связывает свои художественные поиски с незыблемостью исторического прошлого, которое можно найти в сегодняшнем мире. Хадеев апеллирует к коллективистским формам жизни как идеальному состоянию жизни человека.

Бытие современного искусства парадоксально в том смысле, что произведения и художники, считавшиеся ранее элитарными, ориентированными на изысканный вкус профессионалов, вдруг приобрели «широкую популярность в узких кругах», обеспечивающую им известность и безбедное существование. «Продаваемость» же искусства стала индексом общепризнанности, общепонятности и обыкновенности, удаляя от формально-художественного поиска. Собственно внутрихудожественная элитарность перекечевала на противоположный полюс, туда, где никого не поддерживают, каждый «варится» в своем опыте и своих переживаниях – на полюс самодеятельного андеграундного искусства.

Мастерство современного художника во многом заключается не только и не столько в формальных качествах его творчества, а в том, насколько мощный миф он вокруг себя создает. Способность создавать вокруг себя миф (то есть систему общезначимых смыслов, к которым все обращаются, все ими одинаково пользуются и их понимают), который организует вокруг себя частичку социального пространства – вот «место разлуки» наших героев. Вокруг Намдакова миф уже сконструирован, во многом именно благодаря подчеркнутой этничности его биографии и множеству мелких деталей: жизнь на Байкале, болезнь и предсказание смерти, перерождение по закону кармы, родовые божеества и чудесное выздоровление... Вряд ли наш второй герой удостоится

такой же чести из-за «недостатка настоящей мифологичности» в его биографии и творчестве.

Два художника полярно противоположны по формам их бытия в художественном поле, качеству символического капитала и известности. Но для обоих архаизация сознания становится важной действующей причиной для переконструирования кодов культуры, в которых архетипические элементы выполняют системообразующую функцию.

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

Г.А. Филиппова, Томск, Россия

Здоровье – это естественная, абсолютная и непреходящая жизненная ценность. Состояние здоровья сказывается на всех сферах жизни людей.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, здоровье – это состояние полного физического, духовного, социального благополучия, а не только отсутствие болезни и физических дефектов [1].

В целом учение о здоровье имеет глобальное значение и по своей практической значимости и актуальности считается одной из сложных проблем современной науки, именно поэтому не так просто дать ему исчерпывающее определение.

П.И. Калью проанализировал и классифицировал 79 определений здоровья человека, сформулированные представителями различных научных дисциплин и обращает внимание на одно принципиальное обстоятельство – в определении понятия здоровья одни авторы трактуют только его состояние, другие динамический процесс, а третьи вовсе обходят этот вопрос стороной [2].

Таким образом, здоровье рассматривается, как интегративная характеристика личности, охватывающая как ее внутренний мир, так и все своеобразие взаимоотношений с окружающим, включающая в себя физический, психический, социальный, духовный аспекты [2]; как состояние равновесия, баланса между адаптационными возможностями человека и постоянно меняющимися условиями среды [2].

В настоящее время все больше возрастает интерес людей к сохранению своего физического здоровья, продлению собственной жизни, забывая о других аспектах здоровья, недооценивая возможно главного фактора, базовой составляющей физического здоровья – здоровье психическое.

В большинстве теорий личности, выдающиеся психологи разных направлений рассматривали вопрос психического здоровья. З. Фрейд считал, что психически здоровый человек – это тот, кто способен согласовать принцип удовольствия с принципом реальности [3]. По К.Юнгу здоровым может быть человек, ассимилировавший содержание своего бессознательного и свободный от захвата каким либо архетипом [3]. С точки зрения В. Райха невротические и психосоматические нарушения трактуются, как следствие застоя биологической энергии. Следовательно, здоровое состояние характеризуется свободным протеканием энергии [3].

Современное понимание определения психического здоровья сводится к следующему. Психическое здоровье – это состояние душевного благополучия, которое характеризуется, отсутствием болезненных психических проявлений, обеспечивающее регуляцию поведения адекватным условиям окружающей среды [4].

Наряду с понятием психического здоровья стоит определение здоровья психологического. Появление данного термина в науке связано с приоритетом гуманистических ценностей в современном обществе и объединяет имена таких исследователей как К. Роджерс, Г. Олпорт и А. Маслоу. Состояние психологического здоровья характеризует процесс и результат нормального развития субъективной реальности в пределах индивидуальной жизни; максима психологического здоровья есть единство, полнота цельность жизнеспособности и человечности индивида [4].

Четкой границы между двумя понятиями нет, они находятся в тесной связи, и все вопросы психического здоровья связывают с личностным контекстом, в рамках которого человек предстает как психическое целое на психологическом уровне [4].

Варианты определения психического здоровья содержат указания на 4 группы индикаторов:

1. Отражающих характер выполнения человеком требований, принятых на себя социальных ролей;
2. Утверждающих наличие состояния субъективного благополучия;
3. Свидетельствующих о наличии необходимого уровня компетенции и самоактуализации;
4. Подтверждающих отсутствие психических нарушений, заимствованных из психиатрической практики [1].

Психическое здоровье не постоянно. Оно зависит от самого человека, от его образа жизни, мировосприятия. Оно не исключает

наличие тревоги, растерянности, сомнений, заблуждений, конфликтов и кризисов. Душевное не благополучие часто заявляет о себе знаками телесных болезней: различными подчас не объяснимыми болями, снижением иммунитета с частыми простудами. Иногда душевное страдание приобретает форму вполне определенных болезней: нейродермит, бронхиальная астма, язва желудка, мигрень, депрессия, так называемые психосоматические заболевания, являющиеся «маской» душевных страданий, мешающие человеку полноценно существовать [5].

Именно по этому развитие гуманистической психологии привело к тому, что для выживания и нормального развития цивилизации в целом назрела необходимость создания условий для саморазвития и самосовершенствования человека с целью формирования его психического и психологического благополучия. Проблема же состоит в том, чтобы найти такой способ бытия человека, который конструировал, т.е. создавал бы психическое благополучие человека и выводил данный вид здоровья на психологический уровень.

Следовательно, как способ конструирования психического здоровья личности предлагаем рассмотреть самоактуализацию А. Маслоу.

Самоактуализация представляет собой постоянный процесс развития потенциальностей, заложенных в человеке; талантов, способностей, возможностей реализующихся через личностный рост на протяжении всей жизни [6].

Актуализироваться, значит, становится реальным, существовать фактически, а не только в потенциальности. Под самостью же Маслоу понимает сердцевину, или эссенциальную природу индивидуума, включая темперамент, уникальные вкусы и ценности [6].

Самоактуализация не является конечным состоянием совершенства и каждый человек должен сознательно выбирать собственный путь самосовершенствования стремясь стать тем, кем он может быть в жизни [6].

В книге «Дальние достижения человеческой психики» [6] А. Маслоу описывает 8 основных путей поведения, ведущих к самоактуализации:

1. Жить экзистенциально, непринужденно наслаждаясь каждым моментом в жизни и полностью участвуя в ней..
2. Мыслить жизнь как процесс выборов и в каждом выборе решать в пользу роста. Людям часто приходится выбирать между ростом и безопасностью, прогрессом и регрессом. Каждый выбор имеет свои позитивные и негативные аспекты. Выбирать безопасное, значит оставаться при навязанном и знакомом. Выбирать рост – открыть себя новому, неожиданному опыту.

3. Иметь независимое мнение от других точек зрения [6].
4. Быть честным и принимать ответственность за свои действия. А.Маслоу рекомендует искать ответы внутри, не позировать, не стараться хорошо выглядеть или удовлетворять своими ответами других. Каждый раз, когда мы ищем ответы внутри, мы соприкасаемся со своей внутренней самостью.
5. Учиться доверять своим суждениям и собственным инстинктам, и действовать в соответствии с ними. Маслоу А. полагает, что это ведет к лучшим выборам в искусстве, музыке, пище, а также в таких проблемах жизни, как брак и профессия.
6. Уметь использовать свой разум и способности. Многие одаренные люди не смогли полностью использовать свои способности, другие же, может быть, со средним талантом, сделали невероятно много.
7. Не игнорировать «Пик-переживания», моменты «пика», когда мы наиболее целостны, больше осознаем себя и мир. В такие моменты мы думаем, действуем и чувствуем более, ясно и точно. Мы больше любим и в большей степени принимаем других, более свободны от внутреннего конфликта и тревожности, более способны конструктивно использовать нашу энергию.
8. Обнаруживать и избавляться от своих «защит». Эта работа ведет к осознанию того, как мы искажаем образ себя и образы внешнего мира по средствам репрессий, проекций и других механизмов защиты [6].

Данные пути самоактуализации подразумевают длительность, постоянную вовлеченность в работу роста и развития самого себя до максимально возможного. А стремление к высоким целям само по себе указывает на психическое здоровье.

Самоактуализирующиеся личности являют собой образец психологически здоровых и максимально выражающих человеческую сущность людей.

Они разительно отличаются от большинства и характеризуются единством структуры и интеграцией всех частей психики.

В результате они более адекватно воспринимают действительность, свободно от актуальных потребностей, стереотипов и предрассудков; принимают себя и других такими, какие они есть; просты и естественны в поведении; автономны и независимы от окружения; психологически устойчивы под воздействием фрустрирующих факторов; демократичны в отношениях, готовы учиться у других, креативны,

достаточно критично относятся к своей культуре, выбирая из нее все самое ценное [6].

Однако, процесс самоактуализации может быть ограничен негативным влиянием прошлого опыта и возникшими в результате привычками, которые замыкают нас в непродуктивном поведении (паттерны); социальным влиянием и групповым давлением, которое часто действует против наших вкусов и суждений; внутренними защитами (эго – защиты), которые отрывают нас от самих себя [6].

Подводя итог всему сказанному выше можно сделать следующие выводы: самоактуализирующаяся личность сама определяет свое бытие, тем самым определяет цели в жизни и пути достижения данных целей; сознательно принимает социальные роли, имеет собственные критерии субъективного благополучия, заботится об уровне компетентности и следит за минимальными проявлениями психического не здоровья.

Таким образом, по средствам путей достижения самоактуализации, человек конструирует в себе основные черты психически здоровой личности.

Литература

1. Куликов Л.В. Здоровье и субъективное благополучие личности // Психология здоровья / Ред. Г.С. Никифоров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
2. Калью П.И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. М., 1988.
3. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. СПб.: Питер, 2000.
4. Никифоров Г.С. Психология здоровья: Учебник для ВУЗов. СПб., 2003.
5. Дробинская А. «Счастливый билет» в будущее // Журнал «здоровье дошкольника». 2008. № 1.
6. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

О.В. Хлебникова, Омск, Россия

Всякая культура, по существу самого данного феномена, определенным образом программирует поведение собственных носителей, в том числе это касается и их интеллектуального поведения. В пределах настоящей работы предметом нашего рассмотрения станут стратегии интеллектуального действия, характерные для современной массовой культуры. На наш взгляд, может быть выделено две таких глобальных стратегии: во-первых, стратегия «успешного» человека, а, во-вторых,

стратегия «аутсайдера» (названия условны и связаны, прежде всего, с социальными последствиями для субъекта мышления реализации той или иной принципиальной интеллектуальной программы).

Договоримся сразу, что под «интеллектуальной стратегией», в самом общем виде, мы будем подразумевать некий *архитектонический* проект, нацеленный на конституирование смысла как такового, смысла вообще. Подобное конституирование естественным манером связано с манипулированием правилами некоторой «грамматики» мысли. В свою очередь, понятие такой «грамматики» следует истолковывать как «артикулированное выражение индивидуальных и социальных процессов, представленное в форме визуализации не визуальных по сути функций и отношений» [1]. По большому счету, речь здесь идет о своеобразной совокупности правил, предписывающих мышлению в целом некоторую размерность.

Исследуем вначале положения той основополагающей «грамматики» мысли, которая структурирует когнитивное пространство современной массовой культуры. К ним можно отнести следующие тезисы:

1) всякая мыслительная процедура сейчас опирается (вне зависимости от уровня осознания нами данного обстоятельства) на положение о множественности вероятных онтологических распределений мира. Суть дела состоит в необходимости для по-настоящему «грамотного» интеллекта постоянно удерживать представление об этой множественности в мысли, *внутри* акта мысли;

2) ни один вид дискурса не функционирует сейчас в «чистой» форме [2]. Термины, обороты речи и риторические фигуры, ранее свойственные какому-то конкретному виду, теперь могут быть встречены и за его пределами (это «смещение» дискурсов можно увидеть, например, в некоторых современных *вроде бы* философских произведениях [3], либо в ряде *как будто* художественных текстов [4]). Следовательно, в наши дни «грамотное» мышление всегда имеет дело с определенным *перформансом* дискурсов;

3) любой современный мыслитель постоянно словно бы находится перед лицом *неизбежности* некоторых интеллектуальных выборов (по причине всего сказанного выше). Причем, основой данных выборов в рамках массовой культуры является процедура потребления, в том числе потребления информации, знания, жизненных смыслов и проч. То есть сейчас вообще мышление следует рассматривать в качестве своеобразной *лотереи* мыслимого [5];

4) всякий акт мысли в пределах массовой культуры является, в некотором отношении, актом своеобразной игры, направленной, помимо прочего, на релаксацию субъекта мышления. В целом, существо этой игры заключается в определенном *искусстве* манипулирования цитатами, интеллектуальными конструкциями, понятиями, риторическими фигурами и т. п.;

5) в рамках массовой культуры любая «грамотная» интеллектуальная активность всегда связана с *алгоритмом* стремления к преодолению воздействия на мышление любых алгоритмов для достижения состояния интеллектуальной нейтральности. В этом же направлении работает и свойственная современности боязнь когнитивного плагиата, весьма ощутимо подкрепленная наличием соответствующего законодательства.

Обе упомянутые ранее интеллектуальные стратегии конституируют смыслы с помощью данных правил «грамотного» мышления. Однако сама возможность выделения подобных стратегий связана с фактом вероятного существования различных *стилей превращения* «грамматик» интеллектуального действия в целом. И то обстоятельство, что в массовой культуре мы имеем дело всего с двумя такими стилями (противоположными по смыслу), связано с ее общей тоталитарностью. Эта тоталитарность сводится к тому, что сейчас любые формы протеста, в том числе и протеста интеллектуального, возможны только в тех пределах, которые разрешены самой структурой информационного пространства массовой культуры. Суть в том, что это пространство, в принципе, не допускает каких-либо произвольных форм протеста, то есть делает *невозможным* любое *непредсказуемое* негативное движение. В связи с последним рассуждением будет не лишним обратиться к высказыванию по поводу нынешней культурной ситуации, сделанному в одном из интервью А. Ю. Ашкеровым: «Это верная примета деградации: для того, чтобы идентифицировать себя, ты вынужден пользоваться готовыми полуфабрикатами идентичностей. Если сопротивление подобной тенденции может иметь статус позиции, я бы связал свою деятельность с таким сопротивлением. Проблема, однако, именно в том, что возможность подобной позиции – я бы назвал ее *позицией исследователя* – лимитирована исчезновением всей политической топологии в прежнем понимании... Единственно возможными становятся невероятные прежде подходы и роли, при этом невероятное теряет свой прежний статус, превращаясь в достояние обыденности» [6].

Таким образом, суть дела заключается в исчезновении из современного общества неких неявных структур, которые позволяли бы человеку *разместить себя* по отношению к этому обществу в какие-либо *невероятные* критические когнитивные позиции.

Обратимся, наконец, к исследованию господствующей ныне интеллектуальной стратегии, стратегии «успешного» человека. Прежде всего, следует помнить о том, что одним из основных свойств существующего ныне массового общества, свойств, определяющих, помимо прочего, и любую интеллектуальную активность, является глобальная ориентация на своего рода регулярность и, в этом смысле, на ригоризм. Следовательно, в рамках такого общества негласное нормативное представление о возможной деятельности интеллекта предписывает ей необходимость быть адекватной по отношению к мнению большинства (в том числе, быть «модной») и, в то же время, быть прозрачной для вероятного понимания (в том числе, быть «простой»). Таким образом, заключаем, что одной из базовых стратегических установок современного общества в сфере интеллекта является *установка на «модность» и «простоту»*.

Еще одной значимой в интересующем нас смысле характеристикой современной массовой культуры является общая ориентация на запрет каких-либо допущений о наличии *трансцендентных* репрессивных, контролирующих инстанций. В отношении деятельности интеллекта данный запрет, кроме прочего, означает рассмотрение мышления самого по себе не как источника возможного обнаружения истины (ведь истина *в своем качестве* всегда, так или иначе, легитимизируется трансцендентным образом), а как своеобразного товарного производства, где под видом товара выступают различные идеи и теории (об этом «конце трансцендентного» писали, например, Г. Маркузе и Ж. Бодрийяр [7]). Следовательно, можно видеть, что одним из принципов современной мыслительной стратегии является принцип прагматической оправданности (то есть *рентабельности*) идей.

Кроме прочего, одним из базовых свойств существующей массовой культуры является также ее мифологизированность. Под самим термином «миф» в данном случае понимается некоторая информационная структура, постоянно превращающая смысл в голую форму, некое «похищенное и возвращенное слово», которое возвращается всегда «уже не совсем таким, каким было похищено» [8, с. 251]. Таким образом, говоря о мифологизированности современной культуры, мы имеем в виду ее принципиальную основанность на семиологических

(а не на фактических!) системах, преобразовывающих «историю в природу» [8, с. 255]. В отношении деятельности интеллекта указанное обстоятельство приводит, с одной стороны, к требованию демонстрации высокого уровня *наглядности* мыслимого, а, с другой стороны, к ориентации на превосходную степень воплощения во всякой мысли структуры *детективной* интриги (эти последствия связаны с экстериоризирующим характером мифа). Следовательно, еще одним крайне важным положением современной интеллектуальной стратегии выступает положение о необходимости наглядных спектаклей и завлекающих маневров.

И, наконец, следует сказать, что современная массовая культура опирается на представление о любом *предельно абстрагирующем* интеллектуальном действии как о поступке, в каком-то смысле, избыточном и уж, во всяком случае, всегда социально менее значимом по сравнению с перспективами, очерченными утилитарно целесообразной активностью психики. Любое *чисто* интеллектуальное движение рассматривается сейчас в качестве события, вторичного в отношении события демонстрации социальной состоятельности личности. И, таким образом, необходимо заключить, что одной из установок господствующей ныне мыслительной стратегии является установка на подчинение «воли» интеллекта характеристикам той или иной «внешней», общественной роли (либо функции) субъекта.

В целом, реализация настоящей когнитивной стратегии обеспечивает субъекту мышления определенное адекватное место в общей социальной иерархии.

Если же посмотреть на интеллектуальную стратегию «аутсайдера», то ее основные характеристики сводятся к некоторым положениям, чей статус *всегда заранее* (в соответствии со сказанным чуть выше) квалифицируется в рамках массовой культуры как «протестный», «критический». Такими положениями, с очевидностью, являются ориентации на своего рода одиночество-в-медитации, «сложность», прямую прагматическую бесполезность конечного продукта, неуклонное следование интеллектуальному «долгу» и непоколебимую верность принципам когнитивной «совести». Предельным воплощением подобных ориентаций, безусловно, является философия. Таким образом, можно сказать, что именно философский стиль когнитивного поведения массовая культура изначально предопределила для людей, склонных (перефразируя М. Хайдеггера [9]) к «мышлению в провинции», что философия сейчас выступает в качестве одного из социальных инструментов усреднения аутсайдеров.

Литература

1. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. Киев: Ника-Центр, Эльга, Издательский дом Дмитрия Бурого, 2003. С. 35.
2. Кристева Ю. Разрушение поэтики // Кристева Ю. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2004. С. 38–39.
3. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem, 2002; Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Минск: Современный литератор, 1999 и др.
4. Гордер Ю. Мир Софии: Роман об истории философии. СПб.: Амфора, 2007.
5. Сравнить с: Кларк Д. Б. Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3–4. С. 55; Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 296.
6. Ашкерев А. Ю. Нация – это постоянный флэш – моб... // Кто сегодня делает философию в России. Т. 1. М.: Поколение, 2007. С. 18.
7. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. С. 239–241; Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 406–432.
8. Барт Р. Мифологии. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004.
9. См.: Хайдеггер М. Творческий ландшафт: Почему мы остаемся в провинции? // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Издательство «Гнозис», 1993. С. 218–221.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- А**
Абушаева М.Э. I, 1, 161
Алексеева Л.Ф. I, 2, 215
Ананова Л.В. I, 1, 169
Андриенко А.В. I, 2, 229
Ануфриев С.И. I, 1, 174
Апресян Р.Г. I, 1, 5
Атрашенко А.Н. I, 2, 83
Афанасьева А.А. I, 2, 89
- Б**
Бабенко И.И. I, 1, 178
Бланк Т.П. I, 2, 158
Борзых С.В. I, 1, 243; 2, 5
Бохан Р.Х. I, 2, 94
Булатов Д.Х. I, 1, 15
Бухонин И.И. I, 1, 83
Быстрова А.Н. I, 1, 88, 183
Быстрова А.Н. I, 2, 46
- В**
Видгоф В.М. I, 2, 9
Вознесенская М.В. I, 1, 93
Воронцов П.Г. I, 2, 99
Востриков А.А. I, 2, 104, 109
- Г**
Гальцов И.О. I, 2, 238
Глухов Г.Ф. I, 2, 14
Голосуцкая Г.Е. I, 2, 133
Гонцова Ю.В. I, 2, 241
Горбулёва М.С. I, 2, 18
Гребенникова Е.В. I, 2, 247
Гужавина О.Б. I, 1, 219
Гуткевич Е.В. I, 1, 96
- Д**
Дрёмов Г.Д. I, 1, 105
Дудина Е.Н. I, 2, 129
- Е**
Ерохин А.К. I, 2, 252
Ерохина Р.К. I, 2, 133
- Ж**
Жбиковская О.А. I, 1, 110
Жукова Е.А. I, 1, 115
- И**
Иванова Н.М. I, 2, 241
Ивашкин С.Н. I, 2, 55
Иткин Б.А. I, 2, 257
Иценко И.А. I, 2, 137
- К**
Кабрин В.И. I, 2, 264
Кальмаева Е.Н. I, 1, 187
Карауш И.С. I, 1, 126
Карманова А.С. I, 2, 229
Кириленко Е.И. I, 2, 21
Кнэخت Н.П. I, 2, 30
Ковалевская Е.А. I, 1, 280
Козырева О.А. I, 2, 141
Коломиец О.И. I, 2, 35
Кондрашин И.И. I, 1, 191
Кононова М.Е. I, 2, 267
Копытов А.Д. I, 1, 196
Копытов М.А. I, 2, 146
Котиков О.А. I, 2, 270
Красиков В.И. I, 2, 38
Красов А.М. I, 1, 105
Куприянова И.Е. I, 1, 130
Кучерявенко С.В. I, 1, 88
Кучинский А.А. I, 2, 46
- Л**
Лапшин В.В. I, 2, 275
Лисецкий А.А. I, 2, 278
Литвинова Т.Д. I, 2, 158
Лукшина В.В. I, 2, 283
Лукьянова Н.А. I, 2, 51
- М**
Малиновская С.М. I, 1, 201
Мартишина Н.И. I, 1, 210
Матвеева О.Ю. I, 1, 215
Матыскина Н.В. I, 1, 219
Машаткина Т.В. I, 2, 167
Медникова И.С. I, 2, 150
Мелик-Гайказян И.В. I, 1, 21
Меньшикова Е.А. I, 2, 153
Мещерякова Т.В. I, 1, 83
Минченко Т.П. I, 1, 224; 2, 158
Михайлова Е.Н. I, 2, 163
Молодцова М.Д. I, 1, 229

¹ Обозначено: номер тома – римской цифрой, номер части – арабской цифрой (курсивом), номер страницы – арабской цифрой (прямой шрифт).

Н
Нардин В.Д. I, 1, 233
Насырова Р.Ф. I, 2, 293
Никольская О.Л. I, 2, 296
О
Окушова Г.А. I, 2, 176
Ошаев С.А. I, 2, 300
П
Панов С.В. I, 2, 55
Пахомов В.П. I, 2, 305
Пирогова В.П. I, 1, 241
Подгурецки Ю. I, 2, 308
Постоева В.А. I, 1, 243
Потапова В.А. I, 1, 131
Р
Ревякина В.И. I, 1, 248
Ровнякова И.В. I, 2, 181
Розин В.М. I, 1, 32, 253
Ростова Н.Н. I, 2, 58
Рыбаков А.В. I, 1, 270
С
Сагалакова О.А. I, 1, 133
Свидерский К.П. I, 1, 275
Семёнова Ю.В. I, 2, 318
Семке В.Я. I, 1, 141
Ситникова Д.Л. I, 1, 280
Соколова И.Ю. I, 2, 329
Соколовская М.В. I, 1, 286
Сороко Э.М. I, 1, 60
Сохань И.В. I, 2, 65
Стоянова И.Я. I, 2, 340

Сычева Т.Н. I, 2, 247
Т
Табидзе А.А. I, 2, 104
Тирас Х.П. I, 1, 148
Ткачева М.Л. I, 1, 291
Толмачёва С.В. I, 1, 105
Трифоновна Л.Е. I, 2, 158
Труевцев Д.В. I, 1, 133
Трухина О.Т. I, 2, 186
Ф
Фатенков А.Н. I, 2, 70
Филиппова Г.А. I, 1, 296
Фирсова О.В. I, 2, 192, 247
Х
Хлебникова О.В. I, 1, 300
Хлыстова Н.А. I, 2, 75
Христороубова Т.П. I, 2, 200
Ч
Частоколенко Я.Б. I, 2, 343
Черепанова Т.Б. I, 2, 141
Чесноков А.В. I, 2, 203
Ш
Шабанов Л.В. I, 2, 264, 353
Шадрин Е.В. I, 2, 207
Шелехов И.Л. I, 2, 305
Э
Элентух И.П. I, 1, 153
Ю
Юдин Б.Г. I, 1, 70
Я
Языков К.Г. I, 1, 161

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГ ПРОБЛЕМ

Прикладная этика: возможности благотворной экспансии <i>Р.Г. Апресян</i>	5
Технобиологическое производство искусства <i>Д.Х. Булатов</i>	15
Проблема измерения <i>И.В. Мелик-Гайказян</i>	21
Особенности конституирования действительности и человека в философии и эзотерике <i>В.М. Розин</i>	32
Мера атрибутивной гармонии в семантике идеального, «квадратного» человека Аристотеля <i>Э.М. Сороко</i>	60
Медицина, педагогика и конструирование человека <i>Б.Г. Юдин</i>	70

БИОЭТИКА И БИМЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Формирование идентичности инвалида <i>И.И. Бухонин, Т.В. Мещерякова</i>	83
Диагностическое моделирование: специфика и сущность <i>А.Н. Быстрова, С.В. Кучерявенко</i>	88
Образ тела в норме и патологии <i>М.В. Вознесенская</i>	93
Биоэтика генетических технологий психического здоровья человека <i>Е.В. Гуткевич</i>	96
Сексуальное здоровье человека: интегративный подход в решении проблемы <i>Г.Д. Дрёмов, С.В. Толмачёва, А.М. Красов</i>	105
Гендер как механизм конструирования личности <i>О.А. Жбиковская</i>	110
Человек в Hi-Tech-Art: эстетика и биоэтика <i>Е.А. Жукова</i>	115
Невротические расстройства – клинические формы и цветовые предпочтения <i>И.С. Карауш</i>	126

Превентивная психиатрия: клинические и социально-психологические парадигмы <i>И.Е. Курьянова</i>	130
Пубертатный криз: психодинамические аспекты <i>В.А. Потапова</i>	131
Конструирование человека в дискурсе психиатрии, психотерапии и психологии <i>О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев</i>	133
Клиническая персонология как основа гуманистического подхода в медицине <i>В.Я. Семке</i>	141
Право на информацию и принцип информированного согласия в биомедицинском образовании <i>Х.П. Тирас</i>	148
Проблема целостности антропологических оснований концепции «конструирования человека» <i>И.П. Элентух</i>	153
Когнитивно-экологическая проекция человека <i>К.Г. Языков, М.Э. Абушаева</i>	161

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Модель развития утопии и истоки проблемы национальной идентичности <i>Л.В. Ананова</i>	169
Педагогико-антропологические основания конструирования и самоконструирования человека <i>С.И. Ануфриев</i>	174
Формы социально-коммуникативного воздействия в текстах свадебных поздравлений <i>И.И. Бабенко</i>	178
Распознавание и формирование творческого начала личности <i>А.Н. Быстрова</i>	183
Развитие социальной активности личности ребенка <i>Е.Н. Кальмаева</i>	187
Формирование современного сознания человека <i>И.И. Кондрашин</i>	191
Философские основания современных педагогических концепций: подходы к экспертированию <i>А.Д. Копытов</i>	196

Антропонимическая компетентность как фактор возрождения этнической культуры нарымских селькупов <i>С.М. Малиновская</i>	201
Взаимоконструирование реальности и человека <i>Н.И. Мартишина</i>	210
Управление знаниями: новые требования к человеку <i>О.Ю. Матвеева</i>	215
Структура воздействий рекламы и Человек-все-покупающий <i>Н.В. Матыскина, О.Б. Гужавина</i>	219
Проблема религиоведческой культуры как составляющей гуманитарной компетентности личности <i>Т.П. Минченко</i>	224
Проблема конструирования национальной идентичности человека в мультикультурном пространстве: коммуникативный аспект <i>М.Д. Молодцова</i>	229
Динамика культуры <i>В.Д. Нардин</i>	233
Семейный фактор в формировании психического здоровья <i>В.П. Пирогова</i>	241
Конструирование человека в контексте современных антропологических и психологических теорий <i>В.А. Постоева, С.В. Борзых</i>	243
Научно-исследовательская работа как фактор интеллектуального развития человека <i>В.И. Ревякина</i>	248
Конституирование и обоснование философских и методологических систем (Аристотель, Платон, Кант, Г.П. Щедровицкий) <i>В.М. Розин</i>	253
Инновационные предвыборные технологии в современной России <i>А.В. Рыбаков</i>	270
Профессиональный опыт педагога как одно из условий его самоконструирования <i>К.П. Свидерский</i>	275
Путешествие как гуманитарная технология <i>Д.Л. Ситникова, Е.А. Ковалевский</i>	280
Ценности образования и конструирование субъекта: воспитательные мотивы в романах Карела Чапека и Кадзио Исигуро <i>М.В. Соколовская</i>	286

Конструирование образа человека средствами изобразительного искусства в постсоветской художественной культуре <i>М.Л. Ткачева</i>	291
Самоактуализация как способ конструирования психического здоровья личности <i>Г.А. Филиппова</i>	296
Интеллектуальные стратегии массовой культуры <i>О.В. Хлебникова</i>	300
Алфавитный указатель.....	306

Научное издание

**Сборник трудов
Всероссийской научной конференции
с международным участием**

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Серия: Системы и модели: границы интерпретаций

12–15 июня 2008 г.

Том 1

Часть 1

Редактор: Г.В. Белозёрова

Ответственный за выпуск: Л.В. Домбраускайте

Печать: трафаретная

Бумага: офсетная

Усл. печ. л.: 18.1

Уч. изд. л.: 17.4

Сдано в печать: 06.05.2008

Формат: 60×84/16

Заказ: 327/н

Тираж: 500 экз.

Издательство Томского государственного педагогического университета
634041, г. Томск, пр. Комсомольский, 75
Отпечатано в типографии Издательства ТГПУ,
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93
e-mail: tipograf@tspu.edu.ru